

ЮРИСТЪ- ПРАВОВЕДЪ

4 / 2025

Научно-
теоретический
и информационно-
методический журнал

**ЮРИСТ
ПРАВОВЕД**

**№ 4 (115)
2025**

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
17 октября 2017 г.

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-71313

Главный редактор:
Д.В. Тишин,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель главного редактора:
С.В. Пахомов,
д-р юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, проф.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
К.В. Вишневецкий, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Дизер, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
П.И. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
Л.В. Карнаушенко, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Коновалов, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
Р.В. Нигматуллин, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Победкин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Позднышов, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Рассолов, д-р юрид. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
С.А. Синенко, д-р юрид. наук, доц.;
Е.С. Стешич, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.;
А.К. Щербаченко, д-р юрид. наук, доц.;

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2025

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

- Дышеков М.В., Шогенцукова З.Х., Шибхузова Р.А.**
Борьба с коррупцией как компонент основ российской
государственности 7
- Карнаушенко Л.В.** Российская правовая система
и романо-германская правовая семья: типологическое
соответствие и особенности..... 15
- Орлов Д.В.** Процедурная экономия: оптимизация издержек
при правовом регулировании..... 22
- Попов В.В.** Субъективное право: поиск новых путей
построения теоретической модели..... 29
- Працко Г.С., Джабиева Е.Ю.** Эволюция представлений о
правовом сознании несовершеннолетних в правовой мысли
России XIX – начала XX века..... 36

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

- Брюхнов А.А., Мойса О.И.** Административно-правовое
регулирование прав и меры поддержки коренных
малочисленных народов..... 43
- Голованова Т.В., Ложкина Д.А.** Административно-правовая
защита чести и достоинства государственного служащего..... 49
- Нехай А.Ю.** О роли специальной военной операции
в обеспечении национальной безопасности и защиты
конституционного строя Российской Федерации..... 56
- Равнюшкин А.В.** Проблемы административно-правового
регулирования оказания сотрудникам органов
внутренних дел медицинской помощи в организациях
здравоохранения 61
- Федоренко Н.В., Шумейко И.Ю.** Влияние
искусственного интеллекта на судебную систему
России 68

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

- Вишневецкая М.И.** Актуальные проблемы судебного
примирения в гражданском процессе 77
- Негодаева Е.Г.** Способы противодействия злоупотребления
правом потребителя в сфере предпринимательства 82

Выпускающий редактор:
Р.Р. Мамедханов

Над выпуском работали:
Н.А. Чуб

Оформить подписку на журнал
можно через интернет-каталоги
www.akc.ru и www.pressa-rf.ru
Индекс – 80032

Подписано в печать
22.12.2025
Выход в свет
25.12.2025

Формат 60х84/8
Объем 30 п. л.

Набор компьютерный.
Гарнитура Times New Roman.
Печать лазерная.

Бумага офисная
Усл.-печ. л. – 27,9
Тираж 300 экз.
Первый завод 106 экз.
Заказ № 212.

Отпечатано ГПиОП НИИиРИО
ФГКОУ ВО
РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83

Цена свободная

Адрес редакции издателя:
344015, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83,
тел.: 8 (863) 207-86-34

Электронная почта:
law-journals-rui@yandex.ru
rmamedkhanov@mvd.ru

Официальная информация
о журнале:
<https://рюи.мвд.рф>

Рыбалка Е.А., Казанцева Е.В. Теоретические аспекты исковой давности в гражданском праве и деятельности ОВД	89
Южанин Н.В. Самозащита в гражданском праве и ее современное судебное толкование	96
Ягодина С.В., Пономарева Н.В. Свидетель в гражданском и арбитражном судопроизводстве	101

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Алимов Э.В., Камышанский Д.Ю. Противодействие коррупции в Российской Федерации в условиях современности: вызовы и основные векторы	107
Болдырева Э.А. Актуальные проблемы производства следственного досмотра.....	116
Бондарева И.О., Сафонов А.А. Искусственный интеллект в судебной системе: на пути к ответственной интеграции.....	122
Бугера М.А., Бирюков С.Ю. Вербальные средства преодоления конфликтов следователем	128
Бунова И.И. Уголовно-правовая охрана права человека на конфиденциальность в цифровую эпоху: теоретико-правовой анализ	134
Витвицкая С.С., Кейдунова Е.Р. Понятие, виды, законодательное описание преступных посягательств на биологическую безопасность.....	140
Григорян Д.К. Анализ роли элит в эволюции пропагандистских практик.....	146
Долгашов В.В. Влияние вносимых в уголовное законодательство изменений в контексте преобразования криминалистической характеристики преступлений, обусловленных самовольным оставлением воинской части или места службы	153
Еремин С.Г. Специфика назначения судебных экспертиз по делам о преступлении в сфере экономической деятельности: техничко-криминалистическая экспертиза документов; судебно-экономическая экспертиза	159
Илиджев А.А., Соколов О.В., Илиджев А.А. Некоторые вопросы определения сущности преступления: уголовно- правовой и криминалистический аспект	166
Каснова М.С. Нравственно-половое воспитание несовершеннолетних как форма антикриминальной пропаганды сексуальных преступлений.....	172
Кашуба Ю.А., Шириков В.В. Принудительные работы как вид наказания для несовершеннолетних осужденных.....	177
Кильмашкина Т.Н., Семенцова И.А., Малявина А.Б. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых с помощью искусственного интеллекта	183
Кокорева Л.В., Кустов А.М., Кузьмин М.Н. Реализация защитником права собирать доказательства путем опроса лиц с их согласия: правовые и практические проблемы.....	190

РОСТОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ

Лозинский О.И. Эмпирический опыт и инновационные возможности использования роботизированных комплексов для решения криминалистических задач в уголовном судопроизводстве.....	199
Пахомов С.В., Зиновьева Н.С. Наложение ареста на имущество как элемент структуры криминалистической методики расследования преступлений	205
Прудникова Л.Б., Коваленко В.И., Крылов М.А. Особенности определения «группы лиц по предварительному сговору» как юридического критерия признания грабежа или разбоя квалифицированным составом	211
Соболев А.В. Вызов участников уголовного судопроизводства по повестке на стадии предварительного расследования: вопросы теории и практики	217
Табанаква В.И. Субъективные признаки преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ.....	222
Халиков А.Н. Процессуальные и тактические проблемы взаимодействия следственных и оперативно-розыскных органов с банками и операторами сотовой связи	230
Шайдуллин Р.Р. Перспективные направления развития методических подходов применения искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности.....	237

CONTENTS

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Dyshekov M. V., Shogentsukova Z. H., Shibzuhova R. A. The fight against corruption as a component of the foundations of Russian statehood	7
Karnaushenko L. V. The Russian legal system and the Romano-Germanic legal family: typological correspondence and specific features.....	15
Orlov D. V. Procedural economy: cost optimization in legal regulation.....	22
Popov V. V. Subjective law: searching for new ways to build a theoretical model	29
Pratsko G. S., Dzhabieva E. Yu. The evolution of ideas about the legal consciousness of minors in Russian legal thought in the 19 th – early 20 th centuries	36

5.1.2. PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Bryukhnov A. A., Moysa O. I. Administrative and legal regulation of the rights and support measures of indigenous small-numbered peoples.....	43
Golovanova T. V., Lozhkina D. A. Administrative and legal protection of the honor and dignity of a civil servant.....	49
Nekhai A. Yu. On the role of a special military operation in ensuring national security and protecting the constitutional order of the Russian Federation.....	56
Ravnyushkin A. V. Problems of administrative and legal regulation of the provision of medical care to employees of internal affairs bodies in healthcare organizations.....	61
Fedorenko N. V., Shumeyko I. Yu. The impact of artificial intelligence on the Russian judicial system	68

5.1.3. PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Vishnivetskaya M. I. Actual problems of judicial reconciliation in civil procedure	77
Negodaeva E. G. Ways to counteract abuse of consumer rights in the field of entrepreneurship	82
Rybalka E. A., Kazantseva E. V. Theoretical aspects of legal period of time in civil law and police activities	89
Yuzhanin N. V. Self-defense in civil law and its modern judicial interpretation.....	96
Yagodina S. V., Ponomareva N. V. Witness in civil and arbitration proceedings.....	101

5.1.4. CRIMINAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Alimov E. V., Kamyshansky D. Yu. Anti-corruption in the Russian Federation in modern conditions: main vectors and challenges	107
Boldyreva E. A. Actual problems of investigative inspection.....	116
Bondareva I. O., Safonov A. A. Application of information technologies in judicial proceedings.....	122
Bugera M. A., Biryukov S. Y. Verbal means of conflict resolution by an investigator	128
Bunova I. I. Criminal-legal protection of the human right to privacy in the digital age: theoretical and legal analysis	134
Vitvitskaya S. S., Keydunova E. R. The concept, types, and legislative description of the signs of crimes that infringe on biological safety	140
Grigoryan D. K. Analysis of the role of elites in the evolution of propaganda practices.....	146
Dolgashov V. V. The impact of changes to criminal legislation in the context of the transformation of the forensic characteristics of crimes resulting from awol leaving a military unit or place of service	153
Eremin S. G. The specifics of the appointment of forensic examinations in cases of crimes in the field of economic activity: technical and forensic examination of documents and forensic economic examination.....	159
Ilidzhev A. A., Sokolov O. V., Ilidzhev A. A. Some issues of determining the essence of a crime: criminal-legal and forensic aspect	166

Kasnova M. S. Moral and sexual education of minors as a form of anti-criminal propaganda of sexual crimes	172
Kashuba N. A., Shirikov V. V. Punishment for two types of forced labor for minors	177
Kilmashkina T. N., Semyontsova I. A., Malyavina A. B. Criminological characteristics of crimes committed with the help of artificial intelligence	183
Kokoreva L. V., Kustov A. M., Kuzmin M. N. The defender's exercise of the right to collect evidence by interviewing individuals with their consent: legal and practical problems	190
Lozinsky O. I. Empirical experience and innovative possibilities of using hardware and software and robotic systems to solve forensic problems in criminal proceedings.....	199
Pakhomov S. V. Property seizure as an element of the structure of forensic crime investigation methodology	205
Prudnikova L. B., Kovalenko V. I., Krylov M. A. Features of the definition of a «group of persons by prior agreement» as a legal criterion for the recognition of robbery or robbery by qualified personnel	211
Sobolev A. V. Summoning participants in criminal proceedings on a summons at the stage of preliminary investigation: issues of theory and practice	217
Tabanakova V. I. Subjective features of the offence under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation.....	222
Khalikov A. N. Procedural and tactical problems of interaction of investigative and operational-search authorities with banks and mobile operators in the investigation of crimes.....	230
Shaidullin R.R. Current directions in the development of methodological approaches to the application of artificial intelligence in forensic activities	237

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Материалы направляются в электронном виде в редакцию журнала по электронному адресу: law-journals-ru@yandex.ru (rmamedkhanov@mvd.ru – для сотрудников, работников МВД России), тел.: (863) 207-86-34. Автором (-ами) экземпляр рукописи и оригиналы всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83, Ростовский юридический институт МВД России, редакция научно-теоретического и информационно-методического журнала «Юрист-Правовед».

1.1. На бумажном носителе (на листах формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи. Статья должна быть обязательно подписана автором (-ами) следующим образом: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

1.2. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполняются в текстовом редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

2. Объем рукописи научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, рецензий, отзывов и иных научных материалов на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Рукопись должна содержать следующую информацию на русском языке:

3.1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК);

3.2. Название статьи;

3.3. Фамилию, имя, отчество (полностью), место работы (учебы для адъюнктов, аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса (включая индекс), должность, почетное звание (при наличии), ученое звание, ученая степень, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором (-ами) можно связаться) и ORCID id автора (при наличии);

3.4. Аннотацию (рекомендуемый средний объем аннотации – 500 печатных знаков, которая должна быть структурирована и содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения, ключевые слова, для цитирования. Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в ее заглавии; включать малоинформативные формулировки;

3.5. Список источников.

4. Перевод на английский язык сведений, отраженных в п.п. 3.2–3.5, осуществляется автором (-ами).

5. В статье должны быть сделаны ссылки на приведенные таблицы, рисунки, схемы, диаграммы, которые нумеруются в порядке их упоминания и располагаются непосредственно после текста, в котором они указываются впервые. Весь графический материал должен иметь заголовки (в том числе переведенные на английский язык) (ГОСТ 7.32–2001, ГОСТ Р 7.07–2021).

Иллюстрации предоставляются отдельными файлами. Рекомендуемый формат – *.jpg. Сканированные материалы должны иметь разрешение не менее 300 пикс/дюйм.

6. Список источников, который размещается в конце статьи, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 и ГОСТ Р 7.0.108-2022. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. В списке используемой литературы приводятся только «литературные» источники, т. е. авторские статьи, книги, статьи журналов. Источники следуют в порядке упоминания в тексте. Нормативные правовые акты (постановления, законы, инструкции и т. д.), архивные документы, «неавторские» русскоязычные интернет-источники, анонимные источники, публицистические и рекламные статьи, российские СНИПы, ГОСТы и т. д. следует приводить непосредственно в тексте или указывать в постраничных сносках.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет (-ут) автор (-ы).

Редакция оставляет за собой право осуществлять корректорскую обработку рукописей научных статей.

Плата за публикацию статей с автора (-ов) не взимается.

Авторское вознаграждение автору (-ам) не выплачивается.

Рукописи, оформленные без соблюдения требований журнала, не рассматриваются.

Материалы, не принятые к изданию, автору (-ам) не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**

Научная статья
УДК 32; 316.4

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ КАК КОМПОНЕНТ ОСНОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Дышеков Мурат Владимирович

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик,
Российская Федерация
dugurl@mail.ru

Шогенцукова Залина Хасановна

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик,
Российская Федерация
zsh27@yandex.ru

Шибзухова Рената Абубакировна

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик,
Российская Федерация
rrr_77_77@mail.ru

Введение: исследование посвящено вопросам борьбы коррупции как компонента (элемента) формирования основ российской государственности в части политических, социально-экономических последствий и их влияния на развитие гражданского общества. Обобщены и систематизированы подходы к исследованию мер противодействия коррупции при трансформации и развитии основ российской государственности и стратегического развития Российской Федерации.

Материалы и методы: теоретической основой исследования выступают положения стратегических документов развития Российской Федерации и нормативно-правовых документов. Новые ориентиры модернизации и трансформации основ российской государственности закладывают принципы применения и учета как традиционных, так и инновационных факторов, влияющих на развитие государства и общества, в целом отражающих новые национальные цели развития Российской Федерации.

Результаты исследования: систематизация различных подходов борьбы и последствий коррупции, позволяет оценить роль антикоррупционной политики государства в общей концепции формирования российской государственности, а также выделить векторы мер борьбы с коррупцией на всех уровнях государственного управления и развития общества и государства в целом.

Выводы и заключения: коррупция является одной из фундаментальных проблем государственного управления современности, при этом он носит глобальный характер. Показатели борьбы с коррупцией на уровне отдельных стран становятся индикатором оценки терпимости государства и гражданского общества к любому проявлению коррупционных схем. В новых реалиях соотношение коррупции и основ российской государственности требуют углубленного изучения и трансформации. Трендами современности стали четкое выделение и реализация национальных целей развития страны (Российской Федерации), сочетающий как исследования истории развития государства, позволяющий понимать историко-правовые и социально-экономические причины и предпосылки возникновения коррупции с одной стороны, а также тенденции международной политики и мировой экономики и их влияние на государственную политику в отношении коррупции как существенного компонента реализации государственности.

Ключевые слова: борьба с коррупцией, меры противодействия коррупции, антикоррупционная деятельность, основы российской государственности, государство, национальные приоритеты, национальная безопасность.

Для цитирования: Дышеков М. В., Шогенцукова З. Х., Шибзухова Р. А. Борьба с коррупцией как компонент основ российской государственности / М. В. Дышеков, З. Х. Шогенцукова, Р. А. Шибзухова // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 7–14.

Original paper

THE FIGHT AGAINST CORRUPTION AS A COMPONENT OF THE FOUNDATIONS OF RUSSIAN STATEHOOD

Dyshekov Murat Vladimirovich

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Shogentsukova Zalina Khasanovna

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Shibzuhova Renata Abubakirovna

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Introduction: the research is devoted to the issues of combating corruption as a component (element) of the formation of the foundations of Russian statehood in terms of political, socio-economic consequences and their impact on the development of civil society. The approaches to the study of anti-corruption measures in the transformation and development of the foundations of Russian statehood and strategic development of the Russian Federation are summarized and systematized.

Materials and methods: the theoretical basis of the research is the provisions of strategic documents for the development of the Russian Federation and regulatory documents. New guidelines for the modernization and transformation of the foundations of Russian statehood lay down the principles of applying and taking into account both traditional and innovative factors affecting the development of the state and society, generally reflecting the new national development goals of the Russian Federation.

Results of the study: the systematization of various approaches to combating and consequences of corruption makes it possible to assess the role of the state's anti-corruption policy in the overall concept of the formation of Russian statehood, as well as to identify vectors of anti-corruption measures at all levels of government and the development of society and the state as a whole.

Findings and conclusions: corruption is one of the fundamental problems of modern public administration, while it is global in nature. Anti-corruption indicators at the country level are becoming an indicator of the assessment of the tolerance of the state and civil society to any manifestation of corruption schemes. In the new realities, the relationship between corruption and the foundations of Russian statehood requires in-depth study and transformation. Modern trends have become a clear identification and implementation of the national development goals of the country (the Russian Federation), combining both studies of the history of state development, allowing us to understand the historical, legal and socio-economic causes and prerequisites for corruption on the one hand, as well as trends in international politics and the global economy and their impact on public policy regarding corruption as significant a component of the realization of statehood.

Keywords: the fight against corruption, anti-corruption measures, anti-corruption activities, the foundations of Russian statehood, the state, national priorities, national security.

For citation: Dyshekov M. V., Shogentsukova Z. H., Shibzuhova R. A. The fight against corruption as a component of the foundations of russian statehood / M. V. Dyshekov, Z. H. Shogentsukova, R. A. Shibzuhova // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 7–14.

Вопросы борьбы с коррупцией занимают особое место в рамках построения основ российской государственности, поскольку отображает комплекс факторов (социальные, экономические правовые) развития современного общества и государства. Высокий уровень коррупции свидетельствует о нестабильности социально-экономического развития и системы правового регулирования в стране. Проблема вплетения коррупции в систему государственного управления имеет исторические предпосылки. Феномен коррупции носит общественно-социальный характер, негативно влияет на формирование и функционирование гражданского общества. Как отмечает В.А. Коновалов «история русского государства, как и любого другого, свидетельствует о древности проявлений коррупции; в древнерусском, а затем русском языке существовал ряд терминов для выражения социально-экономических явлений, впоследствии ставших незаконными и подпадающими под определение коррупционных» [4].

Мониторинг предпосылок и факторов проявления коррупции позволяет оценить степень коррумпированности государства и общества, негативные последствия данного явления с позиции национальной экономики и свободы гражданского общества в Российской Федерации. Исследование причин и условий возникновения коррупционных схем

В зарубежной и российской научной литературе вопросам коррупции уделено достаточное внимание в частности McCubbins, Noll & Weingast [13] выделяют «чиновничью коррупцию» уделяя особое внимание роли чиновников как агентов в коррупционной схеме, тем самым подтверждая важность власти и государственных полномочий чиновника в возникновении коррупции; другая группа [11; 12] исследователей выделяют экономическую составляющую коррупции и его влияние на благосостояние человечества и другие. В российской системе законодательства, начиная с 2008 г., активизировались процессы обновления и формирования правовой базы в области регулирования вопросов противодействия коррупции. Значимость вопросов правового регулирования государственного управления коррупцией подтверждается исследованиями авторов [1; 2; 5].

Коррупция является одной из фундаментальных проблем государственного управления современности, при этом он носит глобальных характер. Показатели борьбы с коррупцией на уровне отдельных стран становится индикатором оценки терпимости государства и гражданского общества к любому проявлению коррупционных схем. В частности, Россия занимает 141-е место из 180 стран мира по индексу восприятия коррупции (ИВК) – годового рейтинга составляемой международной организацией Transparency International. Данный показатель ранжирует страны мира по уровню восприятия коррупции в государственном секторе. Глобальность и масштабность показателя коррупции подтверждается и тем что с 9 декабря 2003 года на Конвенции ООН учрежден международный день борьбы с коррупцией. Феномен коррупции и борьбы с ним сопровождается сложными последствиями в области политических, экономических и социальных сферах жизни общества любой страны мира.

Именно данными обстоятельствами объясняется включение проблем борьбы с коррупцией в стратегические приоритеты развития Российской Федерации. Согласно разделу III Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты Указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» выделено:

– «на фоне сохраняющихся в Российской Федерации социально-экономических проблем растет потребность общества в повышении эффективности государственного управления, обеспечении социальной справедливости, усилении борьбы с коррупцией и нецелевым использованием бюджетных средств и государственного имущества, в проведении не подверженной влиянию групповых и родственных интересов кадровой политики в органах публичной власти и организациях с государственным участием» (п. 45);

– «достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется, в том числе путем реализации государственной политики, направленной на предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности» (пп.13 п.47)¹.

Вопросы борьбы с коррупцией становится индикатором уровня доверия к системе государственного управления, а ее искоренение существенным компонентом построения российской государственности. Вопрос борьбы с коррупцией входит в состав национальных приоритетов и задач, решаемых на уровне государства (см.рис.1).

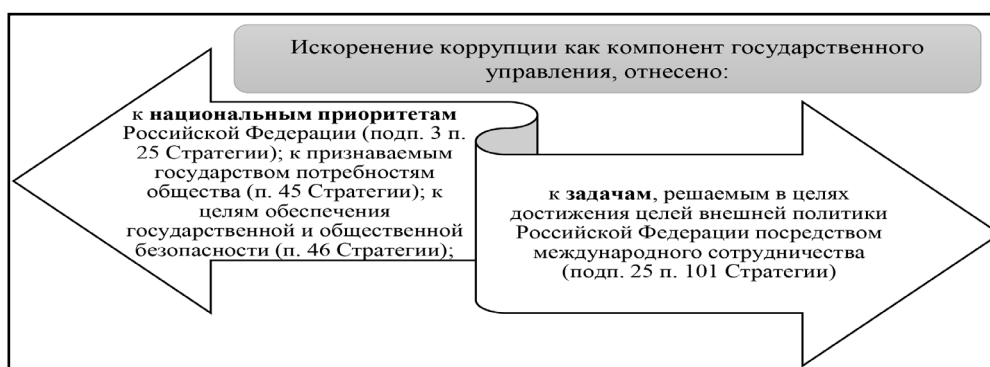

Рис.1. Искоренение коррупции как компонент государственного управления [8]

По мнению Н.Б. Ельчанинова, «коррупция выступает как один из важнейших факторов проявления негативного отношения к государству и власти в целом и перерастает в проблему национальной и государственной безопасности, решение которой требует также международного сотрудничества и принятия глобальных мер» [2, с.113]. Как отмечалось выше коррупция проникает и влияет на все сферы жизнедеятельности государства и общества (см.рис. 2).

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

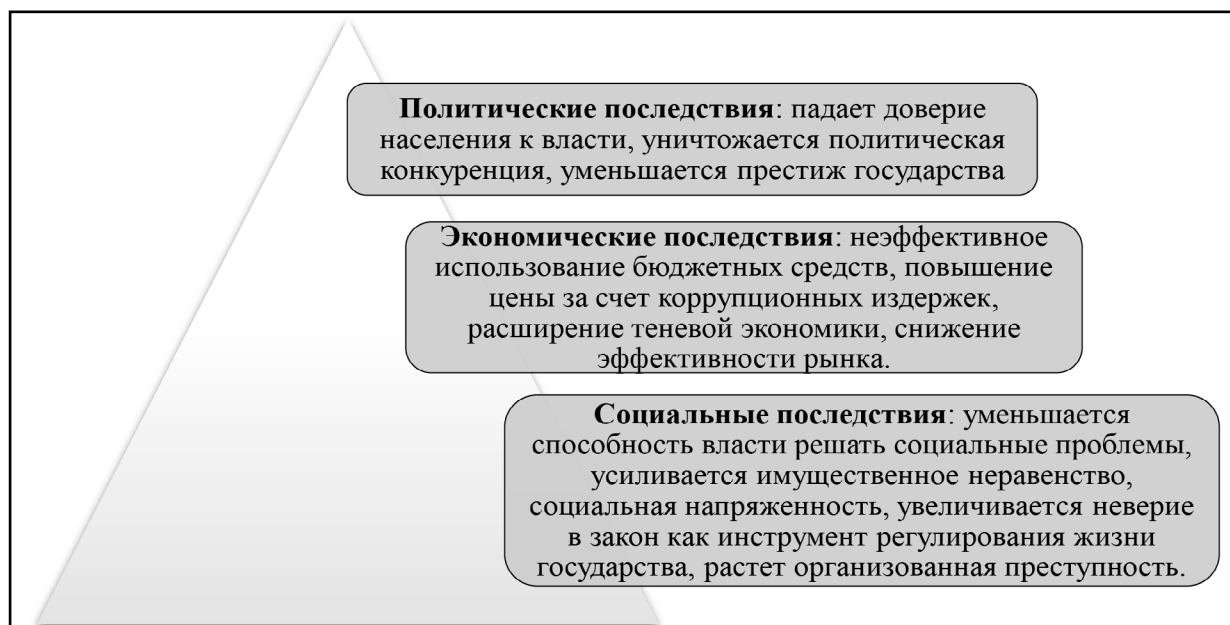

Рис. 2. Основные векторы (направления) последствий коррупции [8]

Последствия коррупции могут носить политический, экономический или социальный характер (см. рис.2). Именно поэтому важно осознание особой опасности и разрушительного воздействия коррупции как на уровне построения основ государственного устройства и конституционных основ правового регулирования жизни общества, а также сложности и опасности для каждого человека.

Как справедливо отмечает О.А. Кожевников, «противодействие коррупции во всем многообразии ее проявлений – это и сфера активной гражданской позиции каждого индивида и общества в целом. От правосознания самих граждан, от уровня развития институтов гражданского общества, которое, к сожалению, у нас развито еще весьма слабо, напрямую зависит эффективность мероприятий по противодействию коррупции, выработка нетерпимости к любым вариантам проявления коррупционных деяний» [5, с. 128–129].

Кроме того, мы согласны с М.В. Жеребкиным, который выделяет, что «коррупция является чрезвычайно сложным социально-политическим феноменом, не имеющим одновариантных, четких и ясных трактовок в социальных науках. Именно это обстоятельство требует систематических исследований, опирающихся на междисциплинарную методологию с целью изучения не отдельных сторон, качеств, черт коррупции, а рассмотрения ее как системы» [3, с. 10]. Последствия коррупции носит разнонаправленный эффект, который затрагивает как экономические, так и политические и социальные сферы жизнедеятельности общества.

По мнению Х.К. Алиева, «вопросы антикоррупционной культуры должны решаться в большей степени на внутриорганизационном уровне общими правилами российского законодательства определены запреты и ограничения, связанные с коррупционными правонарушениями, но если на внутриорганизационном уровне не осуществляется должный контроль за работниками и не проводится работа по правовому воспитанию в области антикоррупционной культуры, то результат от общих запретов и ограничений будет весьма сомнительным» [1, с. 94]. По нашему мнению, меры борьбы с коррупцией необходимо разрабатывать и внедрять на всех уровнях: как на уровне отдельных компаний, муниципальном и региональном уровне, и особо на федеральном как весомый компонент и базовое положение основ российской государственности.

Противодействие коррупции, на наш взгляд, это сложное явление, где вопрос формирования гражданской позиции выступает, скорее, как профилактика коррупционных преступлений. Реальная же ситуация такова – коррупция – это преступное деяние, а количество коррупционной направленности имеют положительную динамику, о чем свидетельствуют данные ГИАЦ МВД за 2023 г. (рис.3).

Рис.3. Данные ГИАЦ МВД по преступности коррупционной направленности за 2023 г. [10]

Приведенные данные свидетельствуют о сложной направленности состава преступности коррупционной направленности в России. В целом за анализируемый период было зарегистрировано на 0,3 % больше чем в предыдущий год, из которых раскрыто 93 % преступлений. Негативные тенденции наблюдаются в сфере дачи взятки (+ 20 %); посредничество во взяточничестве (+ 19,9 %) и т. д.

В части экономических последствий важными показателями выступают размер причиненного материального ущерба в результате коррупционных преступлений. В 2022–2023 гг. стоимость арестованного имущества и изъятых ценностей по делам о коррупции в России превысили размер причиненного ущерба (рис. 4):

Рис. 4. По данным ГИАЦ МВД за 2023 год показатели возмещения материального ущерба в результате коррупции [10]

Выделение в отдельный блок вопросов противодействия коррупции в составе стратегических ориентиров развития России, обусловило необходимость разработки и соответствующих мер совершенствования государственной антикоррупционной политики, включающую «систему мер противодействия коррупции, утвержденных надлежащим образом и скоординированных по целям и времени их осуществления, закрепленных за исполнителями, обеспеченных в финансовом, кадровом и пропагандистском планах» [5]. Эти меры должны способствовать систематизации проблем коррупции в призма совершенствования мер борьбы с данным негативным явлением как существенного элемента построения основ российской государственности. Кроме этого, необходимым становится «объединение усилий органов государственной власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц». По мнению ряда авторов «грамотная политика государства с учетом рациональных механизмов эффективного ответа российского общества с помощью науки и технологий, позволить снизить риски как внутри страны, так и за ее пределами, повысить возможности прогнозирования и принятия сбалансированных решений в различных сферах жизнедеятельности общества страны» [7, с. 23].

В области социальных последствий коррупции на первое место выходит диспропорция имущественного неравенства, неэффективность расходования бюджетных средств, нестабильность защиты прав граждан, усложнение и непрозрачность процедур для получения социальных услуг, нарушения конкуренции в сфере малого предпринимательства. Наличие коррупции негативно сказывается на общем социальном благополучии государства, и оказывает прямое воздействие на снижение ценностей и моральных норм в обществе. Стремление людей на незаконном обогащении и наличие возможности в рамках коррупционных схем получения преимуществ существенно снижению доверия к государственной системе и повышению недовольства гражданского общества. Неравномерное, не в рамках гражданских гарантий полученные преимущества в результате коррупции способствуют изменению сознания граждан и их незащищенности, росту коррупционных проявлений, дискретизация прав и обязанности в правовом поле и другие; в итоге разрушению государственности любой страны. Коррупция в современных условиях становится важным элементом национальной безопасности, угрозой в политической, социальной нестабильности и экономическом развитии. В целом показателем престижа государства на мировой арене и индикатором доверия гражданского общества.

В сфере социальных отношений основными мерами борьбы с коррупцией выступают механизмы повышения прозрачности экономики и ужесточение ограничений и ответственности работы чиновников. Появление платформы государственных услуг и многофункциональных центров (МФЦ) существенно снизило риск коррупционных проявлений в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг. Кроме того, в 2024 г. Министерством труда и социальной защиты РФ, подготовлены новые требования по предоставлению информации в декларациях муниципальными работниками. Особое внимание уделено вопросам противодействия коррупции, приводится пошаговое заполнения декларации с учетом компиляции данных налоговых служб в «Личном кабинете налогоплательщика», кредитно-финансовых учреждений. В установленные сроки необходимо согласно требованиям Трудового кодекса и Закона, № 273-ФЗ о противодействии коррупции руководители государственных и муниципальных учреждений и ряд чиновников государственной и муниципальной службы должны ежегодно подавать Справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера – на себя, супругу/супруга и несовершеннолетних детей.

По мнению Н.Б. Ельчанинова, «в современном мире в сфере государственного управления возникает множество проблем коррупционного характера, которые необходимо преодолевать с целью удовлетворения интересов гражданского общества и развития демократической государственности» [2, с. 115]. Современные условия создают определенные требования к трансформации основ российской государственности в соответствии с новыми национальными целям развития Российской Федерации, в том числе и в сфере противодействия коррупционным схемам. Одним из решений сложностей и снижения угроз коррупции является активизация процессов цифровизации в сфере государственного управления.

Так, внедрение в систему финансового контроля и мониторинга движения бюджетных средств цифрового рубля и активное «использование нейросетей позволит вести постоянную проверку бюджетных средств государства и личных средств юридических и физических лиц» [6]. В то же время, требование о невозможности перевода цифровых рублей в наличные и безналичные деньги в перспективе позволит снизить коррупцию и конфликт интересов.

Вряд ли следует ожидать, что запуск в обращение цифрового рубля позволит полностью искоренить коррупцию и нецелевое расходование бюджетных средств, но, доля средств бюджета, которая используется нецелевым способом, станет существенно меньше [9].

Максимальный перенос на цифровые платформы государственных услуг будет способствовать минимизации коррупционных ситуаций и схем. Расширение возможностей платформы «Государственные услуги» и активизация внедрения цифрового рубля существенно повысит прозрачность индивидуальных данных людей и механизмов оказания государственных услуг.

Таким образом, в новых реалиях соотношение коррупции и основ российской государственности требуют углубленного изучения и трансформации. Трендами современности стали четкое выделение и реализация национальных целей развития страны (Российской Федерации), сочетающий как исследования истории развития государства, позволяющий понимать историко-правовые и социально-экономические причины и предпосылки возникновения коррупции с одной стороны, а также тенденции международной политики и мировой экономики и их влияние на государственную политику в отношении коррупции как существенного компонента реализации государственности. При этом важнейшим фактором становится учет национальных интересов и специфики системы государственного управления, социально-экономического развития государства и общества, в том числе и при разработке и совершенствовании мер борьбы с коррупцией на уровне государства.

В коррупции как явлении и существенным элементом формирования государственности любой страны в особом порядке сочетаются политические, экономические и социальные последствия. Любая коррупционная схема оказывает негативное воздействие на социально-политическое и экономическое развитие и благополучие как отдельных субъектов, так Российской Федерации в целом.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы:

- проблемы коррупции и борьбы с ней, становятся национальными приоритетами и задачами, решаемыми в рамках реализации как внешней, так и внутренней политики Российской Федерации;
- меры противодействия коррупции выступают базовыми компонентами реализации основ российской государственности в новых реалиях;
- грамотная политика государства в сфере коррупции является индикатором степени благосостояния и защищенности государства, поскольку наличие угроз (последствий) коррупционных преступлений – показатель национальной угрозы;
- механизмы борьбы с коррупцией как общественно-политического и социально-экономического явления должны учитывать сложные схемы переплетения данных сфер жизни государства и общества;
- необходимо максимальное снижение возможности возникновения коррупционных схем при оказании различных категорий государственных услуг населению путем активизации применения цифровых платформ и современных технологий;
- в состав мер противодействия коррупции должны входить не только нормативно-правовые предписания, государственные механизмы, но и активизация пропаганды нетерпимости в обществе на всех уровнях и для всех категорий граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алиев Х.К. Правовое регулирование государственного управления в сфере коррупции / Х. К. Алиев // Вестник юридических исследований. 2023. № 4. Т. 2.
2. Ельчанинова Н.Б. Национальный план противодействия коррупции как основа Российской государственности // Успехи современной науки. 2016. № 12. Т. 7.
3. Жеребкин М.В. Политический процесс в условиях трансформации российского общества: Сущность, особенности, тенденции развития: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2002.
4. Коновалов В.А. Коррупция в российской истории и праве // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2014. № 6.
5. Кожевников О.А. Конституция и законодательство о противодействии коррупции в Российской Федерации: новые грани взаимодействия // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3(31).
6. Унижаев Н.В. Анализ преимуществ финансового контроля с использованием цифрового рубля // Вопросы инновационной экономики. 2023. № 2. Т. 13.
7. Шогенцукова З.Х., Машукова Е.М. Ответ российского общества на «большие вызовы» в новых реалиях // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2023. № 4.
8. Шогенцукова З.Х., Шогенцукова К.Х. Проблемы коррупции в призме основ российской государственности // Противодействие коррупции: промежуточные итоги и новые задачи: сб. статей межрегиональной научно-практической конференции. Нальчик, 2024.
9. Шибзухов И.З., Уначева А.А. Цифровой рубль как механизм государственного финансового контроля в системе противодействия коррупции // Сборник статей Региональной научно-практической конференции с международным участием. Нальчик, 2023.
10. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2023 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Batory A. (2012). Why do anti-corruption laws fail in Central and Eastern Europe: a target compliance perspective. Regulation and Governance, 6 (1), 66-82.
12. Booth, D. & Cammack D. (2013) Governance for development in Africa: solving Collective action problems. London: Zed Books.
13. McCubbins M., Noll R.G. & Weingast B. (1987). Administrative procedures as instruments of political control. Journal of Law, Economics and Organizations, 3 (2).

REFERENCES

1. Aliyev H.K. Legal regulation of public administration in the field of corruption / H. K. Aliyev // Bulletin of Legal Studies. 2023. T. 2. № 4.

2. Yelchaninova N.B. National plan to counteract corruption as the basis of Russian statehood / N. B. Yelchaninova // *Uspekhi sovremennoi nauki*. 2016. № 12. Т. 7.
3. Zharebkin M. V. Political process in the transformation of Russian society: Essence, features, trends of development: diss. ... Dr. political sciences. Moscow, 2002.
4. Konovalov V.A. Corruption in Russian history and law // «White spots» of Russian and world history. 2014. № 6.
5. Kozhevnikov O.A. Constitution and legislation on combating corruption in the Russian Federation: new facets of interaction // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. № 3(31).
6. Unizhaev N.V. Analyzing the advantages of financial control using the digital ruble // *Voprosy innovatsionnykh ekonomiki*. 2023. № 2. Т. 13.
7. Shogentsukova Z.H., Mashukova E.M. Response of the Russian society to «big challenges» in the new realities // *Bulletin of K. L. Khetagurov North-Ossetian State University*. 2023. № 4.
8. Shogentsukova Z. H., Shogentsukova K.H. Problems of corruption in the prism of the foundations of Russian statehood // *Countering corruption: intermediate results and new challenges: Collection of articles of the interregional scientific-practical conference*. Nalchik, 2024.
9. Shibzukhov I.Z., Unacheva A.A. Digital ruble as a mechanism of state financial control in the system of counteraction to corruption // *Collection of articles of the Regional scientific-practical conference with international participation*. Nalchik, 2023.
10. State of crime in Russia for January-September 2023 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation FCU «Main Information and Analytical Center». Access from the legal system «ConsultantPlus».
11. Batory A. (2012). Why do anti-corruption laws fail in Central and Eastern Europe: a target compliance perspective. *Regulation and Governance*, 6 (1), 66-82.
12. Booth, D. & Cammack D. (2013) *Governance for development in Africa: solving Collective action problems*. London: Zed Books.
13. McCubbins M., Noll R.G. & Weingast B. (1987). Administrative procedures as instruments of political control. *Journal of Law, Economics and Organizations*, 3 (2).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дышеков Мурат Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права. Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова. 360004, Российская Федерация, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

Шогенцукова Залина Хасановна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и учетно-аналитических инновационных систем. Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова. 360004, Российская Федерация, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

Шибзухова Рената Абубакировна, кандидат экономических наук, доцент. Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова. 360004, Российская Федерация, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dyshekov Murat Vladimirovich, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law. Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov. 173, Chernyshevsky St., Nalchik 360004 Russian Federation.

Shogentsukova Zalina Khasanovna, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Accounting and Analytical Innovation Systems. Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov. 173, Chernyshevsky St., Nalchik 360004 Russian Federation.

Shibzukhova Renata Abubakirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov. Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov. 173, Chernyshevsky St., Nalchik 360004 Russian Federation.

Научная статья
УДК 340.1

РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА И РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ПРАВОВАЯ СЕМЬЯ: ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Карнаушенко Леонид Владимирович

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация
karnl@mail.ru

Введение: в статье рассматривается проблема типологического соотношения российской правовой системы с романо-германской правовой семьей. Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления направлений правового развития в условиях взаимодействия с континентальной традицией и сохранения национальной юридической идентичности.

Материалы и методы: методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой и системный подходы. Использованы нормативные правовые акты, научная литература по правовой компаративистике, историческим этапам становления российского права и типологии правовых систем.

Результаты исследования: выявлены основные элементы типологического соответствия российской правовой системы романо-германской семье: приоритет закона, иерархия источников, кодифицированная структура, деление на публичное и частное право. Одновременно проанализированы институциональные и концептуальные различия, отражающие специфику национального правового развития.

Выводы и заключения: российская правовая система демонстрирует устойчивую типологическую близость к континентальной модели, однако сохраняет самостоятельную правовую идентичность. Современный вектор развития формируется на пересечении рецепции универсальных правовых принципов и воспроизводства национальных правовых установок.

Ключевые слова: континентальное право, кодификация, компаративистика, нормативизм, правовая идентичность, правовая семья, правовая система, правовая традиция, типология, юридическая культура.

Для цитирования: Карнаушенко Л. В. Российская правовая система и романо-германская правовая семья: типологическое соответствие и особенности / Л. В. Карнаушенко // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 15–21.

Original paper

THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM AND THE ROMANO-GERMANIC LEGAL FAMILY: TYPOLOGICAL CORRESPONDENCE AND SPECIFIC FEATURES

Karnaushenko Leonid Vladimirovich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the article explores the typological correlation between the Russian legal system and the Romano-Germanic legal family. The relevance of the topic stems from the need to conceptualize the direction of legal development amidst interaction with the continental tradition and the preservation of national legal identity.

Materials and methods: the methodological framework includes formal legal, comparative legal, historical-legal, and systemic approaches. The study draws on normative legal acts and academic literature in the fields of comparative law, legal history, and typology of legal systems.

Results of the study: the study identifies key elements of typological similarity between the Russian legal system and the Romano-Germanic family: the primacy of statute law, a hierarchical structure of legal sources, codified legislation, and the division between public and private law. At the same time, institutional and conceptual distinctions are revealed, reflecting the specific features of national legal development.

Findings and conclusions: the Russian legal system demonstrates a stable typological proximity to the continental model while retaining a distinct legal identity. Its contemporary development trajectory lies at the intersection of reception of universal legal principles and the reproduction of national legal traditions.

Keywords: codification, comparative law, continental law, juridical culture, legal family, legal identity, legal system, legal tradition, normativism, typology.

For citation: Karnaushenko L. V. The Russian legal system and the Romano-Germanic legal family: typological correspondence and specific features / L. V. Karnaushenko // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 15–21.

Вопрос о типологической принадлежности российской правовой системы и ее соотношении с романо-германской правовой семьей давно находится в центре научного обсуждения. После распада Советского Союза и изменения глобального правового ландшафта потребность в уточнении места отечественной системы права среди других национальных моделей стала особенно актуальной. Необходимость сопоставления российского правового порядка с правовыми системами романо-германской семьи обусловлена как историческим контекстом, так и задачами современного развития.

Указанные в научной литературе подходы позволяют обосновать актуальность обращения к сравнительному анализу. Российская правовая система демонстрирует целый ряд признаков, характерных для романо-германской правовой семьи, что обусловлено как исторической рецепцией отдельных правовых идей, так и структурными совпадениями на уровне источников права, механизмов их систематизации и подходов к кодификации.

В то же время исследователи отмечают, что подобное сходство не исключает наличия глубоко укорененных национальных особенностей. Как подчеркивает Е.Н. Ярмонова, заимствование правовых конструкций, даже из близких по духу систем, не может происходить вне контекста национальной правовой культуры [1, с. 132]. Необходимость органического, а не механического развития российского права усиливает интерес к сравнительному анализу правовых моделей.

Дополнительное значение приобретает и позиция В.И. Кузьменко, отмечающего, что в условиях модернизации законодательства и государственного управления взаимодействие между различными правовыми системами требует не только институционального сближения, но и концептуального переосмысления основ национального права [2, с. 87]. Анализ теоретических и историко-правовых источников подтверждает принадлежность российской правовой системы к романо-германской правовой семье, о чем свидетельствуют структурные, источниковедческие и кодификационные параметры.

В этой связи исследование соотношения российской правовой системы с романо-германской семьей выступает не просто как академический интерес, а как методологически обоснованная необходимость, имеющая практическое значение для формирования вектора правовой реформы.

Для полноценного освоения заявленной темы первостепенное значение имеет обращение к ее теоретическому основанию. В юридической науке понятие «правовая система» занимает центральное место, поскольку именно оно отражает целостную организацию права в пределах конкретного государства. Речь идет не только о нормативной базе, но и о всей совокупности правовых явлений, включая институты, процедуры, идеологию, правоприменительную практику и профессиональную культуру. Такой подход позволяет рассматривать право как сложный и многоуровневый механизм, встроенный в социальную ткань общества. Следовательно, правовая система представляет собой разветвленную структуру, охватывающую как формальные, так и неформальные аспекты функционирования права.

Необходимо разграничивать понятия «правовая система» и «система права», поскольку они описывают различные уровни правовой реальности. Если под системой права понимается внутренняя структура самого нормативного материала – деление на отрасли, подотрасли, институты, – то правовая система вбирает в себя гораздо более широкий круг явлений. Как справедливо указывает В.В. Абарович, в состав правовой системы входят правотворческие и правоприменительные органы, юридическая терминология, идеологические основы, принципы регулирования, правовая культура и сама законодательная модель в ее развитии [3, с. 240]. Таким образом, система права представляет собой лишь один из элементов правовой системы, хотя и остается ее важнейшей составляющей.

Переходя к вопросам классификации, следует отметить, что в юридической компаративистике на протяжении XX в. была выработана система типологических ориентиров, позволившая группировать правовые системы по ряду схожих характеристик. Наиболее распространенным термином, обозначающим такую группу, стало понятие «правовая семья». В научной литературе встречаются и иные обозначения: «правовые круги» (К.Г. Эберт, М. Рейстайн), «форма правовых систем» (И. Сабо), «структурное сообщество» (С.С. Алексеев), «правовой стиль» (К. Цвайгерт). Однако именно термин «правовая семья» оказался наиболее устойчивым как в отечественной, так и в зарубежной традиции. При этом, как подчеркивал Р. Давид, данное понятие не отражает какого-либо объективного родства между системами, а используется исключительно в аналитических целях для выделения общих признаков, характерных для ряда национальных правопорядков [4, с. 2].

Как отмечалось ранее, существенное значение в развитии классификационных подходов принадлежит концепции, предложенной Р. Давидом. Он критически воспринимал прежние попытки классификации, основанные исключительно на формальных признаках, таких как структура источников права или юридико-технические особенности. В центре его внимания находились глубинные основания правовой системы – способ правового мышления, место права в общественной системе, функции, которые оно выполняет. Согласно позиции Р. Давида, несмотря на огромное разнообразие правовых норм, способы их формирования, систематизации и интерпретации ограничены и повторяются от одной системы к другой. Поэтому типологизация должна опираться не на содержание конкретных юридических норм, а на механизмы их порождения и функционирования [5, с. 25].

Дальнейшее развитие получил и так называемый функционально-сравнительный подход, представленный в трудах К. Цвайгерта и Х. Кетца. Авторы предложили оценивать правовые системы по множеству критериев, включая историческое происхождение, правовое мышление, юридические институты, источники права, методы толкования, юридическую технику, уровень кодификации, роль судебной практики и правовую идеологию [6, с. 72]. Такой подход позволил уйти от упрощенных классификаций, сводящихся к анализу законодательства, и обратиться к изучению правовой традиции в широком, междисциплинарном смысле. Подобное направление стало особенно востребованным в условиях правовой глобализации и стремительно меняющейся правовой карты мира.

Кроме того, одной из актуальных проблем компаративистики остается соотношение категорий «правовая система» и «правовая семья». Вопрос об их границах и взаимосвязи до сих пор вызывает споры в научном сообществе. Как подчеркивают А.О. Зернов, Е.В. Воскресенская и Н.Н. Жильский, дискуссия не теряет своей остроты, поскольку от правильного понимания этих понятий зависит эффективность любых сравнительно-правовых исследований [7, с. 73]. Правовая система охватывает уникальные характеристики конкретного национального права, в то время как правовая семья объединяет системы, сходные по своей правовой культуре, подходам к правотворчеству и пониманию права как социального института. Тем самым правовая семья формирует обобщенную типологическую модель, а правовая система – ее конкретную реализацию.

Дальнейший анализ романо-германской правовой семьи невозможен без обращения к логике ее исторического становления. Формирование данной модели не было одномоментным – она сложилась как результат глубокой переработки античного правового наследия, институциональных реформ и правовой кодификации в странах континентальной Европы.

Первый этап – рецепция римского права – определил фундаментальные черты будущей правовой системы [8, с. 128]. Начиная с XII века, университетская правовая наука (глоссаторы и постглоссаторы) возродила принципы римской юриспруденции, адаптировав их к новым условиям. Римское право стало не просто источником, а методологической основой для построения современных правовых институтов. Именно в этот период были заложены концепции субъективного права, обязательства, деликта, вещных прав и многое другое.

На следующем этапе, начиная с Нового времени, романо-германская модель закрепляется через практику кодификаций. Французский Гражданский кодекс 1804 г. и Германское гражданское уложение 1900 г. стали эталонами систематизации права, продемонстрировав, что абстрактные правовые конструкции могут быть оформлены в завершенную логическую структуру. Кодификация становится не просто техникой, а способом мышления: право должно быть изложено последовательно, четко и в письменной форме.

Параллельно закрепляется деление права на публичное и частное, восходящее к классическому римскому различию между интересами общества и частных лиц. Такая

структура предопределила развитие правовых институтов, разделенных по сферам действия, – с одной стороны, отношения власти и управления, с другой – гражданский оборот, семейные и трудовые отношения.

Современный этап характеризуется широкой рецепцией модели за пределами Европы. Континентальная правовая система, благодаря своей абстрактности и универсальности, оказалась востребованной в странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Африки. Государства, стоявшие перед задачей правовой модернизации, принимали кодифицированные акты, основанные на европейских образцах, как инструмент построения предсказуемого и устойчивого правопорядка.

Несмотря на региональные различия, романо-германская семья сохраняет внутреннее единство, основой которого является примат закона, иерархическая структура источников, системность отраслей, кодификационный подход и концептуальная отчужденность судьи от правотворчества.

Для более содержательного осмысления типологических характеристик представляется необходимым обратиться к исторической эволюции российской правовой системы. На первоначальном этапе нормативное регулирование основывалось преимущественно на правовом обычае, неотделимом от устоев родоплеменного уклада. Право не имело автономного характера, оно было включено в религиозно-нравственный контекст и не отделялось от социальной практики. Такие правовые установки действовали не по силе принуждения, а в силу традиции, коллективного одобрения и обыденного правосознания. Обычай функционировал как единственный легитимный источник норм, регулируя как имущественные отношения, так и процедуры разрешения конфликтов.

С усилением политической централизации возникает необходимость в кодификации и формальном закреплении нормативных предписаний. Появление «Русской Правды» стало переходным моментом – от обычаев к праву, от прецедента к норме. Описанный документ уже отражал государственную волю, а не только сложившуюся практику, и одновременно стал каналом проникновения византийских правовых представлений, особенно в сфере церковного влияния и организации власти. В этом контексте принятие христианства ознаменовало не только мировоззренческий перелом, но и стало отправной точкой институционализации правовой культуры на основе византийской модели.

В период формирования Московского централизованного государства право все более подчиняется задачам управления и централизации. Судебник 1497 г. и последующее законодательство демонстрируют переход от фрагментарных норм к универсалистскому подходу, отражающему интересы власти в масштабах всего государства. Возникает правовая вертикаль, где закон – уже не просто средство фиксации практики, а инструмент политической воли. Именно здесь оформляется ранняя модель правового позитивизма, основанная на доминировании властного начала над правовым.

Начало XVIII в. стало поворотным: под воздействием модернизационных реформ Петра I происходит системная европеизация правовой модели. Активное заимствование элементов западноевропейских систем сопровождалось становлением секулярного законодательства и усилением юридической рационализации [9, с. 22]. В XVIII–XIX вв. этот процесс достигает пика: кодификация, получившая выражение в Своде законов Российской империи, уже основывалась на концептуальных установках континентального права. Однако даже в этот период заимствование не означало полной рецепции – российская система продолжала развиваться автономно.

Революция 1917 г. радикально изменила правовую парадигму. Впервые за всю историю право стало подчиняться идеологии в чистом виде. Прежняя нормативная структура была сломана, и на ее месте была выстроена система, в которой право теряло свою самостоятельную ценность, превращаясь в инструмент политической мобилизации. Правотворчество стало монопольно контролироваться государством, а нормативные акты отражали конкретные задачи партийного курса. Именно в этот период окончательно формируется модель права как производного от власти.

Дальнейший переход к постсоветской правовой системе в 1990-е гг. означал не просто институциональную реформу, а глубокую правовую реконцептуализацию. Речь шла о восстановлении автономии права, признании универсальных прав человека, возвращении принципа разделения властей и верховенства закона. Именно в этот период начинается движение в сторону романо-германской традиции, прежде всего в области кодификации, нормативного метода и иерархической структуры законодательства. В то же время сохраняется определенный уровень правового дуализма: наряду с прогрессивными формами

существуют остаточные элементы советской правовой культуры – правовой нигилизм, инструментальность закона, слабая практика судебного правотворчества.

Так, историческая траектория российской правовой системы демонстрирует сложную динамику взаимовлияний. Она впитывала элементы, как восточной сакральной традиции, так и западноевропейской рациональной модели. В результате современная система сохраняет континентальные черты в виде источниковой структуры, отраслевой кодификации и нормативного мышления, но при этом опирается на собственные историко-культурные основания.

Проанализировав историческую динамику становления российской правовой системы и ее этапное сближение с континентальной традицией, представляется возможным перейти к содержательному анализу актуального состояния российского права, выявить его типологические сходства с романо-германской правовой семьей, а также обозначить отличия, что и составляет предмет дальнейшего рассмотрения. Среди наиболее очевидных элементов соответствия можно выделить следующие: признание закона в качестве основного источника права, наличие развитой системы кодификации, деление права на частную и публичную сферы, а также структурированное отраслевое построение законодательства.

Первым и фундаментальным элементом сближения выступает нормативный акт как основной источник права. Российская правовая система опирается на формально-юридическое понимание закона, предполагающее приоритет заранее установленных и закрепленных в письменной форме правовых норм. Конституция Российской Федерации обладает высшей юридической силой и формирует каркас правопорядка, в рамках которого функционируют все иные нормативные акты. Законодательство выстроено по иерархическому принципу, где акты нижестоящих уровней не могут противоречить нормам федерального уровня.

Вторым элементом типологического соответствия является устойчивость кодификационной традиции. Право России представлено в виде систематизированных кодексов, охватывающих ключевые правовые отрасли: гражданское, уголовное, административное, процессуальное. Такая структура демонстрирует преемственность идей пандектной системы, типичной для стран континентальной Европы, и направлена на обеспечение правовой определенности и унификации регулирования.

Третьим показателем сближения служит деление права на публичное и частное. Разделение восходит к римской правовой традиции и позволяет классифицировать нормативный материал по функциональному признаку: регулирование отношений между частными субъектами – в одном случае, и обеспечение деятельности государства – в другом. В российской правовой системе данная дихотомия закрепляется как в содержании законодательства, так и в доктринальных подходах.

Четвертое соответствие связано с отраслевым строением правовой системы. Законодательство России организовано по логике предметно-целевых блоков, таких как трудовое, налоговое, семейное право и иные отрасли, что отвечает общей методологической установке романо-германской модели на структурную расчлененность и тематическую специализацию правового массива.

Несмотря на очевидные точки сближения, в российской правовой системе сохраняются специфические черты, выделяющие ее в пределах континентальной традиции. Основные различия касаются слабой рецепции римского частного права, византийско-восточного влияния на политико-правовую культуру, особой роли государства в правотворческом процессе и проблем функционирования судебной власти.

Во-первых, рецепция римского права в России носила преимущественно концептуальный характер. В отличие от стран Западной Европы, где римское право было интегрировано на уровне юридических конструкций и понятий, в российской системе были восприняты лишь отдельные идеи, переработанные с учетом местных традиций и потребностей государственной власти.

Во-вторых, в формировании российской правовой традиции значительную роль сыграло византийское и восточное правовое наследие [10, с. 45]. Влияние выразилось в сакрализации власти, патриархальных формах социального устройства и преобладании публичного начала над частными интересами. В результате право долгие столетия развивалось не как система горизонтальных норм, а как инструмент централизованного управления.

В-третьих, государство в российской правовой модели исторически занимает доминирующее положение. Правотворчество концентрируется в руках органов публичной власти, судебная система демонстрирует ограниченную автономию, а исполнительная власть сохраняет решающее влияние в сфере правоприменения. Такая структура затрудняет реализацию принципа разделения властей и снижает уровень правовой предсказуемости.

В-четвертых, проблемы правоприменения и судебной практики обусловлены слабостью судебного прецедента и ограниченной возможностью интерпретации права судом. Хотя решения высших судебных инстанций имеют практическую значимость, они не признаются официальным источником права, что препятствует формированию стабильной и предсказуемой правовой практики.

Проанализировав историческую динамику становления российской правовой системы и зафиксировав точки соприкосновения с романо-германской правовой традицией, становится возможным перейти к осмыслению современного вектора ее развития. Современная модель российского права формируется на пересечении двух противоположных движений: институционального сближения с континентальной правовой семьей и одновременного стремления к укреплению собственной правовой идентичности.

Российский правовой путь характеризуется не прямым заимствованием европейских моделей, а их выборочной адаптацией, продиктованной внутренними политико-правовыми установками. Такая трансформация порождает расхождения, как в содержании правовых норм, так и в способах их реализации: судебная система, обладая формальной независимостью, фактически действует в условиях институциональной зависимости от исполнительной власти.

Хотя такая правовая конструкция не может быть отнесена к романо-германской семье в полном, «чистом» смысле, однако ее базовые параметры во многом соотносятся с континентальной традицией, что дает основание для типологического сближения при сохранении самостоятельной юридической идентичности.

Современные процессы глобализации, сопровождаемые усилением международного правового влияния и правовой унификации, способствуют сближению правовых систем, но одновременно порождают и встречную тенденцию – стремление к сохранению уникальной юридической матрицы. В российской модели это выражается в приоритете централизованного правопонимания, сохраняющем элементы административного доминирования и ограничивающем возможность полноценной интеграции принципов, присущих западноевропейскому правопорядку.

Таким образом, российская система сохраняет высокий уровень нормативной централизации, зависимость правоприменения от государственной воли и фрагментарное отношение к доктрине, что указывает на ограниченность глубинной интеграции с западноевропейским правовым мышлением. Типологическая принадлежность скорее функциональна, чем сущностна, а вектор развития остается направленным на выработку собственной модели, сочетающей универсальные принципы с политико-правовой спецификой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ярмонова Е.Н. Особенности рецепции романо-германской правовой традиции в условиях глобализации // Lex Russica. 2021. № 4 (169).
2. Кузьменко В.И. Современные проблемы теории государства и права: учебно-методическое пособие. Ростов н/Д, 2013.
3. Абарович В.В. Понятие и виды правовых систем // Вестник ВГУ имени П.М. Машерова. 2022. № 3.
4. Луць Л.А. Правовые системы современности и их классификация // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4.
5. Аюпов З.К., Кусаинов Д.У. Методологические основания типологии правовых систем современности // Российский судья. 2016. № 10.
6. Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право / пер. с нем. М., 2011.
7. Зернов А.О., Воскресенская Е.В., Жильский Н.Н. Критерии классификации правовых систем // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 3.
8. Коробова Е.Ю. Романо-германская правовая семья: ее специфика и особенности // Восточно-Сибирский институт МВД России. 2020.
9. Балковая В.Г., Торчило А.С. Основные этапы развития российской правовой системы // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1(86).
10. Чернышева А.С. Правовая система России: история и тенденции развития современного российского законодательства // Российский государственный университет правосудия. Иркутск, 2023.

REFERENCES

1. Yarmonova E.N. Features of the Reception of the Romano-Germanic Legal Tradition in the Context of Globalization // *Lex Russica*. 2021. № 4(169).
2. Kuzmenko V.I. Contemporary Problems of the Theory of State and Law: Educational and Methodological Guide. Rostov-on-Don: Russian Ministry of Internal Affairs Law Institute, 2013.
3. Abarovich V.V. The Concept and Types of Legal Systems // *Bulletin of P.M. Masherov VSU*. 2022. № 3.
4. Luts L.A. Modern Legal Systems and Their Classification // *Gaps in Russian Legislation*. 2014. № 4.
5. Ayupov Z.K., Kusainov D.U. Methodological Foundations for the Typology of Contemporary Legal Systems // *Russian Judge*. 2016. № 10.
6. Zweigert K., Kötz H. Introduction to Comparative Law / Trans. from German. Moscow, 2011.
7. Zernov A.O., Voskresenskaya E.V., Zhilsky N.N. Criteria for the Classification of Legal Systems // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2021. № 3.
8. Korobova E.Yu. The Romano-Germanic Legal Family: Its Specifics and Characteristics // *East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020.
9. Balkovaya V.G., Torchilo A.S. Main Stages in the Development of the Russian Legal System // *World of Science, Culture, and Education*. 2021. № 1 (86).
10. Chernysheva A.S. The Legal System of Russia: History and Development Trends of Modern Russian Legislation // *Russian State University of Justice*. Irkutsk, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карнаушенко Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karnaushenko Leonid Vladimirovich, Grand PhD in historical sciences, professor, head of the Department of theory and history of law and state. Krasnodar university of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 347936 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2025. № 4(115). – С. 22–28.
Jurist-Pravoved. 2025. № 4(115). – Pp. 22–28.

Научная статья
УДК 340.1

ПРОЦЕДУРНАЯ ЭКОНОМИЯ: ОПТИМИЗАЦИЯ ИЗДЕРЖЕК ПРИ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Орлов Дмитрий Викторович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация
dm_orlov@rambler.ru

Введение: в науке процедурная экономия исследована фрагментарно. Во многом это связано с тем, что данное явление находится в тени более популярного принципа процессуальной экономии и иных схожих по содержанию отраслевых принципов. Целью статьи является исследование сущности процедурной экономии, определение ее в качестве принципа правового регулирования и оказывающего существенное влияние на его стоимость.

Материалы и методы: теоретической базой исследования послужили научная литература, а также материалы, размещенные на официальных сайтах органов государственной власти, содержащие статистическую информацию и пояснения в отношении принимаемых нормативных правовых актов. В качестве методов исследования использованы диалектический, логический, сравнительно-правовой, формально-юридический и герменевтический методы познания.

Результаты исследования: в работе указывается, что процессуальная экономия и процедурная экономия – это разные по объему явления. Процессуальная экономия в силу сложившихся представлений направлена на сокращение и облегчение процессуальных действий суда и других участников процесса, как составных частей порядка рассмотрения и разрешения дела. Процедурная экономия как общеправовой принцип распространяется на все аспекты правовой регламентации любой правоприменительной деятельности касательно ее оптимизации.

Выводы и заключения: автор приходит к выводу что процессуальная экономия является составляющим более широкого по содержанию явления – процедурной экономии, которая понимается как руководящее начало, обеспечивающее разрешение правовых дел с минимальными затратами сил, средств, времени всеми участниками правовых отношений. Также автором устанавливается, что основными перспективными формами реализации принципа процедурной экономии будет являться: 1) подготовка норм права, позволяющих сократить ранее существующие процедуры; 2) оптимизация деятельности правоприменителя в установленных законом рамках; 3) установление групп риска в контрольно-надзорной деятельности, позволяющих производить выборочные процедуры при правоприменении.

Ключевые слова: процедурная экономия, процессуальная экономия, издержки правового регулирования, принципы, правовое регулирование, риск-ориентированный подход.

Для цитирования: Орлов Д. В. Процедурная экономия: оптимизация издержек при правовом регулировании / Д. В. Орлов // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац. – методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 22–28.

Original paper

PROCEDURAL ECONOMY: COST OPTIMIZATION IN LEGAL REGULATION

Orlov Dmitry Viktorovich

Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhniy Novgorod, Russian Federation

Introduction: in science, procedural economy has been studied in fragments. This is largely due to the fact that this phenomenon is overshadowed by the more popular principle of procedural economy and other similar industry principles. The purpose of the article is to study the essence of procedural economy, defining it as a principle of legal regulation and having a significant impact on its cost.

Materials and methods: the theoretical basis of the research was scientific literature, as well as materials posted on the official websites of government authorities, containing statistical information and explanations regarding the adopted regulatory legal acts. The research methods used are dialectical, logical, comparative-legal, formal-legal and hermeneutic methods of cognition.

Results of the study: the paper indicates that procedural economy and procedural economy are different phenomena in terms of volume. Procedural economy, due to prevailing ideas, is aimed at reducing and facilitating the procedural actions of the court and other participants in the process, as integral parts of the procedure for considering and resolving the case. Procedural economy as a general legal principle applies to all aspects of the legal regulation of any law enforcement activity regarding its optimization.

Findings and conclusions: the author comes to the conclusion that procedural economy is a component of a broader phenomenon – procedural economy, which is understood as a guiding principle that ensures the resolution of legal cases with minimal effort, money, and time by all participants in legal relations. The author also establishes that the main promising forms of implementing the principle of procedural economy will be: 1) preparation of legal norms that make it possible to reduce previously existing procedures; 2) optimization of the law enforcement officer's activities within the framework established by law; 3) the establishment of risk groups in control and supervisory activities that allow for selective law enforcement procedures.

Keywords: procedural economy, procedural economy, costs of legal regulation, principles, legal regulation, risk-based approach.

For citation: Orlov D. V. Procedural economy: cost optimization in legal regulation / D. V. Orlov // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 22–28.

В рамках проведения политики оптимизации регулирования все чаще на первое место встает вопрос эффективности принимаемых мер с учетом издержек на этот процесс. Так, одним из основных дискуссионных направлений, которое активно исследуется в науке на протяжении столетия, все более приобретает очертания в нормах права и реализуется на практике является принцип процессуальной экономии. Между тем, на наш взгляд, стоит обратить внимание на не менее значимую тенденцию, которая пока еще не получила должного внимания и формального выражения от вышеназванного правового явления, как меры, направленной на оптимизацию правового регулирования с учетом важности экономической составляющей, а именно общеправового принципа деятельности – процедурной экономии.

На первый взгляд может показаться, что данный принцип является тождественным принципу процессуальной экономии. На наш взгляд, это верно лишь отчасти.

В основе разработки положений об экономии в рамках какой-либо деятельности лежит философский принцип экономии мышления, по которому критерий истины всякого познания состоит в достижении максимума знаний с помощью минимума познавательных средств [1, с. 556].

Содержание данного принципа сформировано и раскрывается в работах философов, наибольшую известность среди которых приобрели – «Принцип сохранения работы» Маха Э. [2] и «Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил» Р. Авенариуса [3].

Так, Э. Мах в своем научном труде описывает два важных закона – закон причинности, характеризующийся «взаимной зависимостью между явлениями» [2, с. 41] и закон достаточного основания описанного, в том числе словами «действие определяется причиной» [2, с. 46]. При этом автор обращает внимание на необходимости наличия опыта у исследователя, без которого «закон причинности висит в пустоте, неплодотворен» [2, с. 45].

Известный швейцарский философ Р. Авенариус рассматривал принцип наименьшей меры сил как принцип целесообразности, присущий душевной деятельности человека. На страницах работы он пишет: «Организация, функционирующая целесообразно, должна не только вообще выполнять свою задачу, но выполнять ее с возможно меньшей при данных условиях мерой сил, или самыми незначительными средствами. Данное решение считается тем целесообразнее, чем меньше бесполезная трата сил, – значит, чем больше сил сэкономлено для других функций; данная трата сил и будет тем целесообразнее, чем больше результат достигнут посредством ее» [3, с. 7].

Далее философ приходит к выводу, что сбережение сил, возможно через построение систем и «тем самым все постановки вопросов получают единое, общее решение, т. е. все они апперципируются посредством одной лишь группы – центрального представления системы; кроме того, воспроизведение этой группы становится все легче и понятнее, благодаря ее благоприятному положению и частому применению» [3, с. 10].

Основы, описанные в данных трудах, отражают понимание экономии сил, которые ложатся в русло регулирования отношений, в фиксации в актах относительно процедур и процесса правоприменения, объяснение ситуаций в том числе о причинах проводимых изменений, основанных на практике.

Если посмотрим на толкование понятий процесс и процедура в юридическом словаре, то увидим, что под процессом в праве понимается порядок рассмотрения дел в суде или административных органах, судопроизводство [4, с. 618], а под процедурой официально

установленный, предусмотренный правилами способ и порядок действий при их осуществлении или во втором значении – как составная часть операции или процесса [4, с. 617].

Очевидно, однозначного содержательного единства данные понятия не содержат, есть существенные различия в признаках, а значит понятия не являются синонимами. Другими словами, процедура – это элемент порядка осуществления какой-либо деятельности, в том числе процессуальной деятельности в рамках процессуальных отношений. В связи с этим процедурная экономия является более широким явлением, чем процессуальная экономия и касается она любой правореализационной (правоприменительной) деятельности государственных органов, а не только осуществляемой в рамках процессуальных отношений, предусмотренных процессуальными нормами в соответствующих кодексах.

Принцип процессуальной экономии нами уже исследован ранее [5], поэтому в рамках этой работы на нем останавливаться не будем, внимание уделим принципу процедурной экономии в части и иных выполняемых административных функций.

Оптимизация процессов реализации права является движущей силой любых изменений законодательства. В то же время наибольшую значимость данное явление получило именно в период последних двух десятилетий во многом благодаря поиску новых возможностей для экономии бюджета не только для государства, но и иных субъектов, реализующих право, что стало целью и результатом продолжающихся административных реформ в 2012–2022 гг., направленных на оптимизацию работы органов исполнительной власти, сокращение административных барьеров, цифровизацию государственных услуг, подготовку к использованию искусственного интеллекта. Данные результаты стали иметь еще большую ценность на фоне борьбы с COVID-19, а также противодействия экономическим санкциям в отношении России.

Так по данным зарубежных исследований, проведенным в 2009–2010 гг., организация бизнеса в России виделась весьма обременительной для потенциального предпринимателя, поскольку требовала множества как материальных, так и не материальных средств. Например, для открытия бизнеса необходимо было пройти до 9 процедур, уплата налогов могла занимать до 320 часов в год, что составляет почти 1/6 рабочего времени, а получение разрешения на строительство требовало до 540 дней. Для сравнения – лидером по эффективности использования ресурсов при организации бизнеса, в том числе трудовых, являлся Сингапур, где количество процедур при открытии бизнеса – 3, уплата налогов занимала до 84 часов в год, а разрешение вопросов по строительству занимало до 25 дней.

Между тем, ситуация постепенно менялась. Так, в зарубежных аналитических материалах 2019 г. отмечается, что в России проделана существенная работа по улучшению в части оказания «онлайн» услуг и сокращению времени на обработку заявки на получение разрешений на строительство, имеются положительные результаты правового регулирования в части налогов, упрощения их оплаты. В 2020 г. те же рассматриваемые индикаторы в России составили: 4 процедуры при открытии предприятия, 160 дней при получении разрешения на строительство и 159 часов в год на уплату налогов¹, т. е. сокращение составило по всем индикаторам более чем в половину от ранее указанных. На практике сокращение времени на процедуры и сокращение самих процедур в целом положительно сказалось на вовлеченность в бизнес, создало положительную почву для конкуренции, увеличило поступление средств в бюджет. Подобная динамика показывает эффективность правового регулирования ведения бизнеса в России как в части законодательных, так и правореализационных процедур и говорит о целесообразности подобного регулирования и необходимости развития его в дальнейшем.

Оптимизация количества процедур является одним из постоянных вопросов в рамках совещаний Президента РФ с членами Правительства РФ. Например, доклад заместителя председателя Правительства Российской Федерации Д. Григоренко 14 декабря 2022 г. о проделанной работе по совершенствованию процедур контрольно-надзорной деятельности содержал информацию о существенном сокращении количества избыточных правил: «количество проверок, если сравнивать 2021 год с 2019 годом, [...] снизилось почти в два раза только исходя из наведения порядка с нормативно-правовым регулированием, упрощением процедур и цифровизацией»², что привело к ежегодной экономии в 200 миллиардов рублей.

Каким же образом может проявляться и «работать» принцип процедурной экономии при правовом регулировании и насколько широко данный принцип в различных его интерпретациях присутствует в организации и деятельности государственных органов?

Данный принцип можно наблюдать в налоговой сфере, как принцип экономии при сборе налогов, который раскрывается через понимание того, что расходы, связанные с налогообложением, должны быть как можно меньше и для субъектов, которые этот налог платят и для государства, казна которого формируется за счет этого самого налога [6].

¹ DoingBusiness 2020. URL: https://archive.doingbusiness.org/ru/data/explore/economics/russia#DB_dwcp (дата обращения: 12.07.2024).

² Совещание с членами Правительства. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70082> (дата обращения: 15.11.2024).

В научных трудах принцип формулируется и описывается по-разному [7, с. 14], но фактически сводится к положениям о том, что издержки по взиманию налогов должны быть минимальными [8, с. 10], а сумма сбора должна превышать затраты на его обслуживание в несколько раз [9, с. 21]. При этом интерес вызывает и само отнесение данного принципа к административно-хозяйственным принципам [10, с. 62]. Несмотря на то, что в данном принципе ярко прослеживается экономический результат в виде экономии средств, достижение этого эффекта будет происходить путем оптимизации и сокращения различных процедур.

Так, например, был внесен новый абзац в ч. 4 ст. 52 Налогового кодекса Российской Федерации Федеральным законом «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в целях повышения ответственности налоговых агентов за несоблюдение требований законодательства о налогах и сборах», устанавливающий ограничение на отправку налоговых уведомлений налогоплательщику, если общая сумма налогов, исчисленных налоговым органом, составляет менее 100 рублей. Данное изменение было внесено, по всей видимости, из соображений экономии средств и нецелесообразности уведомления о налоговой задолженности.

В продолжении данной политики обратим внимание, что Федеральным законом от 08.08.2024 № 259-ФЗ внесены изменения, предусматривающие, в том числе, увеличение данного ограничения до 300 рублей, что можно связать с «ростом цен» и соответственно увеличением расходов на осуществление процедур налогообложения.

Похожую цель преследуют в любой административной деятельности государственных органов с той лишь разницей, что экономия средств на процедурах как цель будет достигаться не только для упрощения и сокращения расходов на работу государственных служащих, но и создания благоприятных условий для граждан. В этой связи показательным будет ситуация с принятием Федерального закона от 24.06.2025 № 160-ФЗ «О внесении изменений в статью 11.1 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», которым предусмотрено увеличение лимитов выплат по упрощенному порядку оформления ДТП без вызова сотрудников Госавтоинспекции со 100 тысяч рублей до 200 тысяч рублей. Как указано в пояснительной записке к проекту закона данное изменение способствует увеличению количества водителей, желающих оформить ДТП с помощью европротокола, что в свою очередь повлечет увеличение сэкономленного времени для водителей, попавших в аварийную ситуацию, позволит избежать заторов на дорогах, а также позволит более эффективно использовать личный состав дорожно-патрульной службы³.

Другой пример связан с сокращением процедур при предоставлении государственных и муниципальных услуг. Как известно данная сфера уже более десятилетия претерпевает существенные положительные изменения, а именно проводятся мероприятия по цифровой трансформации государственных и муниципальных услуг в рамках Федерального проекта «Цифровое государственное управление»⁴ национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Среди задач, которые уже частично достигнуты, определены: формирование и использование электронных реестров органов власти; комплексный подход к решению ситуаций заявителей; минимизация количества участников – должностных лиц с помощью перевода услуг в режим «online», увеличение количества способов (в том числе с помощью разнообразных устройств и приложений) взаимодействия с государственными структурами. Очевидно, что данные усилия направлены на дешевизну решения вопроса, сокращение административных действий, скорость принятия решения по конкретному обращению, а значит и возможности реализации прав граждан с более лучшей эффективностью.

В некоторых отраслевых сферах процедурная экономия имеет место в части сокращения прохождения административных процедур, применяемых в отношении отдельных категорий лиц в виде льгот. Самым ярким апробированным временем примером можно назвать наделение специальным административно-правовым статусом субъектов, имеющих определенные привилегии при прохождении таможенного и иных видов государственного контроля и надзора при перемещении товаров через государственную границу. К данным субъектам относят лиц с низкой категорией риска, уполномоченных экономических операторов, лиц включенных в Реестр добросовестных участников внешнеэкономической деятельности [11].

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 378475-8 «О внесении изменений в статью 11.1 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/378475-8> (дата обращения: 09.09.2025).

⁴ Паспорт Федерального проекта «Цифровое государственное управление», утвержден президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 28 мая 2019 г. № 9). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Данная система управления рисками, а также система проведения таможенных процедур в отношении льготной категории лиц предусмотрена Таможенным кодексом Евразийского экономического союза. В соответствии с ч. 3 ст. 378 данного кодифицированного акта основными целями использования таможенными органами системы управления рисками определены: во-первых, обеспечение эффективности таможенного контроля, во-вторых, концентрация внимания на областях с высоким уровнем риска и обеспечение эффективного использования ресурсов таможенных органов, и в-третьих, создание условий для ускорения и упрощения перемещения через таможенную границу товаров, по которым не выявлена необходимость применения мер по минимизации рисков. Данные положения также соответствуют принципу процедурной экономии.

Несмотря на то, что зачастую подобные статусы раскрываются с позиции дополнительных прав и льгот у субъектов, стоит воспринимать данные механизмы как реализацию «здорового смысла», позволяющую экономить силы и средства государства с целью использования их с большой эффективностью и полезностью для общества.

Система оценки рисков применяется контрольно-надзорными органами не только в таможенной отрасли, но и с августа 2020 г. в иных сферах в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Как было ранее указано в пояснительной записке к указанному проекту закона «регулирование контрольно-надзорной деятельности, предусмотренное законопроектом, основано на подходе, согласно которому цели государственного контроля (надзора), муниципального контроля должны достигаться преимущественно при помощи более мягких и менее затратных методов, не предполагающих непосредственного взаимодействия с контролируемым лицом. Соответственно, законопроект предполагает отказ от использования проверок как основного инструмента контроля, перенос акцентов на иные контрольно-надзорные мероприятия»⁵. В роли иных мероприятий выступают, прежде всего, профилактические мероприятия. Регулирование контрольно-надзорных мероприятий базируется на принципах соразмерности вмешательства в деятельность контролируемых лиц, управление рисками причинения вреда и недопустимости множественности контроля одних и тех же обязательных требований. Влияние на появление нового порядка оказал COVID-19 и его социально-экономические последствия. Согласно результатам мониторинга, нарушения запрета проведения проверок в 2020 г. административная нагрузка на бизнес по сравнению с апрелем 2019 г. сократилась в 15 раз⁶.

Постановлением Правительства Российской Федерации «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» в отношении юридических лиц, субъектов, занимающихся предпринимательской деятельностью внутри государства установлены ограничения на проведение плановых и внеплановых проверок. Исключение составляют объекты, отнесенные к категориям чрезвычайно высокого и высокого риска, для проверок, которые проводятся контрольными органами в случае угрозы жизни и здоровья граждан, безопасности страны, а также на основании индикаторов риска нарушения обязательных требований. Подтолкнуло к подобным кардинальным изменениям специальная военная операция и санкции Запада.

22 ноября 2023 г. В.В. Путин провел совещание с членами Правительства Российской Федерации, на котором обсуждался вопрос о результатах реформы контрольно-надзорной деятельности и дальнейших перспективах снижения административной нагрузки на бизнес. Было отмечено существенное положительное влияние введения моратория на проверки, а также о планах по упрощению норм и правил в отношении предпринимательской деятельности. Отдельное внимание уделено организации обратной связи от субъектов бизнеса⁷. В результате решено было мораторий на внеплановые проверки продлить еще на год. Таким образом, мораторий на плановые проверки установлен до 2030 г., а на внеплановые проверки ежегодно продляется и в настоящий момент после принятия Постановления Правительства РФ «О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336» распространил свое действие до 2024 года включительно.

Учитывая положительные оценки со стороны представителей бизнеса и представленные отчеты публичной власти, полагаем, что нужно и дальше развивать и реализовывать идею

⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 850621-7 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/850621-7> (дата обращения: 24.06.2024).

⁶ Минэкономразвития запустило мониторинг нарушения запрета проведения проверок бизнеса. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/ekonomika_bez_virusa/minekonomrazvitiya_zapustil_monitoring_narusheniya_zapreta_provedeniya_proverok_biznesa.html (дата обращения: 21.04.2024).

⁷ Совещание с членами Правительства. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72788> (дата обращения: 21.04.2024).

«критериев риска» при проведении контрольно-надзорной деятельности. Согласимся с мнением С.А. Агамагомедовой, что «в современных условиях необходимо упрощать доступ лиц к выделенным привилегированным административно-правовым статусам посредством снижения уровня требований к получению статуса, а также минимизации последующего контрольно-надзорного воздействия на данные статусы» [11, с. 29].

Полагаем, что процедурная экономия возможна в двух случаях. Первый – при правовом регулировании на стадии правотворчества, уменьшая количество процедур, ранее предусмотренных законодательством, при чем некоторые из них имеют очевидную связь со снижением издержек на регулирование.

Во втором случае – сокращение процедур непосредственно субъектом осуществляющим правореализацию при появлении определенных юридических фактов, наступление которых дает такую возможность. Последнее зачастую, и отождествляется с реализацией принципа процессуальной экономии, как например, в уголовно-процессуальном праве в ситуации с особым порядком судебного разбирательства [12, с. 258] или в случае вынесения судьей судебного приказа в рамках гражданского судопроизводства [13]. Данные возможности по сокращению процедур могут быть при наличии заявленного права со стороны субъекта – физического или юридического лица, желающего им воспользоваться. Но обратим внимание, что о процессуальной экономии можно говорить и в том случае если должностное лицо реализует этот принцип без чьего-либо заявления. Речь идет о ситуациях как например, принятие решения о проведении или не проведении проверки показаний на месте предусмотренной ст. 194 УПК РФ.

Таким образом отметим, что: 1) процессуальная экономия является составляющим более широкого по содержанию явления – процедурной экономии; 2) принцип процедурной экономии – это руководящее начало, обеспечивающее разрешение правовых дел с минимальными затратами сил, средств, времени всеми участниками правовых отношений; 3) принцип процедурной экономии является инструментом административной деятельности, который способствует нормативному сокращению процедур, а также позволяет создать условия сокращения процедур при правореализации; 4) процедурная экономия является основой регулирования всей правореализационной (правоприменительной) деятельности. Основными перспективными формами реализации принципа процедурной экономии будет являться: а) подготовка норм права, позволяющих сократить ранее существующие процедуры; б) оптимизация деятельности правоприменителя в установленных законом рамках; в) установление групп риска в контрольно-надзорной деятельности, позволяющих производить выборочные процедуры при правоприменении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М., 1986.
2. Мах Э. Принцип сохранения работы: к истории вопроса. Механическая физика. Логический корень принципа исключенного *perpetum mobile*. М., 2025.
3. Авенариус Р. Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил. *Prolegomena к критике чистого опыта*. М., 2020.
4. Большой юридический словарь. М., 2010.
5. Орлов Д.В. Процессуальная экономия как средство снижения стоимости правоприменения // Академический юридический журнал. 2024. № 4(98). Т. 25.
6. Лабзин А.А., Насонов Н.А. О некоторых принципах налогообложения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2006. № 2.
7. Вылкова Е.С. Многообразие подходов к идентификации принципов налогообложения (принципиальный калейдоскоп) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 2(86).
8. Дадашев А.З. Налоги и налогообложение в Российской Федерации. М., 2013.
9. Изотова Т.Г. Налоги и налогообложение. Теория налогообложения и характеристика налоговой системы России. М., 2010.
10. Никулкина И.В. Общая теория налогообложения. М., 2011.
11. Агамагомедова С.А. Привилегированные административно-правовые статусы подконтрольных лиц как отражение дерегулирования в таможенной сфере // Административное право и процесс. 2023. № 5.
12. Поляков М.П., Смолин А.Ю. Принцип процессуальной экономии в контексте «третьего уголовно-процессуального технологического уклада» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4(44).
13. Решетняк В.И., Черных И.И. Заочное производство и судебный приказ в гражданском процессе / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. М., 1997.

REFERENCES

1. Philosophical Dictionary / ed. by I.T. Frolov. 5th ed. Moscow, 1986.
2. Mach E. The principle of job conservation: towards the history of the issue. Mechanical physics. The logical root of the principle of excluded perpetum mobile. Moscow, 2025.
3. Avenarius R. Philosophy as thinking about the world according to the principle of the least measure of forces. Prolegomena towards a Critique of Pure Experience. Moscow, 2020.
4. Big legal dictionary. Moscow, 2010.
5. Orlov D.V. Procedural economy as a means of reducing the cost of law enforcement // Academic Law Journal. 2024. № 4(98). Vol. 25.
6. Labzin A.A., Nasonov N.A. On some principles of taxation // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law Series, 2006. №. 2.
7. Vylkova E.S. A variety of approaches to the identification of taxation principles (a fundamental kaleidoscope) // Izvestiya St. Petersburg State University of Economics. 2014. № 2(86).
8. Dadashev A.Z. Taxes and taxation in the Russian Federation. Moscow, 2013.
9. Izotova T.G. Taxes and taxation. Taxation theory and characteristics of the Russian tax system. Moscow, 2010.
10. Nikulkina I.V. General theory of taxation. Moscow, 2011.
11. Agamagomedova S.A. Privileged administrative and legal statuses of controlled entities as a reflection of deregulation in the customs sphere // Administrative Law and Process. 2023. № 5.
12. Polyakov M.P., Smolin A.Yu. The principle of procedural economy in the context of the «third criminal procedural technological order» // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4(44).
13. Reshetnyak V.I., Chernykh I.I. Correspondence proceedings and a court order in civil proceedings / Lomonosov Moscow State University Moscow, 1997.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Орлов Дмитрий Викторович, кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела. Нижегородская академия МВД России. 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

ORCID: 0000-0003-0485-6140

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Orlov Dmitry Viktorovich, PhD in Law, Associate Professor, Doctoral Student of the Research Department. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 3, Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod 603950 Russian Federation.

Научная статья
УДК 340.132.1

СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО: ПОИСК НОВЫХ ПУТЕЙ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Попов Виктор Викторович

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация
lkj5@mail.ru

Введение: актуальность формирования новых теоретических моделей субъективных прав с определением их места и роли в механизме действия права обусловлена важностью построения научного фундамента совершенствования юридической деятельности как одного из важнейших средств обеспечения национальной безопасности. Однако создание модели данных прав, сообразной правовой реальности затрудняется обилием ошибок и неточностей, присущих многочисленным исследованиям субъективных прав, как в нашей стране, так и за рубежом.

Материалы и методы: исследование основано на научных материалах юридического и отчасти неюридического характера. При этом применялась совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания, описание и интерпретация; теоретические методы формальной и модальной логики.

Результаты исследования: уход от присущих юридическим исследованиям проблем не допускает смешения прагматического (в т. ч. политико-идеологического) и семантического аспекта исследования проблематики субъективных прав, но позволяет выявить их максимально обобщающую характеристику с корректным определением места и роли в правовом регулировании.

Выводы и заключения: логико-семантический контекст анализа субъективных прав не позволяет относить данные права ни к воле, ни к интересам, ни к состояниям, ни к возможностям. Не имеют субъективные права и собственных прескриптивных свойств. Однако, эти права являются дублирующим либо косвенным экспонентом юридических обязанностей/запретов и именно в этой ипостаси входят в предписывающее правовое регулирование. Кроме этого, субъективные права имеют и собственный непредписывающий регулятивный потенциал, проявляя себя как особые социально-правовые оценки ante legem, pre legem, secundum legem, praeter legem, post legem, отражающие общее идеологическое влияние права.

Ключевые слова: субъективное право, деонтическая возможность, воля, интерес, правовое состояние, правовой экспонент, правовой денотат, правовой десигнат, непредписывающее правовое регулирование.

Для цитирования: Попов В. В. Субъективное право: поиск новых путей построения теоретической модели / В. В. Попов // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 29–35.

Original paper

SUBJECTIVE LAW: SEARCHING FOR NEW WAYS TO BUILD A THEORETICAL MODEL

Popov Victor Victorovich

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the relevance of the formation of new theoretical models of subjective rights with the definition of their place and role in the mechanism of law is due to the importance of building a scientific foundation for improving legal activity as one of the most important means of ensuring national security. However, the creation of a model of these rights consistent with the legal reality is hampered by the abundance of errors and inaccuracies inherent in numerous studies of subjective rights, both in our country and abroad.

Materials and methods: the research is based on scientific materials of a legal and partly non-legal nature. At the same time, a set of general scientific and private scientific methods of cognition, description and interpretation, theoretical methods of formal and modal logic were used.

Results of the study: avoiding the problems inherent in legal research does not allow mixing the pragmatic (including political and ideological) and semantic aspects of the study of the problems of subjective rights, but allows us to identify their maximum generalizing characteristics with the correct definition of their place and role in legal regulation.

Findings and conclusions: the logical and semantic context of the analysis of subjective rights does not allow these rights to be attributed neither to will, nor to interests, nor to states, nor to opportunities. They have no subjective rights and no prescriptive properties of their own. However, these rights are a duplicate or indirect exponent of legal obligations/prohibitions, and it is in this guise that they enter into prescriptive legal regulation. In addition, subjective rights have their own non-prescriptive regulatory potential, manifesting themselves as special socio-legal assessments of *ante legem*, *pre legem*, *secundum legem*, *praeter legem*, *post legem*, reflecting the general ideological influence of law.

Keywords: subjective law, deontic possibility, will, interest, legal status, legal exponent, legal denotation, legal designation, non-prescriptive legal regulation.

For citation: Popov V. V. Subjective law: searching for new ways to build a theoretical model / V. V. Popov // Jurist-Jurist : Scientific-theoretical and Informative.- methodical. journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 29–35.

Значительное внимание к проблематике субъективных прав как отечественной, так и в зарубежной юриспруденции можно считать устоявшимся научным обыкновением, что вполне объяснимо в силу целого ряда обстоятельств, среди которых особого хотелось бы отметить два. Первое касается некоего примата прагматического аспекта исследования предмета юридической науки над семантическим, что имеет довольно давнюю традиция и в некоторых проявлениях восходит еще к линии своеобразного противостояния («старого») глоссаторского метода *mos italicus* над т. н. «новым методом» *mos gallicus*, когда цитатно-догматическое поклонение тексту канона (например, в форме дигест из *Corpus juris civilis*) и аргументы *ad hominem* (усердность цитирования авторитетных ученых) конфронтировали с попыткой использования в новых социальных реалиях лишь максимально рационального из того, что имелось в объектном и метаязыке римского права.

Второе обстоятельство касается чрезвычайной идеологизированности проблематики субъективных прав, причем не только в силу того, что права и свободы личности связаны с субъективными правами в большей или меньшей мере, что побуждает некоторых ученых поднимать весьма специфический в политико-идеологическом плане вопрос, например, о наличии и необходимости преодоления разрыва между «двумя реальностями» нормами права и субъективными правами (к сфере бытия которых примыкают также права человека, свобода и справедливость).

Говоря же о правах и свободах личности, следует особо отметить, что за последние 50 лет эти права превратились не только в некую международную валюту и зонтик, прикрывающий самые разные модели справедливости, но и оправдание практически любых незаконных силовых акций по разрушению национального суверенитета. Видимо, неслучайно, например, Э. Визель, Н. Гордимер, Р. Дебре и др. ученые подчеркивают, что ныне права человека представлены чуть ли не как «религия человечества», а любую критику учений об этих правах принято расценивать без малого как святотатство.

Все это затрудняет построение научно обоснованных, соответствующих объективной реальности моделей субъективного права и, соответственно, моделей нормы права, правового регулирования и государственного управления как теоретического фундамента для совершенствования юридической деятельности в системе средств защиты государственного суверенитета и обеспечения национальной безопасности при обеспечении гармоничного сочетания интересов личности и государства.

В силу этого, если все же не смешивать логико-семантические и прагматические, политико-идеологические плоскости исследования, то можно предложить следующие положения, относящиеся к теоретической реконструкции субъективных прав.

Определение субъективных прав как воли, юридически защищенного интереса [3, с. 456], равно как одновременно воли и интереса [4, с. 44]) не вполне удачно как в силу того, что воля не присуща недееспособным лицам, хотя их признают носителями субъективных прав, а обеспечение интереса следует относить скорее к цели субъективного права, нежели к его

характеристике [5, с. 59], так и в силу того, что такая характеристика как «воля», «интерес» едва ли относятся к максимально обобщающим в рамках языка общетеоретической юридической науки.

Характеристика субъективного права как состояния (например, правового [6, с. 62], субъективного [6, с. 86]) также видится не очень удачным и в силу того, что оставляет затруднительным определение того, какой аспект реальности (материальный либо информационный) отражен в такой модели и в силу того, что указанная характеристика также не является достаточно общей для теории государства и права

Довольно значимым является определение субъективного права через меру, что принято связывать с творчеством Д.И. Мейера [7, с. 253], сделавшего это одним из первых. Вместе с тем, заметим, что данный термин не относится к интуитивно понятным. Разработки иных наук показывают, что термин «мера» чаще всего характеризует определенные количественные и качественные параметры описываемого объекта [8]. В объектном языке права этот термин не имеет легальной дефиниции, равно как и четкого определения в метаязыке права, однако посредством меры в юридической науке обычно принято описывать некие границы. В силу этого важно обратить внимание на то, границы чего именно и составляет мера.

Думается, что сопрягать меру с поведением следует весьма осторожно, поскольку регламентируемое правом поведение людей относится в миру вещественных явлений как проявлению материального аспекта реальности (в том числе и поведение по поводу невещественных объектов, например, музыкальных произведений и т. д.). Однако в таком случае субъективное право не следует определять как меру вещественной реальности и совершенно прав был, например, известный римский юрист Гай, отмечавший, что право пользования вещью, право ее наследования и т. п. являются «бестелесными» [9].

Однако вполне допустимо сопрягать потенциал термина мера с информационным аспектом реальности. Предпосылки к этому видны в том, что право в любом типе правопонимания признается содержащим в себе информационный компонент и потому совершенно верно, например, А.Ф. Черданцев отмечал, что «Право есть не что иное, как определенная система информации, а правовое регулирование – движение информации» [10, с. 5]. При этом, например, Н. Винер [11] и К. Шенон [12] определяли информацию так, что меру здесь можно понимать как определенность информации, как выражение этой определенности через знаковую систему выражения информации. При таком подходе мы получаем интерпретацию субъективных прав в языковом контексте как определенных высказываний. И совершенно правильно, например, В.Н. Корнев пишет, что «Все нормы и принципы права формулируются при помощи языка. Право существует в высказываниях о нем. Оно не мыслимо вне и помимо языка» [13, с. 6]. Данный подход представляется наиболее точным, поскольку именно он выражает методологическую функцию теории государства и права.

Характеристика субъективного права в качестве высказываний о возможности, как меры возможного поведения [14, с. 26] представляется достаточно интересным, поскольку высказывания о возможном относятся к достаточно фундаментальным и для философии, и для юриспруденции, и для иных дисциплин. Однако в содержательном аспекте такой подход едва ли удачен. Поскольку проблематично говорить о субъективных правах как о возможностях практически в любой интерпретации возможности, несмотря на довольно широкое использование данного термина в законодательных текстах.

При диалектической интерпретации возможности, когда она фактически уравнивается с чем-то потенциальным и считается парной категорией по отношению к действительности (т. е. чему-то актуальному, существующему) [15, с. 352], как о мере возможного поведения совершенно корректно говорить и по отношению к субъективным правам и по отношению к юридическим запретам/обязанностям, поскольку пока они не реализуются, то представляют собой (говоря терминами, например, А.П. Шептулина, потенциальную действительность) [15, с. 352]. Будучи же реализованным, субъективное право по этой логике становится уже мерой действительного поведения. Но, равно как и осуществленные обязанности/запреты. Как видно, подобный подход не позволяет отличать субъективные права от юридических обязанностей/запретов.

Использование же алетической (классической) интерпретации возможности также весьма проблематично, поскольку разрешения и возможности вовсе не эквиваленты. В частности, внутренне противоречивым является высказывание о том, что противоправное поведение является разрешенным хотя бы потому, что запрещенное поведение является не разрешенным. Однако совершенно не противоречивым является высказывание о том,

что противоправное поведение является возможным хотя бы потому, что не возможное не существует, а противоправное поведение (к сожалению) существует, хотя разрешенным не является. Более того, любое поведение является юридически обязательным (что эквивалентно запрету от воздержания данного поведения) только тогда, когда оно возможно, что еще с античных времён отражено в принципе «*impossibilium nulla obligatio est*» (не существует обязанности выполнить невозможное).

Использование т. н. деонтической интерпретации возможности, когда она фактически произвольно используется просто как синоним разрешения [16, с. 250] проблематично в силу нарушения научного принципа однозначности именования. Тем более, что при этом заимствуется достаточно строгий, фундаментальный термин из понятийного аппарата алетической логики.

Определение субъективного права как меры свободы также не вполне удачно, поскольку, если речь идет о т.н. позитивной свободе («свободе для»), то ее часто интерпретируют как возможность [17, с. 8], проблематичность чего была выше рассмотрена. Конечно, позитивную свободу толкуют и иначе, но тут скрывается следующая проблема – исключительно широкое, фактически свободное понимание свободы, что вполне объяснимо самой природой данного понятия. Данный термин превращен ныне в идеологему, которая широко применяется в самых различных, зачастую во взаимно остро противоречивых политических контекстах, причем, очень часто наблюдается манипулятивное использование таких контекстов. То же самое наблюдается и для негативного понимания свободы («свободы от»), что делает весьма нецелесообразным использование термина «свобода» для характеристики субъективных прав, несмотря на использование данного термина в законодательных текстах.

Характеристика субъективного права как разрешений (дозволений) на первый взгляд выглядит довольно фундаментальной и точной. Однако, анализ дозволений выявляет довольно серьезную проблему. Суть ее в том, что достаточно давней является идея о том, что субъективные права формализованы в нормах права и, соответственно, юридические нормы имеют не только обязывающий (запрещающий) характер, но и предоставительный. Из этого следует, казалось бы, логичная идея о том, что юридическое разрешение (дозволение) является юридическим предписанием.

Однако, здесь следует сделать оговорку относительно толкования термина «предписание». Автор не использует термин «правовое предписание» в том смысле, как об этом говорит, например, М.Л. Давыдова, понимая под предписанием фактически часть текста, формализующего норму права в соответствующем документе [18].

Автор не использует термин «правовое предписание» и в том смысле, как об этом говорит, например, В.Н. Корнев. Но здесь требуются особые оговорки. В частности, высказывание о том, что «Недопустимо отождествление понятий «норма права» («*Rechtsnorm*») и «правовое предписание (предложение)» («*Rechtssatz*»), что достаточно часто встречается в отечественной теории права» [19, с. 6] представляется излишне категоричным в силу того, что оно верно, но для определенных частных случаев. К таким случаям относится использование имени «норма права» для обозначения нормы как таковой, а имени «правовое предписание» для обозначения описания нормы права.

Само различие подобных явлений (нормы и ее описания) представляется совершенно верным и исключительно важным, однако, выбор указанных имен представляется не вполне удобным. Проблема здесь в том, что термин «предписание» в контексте специальных исследований по проблематике модальных логик имеет довольно узкую область интерпретации, что весьма удобно для отграничения, например описаний (дескрипций, выражаемых в субъектно-предикатной форме как «S есть P») от предписаний (прескрипций, выражаемых как разновидность модальности «M(S есть P)»). В силу этого использование имени «предписание» для обозначения описания и выглядит не вполне удобным, поскольку в научном языке более предпочтительна ситуация, когда имя имеет лишь один денотат (принцип Фреге-Рассела). В противном случае мы получаем выражение «правовое предписание как описание предписания», где специальное и общее содержание одного и того же имени порождает противоречивое выражение.

Вероятно, данное неудобство является следствием не вполне удачного перевода, например, кельзеновского термина «*Rechtssatz*», отличного (от «*Rechtsnorm*»). Термин «правовое предложение», как второй вариант перевода «*Rechtssatz*» хотя и является более точным, но также не вполне удобным, т. к. предложения могут быть как дескриптивными, так и прескриптивными (предписывающими). В силу этого термин «(правовое) предписание» представляется более удобным как родовой по отношению к термину

норма права, т. е. норма права есть частный случай правового предписания (норма есть предписание общего характера). А то, что, например, Г. Кельзен именовал «*Rechtssatz*» представляется наиболее целесообразным переводить с использованием терминологии Г. фон Вригта как (правовые) нормы *de dicto*, т. е. как описания (дескрипции)¹ норм *de re* [20], т. е. предписаний (общего характера), относящихся к объектному языку права (т. е., говоря языком, например, Г. Кельзена, к «*Rechtsnorm*»).

Итак, речь идет о том, что если норма имеет представительный характер, формализуя норму права, то и субъективное право является юридическим предписанием общего характера (при понимании предписания в специальном стандартном смысле). Однако, отнесение субъективного права к прескрипциям ведет к сложностям к взаимной определенности юридических дозволений с запретами и обязанностями. В частности, к такой определенности с запретами, когда мы получаем описания («не разрешено»), которые являются не только выражениями с отрицанием нормативной модальности (именуемыми, также, например, правовыми операторами модальности [21, с. 126]), что несколько противоречиво, ибо описание в субъектно-предикатной форме «S есть p» как раз и становится предписанием при добавлении соответствующего оператора (модальности), т. е. получает форму M(S есть p). А затем мы видим отрицание этого оператора, т. е. «не-M(S есть p)». Но проблемой такого отрицания является также и то, что выражение «не разрешено поведение «П»» допустимо формулировать как выражение «ложно, что разрешено поведение «П»». Однако, для предписаний это неприемлемо, по меньшей мере, с классической (аристотелевской) концепции истинности. И даже если использовать в юриспруденции иную концепцию истинности [22], то это не будет ни отрицать применимость классической концепции, ни отменять недопустимость истинностных/ложных значений для юридических предписаний.

Кроме того, по отношению к субъективным правам, формализующим юридические дозволения, проблематично вести речь о нарушении этих дозволений. Иными словами, если считать дозволение предписанием, то нарушить такое предписание (в отличие от предписаний через обязанности/запреты) невозможно, т. е. сама возможность не выполнить разрешение отсутствует, что не вполне соответствует самой природе нормативного предписания. Помимо этого, природе нормативного предписания в отношении дозволений не соответствует и их смысловая связь с аксиологическими оценками. Дело в том, что нормы являются частным случаем оценок, стандартизированными с помощью санкций [23], однако, в отличие от правовых запретов/обязанностей, субъективные права не обеспечены санкционной защитой (хотя бы потому, что носитель такого права попросту не может его нарушить).

Вместе с тем, все сказанное не означает ни того, что субъективные права не имеют никакого отношения к правовым прескрипциям (предписаниям), ни того, что субъективные права не имеют регулятивного потенциала.

Отношение субъективных прав юридическим предписаниям проявляется в том, что они являются особым выражением юридических предписаний. Речь идет не о т. н. корреспондирующей связи прав и обязанностей, ибо для такой связи субъективные права следовало бы признать прескрипциями. Соответственно, называть такую связь системной [24, с. 189] не следует.

Речь идет о совершенно иной схеме соотношения. Данная связь базируется на отличном от распространенных в юридической науке представлениях о связи права и законодательства, когда речь идет о политико-идеологическом контексте соотношения права и закона, позволяющем, например, лишать легитимности некоторые законы на том основании, что они являются неправовыми.

В авторской же модели соотношении взаимосвязь права и законодательства (понимаемом, однако, как совокупность всех форм права, а не только как нормативно-правовых актов и уж тем более, только законов) выражена в особом представлении о формальной определенности права. В основе таких представлений лежит модель правового семиотического треугольника, что является экстраполяцией на юриспруденцию идей А.А. Ричардса, Г. Фреге, Ч.К. Огдена и некоторых других ученых. Треугольник назван семиотическим, а не семантическим, поскольку предлагаемая модель в большей мере тяготеет к семиотическому социально обусловленному смыслообразованию и инструментальной теории знаков Л. Витгенштейна, нежели к безличной семантике, опирающейся на репрезентативную теорию Г. Фреге.

В этой модели выделяется знак (референт), смысл (десигнат) и значение (денотат) права. Законодательство при этом относится к знаку права. Субъективное право в контексте данной модели представлено как законодательный феномен, как знак права. Это дублирующий

¹ И эта дескрипция относится к метаязыку права.

или косвенный референт, смыслом (десигнатом) которого является собственно правовое предписание, в частности, юридические обязанности (запреты). Функцию же своеобразного индикатора прескриптивной содержательности этого знака (экспонента права), выполняет правовая санкция, указывающая, на то, что десигнатом не является пустое множество. Такая модель указывает на место и роль субъективных прав в предписывающем (нормативном) правовом регулировании.

У субъективных есть регулятивный потенциал и за пределами предписывающего правового регулирования. Этот потенциал раскрывается в сфере регулирования непредписывающего, когда субъективные права проявляют себя в несколько ином аспекте – как оценки «ante legem», «pre legem», «praeter legem», «secundum legem», «post legem».

Это отражает общее идеологическое влияние права при том, что здесь идеология признается имманентно присущей праву, причем, не отдельным его отраслям, например, конституционному праву, но праву в целом хотя бы в силу того, что аксиологически оценки алгоритмически предшествуют любой норме права и идеология вовсе обязательно выражает только некие манипулятивные политические контексты социального управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пермяков Ю.Е. Проблема онтологического единства правовых норм и суждений // Конфликтология. 2011. № 4.
2. Peter D Burdon. Foucault and the Politics of Rights // Adelaide Law Review. 2016. № 37(2).
3. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. Лекции, читанные в Московском университете. М., 1899.
4. Jellinek G. System der subjektiven öffentlichen Rechte. Freiburg, Akademische Verlagsbuchhandlung von J.C.B Mohr Paul Siebeck, 1892.
5. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995.
6. Герваген Л.Л. Обязанности как основание права. СПб., 1908.
7. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2-х ч. М., 2003.
8. Сакбаев В.Ж. Меры на бесконечномерных пространствах, инвариантные относительно сдвигов // ТРУДЫ МФТИ. 2016. Том 8, № 2.
9. Дигесты Юстиниана: избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И. С. Перетерского. М., 1984.
10. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012.
11. Винер Н. Кибернетика или Управление и связь в живом и машине. М., 1983.
12. Шеннон К.Э. Математическая теория связи. М., 1963.
13. Корнев В.Н. Право как языковой феномен // Государство и право. № 6, 2018.
14. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004.
15. Шептулин А.П. Система категорий диалектики. М., 1967.
16. Шашкова В.Н. Специфика проявлений модальных значений необходимости и возможности в профессиональном юридическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75.
17. Клименко Ю.Г. Свобода как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006.
18. Давыдова М.Л. Нормативно-правовое предписание как начальный уровень правовой нормативности // Конфликтология. 2011. № 4.
19. Корнев В.Н. Право как языковой феномен // Государство и право. 2018. № 6.
20. Wright G. H. von. Norm and Action. London: Routledge and Kegan Paul, 1963.
21. Нормы советского права: проблемы теории / В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.М. Баранов и др. Саратов, 1987.
22. Баранов В.М. Истинность норм советского права. Саратов, 1989.
23. Ивин А.А. Логика норм. М., 1973.
24. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право = Natural positive law: введение в теорию. Красноярск, 2004.

REFERENCES

1. Permyakov Yu.E. The Problem of Ontological Unity of Legal Norms and Judgments // Conflictology. 2011. № 4.

2. Peter D. Burdon. Foucault and the Politics of Rights // *Adelaide Law Review*. 2016. № 37(2).
3. Gambarov Yu.S. Civil Law. General Part. Lectures given at Moscow University. Moscow, 1899.
4. Jellinek G. System of Subjective Offentlichen Rechte. Freiburg, Akademische Verlagsbuchhanlung von J.C.B. Mohr Paul Siebeck, 1892.
5. Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law (based on the 1907 edition). Moscow, 1995.
6. Gerwagen L.L. Duties as a Basis of Law. St. Petersburg, 1908.
7. Meyer D.I. Russian Civil Law: in 2 parts. Moscow, 2003.
8. Sakbaev V. Zh. Measures on Infinite-Dimensional Spaces Invariant with Respect to Shifts // *PROCEEDINGS OF MIPT*. 2016. № 2. Vol. 8.
9. Digests of Justinian: Selected Fragments, Translated and Annotated by I. S. Peretersky. Moscow, 1984.
10. Cherdantsev A.F. Logical and Linguistic Phenomena in Jurisprudence. Moscow, 2012.
11. Wiener, N. Cybernetics, or Control and Communication in the Living and the Machine. Moscow, 1983.
12. Shannon K. E. Mathematical Theory of Communication. Moscow, 1963.
13. Kornev V.N. Law as a Linguistic Phenomenon // *State and Law*. № 6. 2018.
14. Matuzov N.I. Actual Problems of Legal Theory. Saratov, 2004.
15. Sheptulin A.P. The System of Dialectic Categories. Moscow, 1967.
16. Shashkova V.N. Specificity of Manifestations of Modal Meanings of Necessity and Possibility in Professional Legal Discourse // *Bulletin of Tomsk State University. Philology*. 2022. № 75.
17. Klimenko Yu.G. Freedom as a Legal Category: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Tambov, 2006.
18. Davydova M.L. Normative Legal Order as the Initial Level of Legal Normativity // *Conflictology*. 2011. № 4.
19. Kornev, V.N. Law as a Linguistic Phenomenon // *State and Law*. 2018. № 6.
20. Wright G.H. von. Norm and Action. London: Routledge and Kegan Paul, 1963.
21. Norms of Soviet Law: Theoretical Problems / V.K. Babaev, M.I. Baitin, V.M. Baranov, et al. Saratov, 1987.
22. Baranov V.M. The Truth of Norms of Soviet Law. Saratov, 1989.
23. Ivin A.A. Logic of Norms. Moscow, 1973.
24. Shafirov V.M. Natural Positive Law: Introduction to Theory. Krasnoyarsk, 2004.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попов Виктор Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства. Волгоградская академия МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.
ORCID ID: 0009-0003- 6659-8092

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popov Victor Victorovich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.

Научная статья
УДК 340

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРАВОВОМ СОЗНАНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Працко Геннадий Святославович

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
dasha_sam94@mail.ru

Джабиева Елена Юрьевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
eishmakhametova@yandex.ru

Введение: в статье проведена систематизация и анализ эволюции научных представлений о правовом сознании несовершеннолетних в дореволюционной юридической теории России (вторая половина XIX – начало XX века) с выявлением методологических и концептуальных различий между ключевыми школами юридической мысли. Задачи исследования включают: реконструкцию понятийного аппарата, использовавшегося в юридической и педагогической литературе указанного периода, выявление особенностей философско-правового, социолого-психологического и педагогико-правового подходов, их сопоставление с европейскими традициями.

Материалы и методы: исследование темы выполнено на основе историко-правового метода и компаративного анализа, позволяющие классифицировать концептуальные модели понимания правового сознания несовершеннолетних и проследить их семантические трансформации.

Результаты исследования: включают три блока. Во-первых, установлены ключевые понятия: «правовое чувство», «правовая нравственность», «правовое воспитание» и прослежена динамика их применения. Во-вторых, зафиксированы различия методологических оснований между школами: осмысление роли ребенка в правовом воспитании, социологической интерпретацией и философско-метафизическим акцентом. В-третьих, показано влияние правовых и философских представлений на институционализацию идей правового воспитания и социализации несовершеннолетних через право.

Выводы и заключения: полученные результаты обеспечивают теоретическую основу для понимания эволюции идеи правового сознания и правовой социализации несовершеннолетних в современной юридической науке: обращение к дореволюционному наследию позволяет уточнить генезис современных концептов правового сознания и правовой социализации. Перспективы будущих исследований связаны с источниковедческим анализом архивных материалов и более детальным сравнением дореволюционных российских и европейских правовых доктрин в области правового воспитания несовершеннолетних.

Ключевые слова: правовое сознание, правовое воспитание, правовая социализация, теория государства и права, дореволюционная юридическая мысль.

Для цитирования: Працко Г. С., Джабиева Е. Ю. Эволюция представлений о правовом сознании несовершеннолетних в правовой мысли России XIX – начала XX века / Г. С. Працко, Е. Ю. Джабиева // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 36–42.

Original paper

THE EVOLUTION OF IDEAS ABOUT THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF MINORS IN THE LEGAL THOUGHT OF RUSSIA XIX – EARLY XX CENTURY

Pratsko Gennady Svyatoslavovich

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Dzhabieva Elena Yuryevna Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: this article systematizes and analyzes the evolution of scholarly understanding of the legal consciousness of minors in pre-revolutionary Russian legal theory (second half of the 19th – beginning of the 20th century), identifying methodological and conceptual differences between key schools of legal thought. The objectives of the study include: reconstructing the conceptual framework used in legal and pedagogical literature of the period; identifying the characteristics of the philosophical-legal, sociological-psychological, and pedagogical-legal approaches; and comparing them with European traditions.

Materials and methods: the study utilizes a historical-legal method and comparative analysis, allowing for the classification of conceptual models for understanding the legal consciousness of minors and the tracing of their semantic transformations.

Results of the study: the study's results comprise three sections. First, key concepts – «legal sense», «legal morality» and «legal education» – are established and the dynamics of their application are traced. Secondly, differences in methodological foundations between schools are documented: understanding the role of the child in legal education, sociological interpretation, and a philosophical-metaphysical emphasis. Thirdly, the influence of legal and philosophical concepts on the institutionalization of ideas regarding legal education and the socialization of minors through law is demonstrated.

Findings and conclusions: the obtained results provide a theoretical basis for understanding the evolution of the idea of legal consciousness and the legal socialization of minors in modern legal scholarship: turning to the pre-revolutionary legacy allows us to clarify the genesis of modern concepts of legal consciousness and legal socialization. Prospects for future research are related to source analysis of archival materials and a more detailed comparison of pre-revolutionary Russian and European legal doctrines in the area of legal education of minors.

Keywords: legal consciousness, legal education, legal socialization, theory of state and law, pre-revolutionary legal thought.

For citation: Pratsko G. S., Dzhabieva E. Yu. The evolution of ideas about the legal consciousness of minors in Russian legal thought in the 19th – early 20th centuries // *Yurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don, 2025. №4(115). – Pp. 36–42.

Проблема правового сознания несовершеннолетних во второй половине XIX – начале XX вв. занимала значимое место в отечественной юридической и педагогической мысли. Она была обусловлена изменением социально-экономических условий, реформированием правовой системы Российской империи и постепенным переходом от сословной структуры к более дифференцированной социальной организации. Эти процессы сопровождались формированием новых подходов к воспитанию подрастающего поколения, включая правовые аспекты. В указанный период активно разрабатывались категории: «чувство законности», «правовое чувство», «правовая нравственность», «правовое воспитание». Как высказывался В.Г. Шершеневич, «чувством законности называется побуждение соблюдать установленные законы, т. е. общие правила поведения, не сообразуясь с конкретными условиями их применения» [1]. Данные понятия отражали интерес к осмыслению роли права в становлении личности ребенка и становились предметом анализа в трудах представителей философско-правовой школы, социолого-психологического направления и педагогической теории.

Несмотря на значительный массив идей дореволюционных авторов, таких как Коркунов Н.М., Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой и др., комплексный анализ их взглядов применительно к феномену правового сознания несовершеннолетних в современной юридической науке фактически отсутствует. Имеющиеся исследования носят фрагментарный характер: у одних точка зрения основана на педагогических практиках, у других – акцент на философских основаниях [2] либо описание педагогических практик [3]. Целостная реконструкция эволюции концепций в юридической науке остается нереализованной.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью восполнения данного пробела. Анализ дореволюционной правовой мысли в контексте правового сознания несовершеннолетних позволяет реконструировать генезис ключевых понятий, выявить их методологическую основу и сопоставить отечественные подходы с европейскими. Это имеет непосредственное значение для современной теории права, в частности для разработки стратегий правового воспитания и социализации молодежи.

Цель исследования – систематизировать и проанализировать эволюцию научных представлений о правовом сознании несовершеннолетних в дореволюционной России, выявив методологические и концептуальные различия между философско-правовым, социолого-психологическим и педагогико-правовым направлениями.

Для достижения указанной цели предполагается решение ряда исследовательских задач, включающих: анализ дореволюционных источников трудов юристов и педагогов относительно правового сознания несовершеннолетних; выявление и классификация ключевых терминов и концептуальных подходов в философско-правовой, социолого-психологической и педагогико-правовой традициях; сопоставление отечественных концепций с отдельными европейскими теориями воспитания и правосознания детей; выводы о влиянии дореволюционной мысли на современные представления о правовом воспитании несовершеннолетних.

Таким образом, исследование направлено на систематизацию понятийного аппарата, подходов и методологических установок дореволюционной юридической науки, связанных с проблемой правового сознания несовершеннолетних и его социализацией.

При попытке систематизации основных подходов к пониманию правового сознания несовершеннолетних в дореволюционной юридической мысли России XIX – начала XX вв. для наглядности можно выделить две аналитические группы: понятийная карта и сравнительная характеристика ведущих научных школ. Выявленные термины демонстрируют постепенный переход от нравственно-правовой к педагогико-правовой интерпретации. Для удобства они представлены в двух аналитических блоках: понятийная карта терминов; сравнительная характеристика ведущих школ.

В дореволюционных трудах правоведов и философов права наблюдается многообразие терминов, использовавшихся для обозначения феномена правового сознания. В таблице 1 представлена систематизация ключевых понятий и их соотнесение с проблематикой воспитания несовершеннолетних.

Таблица 1

Понятие	Автор / школа	Хронология	Контекст применения	Связь с несовершеннолетними
Правовое чувство	Б.Н. Чичерин (философско-прав.)	1860–1870 гг.	Основание нравственно-правового порядка	Воспитание добродетели у молодежи
Чувство законности	Г.Ф. Шершеневич (нормативизм)	1880–1890 гг.	Способность к восприятию и уважению закона	Требует раннего формирования в семье и школе
Правосознание интеллигенции	Б.А. Кистяковский (право и нравственность)	1909 г.	Морально-правовое сознание общества	Условие воспитания нового поколения граждан
Правовые эмоции	Л.И. Петражицкий (социол.-психол.)	1900 гг.	Эмоции как движущая сила правомерного поведения	Особенно значимо для подростков (чувственная сфера)
Правовое воспитание	Н.И. Кареев, К.Д. Ушинский (педагогико-прав.)	1890–1910 гг.	Воспитание гражданина через школу и самоуправление	Целенаправленное формирование правового сознания

В результате анализа можно выделить три основных направления интерпретации правового сознания, оказывавшие влияние на понимание воспитания несовершеннолетних: философско-правовое, социолого-психологическое и педагогико-правовое. Сравнительные характеристики представлены в таблице 2.

Таблица 2

Критерий	Философско-правовая школа (Чичерин, Коркунов)	Социолого-психологическая школа (Петражицкий)	Педагогико-правовая школа (Кареев, Ушинский)	Европейские влияния
Основание правосознания	Разум, нравственность, свобода личности	Эмоции и психология (правовые эмоции)	Воспитание и социальная практика	Кантианская традиция, естественное право
Роль несовершеннолетних	Объект формирования «правового чувства»	Чувственная восприимчивость подростков	Становление гражданственности в школе	Психология права (Дюркгейм)
Каналы социализации	Семья, церковь, государство	Эмоциональные переживания, социальная среда	Школа, ученическое самоуправление	Педагогика Г. Кершенштейнера
Цель	Гармония права и морали	Правомерное поведение через эмоциональные импульсы	Подготовка активного гражданина	Гражданское воспитание

В ходе исследования выявлено пять ключевых понятий правового сознания, сформулированных различными школами юридической мысли России XIX – начала XX вв. Философско-правовая школа представлена понятиями «правовое чувство» (1860–1870 гг.) и «чувство законности» (1880–1890 гг.), связанные с воспитанием моральной добродетели у молодежи и формированием уважения к закону [4]. Социолого-психологическая школа развивала концепцию «правовых эмоций» (1900 г.), акцентируя значение эмоционального опыта для подростков [5]. Педагогико-правовая школа фокусировалась на «правовом воспитании» (1890–1910 гг.), предполагающем целенаправленное формирование правового сознания через школу и ученическое самоуправление [6].

Также сопоставление с зарубежными подходами показало, что отечественная философско-правовая и педагогическая традиция XIX – начала XX вв. в целом разделяла с европейскими авторами понимание правового воспитания как элемента гражданской социализации [7]. Однако в России правовое сознание трактовалось более интегративно, в тесной связи с нравственным воспитанием, в то время как западные концепции чаще акцентировали внимание на формальном обучении праву и подготовке к выполнению гражданских обязанностей.

Полученные результаты демонстрируют, что дореволюционные подходы к правовому сознанию несовершеннолетних отличались междисциплинарностью и опирались на синтез правовых, философских, психологических и педагогических идей.

Источники XIX – начала XX вв. показывают, что представления о правовом сознании несовершеннолетних в российской правовой мысли развивались в нескольких взаимосвязанных направлениях: педагогическом, психологическом и юридическом. Наиболее ярко эта эволюция проявляется в постепенном переходе от религиозно-нравственного воспитания

к систематическому изучению правовой социализации личности [8]. Такой сдвиг отражает общую тенденцию к усложнению понимания права как социального феномена, который воздействует на формирование личности в ее ранние возрастные периоды.

В дореволюционной юридической мысли формировалась многослойная концептуализация правового сознания несовершеннолетних [9]. Каждая из школ – философско-правовая, социолого-психологическая и педагогико-правовая – предлагала собственное объяснение его природы и способов формирования. Объединяющим моментом выступало признание несовершеннолетних как особого объекта воздействия права, требующего целенаправленного воспитания и социализации [10]. Это свидетельствует о постепенном отходе от узко-нормативного толкования права в сторону его междисциплинарного осмысления – через мораль, психологию и педагогику. Таким образом, эволюция концептов фиксирует раннюю установку на интеграцию юридических и гуманитарных знаний в решении проблемы правового воспитания.

Сопоставление выявленных подходов с современными исследованиями подтверждает их значимость для развития юридической науки. В трудах Л.И. Петражицкого можно обнаружить предпосылки к современным концепциям психологии права) и правовой социализации [11], которые находят отражение в работах конца XX – начала XXI вв. Идеи Ушинского К.Д. о воспитательной роли школы перекликаются с современными представлениями о правовом образовании как механизме формирования гражданской идентичности. «Для того чтобы воспитание могло создать для человека вторую природу, необходимо, чтобы идеи этого воспитания переходили в убеждения воспитанников, убеждения в привычки», как высказывался К.Д. Ушинский [12]. В то же время философско-правовая идея Б.Н. Чичерина демонстрирует параллели с актуальными дискуссиями о ценностных основаниях права [13]. Таким образом, анализ дореволюционных концепций позволяет выявить преемственность научных дискуссий и обозначить их вклад в современную теорию государства и права.

Вместе с тем исследование имеет ограничения. Оно опирается преимущественно на анализ текстов российских юристов и педагогов XIX – начала XX вв., что сужает возможности реконструкции транснационального обмена идеями. Зарубежные влияния учитываются лишь в общих чертах, через кантовскую философию, педагогику Г. Кершенштейнера [14], социологические концепции Э. Дюркгейма [15]. Источниковая база представлена главным образом опубликованными трудами и программными работами, что ограничивает возможности выявления альтернативных или маргинальных концепций, не получивших широкой поддержки в академической среде. Дальнейшее расширение корпуса источников, за счет архивных материалов и педагогической практики рубежа XIX–XX вв., позволило бы восполнить указанные пробелы.

Несмотря на эти ограничения, результаты исследования обладают значительным потенциалом для применения в современной науке и образовательной практике. Во-первых, они создают основу для изучения эволюции понятия правосознания в советский и постсоветский периоды, что позволит выстроить целостную линию развития правовой социализации несовершеннолетних. Во-вторых, сравнительный анализ с современными педагогико-правовыми и психологическими подходами способствует разработке комплексных моделей правового воспитания в условиях цифровой среды и трансформации института семьи. В-третьих, обращение к дореволюционному опыту открывает перспективы междисциплинарных исследований, объединяющих историю права, юриспруденцию, педагогику и юридическую психологию.

Кроме того, выявленные дореволюционные концепции могут быть адаптированы для современных условий формирования правовой культуры несовершеннолетних. Так, идея Б.Н. Чичерина о «правовом чувстве» может быть использована при разработке образовательных программ, направленных на формирование у школьников устойчивых нравственно-правовых установок. Концепция Л.И. Петражицкого о «правовых эмоциях» актуальна для психологически ориентированных методик правового воспитания, учитывающих эмоционально-чувственное восприятие подростков. Педагогические взгляды Ушинского К.Д. могут служить методологическим основанием для внедрения элементов ученического самоуправления и практики участия несовершеннолетних в школьных правовых проектах. Это создает возможности для развития гражданской идентичности и правовой культуры молодежи при разработке современных программ правового воспитания, что особенно значимо в условиях поиска новых стратегий социализации в XXI вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. / Фрагмент // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-chuvstve-zakonnosti-publichnaya-lektsiya-chitannaya-10-marta-1897-g-fragment> (дата обращения: 16.10.2025).
2. Баранов П.П., Русских В.В. Актуальные проблемы теории правосознания, правовой культуры и правового воспитания: учебное пособие. Ростов н/Д, 1999.
3. Саутиева Ф.Б. Особенности подготовки учителей для начальной народной школы на педагогических курсах в России во второй половине XIX — начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2003.
4. Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900.
5. Гусева В.Ю. Психологическая концепция права Л.И. Петражицкого // Юридическая наука. 2016. № 6.
6. Сергеевкова Е.И. Идеи правового воспитания в педагогическом наследии К. Д. Ушинского // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010. № 1.
7. Горбунова Е.М. Дюркгейм и современное образование // Социологическое обозрение. 2002. № 4. Т. 2.
8. Смолова Т.Ю. Правосознание несовершеннолетних: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/pravosoznanie-nesovershennoletnikh-teoretiko-pravovoi-aspekt> (дата обращения: 21.10.2025).
9. Иванова С.П. Формирование правосознания ребенка во второй половине XIX – начале XX в. // Интеграция образования. 2009. № 2. Т. 2.
10. Кузнецов Д.Ю. Государственно-правовая политика России в области противодействия преступности несовершеннолетних во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvenno-pravovaya-politika-rossii-v-oblasti-protivodeistviya-prestupnosti-nesovershen> (дата обращения: 21.10.2025).
11. Петражицкий Л.И. Психологическая теория права. СПб., 1907. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-kontseptsiya-pravoponimaniya-l-i-petrazhitskogo-i-ego-uchenie-o-politike-prava> (дата обращения: 20.08.2025).
12. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. М., 1948–1952.
13. Катенина Н.В. Закон нравственный и закон юридический в философско-правовом учении Б.Н. Чичерина // Вопросы философии. URL: http://vphil.ru/index.php?id=274&option=com_content&task=view (дата обращения: 20.08.2025).
14. Кершенштейнер Г.О воспитании гражданственности / пер. Э.Н. Журавской. Петроград, 1917.
15. Дюркгейм Э., Бугле С., Гофман А.Б.. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с франц., составл., вступ. ст. и примеч. А. Гофмана. М. 1995. 3-е издание, доп. и испр. М., 2008.

REFERENCES

1. On the sense of legality: a public lecture delivered on March 10, 1897 / Fragment // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-chuvstve-zakonnosti-publichnaya-lektsiya-chitannaya-10-marta-1897-g-fragment> (date of access: 16.10.2025).
2. Baranov P.P., Russian V.V. Actual problems of the theory of legal awareness, legal culture and legal education: a textbook. Rostov n/D, 1999.
3. Sautieva F.B. Features of teacher training for primary public schools in pedagogical courses in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. ... Candidate of Pedagogical Sciences, Moscow, 2003.
4. Chicherin B.N. Philosophy of Law. Moscow, 1900.
5. Guseva V.Y. Psychological concept of law by L.I. Petrazhitzky // Legal Science. 2016. № 6.
6. Sergeenkova E.I. Ideas of legal education in the pedagogical heritage of K. D. Ushinsky // Bulletin of the Buryat State University. Philosophy. 2010. № 1.
7. Gorbunova E.M. Durkheim and modern education // Sociological review. 2002. № 4. Vol. 2.
8. Smolova T.Y. Legal awareness of minors: theoretical and legal aspect: dis.... kand. jurid. sciences'. URL: <https://www.dissercat.com/content/pravosoznanie-nesovershennoletnikh-teoretiko-pravovoi-aspekt> (date of access: 21.10.2025).
9. Ivanova S.P. The formation of a child's legal awareness in the second half of the XIX – early XX century // Integration of education. 2009. № 2. Vol. 2.

10. Kuznetsov D.Y. State and legal policy of Russia in the field of combating juvenile delinquency in the second half of the XIX – early XX centuries: dis. ... kand. jurid. sciences'. URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvenno-pravovaya-politika-rossii-v-oblasti-protivodeistviya-prestupnost-nesovershen> (date of access: 21.10.2025).

11. Petrazhitsky L.I. Psychological theory of Law. St. Petersburg, 1907. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-kontseptsiya-pravoponimaniya-l-i-petrazhitskogo-i-ego-uchenie-o-politike-prava> (date of access: 20.08.2025).

12. Ushinsky K.D. Collected works. Moscow, 1948–1952.

13. Katenina N.V. The moral law and the legal law in the philosophical and legal teaching of B.N. Chicherin // Questions of Philosophy. URL: http://vphil.ru/index.php?id=274&option=com_content&task=view (date of access: 20.08.2025).

14. Kershenshtein G. On the education of citizenship / translated by E.N. Zhuravskaya. Petrograd, 1917.

15. Durkheim E., Bugle S., Hoffman A.B., Durkheim E. Sociology. Its subject, method, and purpose / translated from French, compiled, intro. and note by A. Hoffman. Moscow: Canon, 1995. 3rd edition, supplement. and ispr. Moscow, 2008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Працко Геннадий Святославович, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права. Донской государственный технический университет. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.

Джабиева Елена Юрьевна, старший преподаватель кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pratsko Gennady Svyatoslavovich, Grand PhD in Law, Grand PhD in Philosophy, professor, professor of the department of commercial and business law. Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Dzhabieva Elena Yuryevna, Senior Lecturer of department of administrative law of the Rostov legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2025. № 4(115). – С. 43–48.
Jurist-Pravoved. 2025. № 4(115). – Pp. 43–48.

Научная статья
УДК 336.221

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ И МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ

Брюхнов Александр Анатольевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
lexandr@mail.ru

Мойса Ольга Ивановна

Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Ростов-на-Дону,
Российская Федерация
olay_2002@list.ru

Введение: права коренных малочисленных народов признаются на всей территории государства, имеют специфику и особые формы правовой защиты таких объектов, как культурная самобытность, языковое многообразие, места традиционного природопользования и охоты, объекты отправления религиозных обрядов и культов.

Материалы и методы: основной научной статьи явились законодательство Российской Федерации, научная литература, монографии, а также материалы периодических изданий. Методы: исторический, сравнительный, логический, сравнительно правовой анализ научной и специальной литературы и др.

Результаты исследования: проведен анализ некоторых вопросов административно-правового регулирования прав и проблемы предоставления гарантий и льгот коренным малочисленным народам.

Выводы и заключения: основными проблемами коренных малочисленных народов России помимо правовой неопределенности механизма включения в специальные перечни или исключения из них, согласно сложившейся практики являются экологическая ситуация, пользование биоресурсами и эксплуатация земель традиционного природопользования.

Ключевые слова: публично-правовое регулирование, административное право, коренные малочисленные народы.

Для цитирования: Брюхнов А. А., Мойса О. И. Административно-правовое регулирование прав и меры поддержки коренных малочисленных народов / А. А. Брюхнов, О. И. Мойса // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 43–48.

Original paper

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE RIGHTS AND SUPPORT MEASURES OF INDIGENOUS PEOPLES

Bryukhnov Alexander Anatolyevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Moysa Olga Ivanovna

Russian State University of Justice V.M. Lebedev, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the rights of indigenous small-numbered peoples are recognized throughout the territory of the state, they have specifics and special forms of legal protection of such objects as cultural identity, linguistic diversity, places of traditional nature use and hunting, places of worship and worship.

Materials and methods: the main scientific article was the legislation of the Russian Federation, scientific literature, monographs, as well as materials from periodicals. Methods: historical, comparative, logical, comparative legal analysis of scientific and specialized literature, etc.

Results of the study: an analysis of some issues of administrative and legal regulation of the rights and problems of providing guarantees and benefits to indigenous peoples has been carried out.

Findings and conclusions: the main problems of the indigenous peoples of Russia, in addition to the legal uncertainty of the mechanism of inclusion in special lists or exclusion from them,

according to established practice, are the environmental situation, the use of biological resources and the exploitation of lands of traditional nature use.

Keywords: public law regulation, administrative law, indigenous peoples.

For citation: Bryukhnov A. A., Moysa O. I. Administrative and legal regulation of the rights and support measures of indigenous small-numbered peoples / A. A. Bryukhnov, O. I. Moysa // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115).– Pp. 43–48.

Права коренных малочисленных народов признаются на всей территории государства, имеют специфику и особые формы правовой защиты таких объектов, как культурная самобытность, языковое многообразие, места традиционного природопользования и охоты, объекты отправления религиозных обрядов и культов. Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав малочисленных народов Российской Федерации» дополняет конституционные нормы [1].

Законодательство РФ содержит несколько понятий «коренной малочисленный народ», «этническая общность», «национальное меньшинство». Конституционный суд России в своей практике не давал официального толкования вышеуказанным понятиям, однако указывал на них в своих решениях, например в Определении Конституционного суда от 09.03.2017 № 462-О [2].

Необходимо подчеркнуть, что в соответствии с законодательством Российской Федерации важной отправной точкой в процессе признания народа малочисленным и коренным выступает, прежде всего, такой показатель как численность, который должен быть в пределах не менее пятидесяти тысяч человек, а также признание себя самостоятельной этнической общностью. Помимо этого необходимо проживание на территориях традиционного расселения предков, ведение традиционного образа жизни (хозяйственная деятельность и промыслы) или его сохранение. В данном случае исследуется совокупность вышеперечисленных факторов и отсылка к термину «этническая общность».

Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» содержит определение понятия «этническая общность», как исторически сложившаяся совокупность людей, обладающую общей культурой, ценностями, общностью языка, этническим самосознанием [3]. При этом данная совокупность людей должна свободно определять собственную этническую принадлежность. Последняя формулировка видится излишне оценочной.

Далее важно указать на то, что, т. к. закрепление статуса «коренной малочисленный народ» подпадает под нормативно обусловленную деятельность Правительства, возникает вопрос о критериях его установления. Возникает вопрос, будет ли закреплён статус коренных малочисленных народов в случае отсутствия хотя бы одного признака, например, утрачен язык или невозможно проживание на исторических или традиционных территориях предков. Исходя из построения нормы, ответ очевиден: необходимо достичь всей совокупности условий, закреплённых в двух федеральных законах. В 2019 г. в ходе заседания совета по межнациональным отношениям Президент РФ выдвинул предложение формировать список коренных малочисленных народов по месту жительства.

По данным ФАДН РФ и специалистов Института языкознания Российской академии наук по итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. в России респонденты, отвечая на вопрос о владении языками, указали несколько языков, которые отнесены к исчезнувшим, в частности речь идет об айнском языке [4].

Айны или айну, народ, населявший Курильские острова, остров Сахалин и полуостров Камчатку. По данным Историко-документального департамента МИД России название курильским островам дали айны. В Едином перечне малочисленных народов РФ айны отсутствуют, согласно переписи населения в 2010 г. айны проживали на территории России и, в то время как большая часть этого народа находится в Японии. В 2018 г. на Совете по развитию гражданского общества Президент РФ согласился с необходимостью включения народа айну в список «коренных малочисленных народов» [5].

Во времена губернии Карафута в Южной части Сахалина айнам запрещали проводить обряды, им были даны японские имена и фамилии, в школах обучали японскому языку, но дома люди говорили на родном языке, о чем в своих исследованиях упоминал Тири Масихо. Многие айны были переселены в Японию, которая только в 2008 г. предоставила гарантии айнам. В России сохранились коллекции народного промысла и айнские артефакты в Кунсткамере, Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге и в музеях Южно-Сахалинска, Поронайска, Итурупы и Кунашира. Роон Т.П. пишет о том, что после Второй мировой войны айны, переехавшие в Японию, могли рассматриваться «политическими оппонентами СССР как орудие в оспаривании прав на Курилы и Южный Сахалин» [6]. 7 февраля 1953 г. был издан приказ о запрете упоминания в печати сведений о народности [7].

В 2024 г. проект «Тайны айну» выиграл в конкурсе проектов создания комфортной городской среды для муниципальных образований Дальневосточного федерального округа. Он был посвящен истории и культуре айнов. Однако весьма важным видится высказать утверждение о том, что при отсутствии подтверждения статуса «малочисленный народ» никто не сможет в полной мере с учетом гарантий осуществлять хозяйственную деятельность на территории страны, так как некоторые народы на самом деле ассимилировались с другими, их представители могут выбрать национальность одного из родителей или указать в переписи ту, с которой чувствуют связь или единство. И здесь возникает вопрос о сохранении уникальной культуры, самобытности и языка национальных меньшинств, не признанных малочисленными народами.

Национально-культурных автономий по состоянию на 2023 г. насчитывалось 1 231, а по состоянию на 5 ноября 2025 г. по данным ФАДН – 1 380. При этом не следует связывать отсутствие или ликвидацию национально-культурного объединения с прекращением существования этнической общности.

Субъекты совместно с этническими обществами вправе инициировать процесс включения народ в «Единый перечень коренных малочисленных народов». В подтверждение этому следует упомянуть высказывание о том, что «не каждая этническая общность может быть признана в качестве такого народа, даже если она и соответствует установленным критериям» [8].

Так, например, по состоянию на 2020 г. численность коми-ижемцев составляет 4 748 человек. Их Межрегиональное общественное движение является членом Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, однако ни в одном из Единых перечней коренных малочисленных народов коми-ижемцы не числятся. Поморы рассматриваются некоторыми учеными в качестве субэтнической группы русского народа или этнографической группы [9].

Данное обстоятельство не редко используется в качестве мотива для отказа включения в перечни коренных малочисленных народов, однако существующий перечень малочисленных народов Севера по мнению М.Ю. Задорина содержит «субэтнические/этнографические группы более крупных народов», например, камчадалы, долганы, шапсуги [10].

В контексте сказанного, важно по нашему мнению учитывать, что снижение числа такой народности как «карелы» не должно повлечь преобразование Республики Карелия. Признание субъектообразующего народа коренным малочисленным не свидетельствует о необходимости преобразования субъекта или объединения его с другим.

На практике есть примеры, когда по решению суда ликвидировались родовые общины коренных малочисленных народов, исключение их из реестра юридических лиц в связи с отсутствием упоминания народа в государственных перечнях коренных малочисленных народов. Органы прокуратуры обращались в суд с заявлением о ликвидации общин, которым в рамках гарантий были предоставлены в пользование биологические ресурсы для осуществления рыболовства в целях обеспечения функционирования традиционных отраслей хозяйствования.

В некоторых случаях этническое организации или родовые хозяйства привлекаются к административной ответственности за нарушение режима государственного заказника или заповедника. Определением Верховного суда РФ от 20 января 2020 г. № 303-ЭС19-25749 в удовлетворении требований о пересмотре судебных актов, связанных с привлечением к ответственности за нарушение правил охраны и использования окружающих природных ресурсов на территории природного заказника отказано [11]. Правонарушение по данному делу было связано с размещением на берегу деревянных построек, рыболовецких снастей, кунгасов. Здесь речь идет скорее о соблюдении баланса частных и публичных интересов при осуществлении защиты природных ресурсов на территории государственных заповедников и заказников. Так как места традиционного природопользования могут совпадать с территориями государственных заповедников и заказников следует уделять особое внимание правовой регламентации данной территории, выделению мест для осуществления традиционных видов хозяйствования при условии сохранения благоприятной экологической обстановки и охраны окружающей среды.

В Апелляционном определении Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2023 г. № АПЛ23-412 содержится решение проблемы, связанной с содержанием административных регламентов, как камня преткновения при реализации гарантий прав коренных малочисленных народов [12]. Верховным судом РФ Административный регламент Федерального агентства по рыболовству был признан частично не действующим. Данным регламентом было закреплено условие об обязательном постоянном проживании коренных малочисленных народов на территории традиционного проживания и осуществления традиционной хозяйственной деятельности для реализации права на традиционное рыболовство. Административный

ответчик в лице Федерального агентства по рыболовству указал, что истец хоть и относится к представителям коренного малочисленного народа, но проживает постоянно в городе Магадане, который не включён в перечень мест, утвержденных Распоряжением Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р [13].

Верховный суд РФ в решении указал на необходимость отмены подобного условия, так как оно свидетельствует о формальном подходе при предоставлении гарантий коренным малочисленным народам, в то числе льготного природопользования, в рамках деятельности органа исполнительной власти по регулированию вопросов предоставления водных биоресурсов в пользование. В соответствии с законодательством Российской Федерации традиционное рыболовство представителями коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России осуществляется без разрешения, за исключением случаев, указанных в законе. Предоставление водных биоресурсов в пользование осуществляется на основании решений федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов в зависимости от компетенции в отношении разных видов вод Российской Федерации.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ по данному вопросу была сформирована в Постановлении от 5 июля 2021 г. № 32-П: проживание вне мест традиционного проживания или мест осуществления хозяйственной деятельности не свидетельствует о прекращении принадлежности к коренному малочисленному народу его представителем и утрате связи со своим народом, поэтому не следует исключать возможность предоставления гарантии, в том числе традиционного природопользования представителю малочисленного народа, который не проживает на территориях традиционного проживания или осуществления традиционных видов хозяйствования постоянно [14].

Предоставление прав и гарантий, связанных с традиционным рыболовством, не ставилось законодателем в зависимость от необходимости постоянного проживания в определенных районах Севера, Сибири и Дальнего Востока России, признанных местами традиционного проживания коренных малочисленных народов. В то же время обязательным условием предоставления льгот, связанных с природопользованием и рыболовством, является подтверждение связи с данными территориями, традиционным образом жизни, традиционной хозяйственной деятельностью своих предков, принадлежности к коренным малочисленным народам, осуществление традиционной хозяйственной деятельности в дополнение к основной по месту постоянного проживания. По нашему мнению, с одной стороны речь идет о необходимости сохранения традиционных видов хозяйствования, о регулировании порядка и сохранении достойного уровня жизнеобеспечения коренных малочисленных народов, а с другой – привлекательность природных ресурсов для предпринимательских целей, не связанных с вышеуказанными обстоятельствами, может привести к конфликту интересов, осуществлению деятельности с притворными целями вне разрешенного правового поля. Следует не допустить конфликт интересов представителей коренных малочисленных народов, которые постоянно проживают на территориях традиционного природопользования и тех, которые принадлежат к коренному малочисленному народу, но постоянно проживают в иной местности. Исполнение конституционной обязанности бережного отношения к природе и содействию восполнения природных ресурсов, в том числе достигается воздержанием от злоупотребления правом охоты или рыболовства.

Основными проблемами коренных малочисленных народов России помимо правовой неопределенности механизма включения в специальные перечни или исключения из них, согласно сложившейся практики являются экологическая ситуация, пользование биоресурсами и эксплуатация земель традиционного природопользования. Последний вопрос был освещен Н.А. Алексеевой, которая в рамках соотношения интересов рассматривает коренных малочисленных народов, проживающих в местах традиционного природопользования и лиц, принявших участие в программе «Арктический гектар» [15].

На практике возникают ситуации, когда представители коренных малочисленных народов не обращаются за предоставлением земельных участков в безвозмездное пользование.

В спорной ситуации при предоставлении земельного участка по программе «Арктический гектар» на территориях традиционного природопользования малочисленных народов без закрепления подобного титула *de jure* правоприменитель столкнется с необходимостью сохранения баланса интереса собственников участка и гарантиями прав коренных малочисленных народов [16].

Следует отметить необходимость тщательного административного регулирования на этапе предоставления участка органами исполнительной власти субъекта или органами местного самоуправления, входящих в систему публичной власти. Учет мнения представителей коренных малочисленных народов может вызвать сложности с

учетом природных условий и площади территорий, однако своевременное уведомление представителей о необходимости надлежащего обращения с целью присвоения землям специального титула могло бы минимизировать риски возникновения спорных ситуаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав малочисленных народов Российской Федерации». URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 23.08.2025).
2. Определение Конституционного суда от 09 марта 2017 года № 462-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 23.08.2025).
4. Сайт ФАДН. URL: <https://fadn.gov.ru> (дата обращения: 23.08.2025).
5. Сайт Росстата. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 23.08.2025).
6. Роон Т.П. В лабиринте истории и политики: советские исследования сахалинских айнов (1946–1949 гг.) // Вестник Российской академии наук. 2021. № 3. Т. 91.
7. История советской политической цензуры. Документы и комментарии / отв. сост. Горяева Т.М.. М., 1997.
8. Кряжков В.А., Суханов К.А. Национальные меньшинства и коренные малочисленные народы в России: правовые проблемы идентификации // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6.
9. Задорин М.Ю. Российские поморы и канадские метисы: этнография и право // Казанская наука. 2011. № 9.
10. Задорин М.Ю. 10 мифов о «Поморском возрождении» и их опровержение: правовая перспектива // Центр Льва Гумилева. 2012.
11. Определение Верховного суда РФ от 20 января 2020 г. № 303-ЭС19-25749. Доступ из справ. правов. системы «КонсультантПлюс».
12. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2023 г. № АПЛ23-412. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июля 2021 года № 32-П. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Алексеева Н.А. Соотношение интересов лиц, которым предоставляется «арктический гектар», и коренных малочисленных народов // Правовые вопросы недвижимости. 2024. № 3.

REFERENCES

1. Federal Law №. 82-FZ of April 30, 1999 «On Guarantees of the Rights of Small-numbered Peoples of the Russian Federation». URL: pravo.gov.ru (date of access: 23.08.2025).
2. Ruling of the Constitutional Court of March 09, 2017 № 462-O. Access from the legal system «ConsultantPlus».
3. Federal Law № 402-FZ of October 20, 2022 «On the Intangible Ethnocultural Heritage of the Russian Federation». URL: pravo.gov.ru (date of access: 23.08.2025).
4. FADN website. URL: <https://fadn.gov.ru> (date of access: 23.08.2025).
5. Rosstat website. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru> (date of access: 23.08.2025).
6. Roon T.P. In the labyrinth of history and politics: Soviet studies of the Sakhalin Ainu (1946–1949) // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2021. № 3. Vol. 91.
7. History of Soviet political censorship. Documents and comments / ed. comp. T.M. Goryaeva, M., 1997.
8. Kryazhkov V.A., Sukhanov K.A. National minorities and indigenous small peoples in Russia: legal problems of identification // Comparative Constitutional Review. 2023. № 6.
9. Zadorin M.Y. Russian Pomors and Canadian mestizos: Ethnography and law // Kazan Science. 2011. № 9.
10. Zadorin M.Y. 10 myths about the «Pomeranian Renaissance» and their refutation: a legal perspective // Lev Gumilev Center. 2012.
11. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 20, 2020 № 303-ES19-25749. Access from the legal system «ConsultantPlus».
12. Appellate Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation № APL23-412 dated November 14, 2023. Access from the legal system «ConsultantPlus».

13. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 8, 2009 № 631-р «On Approval of the List of places of traditional residence and traditional economic activities of indigenous Small-numbered Peoples of the Russian Federation and the List of types of traditional economic activities of indigenous small-numbered Peoples of the Russian Federation». Access from the legal system «ConsultantPlus».

14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 5, 2021 № 32-Р. Access from the legal system «ConsultantPlus».

15. Alekseeva N.A. The relationship between the interests of persons who are provided with the «Arctic hectare» and indigenous small-numbered peoples // Legal issues of real estate. 2024. № 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Брюхнов Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

Мойса Ольга Ивановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин. Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева. 344038, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пр. Ленина, д. 66.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bryukhnov Alexander Anatolyevich, PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Moisa Olga Ivanovna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Russian State University of Justice. 66, Lenin Ave, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

Научная статья
УДК 351.74

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Голованова Татьяна Валерьевна

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация
tgolovanova2010@yandex.ru

Ложкина Дарья Александровна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
daryalozhkina19@mail.ru

Введение: современное российское законодательство противоправные действия, в отношении представителя власти связывает только с покушением на реализацию им служебных полномочий в пределах статуса государственного служащего, однако на практике имеет место отсутствие правовой защищенности личности государственного служащего, его служебной репутации, чести, достоинства. В условиях, когда нанесение побоев, оскорблений государственному служащему не является самостоятельным административным правонарушением, поскольку не образует состав административного правонарушения 5.61 КоАП РФ, но имеет широкое распространение, актуализируется необходимость совершенствования действующего законодательства.

Материалы и методы: в работе применены общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения и системный подход к оценке факторов, формирующих деликтолизацию деяний, по фактам нанесения оскорблений, особенно в публичной форме.

Результаты исследования: установлено, что сложность привлечения к административной ответственности за оскорбление государственного служащего, заключается, в большом количестве оценочных критериев, которые необходимо трактовать правоприменителю при производстве по делу об административном правонарушении «честь», «достоинство» и «неприличная форма». Необходимо исключить оскорбление в отношении государственных служащих, установив административную ответственность за оскорбление представителей власти через административную преюдицию.

Выводы и заключения: взаимоотношения между субъектами оскорбления характеризуют нетерпимость и личную неприязнь, а эффективность административной ответственности снижена из-за ступенчатого порядка обращения потерпевшего за правовой защитой. Следовательно, административно-правовая защита чести и достоинства государственного служащего как одна из составляющих правового статуса государственного служащего относится к числу гарантий государственной службы, наряду с правами, обязанностями, ответственностью, запретами и ограничениями. Это обуславливает введение новых видов административных правонарушений либо добавление квалифицирующих составов в уже имеющиеся виды. Логичным представляется наделение участковых уполномоченных полиции правом возбуждать производство по статье 5.61 КоАП РФ.

Ключевые слова: честь, достоинство, государственный служащий, государственная служба, административно-правовая защита, административная ответственность, оскорбление.

Для цитирования: Голованова Т. В., Ложкина Д. А. Административно-правовая защита чести и достоинства государственного служащего // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 49–55.

Original paper

ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION OF HONOR AND THE DIGNITY OF A CIVIL SERVANT

Golovanova Tatiana Valeryevna

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation

Lozhkina Darya Alexandrovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: modern Russian legislation associates illegal actions against a government official only with an attempt to exercise his official powers within the status of a civil servant, however, in practice there is a lack of legal protection for the personality of a civil servant, his official reputation, honor, dignity. In conditions where beatings and insults to a civil servant are not an independent administrative offense, since they do not constitute an administrative offense 5.61 of the Administrative Code of the Russian Federation, but are widespread, the need to improve current legislation is being actualized.

Materials and methods: the work used general scientific methods of analysis, synthesis, generalization and a systematic approach to assessing the factors that form the delictalization of acts, based on the facts of insults, especially in public.

Results of the study: it was found that the difficulty of bringing to administrative responsibility for insulting a civil servant lies in the large number of evaluation criteria that must be interpreted by a law enforcement officer in the case of the administrative offense «honor», «dignity» and «indecent form». It is necessary to eliminate insults against civil servants by establishing administrative liability for insulting government officials through administrative prejudice.

Findings and conclusions: the relationship between the subjects of the insult is characterized by intolerance and personal hostility, and the effectiveness of administrative responsibility is reduced due to the step-by-step procedure for the victim to seek legal protection. Consequently, the administrative and legal protection of the honor and dignity of a civil servant, as one of the components of the legal status of a civil servant, is among the guarantees of public service, along with rights, duties, responsibilities, prohibitions and restrictions. This leads to the introduction of new types of administrative offenses or the addition of qualifying compounds to existing types. It seems logical to grant district police officers the right to initiate proceedings under Article 5.61 of the Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: honor, dignity, civil servant, civil service, administrative and legal protection, administrative responsibility, insult.

For citation: Golovanova T. V., Lozhkina D. A. Administrative and legal protection of the honor and dignity of a civil servant // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 49–55.

Государственный служащий – особый субъект правовых отношений, профессиональная служебная деятельность которого связана, в том числе, с применением различных мер государственного принуждения. Административно-правовой статус государственного служащего включает такие элементы как права, обязанности, ответственность, гарантии (правовые и социальные), запреты, ограничения. При назначении на должность государственной службы человек причисляет себя к определенной служебной группе, профессиональному сообществу интересы которой также требуют особой государственной защиты. Фактором, вызывающим агрессивное поведение у населения, зачастую выступают не свойства личности государственного служащего, а задачи профессионального сообщества, пресекающего административные правонарушения, осуществляющего производство по делу об административных правонарушениях, применяющего меры производства по делу об административных правонарушениях, назначающего административные наказания. Следует заметить, что уголовно-правовая защита видит статус государственного служащего, представителя власти в качестве особой категории ценности со стороны государства, предусматривает специальный вид ответственности за покушения на него (ст. 317, 318, 319 Уголовного кодекса РФ).

Административно-правовая защита качественного функционирования системы государственной службы выстроена через административно-деликтное законодательство, поскольку именно посредством законодательства административная политика выполняет одну из основных функций, а именно, деликтолизацию деяний, посредством их нормативного признания в качестве административных правонарушений. Административно-правовая защита полномочий государственного служащего как деятельность, направленная на восстановление нарушенного права, предотвращение угрозы его дальнейшего восстановления, функционирования должностного лица, реализующего государственную функцию, выстроена в настоящее время достаточно полно, не требует научных обсуждений,

которые уместны исключительно в русле особенностей квалификации отдельных административных правонарушений. Однако все противоправные действия в отношении представителя власти законодатель связывает исключительно с покушением на реализацию его служебных полномочий, деятельности в качестве государственного служащего. В главах 17 и 19 КоАП РФ представлены административные правонарушения, связанные с невыполнением законных распоряжений представителей власти (17.1, 17.3, 17.7, 19.3, 19.4), воспрепятствованием их законной деятельности (17.2, 17.2.2, 17.8, 19.4.1, 19.4.2), а также невыполнением предписаний, решений, непредоставлением сведений (19.5, 19.7). В ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ за мелкое хулиганство, сопряженные с неповиновением законному требованию представителя власти предусмотрено более суровая ответственность, нежели за мелкое хулиганство. В целом, указанные правонарушения законодатель справедливо признает покушением на институт государственной власти, либо направленными против порядка управления.

При видимом благополучии административно-правовой защиты государственного служащего, к сожалению, приходится констатировать отсутствие правовой защищенности личности государственного служащего, его служебной репутации, чести, достоинства и т. д.

Нанесение побоев государственному служащему не является самостоятельным административным правонарушением, оскорбление государственного служащего, в том случае, если оно выражено в форме оскорбления всей группы профессионального сообщества, а не лично представителю власти, как человеку, не образует состав административного правонарушения 5.61 КоАП РФ, даже совершенное в публичном пространстве, за подачу заведомо необоснованной жалобы на действия государственного служащего не предусмотрена административная ответственность в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях.

Оскорбление, как разновидность психического насилия, выраженное в неприличной форме, посягает на неотъемлемые человеческие блага, присущие всем людям. В Российской Федерации лица, публично оскорбляющие других до 2011 г. привлекались к уголовной ответственности. Однако, на основании Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ,¹ данный состав переведен в разряд административных, из УК РФ исключена норма статьи 130, предусматривавшая уголовную ответственность за оскорбление, а в главу 5 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на права граждан» включили статью 5.61 «Оскорбление», причислив его к числу посягающих на основные права граждан. Действительно, порой рана, нанесенная человеку, заживает быстрее, а сумма испорченного имущества легче компенсируется, нежели проходит обида, причиненная оскорблением, особенно когда данное действие совершено публично.

Тема ответственности за оскорбление за последние годы стала предметом исследования ученых и правоприменителей. Повышенный интерес обусловлен возникающими сложностями в определении объективной стороны правонарушения, и процедуры возбуждения производства, привлечения правонарушителя к ответственности по делам данной категории.

На сегодняшний день административное правонарушение «оскорбление» в КоАП РФ определяется как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Оскорбление может быть невербальным и выражаться в действиях, к которым относятся жесты, плевки, гримасы и т. д. Следует обратить внимание, что оскорбление всегда выражается в неприличной форме.

Субъективная сторона оскорбления характеризуется умышленной виной, лицо, причиняющее оскорбление понимает это и преднамеренно желает совершить соответствующее деяние. Субъективный критерий признания унижения как совершенного в неприличной форме состоит в том, что сам потерпевший должен воспринять унижение как таковое.

Законом установлены квалификационные виды оскорбления. Во второй части статьи 5.61 КоАП РФ предусмотрена ответственность за совершение такого действия при публичном выступлении, открыто демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. В третьей части статьи законодатель предусмотрел ответственность за непринятие мер к недопущению оскорбления в публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. Введенная в 2020 г. часть 4 статьи 5.61 закрепила особый состав оскорбления – «совершенное лицом, замещающим

¹ Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газета. 2011. 9 дек.

государственную или муниципальную должность либо должность государственной гражданской или муниципальной службы, в связи с осуществлением своих полномочий (должностных обязанностей)». В то время как оскорбление в отношении государственного и муниципального служащего не образует состава административного правонарушения. Такая позиция законодателя выглядит не совсем последовательно. При этом ответственность за оскорбление, и его виды установлена для граждан, должностных лиц и юридических лиц. Отнесенный к числу уголовно наказуемых деяний состав преступления (оскорбление) Уголовного кодекса Российской Федерации на первый взгляд, действительно обеспечивает охрану интересов профессионального сообщества, однако, его квалификация требует в обязательном порядке персонификацию оскорбительных высказываний, их направленность в отношении конкретного лица. Поэтому, в случае, когда в ходе судебного разбирательства устанавливается, что оскорбления относились в целом к сотрудникам полиции, охотнадзору, росгвардии, представителям таможенных, налоговых органов и т. д., такие дела прекращаются из-за отсутствия состава преступления, а человек наносивший оскорбления всем представителям власти избегает наказания. Ответственность за нарушение установленных общественных норм, на наш взгляд, законодателем, все же должна быть установлена, подобное поведение не допустимо, требует вмешательства и коррекции, тем более что совершаются публично, дерзко, агрессивно. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», обсуждая признак публичности применительно к составу призывов к экстремистской деятельности, указал, что публичными призывами являются обращения, выраженные в любой форме (письменной, устной и пр.). Публичность призывов определяется местом, способом, обстановкой и другими обстоятельствами дела. Относительно нанесенного оскорбления можно соответственно заключить, что его публичность устанавливается в зависимости от обстоятельств, с учетом места, способа и обстановки совершенного правонарушения.

Цели административного наказания в России сведены к предупреждению совершения новых правонарушений, как самим правонарушителем, так и другими лицами. Поэтому неотвратимость ответственности за оскорбление, нанесенное человеку, как части служебного коллектива и профессионального сообщества, особенно в условиях публичности повлияет в целом на защиту основных прав и свобод человека и гражданина к числу которых относятся право на уважение со стороны других лиц.

Сложность привлечения к административной ответственности за оскорбление, заключается, в большом количестве оценочных критериев, содержащихся в составе нормы. В определении оскорбления сосредоточены сразу три понятия, которые необходимо трактовать правоприменителю при производстве по делу об административном правонарушении «честь», «достоинство» и «неприличная форма». Значительно бы упростило задачу должностному лицу, уполномоченному возбуждать производство по делу об административном правонарушении данной категории трактовка хоть одного из трех приведенных терминов в примечании к статье, как, например, ст.ст. 5.27.1, 6.1.9, 20.2², 20.2.2., 20.31 и др. На сегодняшний день такого примечания в статье нет, поэтому при привлечении к административной ответственности лица за совершение оскорбления, главным становится то, чтобы мнения должностного лица, обладающего юрисдикционными полномочиями по ст. 5.61 КоАП РФ, потерпевшего и правонарушителя о нормах поведения совпали. Пока толкование данных терминов сведено к понятию общесоциальных норм и правил, действительно, для человека разных профессиональных, социальных, этнических принадлежностей границы достоинства и чести могут кардинальным образом различаться.

Честь присуща общественной оценке личности, и профессиональной группе лиц, тогда как достоинство характеризует самооценку собственных качеств человеком. Оскорбление изначально обладает особенностью, позволяющей установить негативность (отрицательный характер) обращения с конкретным лицом, законодательно закрепленным признаком – унижением потерпевшего. Разделяя мнение авторов, анализирующих особенности объективной стороны оскорбления, считаем, что для привлечения к ответственности за оскорбление необходимо два основных компонента объективной стороны – наличие субъективного и объективного критериев. При этом субъективный критерий состоит в том, чтобы сам потерпевший воспринял имевшие место высказывания, жесты, обращенные к нему, как посягательство на его честь и достоинство, а объективный критерий, выражается в общепринятом нарушении норм человеческой морали, с точки зрения социально-нравственных нормативов взаимоотношений между людьми в обществе. Кроме того, на наш взгляд, оскорбление необходимо исключить в отношении государственных

служащих, установить административную ответственность за оскорбление представителей власти, возможно, через административную преюдицию, ввести в качестве самостоятельного вида административного правонарушения – оскорбление представителя власти, либо в качестве дополнительного критерия в контекстах невыполнения законных распоряжений представителей власти, воспрепятствование их законной деятельности. Причем в предлагаемом контексте, административная ответственность должна наступать при оскорблении всего профессионального сообщества, без учета личностной оценки его представителя в ходе оскорбления.

Установленный порядок привлечения к административной ответственности за оскорбление по ст. 5.61 КоАП РФ – постановление о возбуждении дела выносит прокурор (ст. 28.4 КоАП РФ), а рассматривать дело об оскорблении уполномочены судьи (ч. 1 ст. 23.1. КоАП РФ) вполне соответствует предложенной позиции относительно особой административно-правовой защиты органов власти и их представителей. Сложный процесс возбуждения дела прокурором, в обычных условиях жизни, больше соответствует затронутым интересам органов власти, ее статуса, чести, а не словесной перепалки между соседями, родственниками и бывшими супругами. Не отвечает требованиям соразмерности затраченных ресурсов, а также сужает возможности граждан по защите своих чести и достоинства в настоящем регулировании. В пользу высказанного мнения приведем исследование, проведенное А.А. Аратовой, которое позволило выявить среди потерпевших от оскорбления группы риска лиц. Около половины потерпевших вне зависимости от способа оскорбления, использованного правонарушителем, в том числе – СМИ, Интернет и т. п., приходились виновнику родственниками, соседями или коллегами по работе, т. е. лицами, находящимися в постоянном общении. Взаимоотношения между указанными субъектами характеризуют нетерпимость и личная неприязнь. Эффективность административной ответственности при таком оскорблении снижается, в том числе из-за ступенчатого порядка обращения потерпевшего за правовой защитой. На наш взгляд, для повышения эффективности рассматриваемой административной ответственности необходимо наделить участковых уполномоченных полиции правом возбуждать производство по статье 5.61 КоАП РФ. Подобные предложения встречаются в научной литературе. Участковый уполномоченный полиции, будучи основным субъектом профилактики правонарушений, вполне обладает необходимой компетенцией по возбуждению дела об административном правонарушении за оскорбление, имеет полномочия по схожим административным правонарушениям.

Во-первых, это облегчит порядок обращения в государственные органы для защиты гражданами нарушенных прав, т. к. участковый уполномоченный полиции находится в непосредственной близости к населению в опорных пунктах полиции, во-вторых, значительно снизит нагрузку на прокуроров, в-третьих, позволит аккумулировать информацию о лицах, проживающих на территории административного участка и привлеченных к административной ответственности за оскорбление, создаст возможность осуществлять с ними индивидуальную профилактическую работу. В то время как надзорный орган, прокуратура, по нашему мнению, должен вмешиваться в регулирование отношений при затрагивании интересов органов государственной власти, причинении им в целом и их сотрудникам оскорблений.

Следует заметить, что оскорбление, в уголовном регулировании, может наноситься интересам определенной группы, например, связанной религиозными чувствами, посягательства на которые караются уголовным преследованием (ч. 1 ст. 148 УК РФ), в этом случае деяния «не посягают на права конкретного лица и принадлежащие ему субъективные блага, а нарушают общественные отношения, связанные с общественным порядком, общественной нравственностью и уважительным и терпимым отношением к любым религиям, догмы которых не противоречат Конституции РФ (ст. 7, 13, 14, 19, 21, 28, 29), где объективной стороной выступают чувства верующих, религия как таковая.

Помимо причинения оскорблений органам государственной власти в КоАП РФ отсутствует административная ответственность за подачу заведомо ложной жалобы в отношении представителя власти. Жалоба – просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц. Как правило, жалобы поступают с указанием неправомерных действий государственных служащих в отношении граждан. В настоящее время мода на подачу жалоб в органы власти сравнима с «потребительским экстремизмом» с которым сталкиваются представители коммерческих организаций, когда, опираясь на потребительские права недобросовестные покупатели возвращает купленную вещь после использования, требует обменять товар после причинения ему поломки и т. д. Анализируя сложившуюся ситуацию с доступностью подачи и пропагандой среди населения такого вида обращения

граждан как «жалоба» складывается впечатление, что у некоторых граждан сформировалось четкое убеждение по восприятию жалобы в качестве инструмента мести в отношении государственного служащего. Содержит жалоба достоверные сведения или нет, последствий для заявителя не наступает. При этом проведенный опрос сотрудников полиции, в отношении которых поступали жалобы от граждан, содержащие заведомо ложные сведения о нарушении ими прав граждан, показал, что имеют место случаи, когда после установления заведомо ложных сведений в жалобе, сотрудника полиции все равно привлекают к дисциплинарной ответственности, мотивируя принятое решение тем, что допущен сам факт подачи данной жалобы, соответственно сотрудник не смог избежать конфликта с населением. Случаи, когда после проведения служебной проверки по поступившей жалобе сотрудники не наказываются крайне редко.

Заведомо ложный донос о преступлении – это преступление (ст. 306 Уголовного кодекса РФ), однако ложные сведения, содержащиеся в жалобе в отношении представителя власти, не караются в административном порядке. На наш взгляд, в этом вопросе также требуется дополнительное административно-правовое регулирование.

В заключение следует отметить, что административно-правовая защита чести и достоинства государственного служащего одна из составляющих правового статуса государственного служащего, его составного элемента относится к числу гарантий государственной службы, наряду с правами, обязанностями, ответственностью, запретами и ограничениями. Сотрудникам органов власти, исполняющих служебные обязанности необходимо чувство защищенности от различного вида нападков со стороны населения. От нанесения ему оскорблений как причастному к профессиональному сообществу, а также от недостоверных сведений, содержащихся в жалобах, поступающих на его деятельность с целью сведения личных счетов и мести. Необходимо научное осмысление административно-правовой защиты чести и достоинства государственных служащих, которое может привести к введению новых видов административных правонарушений либо добавлению квалифицирующих составов в имеющиеся виды административных правонарушений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Поспелова Л.И. Проблемы квалификации административно-деликтного законодательства: дис. ... канд. юрид. наук, М., 2001.
2. Мещерякова Т. Р. Административная ответственность за оскорбление // Административное право и процесс. 2014. № 2.
3. Брагина А.Г. О толковании некоторых понятий в ст. 319 УК РФ // Российский следователь. 2006. № 2.
4. Булатов Б.Б., Сидорова И.В. Об объективной стороне оскорбления. Административное право и процесс. 2017. № 11.
5. Коняхин В.П., Бахметьев П.В. Ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих: доктринальный, законодательный и правоприменительный аспекты // Российский судья. 2017. № 10.
6. Аратова А.А. Административная ответственность за оскорбление. Автореф...на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. М., 2013.
7. Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985.

REFERENCES

1. Pospelova L.I. Problems of Qualification of Administrative-Torrent Legislation: Dis. ... Cand. of Law, Moscow, 2001.
2. Meshcheryakova T.R. Administrative Liability for Insult // Administrative Law and Procedure. 2014. № 2.
3. Bragina A.G. On the Interpretation of Some Concepts in Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation // Russian Investigator. 2006. № 2.
4. Bulatov B.B., Sidorova I.V. On the Objective Aspect of Insult. Administrative Law and Procedure. 2017. № 11.
5. Konyakhin V.P., Bakhmetyev P.V. Responsibility for public actions expressing obvious disrespect for society and committed with the intent to insult the religious feelings of believers: doctrinal, legislative, and law enforcement aspects // Rossiyskiy sud. 2017. № 10.
6. Aratova, A.A. Administrative liability for insult. Abstract of a PhD thesis. Moscow, 2013.
7. Malein, N.S. Protection of individual rights by Soviet legislation. Moscow, 1985.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Голованова Татьяна Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел. Омская академия МВД России. 644092, Российская Федерация, г. Омск, пр. Комарова, д. 7.

Ложкина Дарья Александровна, заместитель начальника отдела – начальник отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Golovanova Tatiana Valeryevna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 7, Komarova Ave., Omsk 644092 Russian Federation.

Lozhkina Darya Alexandrovna, Deputy Head of the Department – Head of the Department of Organization of Scientific Research, Research and Editorial Publishing Department. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2025. № 4(115). – С. 56–60.
Jurist-Pravoved. 2025. № 4(115). – Pp. 56–60.

Научная статья
УДК 342.81

О РОЛИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Нехай Асиет Юрьевна

Краснодарский Университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация
asiet12061984@mail.ru

Введение: настоящая статья посвящена исследованию правовой природы Специальной военной операции, юридическому закреплению понятия, места и ее роли в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. Приводятся различные доводы, способствующие пониманию того, что термин «Специальная военная операция» нуждается в законодательном упрочнении, так как важность её правового очертания становится все более очевидным.

Материалы и методы: в статье анализируются нормативные правовые акты как международного, так и федерального значения. Методологическую основу исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых можно выделить такие частнонаучные методы, как системно-структурный, формально-логический, индуктивный и дедуктивный.

Результаты исследования: в статье получили освещение актуальные вопросы обеспечения национальных интересов Российской Федерации на фоне нестабильной геополитической обстановки как в стране так и в мире. Проанализированы причины проведения Специальной военной операции на Украине, ее роли в вопросе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Выводы и заключения: в статье сделаны выводы о необходимости законодательного определения не только понятия Специальной военной операции, но ее место и роль в обеспечении национальной безопасности государства.

Ключевые слова: национальная безопасность государства, национальные приоритеты, внутренние и внешние угрозы национальной безопасности, конституционный строй, специальная военная операция.

Для цитирования: Нехай А. Ю. О роли специальной военной операции в обеспечении национальной безопасности и защиты конституционного строя Российской Федерации / А. Ю. Нехай // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 56–60.

Original paper

THE ROLE OF A SPECIAL MILITARY OPERATION IN ENSURING NATIONAL SECURITY AND PROTECTING THE CONSTITUTIONAL ORDER OF THE RUSSIAN FEDERATION

Nekhay Asiyet Yurievna

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: this article is devoted to the study of the legal nature of a special military operation, the legal consolidation of the concept, its place, and its role in ensuring the national security of the Russian Federation. Various and sufficient arguments are provided to help understand that the term «special military operation» needs to be legally defined, as the importance of its legal framework is becoming increasingly evident.

Materials and methods: the article analyzes both international and federal legal acts. The methodological basis of the study is a set of scientific methods, including the following specific scientific methods: system-structural, formal-logical, inductive, and deductive.

Results of the study: the article covers the current issues of ensuring the national interests of the Russian Federation against the backdrop of an unstable geopolitical situation both in the country and around the world. The article analyzes the reasons for conducting the Special Military Operation in Ukraine and its role in ensuring the national security of the Russian Federation.

Findings and conclusions: the article concludes that it is necessary to define not only the concept of the Special Military Operation, but also its place and role in ensuring the national security of the state.

Keywords: national security of the state, national priorities, internal and external threats to national security, constitutional order, special military operation.

For citation: Nekhai A. Yu. On the role of a special military operation in ensuring national security and protecting the constitutional order of the Russian Federation / A. Yu. Nekhai // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 56–60.

Существенным звеном, определяющим государство как цивилизационное, выступает национальная безопасность. Как известно, понятие «национальная безопасность» охватывает четко определенные законодательством три объекта: личность, общество и государство. Хотя в Конституции Российской Федерации отсутствуют правовые нормы, непосредственно закрепляющие и регулирующие вопросы национальной безопасности, в отдельных ее положениях вопросам безопасности уделяется немало внимания.

Гарантии безопасности страны отражены в тексте присяги Президента России: «[...] защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства [...]». Несмотря на приведенные обстоятельства, некоторую нормативную часть Конституции Российской Федерации можно косвенно отнести как направление на обеспечение национальной безопасности [1].

Многие государства на протяжении своего становления и развития сталкиваются с определенными чрезвычайными ситуациями, угрожающими ее безопасности и территориальной целостности. Такая ситуация складывается из-за возникающих внутренних и внешних неблагоприятных факторов для конкретного государства, требующих принятия оперативных, адекватных и соразмерных мер реагирования для защиты своих национальных интересов и приоритетов.

Понятие «национальная безопасность» обладает признаками универсальности и многокомпонентности, поэтому включает в свой состав значительные виды безопасности. К ним можно отнести не только военную безопасность, но и государственную, информационную, политическую, общественную, экономическую и другие виды [2]. Ведь само представление существования потенциальной военной опасности приводит к неизбежности многих государств предпринимать своевременные меры по недопущению в реальное ее перевоплощение. Во всех перечисленных видах складываются конкретные общественные отношения, охраняемые законом Российской Федерации.

Благодаря обновленной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, даны четкие определения таким важным понятиям как «национальная безопасность» и «национальные интересы» [3]. Законодатель сформулировал термин «национальная безопасность Российской Федерации» как гарантирование защитного барьера от угроз внешних и внутренних в отношении национальных интересов государства. В рамках этой защиты должно быть обеспечено воплощение не только конституционных прав и свобод граждан, но и соответствующее качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, социально-экономическое прогрессирование. Также в это понятие включены вопросы сбережения суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности. Вопросы устойчивого и безопасного развития объективно значимых потребностей личности, общества и государства были включены в понятие «национальные интересы Российской Федерации».

В результате вариативных угроз и вызовов внутригосударственного и внешнегосударственного характера, которые сопровождаются различными материальными и организационными мерами обеспечения, понятие «национальная безопасность Российской Федерации» получило обширное распространение в последнее десятилетие. На сегодняшний день показатели реально существующих угроз и вызовов национальной безопасности России достигли достаточно высокого уровня.

Впервые в тексте Федерального закона от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», который в настоящее время считается утратившим

законную силу, произошло упоминание о национальной безопасности (ныне действует обновленный Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). В 1996 г. о понятии «национальная безопасность» упоминалось в послании главы государства Федеральному Собранию Российской Федерации «О национальной безопасности». Глава государства в своём послании обозначил, что национальная безопасность сводится к поддержанию и прогрессивному развитию личности, общества и государства вне зависимости от внутренних и внешних угроз, что в целом является показателем состояния защищенности национальных интересов [11].

Сейчас руководство страны рассматривает обеспечение национальной безопасности государства не только с позиции осуществления мер по недопущению возникающих рисков, противодействию существующим угрозам, но и в контексте развития, реализации документов стратегического планирования.

Ярким примером защиты национальных интересов страны явилась Специальная военная операция на Украине, объявленная верховным главнокомандующим 24 февраля 2022 г. Одним из оснований подобного решения явились договоры о дружбе и взаимопомощи с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой. Вместе с тем, принятое решение не противоречило статье 51 Устава Организации Объединённых Наций, нормы которого содержат неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону с незамедлительным уведомлением Совета Безопасности Организации Объединённых Наций.

Законодательной основой использования Вооружённых Сил за пределами территории Российской Федерации является Федеральный закон от 30.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне». В статье 10 содержатся нормы, допускающие оперативное использование за пределами территории Российской Федерации формирования Вооружённых Сил Российской Федерации, в целях защиты интересов государства и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. Однако важным условием такого использования является то, что принятое решение не должно противоречить общепризнанными принципами и нормами международного права.

Сложившееся геополитическая обстановка, вызванная глобальной нестабильностью, позволяет сделать вывод об активизирующемся воздействии как субъективных, так и объективных факторов на состояние национальной безопасности России. Порой эти факторы носят агрессивные конфронтационные противоправные проявления. В данном случае представляется довольно прозрачным намерение Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами Российской Федерации, что принятое решение является желанием осуществить самозащиту от создаваемых угроз и от еще большей беды, чем та, что происходит сегодня [3]. Несомненным является и позиция военно-политического руководства России о том, что специальная военная операция явилась вынужденной мерой в ответ на широкомасштабную тотальную агрессию и беспрецедентные финансово-экономические санкции коллективного Запада в отношении России [9].

Главное в этой ситуации – четкое понимание того, что целью государства является не развязывание военного конфликта с вытекающими из этого последствиями. При реализации целей специальной военной операции в радиус поражения Вооружённых Сил страны попадали военные точки противника. Были созданы гуманитарные коридоры для мирных жителей, предназначенные для поставки продовольствия, эвакуации и оказания своевременной медицинской помощи. Иными словами «конфликт низкой интенсивности». Данное утверждение находит свое подтверждение в словах Президента Российской Федерации о том, что специальная военная операция – это не начало войны, а попытка вооружёнными средствами прекратить войну, которую киевские власти сами начали в Донбассе.

Стоит подчеркнуть, что в российском законодательстве не только идет упоминание о специальной военной операции как таковой, но в них содержатся юридические нормы, устанавливающие правовые, экономические и организационные основы социальной защиты участников специальной военной операции и их семей, а также определяют перечень льгот и гарантий, предоставляемых им (например: Федеральные законы: «О статусе военнослужащих», «О ветеранах», «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» и др.).

Несмотря на эпизодическое упоминание о специальной военной операции, как упоминалось ранее, в российском законодательстве все-таки не нашлось заслуженного места определению термина «специальная военная операция». Более того, ни в каких документах стратегического планирования этот термин не раскрывается [2].

Для понимания правовой составляющей специальной военной операции, необходимо обратить внимание на наличие в нем прилагательного «военная» и постараться определить содержательную основу этого понятия. «Специальная военная операция» как обособленный термин впервые зародился в американском полевом уставе и определялся как разновидность небоевых операций по поддержанию мира. Подобная интерпретация дала возможность осознать разницу от такого термина как «война» [10].

Исходя из обозначенных и всеобщих известных целей специальной военной операции, объявленной со стороны Российской Федерации, не приходится сомневаться в том, что она выступает средством достижения стратегических целей государства: признание Украиной себя как государства со статусом нейтральности и безъядерности; проведение обязательных демилитаризационных мероприятий в стране; признание отделение Крыма и его вхождение в состав России; признание Украиной суверенитета ДНР и ЛНР в административных границах Донецкой и Луганской областей.

Что касается русского языка, то намерение руководства страны было направлено на его признание Украиной, предания ему конституционного статуса и признания вторым государственным. Такое положение автоматически привело бы к упразднению существующих дискриминационных украинских законов, принятых в последние годы в отношении русского языка и русскоязычного населения.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что первооснова идеи специальной военной операции предполагает обеспечение именно национальной безопасности Российской Федерации, а не военной безопасности государства. К сожалению, такого ошибочного мнения придерживаются многие страны. Также стоит указать, что на самом деле этот шаг способствовал к государственной перезагрузке и переоценке имеющейся политической, социальной, культурной, духовно-нравственной и других областей, составляющих основу жизнедеятельности общества. Это, в свою очередь, позволяет определить перспективу долгосрочного развития Российской Федерации и ее нового позиционирования на мировой арене как сильной и конкурентоспособной державы во внешнеполитическом и внешнеэкономическом аспекте.

Несмотря на мировую политическую обстановку и непрерывное экономическое секционное давление на Российское государство, вызванную специальной военной операцией, она не перестает реализовывать имеющийся потенциал для удовлетворения потребностей с учетом национальных интересов, не теряет свою инвестиционную привлекательность, не теряет выработанную столетиями систему ценностей, демонстрируя готовность и способность реализовать свои конкурентные преимущества во внешней политике.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что специальная военная операция является одним из способов обеспечения национальной безопасности и защиты конституционного строя Российской Федерации. Учитывая важность ее значения и целевую направленность, видится очевидным необходимость законодательного определения не только понятия специальной военной операции, но ее место и роль в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иншаков С.М. Конституционные основы обеспечения национальной безопасности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2017. № 3.
2. Ирошников Д.В. Понятие и правовая природа специальной военной операции как средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 1.
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой от 21 февраля 2022 г. (ратифицирован Федеральным законом от 22 февраля 2022 г. № 15-ФЗ, вступил в силу 25 февраля 2022 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой от 21 февраля 2022 г. (ратифицирован Федеральным законом от 22 февраля 2022 г. № 16-ФЗ, вступил в силу 25 февраля 2022 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Обращение Президента Российской Федерации от 24.02.2022 г. 06.00// Москва, Кремль. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 13.09.2025).
8. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/01/26/22199449.shtml?ysclid=m7vuccz4g0764852284> (дата обращения: 13.09.2025).
9. Специальный доклад Комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации «Об особенностях защиты государственного суверенитета России в 2022–2023 годах» от 21.06.2023. URL: <http://council.gov.ru/media/staticdoc/FwwwyGgcNeIDHovF9zLtk0eeVkUcIEiE.pdf> (дата обращения: 13.09.2025).
10. URL: https://znanierussia.ru/articles/Специальная_военная_операция?ysclid=m7vsvniiza530370298 (дата обращения: 13.09.2025).
11. Конкин В.С. Национальная безопасность современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 2.

REFERENCES

1. Inshakov S.M. Constitutional foundations of national security // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. 2017. № 3.
2. Iroshnikov D.V. The concept and legal nature of a special military operation as a means of ensuring the national security of the Russian Federation // Law in the Armed Forces – Military and Legal Review. 2025. № 1.
3. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 № 400. Access from the help the legal system «ConsultantPlus».
4. Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Russian Federation and the Donetsk People's Republic dated February 21, 2022 (ratified by Federal Law № 15-FZ dated February 22, 2022, entered into force on February 25, 2022). Access from references. the legal system «ConsultantPlus».
5. Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Russian Federation and the Luhansk People's Republic dated February 21, 2022 (ratified by Federal Law № 16-FZ dated February 22, 2022, entered into force on February 25, 2022). Access from references the legal system «ConsultantPlus».
6. The Charter of the United Nations (San Francisco, June 26, 1945). Access from references. the legal system «ConsultantPlus».
7. Address of the President of the Russian Federation dated 24.02.2022 06.00 // Moscow, the Kremlin. URL: <http://www.kremlin.ru/> (date of access: 13.09.2025).
8. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/01/26/22199449.shtml?ysclid=m7vuccz4g0764852284> (date of access: 13.09.2025).
9. Special report of the Federation Council Commission for the Protection of State Sovereignty and the Prevention of Interference in the Internal Affairs of the Russian Federation "On the specifics of Protecting Russia's State Sovereignty in 2022-2023" dated 06/21/2023. URL: <http://council.gov.ru/media/staticdoc/FwwwyGgcNeIDHovF9zLtk0eeVkUcIEiE.pdf> (date of access: 09/13/2025).
10. URL: https://znanierussia.ru/articles/Special_war_operation_?ysclid=m7vsvniiza530370298 (date of access: 13.09.2025).
11. Konkin V.S. National security of modern Russia // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2012. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нехай Асиет Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nekhay Asiyet Yurievna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 128, Yaroslavskaia St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

Научная статья
УДК 342.5

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОКАЗАНИЯ СОТРУДНИКАМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Равнюшкин Алексей Викторович

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Симферополь,
Российская Федерация
rav.kin@mail.ru

Введение: согласно действующему законодательству, по общему правилу сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации (далее – сотрудники) бесплатная медицинская помощь предоставляется в ведомственных медицинских организациях, а при отсутствии данной возможности – в иной государственной организации либо в медицинской организации муниципального образования, по месту службы и месту жительства сотрудника. Данное положение обуславливает проблемы административно-правового регулирования от момента предоставления медицинской помощи до возмещения потраченных на нее расходов медицинским организациям здравоохранения. Острым является вопрос эффективности межведомственного взаимодействия.

Материалы и методы: научная статья базируется на правовых актах Российской Федерации, призванных регулировать рассматриваемую сферу правоотношений; научной литературе, статистических сведениях. Методы: сравнительный, логический, сравнительно-правовой анализ научной и специальной литературы и др.

Результаты исследования: рассматривается проблема интеграции и взаимодействия ведомственных медицинских организаций с медицинскими организациями здравоохранения через изменения в нормативно-правовом регулировании, которые напрямую отражаются на предоставлении полноценной и качественной медицинской помощи сотрудникам. Выявлена положительная динамика в данном вопросе. Даны предложения по дальнейшему совершенствованию медицинского обеспечения.

Выводы и заключения: констатируется, что независимо от ведомственной принадлежности медицинских организаций права сотрудников на качественное медицинское обслуживание ни в коей мере не должны быть ущемлены. Необходимо добиться системного улучшения в вопросах оказания сотрудникам медицинской помощи.

Ключевые слова: сотрудник органов внутренних дел, социальные гарантии, медицинское обеспечение, медицинская помощь, медико-санитарная часть.

Для цитирования: Равнюшкин А. В. Проблемы административно-правового регулирования оказания сотрудникам органов внутренних дел медицинской помощи в организациях здравоохранения / А. В. Равнюшкин // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 61–67.

Original paper

PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE PROVISION OF MEDICAL CARE TO EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN HEALTHCARE ORGANIZATIONS

Ravnyushkin Alexey Viktorovich

Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol,
Russian Federation

Introduction: according to current legislation, as a general rule, employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation (hereinafter referred to as employees) are provided with free medical care in departmental medical organizations, and in the absence of this opportunity – in another state organization, or in a medical organization of a municipal entity, at the place of service and the employee's place of residence. This provision causes problems of administrative and legal regulation from the moment of provision of medical care to reimbursement of expenses spent on it to medical healthcare organizations. The issue of the effectiveness of interagency cooperation is acute.

Materials and methods: the scientific article is based on the legal acts of the Russian Federation designed to regulate the sphere of legal relations under consideration; scientific literature, statistical information, as well as practical materials. Methods: comparative, logical, comparative legal analysis of scientific and specialized literature, etc.

Results of the study: the problem of integration and interaction of departmental medical organizations with medical healthcare organizations is considered through changes in regulatory and legal regulation, which directly affect the provision of full-fledged and high-quality medical care to employees. A positive trend in this issue has been revealed. Suggestions for further improvement of medical care are given.

Findings and conclusions: it was stated that regardless of the departmental affiliation of medical organizations, the rights of employees to quality medical care should in no way be infringed. It is necessary to achieve a systematic improvement in the provision of medical care to employees.

Keywords: law enforcement officer; social guarantees; medical care; medical assistance, medical and sanitary unit.

For citation: Ravnyushkin A. V. Problems of Administrative and Legal regulation of the provision of medical care to employees of internal affairs bodies in healthcare organizations / A. V. Ravnyushkin // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 61–67.

Медицинское обеспечение относится к важнейшим социальным гарантиям сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации. В настоящее время продолжают приниматься меры правового и организационного характера, направленные на улучшение и совершенствование ведомственной системы медицинского обеспечения, от которого зависит трудоспособность и боеготовность личного состава.

Как известно, согласно Федеральному закону от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» в деятельность по организации медицинского обеспечения граждан Российской Федерации втянуты медицинские работники, страховщики, страхователи, а также специально образованные фонды федерального и территориального уровня обязательного медицинского страхования, которые через обязательное медицинское страхование (далее – ОМС) призваны создать одинаковые первоначальные условия на медицинскую помощь.

Несмотря на принятие действенных мер по совершенствованию медицинского обеспечения в рамках ОМС, граждане по-прежнему часто обращаются с жалобами по поводу оказания медицинской помощи, в том числе специализированной, в различные органы государственной власти и местного самоуправления. Например, количество жалоб, поступивших Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, имеет в соответствии с тематикой обращений следующую динамику. По-прежнему граждане жалуются на проблемы отдаленности и доступности медицинских организаций, условий нахождения в них (около 50 жалоб ежегодно с 2022 по 2024 гг.); высоким является количество жалоб по поводу направлений на медико-социальную экспертизу (около 40 жалоб ежегодно с 2022 по 2024 гг.); немного снизилось (с 262 жалоб в 2022 г. до 153 жалоб в 2024 г.) качество жалоб на качество оказания медицинской помощи; граждане крайне недовольны организацией медицинской помощи (383 жалобы в 2022 г., 357 – в 2023 г., 340 – в 2024 г.)¹.

Как правило, в жалобах поднимаются вопросы территориальной доступности и качества медицинской помощи, записи на прием к врачам, выдачи направлений на обследование,

¹ Доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: сайт. URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady> (дата обращения: 25.08.2025).

лечение, реабилитацию в федеральные медицинские организации или региональные центры здоровья. Наблюдается заметный рост обращений на действия (бездействие) должностных лиц медицинских организаций.

В то же время за счет средств данного фонда обслуживаются только граждане, но никак не военнослужащие и приравненные к ним категории государственных служащих, т. к. последним запрещено заключать договоры ОМС в виду прикрепления к ведомственным медицинским организациям: медико-санитарным частям и амбулаториям.

В ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», зафиксировано, что последним бесплатно предоставляется не только медицинская помощь (кроме специально оговоренной в данной норме), но и лекарства и изделия медицинского назначения по соответствующим рецептам и назначениям врача в медицинских организациях МВД России. Положение о бесплатном снабжении сотрудников лекарствами и изделиями медицинского характера имеет немаловажное значение в виду нелегких условий и характера службы в органах внутренних дел, высокой стоимости последних.

Как отмечено в следующей части данной статьи рассматриваемого закона, сотрудник имеет право обратиться за медицинской помощью в медицинские организации здравоохранения только при отсутствии возможности получить медицинскую помощь в медико-санитарных частях и других медицинских организациях МВД России в виду отсутствия последних, либо необходимых профильных отделений, узких специалистов или специального медицинского оборудования.

Следует отметить, что ведомственной медицине также присущи те же проблемы, что и в организациях здравоохранения, что является вполне естественным. Как правильно отмечено, далеко не в каждом муниципальном районе, обслуживаемом соответствующим территориальным органом МВД России, имеется ведомственная медико-санитарная часть или амбулатория [1, с. 206]. Этим обуславливается проблема доступности медицинской помощи: от получения направления на обследование, выдаваемые ведомственными медицинскими организациями, до обращения за помощью в платные медицинские организации, в виду отсутствия узких специалистов. Не секрет, что попасть к таким узким специалистам, которые, например, в медико-санитарных частях осуществляют диагностику при помощи ультразвукового исследования (УЗИ), получается только по направлению и предварительной записи, содержащей далеко не ближайшую дату. В данном отношении преимуществом пользуются те сотрудники, которые, находясь в госпитале медико-санитарной части, проходят обследование в рамках военно-врачебной комиссии по назначенной кадрового подразделения. Максимально в двухнедельный срок последние обязаны пройти все назначенные обследования. Кроме того, несмотря на наличие в структуре медико-санитарной части аптеки, не всегда сотрудники обеспечиваются бесплатными лекарствами и медицинскими изделиями в виду ограниченности денежных средств, выделяемых на их закупку. Не всегда сотрудники своими посещениями медико-санитарных частей могут уложиться в графики проведения профилактических медицинских осмотров, том числе в виду наличия очередей на сдачу всех необходимых анализов. Особенно остро такая проблема каждый раз возникает у сотрудников, проживающих (несущих службу) в отдаленных от медико-санитарной части местностях. Учитывая значимость и важность службы в органах внутренних дел, необходимо добиться повышения эффективности и доступности медицинской помощи для сотрудников. Во многом данная проблема носит организационный характер.

Следует согласиться с мнением, что до сих пор существует проблема встраивания ведомственной медицины в общую структуру здравоохранения. Схожим признаком является то, что ведомственные медицинские организации, как и организации здравоохранения, приобретают медицинское оборудование, расходные материалы, лекарства через систему государственных закупок, но без конкурсных процедур. В то же время все равно невозможно предварительно определить необходимый объем и виды медицинской помощи в будущем. Отличием ведомственного здравоохранения является ее финансирование за счет бюджетных ассигнований, предусмотренные для МВД России, в то время как граждане, имеющие страховой полис ОМС – за счет средств данного страхования.

Нельзя согласиться с мнением, согласно которому и объем бесплатной медицинской помощи для сотрудников является фактически безграничным [2, с. 253]. Медицинская помощь предоставляется и оплачивается только та, которая включена в базовую программу обязательного медицинского страхования. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 декабря 2018 г. № 1563, предусматривающим порядок оказания медицинской помощи, все расходы, потраченные на сотрудника, медико-санитарная часть компенсирует медицинским организациям здравоохранения.

Например, в рамках данной программы медицинская помощь оказывается при наличии инфекционных и паразитарных болезней, новообразований, болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, болезни нервной системы, болезни крови, кроветворных органов и других заболеваний, перечень которых ограничен. В то же время по сравнению с предыдущими правилами предоставления медицинской помощи, в ныне действующих предусмотрена медицинская помощь в рамках базовой программы обязательного медицинского страхования, что уже является заметным достижением.

Рассмотрим вопрос оказания стоматологической ортопедической помощи в стоматологических ортопедических отделениях поликлиник медико-санитарных частей. В данных отделениях отдельным категориям сотрудников и пенсионерам МВД России осуществляется в бесплатном порядке изготовление и ремонт зубных протезов (исключая зубные протезы из драгоценных металлов и других дорогостоящих материалов), а также осуществляется подготовка к зубопротезированию (совместно со специалистами стоматологического отделения).

Например, медико-санитарная часть МВД России по Московской области изготавливает, причем бесплатно, такие виды зубных протезов из недорогих материалов как культевые вкладки; пластмассовые коронки; стальные штампованные коронки; стальные штамповано-паяные мостовидные протезы; цельнолитые коронки и мостовидные протезы; цельнолитые коронки и мостовидные протезы с облицовкой из пластмассы; частичные съемные пластиночные протезы; полные съемные пластиночные протезы; бюгельные протезы с кламмерной фиксацией². Перечень видов зубных протезов довольно широк.

Однако далеко не во всех стоматологических отделениях могут изготавливаться даже столько видов зубных протезов. При отсутствии необходимого вида зубных протезов, сотрудникам приходится обращаться в соответствующие отделения государственной и (или) муниципальной организаций здравоохранения с направлением от медико-санитарной части, а то и самостоятельно в частные стоматологические отделения и клиники. Кроме того, такой вид ортопедической помощи как имплантология, предполагающая установку искусственных корней (имплантатов) в костную ткань челюсти с последующим протезированием для восстановления зубного ряда, не предусмотрен. Включение имплантологии в перечень ортопедической помощи, оказываемой стоматологическими отделениями медико-санитарных частей, даже не рассматривается. В то же время в отличие от сотрудников, прикрепленных к поликлиникам медико-санитарных частей, лицам, застрахованным по системе ОМС, само зубопротезирование производится за плату (на договорной основе). Сотрудники в данной ситуации находятся в более выгодном положении, чем лица, застрахованные по ОМС.

По общему правилу, в соответствии с п. 3 Правил оказания медицинской помощи сотрудник для получения полноценной медицинской помощи вынужден обращаться после медико-санитарной части или амбулатории с направлением еще и в медицинскую организацию здравоохранения, с которой заключен договор, так как у первых нет такой возможности. Вместо одного сотруднику приходится посещать два, а то и несколько медицинских учреждений, уточнять графики приема врачей, врачей-узких специалистов, записываться на обследования, что требует дополнительные временные затраты, что отрицательно сказывается на психологическом состоянии сотрудника.

Новшеством является то, что расходы возмещаются не территориальным органом МВД России на региональном уровне, где проходят службу (проживают) сотрудники, а его структурным подразделением – медико-санитарной частью, что позволяет последним быть более оперативным в данных вопросах. Кроме того, сотрудники, которые находились вне

² О порядке оказания стоматологической ортопедической помощи в медицинских организациях системы МВД России // Медико-санитарная часть МВД России по Московской области. URL: <https://мсч.50.мвд.рф/document/6589049> (дата обращения: 25.08.2025).

постоянного места жительства по причине отпуска или командировки, могли полагаться на медицинскую помощь, оказываемую медицинской организацией здравоохранения, только по экстренным медицинским показаниям. В ныне действующих правилах прописано, что расходы за медицинскую помощь возмещаются и в случаях, когда она была оказана не только в экстренной, но и неотложной форме.

Разница между медицинской помощью в экстренной форме и медицинской помощью в неотложной форме напрямую зависит от характера заболеваний и состояний, при которых она оказывается. Экстренная форма медицинской помощи предоставляется в ответ на внезапные и острые заболевания и состояния, включающие обострения хронических заболеваний, которые могут вызвать угрозу жизни пациента, вызвать потерю сознания, травмы, кровотечения, отравление и т. д. Неотложная форма состоит в оказании медицинской помощи при таких же состояниях, но отсутствии данных угрожающих признаков и может быть предоставлена на дому. Данное нововведение, бесспорно, расширило возможности оказания медицинской помощи.

До определенного времени сотруднику, пребывающему за пределами постоянного места жительства по причине командировки или отпуска, при отсутствии внезапных острых заболеваний и состояний расходы за оказание медицинской помощи медицинской организацией здравоохранения не возмещались. Например, затраты за предоставление медицинской услуги в женской консультации. Однако приказом МВД России от 24 апреля 2019 г. № 275, предусматривающим инструкцию по оказанию медицинской помощи в медицинских организациях системы МВД России, данный правовой пробел был устранен. В соответствии с п. 4 данной инструкции, медицинская помощь сотруднику в таких случаях оказывается в медицинской организации МВД России по месту его временного пребывания. Соответственно данная ведомственная медицинская организация (медико-санитарная часть) может оформить направление и в женскую консультацию, относящуюся к организациям здравоохранения, и возместить расходы.

Ранее особенно остро стоял вопрос оказания полноценной медицинской помощи, например, в период беременности, родов, в послеродовой период и при аборте сотрудникам, находящимся вне постоянного места жительства, то есть за пределами региона, в котором они проходят службу (проживают), в связи с отпуском, командировкой и в иных случаях. Данная проблема подробно рассматривалась в научной литературе и приводились конкретные ее случаи и пути решения данной проблемы [3].

В настоящее время в соответствии с п. 7 Правил оказания медицинской помощи сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации государственными и муниципальными организациями здравоохранения медицинская помощь в экстренной или неотложной форме оказывается сотрудникам незамедлительно. Правила распространяются и на тех сотрудников, которые находятся не на постоянном месте службы (жительства) по причине командировки, отпуска или ином случае, в том числе в другом субъекте Российской Федерации, в котором не проходят службу (проживают), и тех медицинских организаций здравоохранения, с которыми медико-санитарной частью договор не заключен. Для компенсации расходов такая медицинская организация направляет документы в выше обозначенную медико-санитарную часть, на территории которого проходят службу (проживают) эти сотрудники. В этом отношении данный вопрос можно считать урегулированным и решенным.

На самом деле, вопросы, связанные с оказанием медицинской помощи женщинам – сотрудникам органов внутренних дел, требуют полноценного правового регулирования, на что также было обращено внимание [4]. Целесообразно будет предусмотреть в законе, гарантирующем социальные гарантии сотрудникам, и в постановлении Правительства Российской Федерации соответствующий главу, посвященную оказанию медицинской помощи данной категории сотрудников.

Отдельной проблемой является отсутствие правовой регламентации процедуры оказания медицинской помощи сотрудникам МВД России (кроме сотрудников заграничного аппарата, которые согласно п. 3 рассматриваемой инструкции также прикрепляются к поликлинике медицинской организации системы МВД России) за рубежом. Как известно, по общему правилу, бесплатное лечение и обеспечение лекарствами и изделиями медицинского характера осуществляются только по назначению врача ведомственных медицинских организаций, дислоцирующихся в пределах страны. Например, в структуре Учебного

центра (филиала) Сибирского юридического института МВД России, дислоцирующего по межправительственному соглашению в г. Манагуа Республики Никарагуа, отсутствует медицинское подразделение и персонал³. Вопросы, связанные с предоставлением медицинской помощи, разрешаются отдельном порядке.

Для решения вышеизложенных проблемных вопросов будет целесообразным расширить возможности обращения сотрудников во вневедомственные медицинские организации, для чего регламентировать данную проблему на межведомственном или правительственном уровне. Имеется мнение, что на период отпуска, командировки или в иных случаях, при нахождении сотрудника в другом регионе, в котором он проходит службу (проживает), позволить ему получить временный полис обязательного медицинского страхования [5, с. 23] Однако, как было оговорено ранее, такой сотрудник может временно прикрепиться в поликлинике медико-санитарной части, необходимость во временных полисах отпадает. Совсем радикальным предложением является возврат сотрудников в систему ОМС, что в современных условиях представляется нереальным.

Таким образом, за последние пять лет ведомственной медицинской системе удалось добиться значительных успехов в вопросах взаимодействия с медицинскими организациями здравоохранения, что обусловлено, в первую очередь, принятием новых правительственного и ведомственного правовых актов. Тем не менее, для дальнейшего совершенствования как медицинского обеспечения, в целом, так и оказания медицинской помощи, в частности, необходимо на законодательном и ведомственном уровнях принять меры для решения выше обозначенных проблем. Необходимо принять меры по расширению перечня оказываемой медико-санитарными частями медицинской помощи, не снижая при этом их качества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кабанова Ю.С. Проблемы реализации права на медицинскую помощь сотрудниками органов внутренних дел // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-2.
2. Малкова В.О. Проблемные вопросы реализации социальных гарантий, предоставляемых сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации в сфере медицинского обеспечения // Молодежь, наука и цивилизация. Красноярск, 2024.
3. Равнюшкин А.В. Некоторые аспекты реализации сотрудниками органов внутренних дел права на медицинскую помощь // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1(39).
4. Пархоменко И.К. Отдельные аспекты правового регулирования оказания медицинской помощи женщинам сотрудникам ОВД // Актуальные проблемы обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих (сотрудников) и государственных служащих. СПб., 2020.
5. Степкин Р.М., Дизер О.А. Правовое регулирование медицинского обеспечения сотрудников полиции в Российской Федерации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2024. № 4(58).

REFERENCES

1. Kabanova Yu. S. Problems of Implementing the Right to Medical Care by Employees of Internal Affairs Bodies // Actual Problems of Combating Crimes and Other Offenses. 2022. 22-2.
2. Malkova V.O. Problematic Issues of Implementing Social Guarantees Provided to Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation in the Field of Medical Care // Youth, Science, and Civilization: Proceedings of the International Conference, Krasnoyarsk, May 16, 2024. Krasnoyarsk, 2024.
3. Ravnyushkin A.V. Some Aspects of the Implementation of the Right to Medical Care by Employees of Internal Affairs Bodies // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2017. № 1(39).

³ Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://сибию.мвд.рф/institut/struktura/учебный-центр> (дата обращения: 25.08.2025).

4. Parkhomenko I.K. Certain Aspects of the Legal Regulation of Medical Care for Female Employees of Internal Affairs Bodies // Actual Problems of Mandatory State Insurance of Life and Health of Military Personnel (Officers) and Civil Servants. St. Petersburg, 2020.

5. Stepkin R.M., Dizer O.A. Legal Regulation of Medical Care for Police Officers in the Russian Federation // Problems of Law Enforcement. 2024. № 4(58).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Равнюшкин Алексей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных дисциплин. Крымский филиал Краснодарского университета МВД России. 295053, Российская Федерация, г. Симферополь, ул. Академика Х.Х. Стевена, 14.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ravnyushkin Alexey Viktorovich, PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Special Disciplines. Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 14, Akademika Kh. Stevena St., Simferopol 295053 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2025. № 4 (115). – С. 68–76.
Jurist-Pravoved. 2025. № 4 (115). – Pp. 68–76.

Научная статья
УДК 34+004.8

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ РОССИИ

Федоренко Наталия Владимировна

Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
gr_process38@mail.ru

Шумейко Ирина Юрьевна

Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ira-shumeyko@yandex.ru

Введение: внедрение искусственного интеллекта (далее – ИИ) стремительно преобразует судопроизводство Российской Федерации, модернизируя правовые механизмы и процедуры. Актуальность исследования обусловлена масштабными изменениями судебной практики под влиянием цифровых технологий, требующих тщательного анализа этических и юридических аспектов применения автоматизированных систем.

Материалы и методы: методология исследования базируется на диалектическом подходе к изучению трансформации судебных процессов. Комплексный анализ международного законодательства и существующих прецедентов позволяет оценить перспективы интеграции ИИ в российское правосудие.

Результаты исследования: исследование демонстрирует значительный потенциал автоматизации для оптимизации судопроизводства и расширения доступности правовой защиты. Выявленные проблемы алгоритмической предвзятости, конфиденциальности информации и морально-этических дилемм обуславливают необходимость формирования специализированной нормативной базы.

Выводы и заключения: совершенствование российской судебной системы посредством внедрения ИИ открывает новые возможности при условии соблюдения баланса между технологическим прогрессом и фундаментальными принципами правосудия. Эффективная реализация инноваций требует комплексного подхода к обучению кадров, разработке регламентов и обеспечению общественного контроля.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебная система, Россия, безопасность данных, нормативное регулирование, этика, прозрачность.

Для цитирования: Федоренко Н. В., Шумейко И. Ю. Влияние искусственного интеллекта на судебную систему России / Н. В. Федоренко, И. Ю. Шумейко // Юрист-Правоведъ: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 68–76.

Original paper

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE RUSSIAN JUDICIAL SYSTEM

Fedorenko Natalia Vladimirovna

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

Shumeyko Irina Yurievna

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the introduction of artificial intelligence (AI) is rapidly transforming the judicial system of the Russian Federation, modernizing legal mechanisms and procedures. The relevance of the study is due to the large-scale changes in judicial practice under the influence of digital technologies, which require a thorough analysis of the ethical and legal aspects of the use of automated systems.

Materials and methods: the research methodology is based on a dialectical approach to the study of the transformation of judicial processes. A comprehensive analysis of international legislation and existing precedents makes it possible to assess the prospects for integrating AI into Russian justice.

Results of the study: the study demonstrates the significant potential of automation to optimize legal proceedings and expand the availability of legal protection. The identified problems of algorithmic bias, information confidentiality, and moral and ethical dilemmas necessitate the formation of a specialized regulatory framework.

Findings and conclusions: the improvement of the Russian judicial system through the introduction of AI opens up new opportunities, provided that a balance is maintained between technological progress and the fundamental principles of justice. Effective implementation of innovations requires an integrated approach to staff training, development of regulations and ensuring public control.

Keywords: artificial intelligence, judicial system, Russia, data security, regulatory regulation, ethics, transparency.

For citation: Fedorenko N. V., Shumeyko I. Yu. The impact of artificial intelligence on the Russian judicial system / N. V. Fedorenko, I. Y. Shumeyko // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – Pp. 68–76.

Использование искусственного интеллекта в российских судах становится все более актуальным, поскольку оно может помочь решить проблему перегрузки судебных учреждений. Избыточная нагрузка на суды является одной из главных сложностей, с которой сталкивается российская судебная система в настоящее время. Анализ статистических показателей портала Судебного департамента Верховного Суда РФ демонстрирует масштабную загруженность судебной системы первого полугодия: рассмотрение 580 тысяч уголовных, 13 миллионов гражданских и 748 тысяч административных дел. Совет Судей при обсуждении методов оптимизации судопроизводства акцентировал внимание на расширении применения цифровых технологий [1, с. 47]. Международный опыт внедрения систем искусственного интеллекта позволяет определить перспективные направления модернизации отечественного судопроизводства.

В области внедрения цифровых технологий в судебную систему Китай занимает лидирующие позиции, демонстрируя активное продвижение инновационных решений. С 2015 г. в стране действует проект «Умный суд», ключевым элементом которого является внедрение искусственных нейронных сетей, способных к адаптации и совершенствованию на основе анализа данных судебных заседаний. Ежедневно система «Умный суд» обрабатывает более ста тысяч судебных материалов, демонстрируя свою эффективность в решении масштабных задач. Автоматизация рутинных операций в судебной системе является основным преимуществом «Умного суда» [2, с. 130]. Система умеет вести протокол заседания, преобразуя речь участников в текст, переводить бумажные архивы в электронный формат и выявлять финансовые нюансы для точного расчета долгов. Эта система не только обнаруживает нарушения сроков исковой давности, но и создает проекты судебных постановлений, подкрепленных ссылками на правовые акты и прецеденты, а также выдвигает предложения по возможным санкциям для подсудимого, анализируя решения по аналогичным делам.

В китайской правовой системе «Умный суд» настаивает на предоставлении обязательных рекомендаций для судебных решений. В случае несогласия судьи с выводами ИИ ему необходимо изложить свои мотивы в письменной форме, которая будет направлена в высшую судебную инстанцию. Стоит отметить, что в китайской правовой системе ИИ не заменяет судей, а служит им инструментом, предоставляя аналитическую информацию для более взвешенного решения. Хотя система «Умный суд» предлагает лишь рекомендации, судья все равно обладает полной независимостью при вынесении окончательного приговора. Письменные разъяснения судей, приводимые в судебных решениях, особенно когда они расходятся с выводами искусственного интеллекта, гарантируют объективность и предотвращают коррупционные действия. Внедрение системы «Умного суда» рассматривается как масштабный шаг вперед, аналогичный технологическим прорывам, вызванным всеобъемлющим внедрением цифровых технологий в китайские государственные структуры.

Китай стремится к полной цифровизации всех судебных документов, от решений полиции до постановлений налоговых органов, объединяя их в единую цифровую платформу,

доступную всем государственным институтам. По сведениям Верховного народного суда КНР, использование искусственного интеллекта уже принесло ощутимые результаты: суды стали работать более эффективно, снизились судебные издержки и повысилась уверенность в справедливости вынесенных приговоров. В Китае прокуратура внедрила аналог «Умного суда», где искусственный интеллект автоматизирует процесс составления обвинительных заключений. По утверждениям властей, эта система демонстрирует впечатляющую точность, превышающую 97 % [3, с. 72].

Западные правовые системы, в отличие от Китая, пока не дошли до массового внедрения искусственного интеллекта. Тем не менее, в американской юриспруденции ИИ уже активно применяется для оптимизации рабочих процессов. Он берет на себя рутинные операции, например, автоматическое создание протоколов судебных заседаний посредством распознавания речи, конвертацию бумажных документов в электронный вид и последующую их классификацию в судебных базах данных (система «eDiscovery»). AI-технологии, такие как «Odyssey File & Serve», оказывают существенную помощь судам, анализируя судебные решения и предлагая судьям аналогичные прецеденты для сравнения, тем самым ускоряя процесс принятия решений. В США чат-боты стали неотъемлемой частью судебной системы, предоставляя гражданам, обращающимся в суд, доступ к широкому спектру информации, начиная от описания работы судебной системы и заканчивая правилами подачи исковых заявлений и статусом дел. В Китае стремятся автоматизировать множество задач, в то время как в правовых системах западных стран приоритет отдается человеческому фактору, особенно роли судьи. Судья в этих странах обладает правом самостоятельно оценивать ситуацию, и не обязан придерживаться предложений, выдаваемых искусственным интеллектом, сохраняя право принимать решения на основе собственного профессионального суждения [4, с. 250].

Российская судебная система готовится к масштабному технологическому обновлению с использованием искусственного интеллекта. Как заявил на семинаре 2 апреля 2024 г. председатель Совета судей РФ В. Момотов, ключевым шагом в этом направлении станет запуск онлайн-платформы «Правосудие онлайн», которая станет основой для дальнейшего развития и внедрения ИИ в судопроизводство к концу текущего десятилетия [5, с. 189].

Современная система электронного судопроизводства позволяет гражданам эффективно взаимодействовать с судебными инстанциями на каждом этапе рассмотрения дела. Жители Москвы и Санкт-Петербурга активно пользуются преимуществами дистанционного формата судебных процессов благодаря внедренному цифровому сервису. Подача процессуальных документов осуществляется через портал государственных услуг либо многофункциональные центры, а доступ к аудиозаписям заседаний и мониторинг судебного производства реализуется в электронном формате. Масштабная программа «Правосудие онлайн» последовательно воплощает концепцию цифровой трансформации судебной системы.

Внедрение цифровой платформы «Правосудие онлайн» значительно модернизировало коммуникацию граждан с судебной системой, параллельно развиваются технологии машинного обучения для автоматизации судопроизводства и снижения нагрузки на судебный аппарат. Функционирование платформы «Правосудие онлайн» успешно реализовано, однако перспективы полной автоматизации процессов обработки документации, формирования электронных версий, подготовки судебных актов и протоколирования заседаний требуют дальнейшей проработки.

Белгородская область стала пилотным регионом для апробации технологий машинного обучения в судебной практике в 2021 г. Результаты внедрения искусственного интеллекта продемонстрировали эффективность в трех участках мировых судей, существенно упростив документооборот: с помощью технологии слабого искусственного интеллекта подготавливались судебные приказы при взыскании с граждан имущественного, транспортного и земельного налогов. Разработанная система осуществляла автоматическое сканирование материалов, идентификацию сторон процесса, верификацию платежных данных, формирование рекомендаций по рассмотрению заявлений, определение подсудности и создание проектов налоговых предписаний. При этом необходимо подчеркнуть, что искусственный интеллект являлся лишь помощником в выполнении документационной работы, а вынесение судебного приказа оставалось за судьями.

Использование искусственного интеллекта в правосудии до сих пор вызывает много дискуссий, в центре которых стоит вопрос о возможности его полного замещения работы судебных органов. Несмотря на то, что многие страны внедряют самообучающиеся программы (нейросети) в судебную сферу, все же акцент делается на неизменной важности

человеческого фактора в судопроизводстве. Несмотря на то, что в некоторых юрисдикциях, например, в Китае, ИИ может предлагать проекты судебных решений, окончательное слово всегда остается за судьей, который использует рекомендации ИИ как один из факторов в своем решении. В Канаде позиция по запрету нейросетей в судебной системе была четко обозначена высшим судебным органом, который категорически отверг возможность использования таких инструментов судьями. Председатель канадского Федерального суда выразил сомнения в способности искусственного интеллекта полностью воспроизводить сущностные качества, за которые отвечает судья при принятии объективных и справедливых решений: беспристрастность, взвешенность в оценках и моральная ответственность. Он считает, что использование ИИ в судопроизводстве может подрывать авторитет и доверие к судебным решениям. Мнение канадского судьи также поддерживается российскими коллегами [6].

В контексте российского правосудия искусственный интеллект призван стать надежным помощником для судей и сотрудников судебной системы, облегчая им выполнение своих обязанностей, однако, не заменяя при этом судью, который по-прежнему остается единственным лицом, ответственным за окончательное решение.

Внедрение искусственного интеллекта сопряжено с рисками компрометации конфиденциальных данных. Рассмотрим, например, судебную сферу, где искусственный интеллект способен оптимизировать процесс ведения протоколов посредством распознавания устной речи. Однако, такой подход создает уязвимость для утечки личной информации участников судебных заседаний. Для минимизации подобных опасностей, мы предлагаем рассмотреть возможность работы ИИ в автономном режиме, изолированном от внешних сетей. Безусловно, это направление действий гарантирует защиту личной информации участников судебного процесса и укрепляет доверие со стороны граждан к правосудию.

Использование искусственного интеллекта в судопроизводстве, в частности при распределении дел, приобретает все большую актуальность. Хотя сейчас эту функцию выполняет Председатель суда, многие специалисты высказывают опасения по поводу рисков, которые несет с собой централизация такого важного процесса. Основная проблема заключается в том, что единоличное распределение дел может способствовать злоупотреблению властью. Руководство суда может использовать процедуру распределения дел, управляемую председателем, для создания давления на судью, чье мнение не совпадает с его, или же для направления дела судье, который склонен к определенному исходу. Такая практика, где человеческий фактор играет ключевую роль в распределении судебных нагрузок, открывает двери для коррупции и субъективных решений.

Для повышения прозрачности и объективности процесса в 2019 году все суды перешли на автоматизированную систему «Модуль распределения дел». В результате внедрения данной инициативы равномерность распределения дел между судьями значительно повысилась, и весь судебный процесс стал более прозрачным. Мы убеждены, что развитие автоматизированных систем для распределения судебной работы с использованием в них обучающихся алгоритмов (нейросетей) будет весьма перспективным направлением. Эти системы не только учтут количество дел, рассматриваемых каждым судьей, но и проанализируют их профессиональную специализацию, опыт работы и другие значимые характеристики для оптимизации и повышения точности распределения судебных задач [7, с. 232].

Необходимо учитывать и возможные риски, связанные с оповещением участников судебного процесса через онлайн-платформу «Правосудие онлайн». Несмотря на то, что такой формат существенно оптимизирует работу судов, уменьшит нагрузку на традиционные почтовые коммуникации и снизит финансовые затраты, стоит помнить, что не все граждане активно пользуются порталом «Госуслуги», и это может привести к пропуску судебных заседаний из-за неувиденных уведомлений в личном кабинете. Онлайн-платформа «Правосудие онлайн» для передачи судебных извещений, по нашему мнению, должна быть дополнением к существующим методам, а не альтернативой им, помогая упростить и ускорить процесс оповещения участников судебного разбирательства.

Современная онлайн-платформа судопроизводства обеспечивает дистанционное наблюдение за ходом судебных разбирательств. Использование мобильных устройств позволяет гражданам полноценно участвовать в заседаниях, находясь в привычной домашней обстановке. Комфортный доступ к судебным процедурам существенно упрощает взаимодействие населения с органами правосудия. Дистанционный формат участия в судебных заседаниях предполагает строгое соблюдение этических норм поведения. Каждый участник виртуального процесса должен проявлять уважение к установленному порядку и воздерживаться от

недопустимых действий во время слушаний. Регламент проведения онлайн-заседаний включает механизмы оперативного отключения пользователей при нарушении установленных правил поведения. Внедрение цифровых технологий в судебную систему требует обеспечения максимальной открытости правовых процедур. Митина С.И. отмечает, что даже в условиях цифровизации судебной сферы открытость судебных решений не достигла уровня, который был зафиксирован после реформы 1864 г., когда была провозглашена новая эпоха в обеспечении доступности правовой информации [8, с. 28]. В свете сложившейся ситуации, законодателю необходимо в нормативно-правовых документах обозначить основным направлением цифровизации судебной системы повышение прозрачности, беспристрастности, открытости и результативности судебных разбирательств.

Внедрение ИИ в судебную систему, по нашему мнению, станет настоящим прорывом, существенно улучшив взаимодействие граждан с судами и упростив работу судебных органов. Это, в свою очередь, приведет к повышению точности судебных решений. Чтобы реализовать этот потенциал, необходимо модернизировать процессуальное законодательство, обеспечив тем самым бесперебойную адаптацию судебной системы к современным информационным технологиям. В целях повышения доступности административного судопроизводства для граждан Министерство юстиции России разрабатывает два важных механизма: подключение к судебным заседаниям по видеоконференц-связи и электронное оформление и подача документов. Эти инструменты уже зарекомендовали себя в гражданском, уголовном и арбитражном праве, но в административной юриспруденции их пока не используют.

Использование искусственного интеллекта в судебной системе имеет потенциал радикально улучшить ее работу. Такое внедрение может освободить судей от рутинных задач, сделать взаимодействие граждан с судами более доступным и понятным, а также упростить процесс оповещения участников судебных дел. В процессе цифровизации судебной системы необходимо учитывать потенциальные недостатки электронных уведомлений посредством платформы «Правосудие онлайн». Проведение дистанционных судебных заседаний требует детальной проработки этических аспектов взаимодействия с гражданами. Автоматизированные системы обработки данных, включая программы протоколирования на базе нейросетей, нуждаются в защите от утечек персональной информации.

Технологии машинного обучения активно преобразуют различные сферы жизни общества – медицину, образовательный процесс, промышленное производство и государственное управление. Внедрение подобных решений в юридическую практику способствует повышению эффективности, открытости и доступности правосудия. Российская судебная система находится на начальном этапе внедрения нейросетевых технологий, требующем всестороннего изучения возможных последствий.

В России искусственный интеллект получил четкую стратегическую направленность в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [9]. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта определяет ключевые векторы государственной политики по масштабному внедрению передовых технологий. Федеральная программа, запущенная согласно Указу Президента, создает благоприятную среду для интеграции отечественных разработок в области ИИ во все значимые области российского общества, начиная от экономического сектора и заканчивая административно-управленческим аппаратом.

В то время как в России вопрос о внедрении искусственного интеллекта в судопроизводство только начинает обсуждаться, другие государства уже реализуют его потенциал для поддержки судебных процессов. Повсеместный опыт показывает, что пути интеграции ИИ в судебную систему весьма многообразны.

Применение искусственного интеллекта во многих государствах наглядно раскрывает существенные преимущества автоматизированных процессов, масштабного анализа информации и расширения доступа граждан к правовым механизмам. Современная практика внедрения цифровых технологий выявляет комплексные проблемы безопасности и социальной адаптации, требующие тщательной проработки на этапе интеграции систем искусственного интеллекта. Юридическое регулирование и этическая оценка использования передовых алгоритмов становятся приоритетными задачами для общества. Законодательные инициативы должны обеспечивать надежную защиту персональных сведений граждан при одновременном соблюдении принципов прозрачности и равноправия в информационном пространстве. Этические же вопросы связаны с определением круга лиц, несущих ответственность за действия ИИ, а также с разработкой мер, исключающих возможность дискриминации со стороны искусственных алгоритмов [10, с. 87].

Внедряя ИИ в российские суды, необходимо опираться на успехи и уроки других стран. Для этого требуется разработать законодательную базу, которая определяет рамки применения ИИ, а также реализовать тестовые проекты и исследования, направленные на приспособление этих технологий к особенностям российской юриспруденции.

Прозрачность алгоритмических механизмов принятия судебных решений определяет результативность применения искусственного интеллекта в юридической практике.

Научные исследования сконцентрированы на формировании объяснимых интеллектуальных систем, способных предоставлять обоснование каждого этапа вычислений. Методология пост-анализа LIME совместно с SHAP обеспечивает детальное понимание механизмов работы сложных нейросетевых архитектур, предоставляя развернутые обоснования полученных результатов [11, с. 7].

Прозрачность в отношении обучающих данных для искусственных интеллектов имеет решающее значение, поскольку позволяет не только понять их надежность и исчерпывающее отражение реальности, но и обнаружить возможные систематические ошибки или предвзятость. Нормативное соответствие и прозрачность используемых данных укрепляют достоверность результатов применения искусственного интеллекта в юридической практике, где обоснованность автоматизированных решений напрямую зависит от возможности верификации источников информации.

Применение технологий машинного обучения в юриспруденции требует строгого соответствия правовым нормам и морально-этическим принципам. Разработка систем автоматизированного принятия решений основывается на фундаментальных постулатах верховенства закона и защиты гражданских свобод. Предотвращение дискриминации и необъективности при использовании алгоритмов становится важным условием обеспечения справедливого судопроизводства.

Смещение алгоритмических решений возникает вследствие комплекса причин, включая стереотипы в обучающих данных, структурные недостатки вычислительных моделей и некорректные формулировки исходных задач. Для минимизации этого риска применяются разнообразные подходы, среди которых особое место занимает предварительная обработка данных, направленная на выявление и устранение имеющихся в них неточностей.

Нельзя оставить без внимания эти проблемы, иначе рискуем повторить ошибки, как, например, сделала компания Amazon. Их система отбора персонала, использующая исторические данные, продемонстрировала дискриминацию по отношению к женщинам, что вынудило компанию отказаться от нее и перестроить свои стратегии. Неравномерное представительство мужчин в исходных данных, собранных за десять лет работы компании, стало причиной предвзятости алгоритма. Обучение искусственного интеллекта на существующих данных привлекло к появлению предвзятости, что привело к оценке кандидатов-мужчин как более перспективных для трудоустройства.

Разработка нормативно-правовой базы для регулирования систем искусственного интеллекта становится приоритетной задачей современного общества. Законодательная инициатива Европейской комиссии по внедрению единых стандартов использования ИИ демонстрирует эффективный механизм защиты фундаментальных прав граждан при сохранении технологического прогресса. Российское правовое поле нуждается в создании аналогичных регуляторных механизмов, учитывающих успешный опыт европейских коллег в области этического применения искусственного интеллекта [12, с. 280].

Понимание правовых норм – это лишь первый шаг. Чтобы системы ИИ обрели надежность, необходимо особое фокусирование на защите их от киберугроз.

Надежность искусственного интеллекта в правовой сфере неразрывно связана с обеспечением надежной защиты конфиденциальной информации. Судебные дела, по своей сути, предполагают работу с очень чувствительными данными, начиная от личной информации и заканчивая коммерческой тайной. Утечка или несанкционированный доступ к таким данным может нанести непоправимый ущерб, как отдельным участникам судебного разбирательства, так и общему имиджу судебной системы.

Для снижения рисков подобного рода необходимо реализовать комплексные меры по защите от киберугроз:

- для обеспечения надлежащего уровня безопасности требуется внедрение современных защитных мер, таких как криптографическое шифрование данных, системы управления доступом и технологии предотвращения и блокирования вторжений;

- для обеспечения безопасности необходимо принимать организационные меры: следует разрабатывать и внедрять соответствующие политики, обеспечивать систематическое

повышение квалификации сотрудников, а также проводить проверки и анализировать риски;

- все работы должны проводиться с полным соблюдением действующего законодательства, включая требования как российских, так и международных нормативных актов, направленных на защиту персональных данных, таких как Федеральный закон № 152-ФЗ;

- необходимо также учитывать новые риски, возникающие в процессе развития искусственного интеллекта, такие как атаки на обучающие базы данных и уязвимости алгоритмов. Для защиты от этих угроз нужно регулярно проводить испытания систем на устойчивость к кибератакам и внедрять методы защищенного обучения машинных моделей. Интеграция защитных мер для данных в архитектуру ИИ должна стать неотъемлемой частью разработки, а не последним этапом. Принцип «privacy by design» включает в себя применение методов минимизации обрабатываемых данных, анонимизации и псевдонимизации для обеспечения конфиденциальности. С учетом растущей тенденции к внедрению облачных платформ в судебной системе обеспечение конфиденциальности и безопасности данных в этих средах должно становиться все более актуальным;

- успешное применение искусственного интеллекта в судебной системе тесно связано с наличием специалистов, обладающих не только техническими навыками, но и глубоким пониманием правовых последствий внедрения новых технологий. Важно, чтобы судьи, юристы, адвокаты и все остальные участники судебного процесса имели фундаментальные знания в области ИИ и цифровых технологий;

- интеграция в учебные планы предметов, посвященных искусственному интеллекту, кибербезопасности и цифровой трансформации судебной системы, даст образовательным организациям возможность существенно повлиять на прогресс этих отраслей. Усовершенствование профессиональных навыков действующих специалистов посредством обучения и мастер-классов также будет играть ключевую роль в повышении их компетенции и осведомленности о современных тенденциях;

- чтобы ИИ-системы успешно разрабатывались и внедрялись, нужно стимулировать взаимодействие юристов и IT-специалистов, обеспечив им площадку для конструктивного диалога и взаимного понимания;

- прозрачность и активное вовлечение общественности в процесс внедрения искусственного интеллекта в судопроизводство должны способствовать укреплению доверия к этой технологии и повышению ее общественной приемлемости. Открытый диалог должен способствовать учету разногласий и беспокойств различных групп населения, что, в свою очередь, позволит повысить осведомленность и понимание задач, ожидаемых результатов и возможных рисков, связанных с использованием ИИ в судебной системе;

- законодательство должно предусматривать механизм возмещения ущерба, возникающего из-за некорректного использования ИИ. Важно четко определить круг лиц, ответственных за такие нарушения, включая разработчиков, поставщиков и пользователей ИИ-технологий, и ввести для них ясные штрафные меры за несоблюдение установленных правил;

- внедрение искусственного интеллекта в судебную систему необходимо проводить поэтапно, начиная с пилотных программ, для минимизации возможных рисков и получения практических знаний. Выделение конкретных регионов или правовых областей для таких пилотных проектов даст возможность адекватно оценить эффективность технологий в условиях реальной работы.

Успешная реализация предложенных решений в области внедрения искусственного интеллекта в судебную сферу тесно связана с последовательным и планомерным подходом. На начальном этапе тестовых проектов особое внимание следует уделять нескольким основным аспектам.

1. Регулярный мониторинг производительности и безопасности передовых технологических решений требует систематического анализа достигнутых показателей с последующим своевременным устранением обнаруженных недостатков.

2. Открытость информации о реализуемых проектах служит важным элементом успешного внедрения инноваций, предполагая регулярное информирование населения о задачах, способах реализации и достигнутых результатах.

3. Постоянный сбор мнений и предложений от участников процесса, включая пользователей системы, обеспечивает комплексное развитие технологических решений. Подобный подход позволяет максимально учесть запросы населения при совершенствовании качества сервисов.

4. Международная кооперация в области разработки и применения искусственного интеллекта для судопроизводства способствует росту квалификации специалистов и модернизации методологической базы. Совместные исследовательские инициативы

и программы регулирования содействуют обогащению национальных судебных систем передовыми практиками, повышая эффективность использования современных технологий.

Внедрение искусственного интеллекта в российскую судебную систему открывает новые возможности модернизации правосудия. Анализ мировой практики демонстрирует положительные результаты применения автоматизированных систем при судопроизводстве, учитывая комплексный подход к их интеграции. Успешная реализация проектов основывается на открытости используемых методов обработки информации, понятных механизмах работы программного обеспечения и соблюдении юридических норм, обеспечивающих информационную безопасность. Положительное восприятие инновационных решений среди населения формируется благодаря качественной подготовке профильных кадров и открытому диалогу между обществом и государством. При ответственном внедрении, с учетом всех аспектов и постепенной проверки в ходе пилотных программ, ИИ может стать действенным инструментом для обновления российской судебной системы, способствуя реализации принципов справедливости и правового государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юламанов А.Г. Перспективы развития искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации // Современные научные исследования: теория, методология, практика: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Анапа, 2024.
2. Даньшин А.В. Правовое регулирование применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в судопроизводстве Китайской Народной Республики // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 1(33). Т. 9.
3. Бальчиндоржиева О.Б., Мяханова А.Н., Сапкеев Д.В. Философско-правовые и этические аспекты организации «умного суда»: китайский опыт // Вестник Бурятского государственного университета. 2023. № 3.
4. Ли Я. Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Европейском союзе и Китае // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 3.
5. Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования / В.В. Момотов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5(81).
6. Эберт Е.С., Эмищян Е.А., Шаблова Е.Г. Правосудие и искусственный интеллект: перспективы и проблемы // Весенние дни науки: сб. докладов Международной конференции студентов и молодых ученых. Екатеринбург, 2023.
7. Степанов О.А., Басангов Д.А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475.
8. Фабричный С.Ю., Митина С.И. Модернизация конституционной нормы в контексте современного цивилизационного развития России // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 10 (167). Т. 19.
9. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
10. Володин Е.А. Особенности внедрения искусственного интеллекта в судебные процессы: автоматизация и цифровизация правоприменения // Юридическая наука. 2025. № 4.
11. Аверкин А.Н. Объяснимый искусственный интеллект как часть искусственного интеллекта третьего поколения // Речевые технологии. 2023. № 1.
12. Николаев Н.А., Касаткина Н.А., Гельдибаев М.Х. AI Act Еврокомиссии как первый регламент об использовании нейросетей / Н.А. Николаев, // Закон и право. 2024. № 8.

REFERENCES

1. Yulamanov A.G. Prospects for the development of artificial intelligence in the judicial system of the Russian Federation // Modern scientific research: theory, methodology, practice: collection of scientific papers based on the materials of the I International Scientific and Practical Conference. Anapa, 2024.

2. Danshin A.V. Legal regulation of the use of digital technologies and artificial intelligence in the judicial proceedings of the People's Republic of // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2025. № 1(33). Т. 9.
3. Balchindorzhieva O.B., Myakhanova A.N., Sapkeev D.V. Philosophical, legal and ethical aspects of the organization of the «smart court»: the Chinese experience // Bulletin of the Buryat State University. 2023. № 3.
4. Li Ya. Regulatory and legal regulation of generative artificial intelligence in the UK, USA, European Union and China // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. № 3.
5. Momotov V.V. Artificial intelligence in legal proceedings: state, prospects of use // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2021. № 5(81).
6. Ebert E.S., Emishyan E.A., Shablova E.G. Justice and artificial intelligence: prospects and problems // Spring Days of Science: Collection of reports of the International Conference of Students and young scientists. Yekaterinburg, 2023.
7. Stepanov O.A., Basangov D.A. On the prospects for the influence of artificial intelligence on legal proceedings // Bulletin of Tomsk State University. 2022. № 475.
8. Fabrichny S.Y., S.I. Mitina. Modernization of the constitutional norm in the context of modern civilizational development of Russia // Actual problems of Russian law. 2024. № 10 (167). Т. 19.
9. Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 № 490 (as amended on 15.02.2024) «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation» (together with the «National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030») // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 41. Ст. 5700.
10. Volodin E.A. Features of the introduction of artificial intelligence in judicial processes: automation and digitalization of law enforcement // Legal Science. 2025. № 4.
11. Averkin A.N. Explicable artificial intelligence as a part of artificial intelligence of the third generation // Speech technology. 2023. № 1.
12. Nikolaev N.A., Kasatkina N.A., Geldibaev M.H. AI Act of the European Commission as the first regulation on the use of neural networks // Law and Law. 2024. № 8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федоренко Наталия Владимировна, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой процессуального права. Ростовский государственный экономический университет. 344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 166.

Шумейко Ирина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права. Ростовский государственный экономический университет. 344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 166.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Fedorenko Natalia Vladimirovna, Grand PhD in Sociology, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law. Rostov State University of Economics. 166, Maxim Gorky St., 344006 Rostov-on-Don Russian Federation.

Shumeyko Irina Yuryevna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law. Rostov State University of Economics. 166, Maxim Gorky St., 344006 Rostov-on-Don Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2025. № 4(115). – С. 77–81.
Jurist-Pravoved. 2025. № 4(115). – Pp. 77–81.

Научная статья
УДК 347.91

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Вишнинецкая Мария Ивановна

Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Vakulamar@rambler.ru

Введение: количество рассматриваемых дел в суде общей юрисдикции ежегодно растет, нагрузка на судей увеличивается, что не может не сказаться на объективности судей и качестве разрешения дел. Проводимая последние десятилетия судебная реформа не предполагает увеличения штатного количества судей. Поэтому в данной статье исследуются примирительные процедуры, как правовой механизм, способный в досудебном порядке разрешить спор. Кроме того, рассмотрены проблемы, возникающие при применении примирительных процедур, оценены возможности сторон в применении той или иной примирительной процедуры. Ввиду специфичности института примирения особенно актуальным является вопрос о профессиональной подготовке, знаниях и навыках судебных примирителей.

Материалы и методы: в качестве материала проведенного исследования использовано действующее законодательство, в частности ГК РФ, Федеральный закон, а также научная литература, в той или иной мере, затрагивающая тему проводимого исследования. Методологическую основу составляют общепринятые теоретические методы.

Результаты исследования: в результате исследования института судебного примирения дано определение примирительным процедурам, обозначены их виды, проведен сравнительный анализ примирительных процедур российской правовой системы с зарубежными странами, дана оценка тенденции развития примирительных процедур в условиях современной действительности.

Выводы и заключения: примирительные процедуры призваны обеспечить добровольное, мирное и эффективное разрешение спора без вмешательства суда, что оказывает существенное влияние на развитие судебной системы. Предполагаем, что для развития цивилизованного общества, укрепления деловых отношений с помощью примирительных процедур следует устранить проблемы, которые на сегодняшний день мешают в полной мере использовать примирительные процедуры в гражданском процессе.

Ключевые слова: судопроизводство, спор, урегулирование спора, судебное примирение, судебный примиритель, медиация, медиатор, посредничество.

Для цитирования: Вишнинецкая М. И. Актуальные проблемы судебного примирения в гражданском процессе / М. И. Вишнинецкая // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 77–81.

Original paper

ACTUAL PROBLEMS OF JUDICIAL RECONCILIATION IN CIVIL PROCEEDINGS

Vishnivetskaya Maria Ivanovna

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the number of cases in the court of general jurisdiction is growing every year, the burden on judges is increasing, which cannot but affect the objectivity of judges and the quality of case resolution. The judicial reform carried out in recent decades does not imply an increase in the number of judges. Therefore, this article explores conciliation procedures as a legal mechanism capable of resolving a dispute out of court. In addition, the problems arising from the application of conciliation procedures were considered, the possibilities of the parties in the application of a particular conciliation procedure were assessed. In view of the specificity of the institution of reconciliation, the issue of training, knowledge and skills of judicial conciliators is especially relevant.

Materials and methods: the current legislation was used as the material of the study, in particular the Civil Code of the Russian Federation, the Federal Law, as well as scientific literature, to one degree or another, affecting the topic of the study. The methodological basis is generally accepted theoretical methods.

Results of the study: as a result of the study of the institution of judicial reconciliation, a definition of conciliation procedures was given, their types were identified, a comparative analysis of the conciliation procedures of the Russian legal system with foreign countries was carried out, the trends in the development of conciliation procedures in the conditions of modern reality were assessed.

Findings and conclusions: as a result of the study of the institution of judicial reconciliation, a definition of conciliation procedures was given, their types were identified, a comparative analysis of the conciliation procedures of the Russian legal system with foreign countries was carried out, the trends in the development of conciliation procedures in the conditions of modern reality were assessed.

Keywords: legal proceedings, dispute, settlement, judicial conciliation, judicial conciliator, mediation, mediator, mediation.

For citation: Vishnivetskaya M. I. Actual problems of judicial reconciliation in civil procedure / Vishnivetskaya M. I. // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 77–81.

Примирительные процедуры с давних времен были знакомы российскому и зарубежному праву. Еще в Псковской судной грамоте упоминалось о том, что судебная тяжба может быть прекращена путем примирительного соглашения между сторонами, находящимися в споре. Судебник 1947 г. также закреплял положение о том, что до начала судебного разбирательства стороны могут примириться. Увидеть упоминание о примирительных процедурах можно и в Соборном уложении 1949 г., положения которого позволяли сторонам разрешить свой спор путем подписания мирового соглашения. Следует обозначить, что в уложении было предусмотрено, что после заключения мирового соглашения стороны не вправе будут возбудить дело повторно. Проанализировав современный институт примирительных процедур, видится сходство с некоторыми из упомянутых исторических источников. Примирительные процедуры появились в гражданском процессуальном праве в 2019 г. Их регламентирует Федеральный конституционный закон от 26.07.2019 № 3-ФКЗ, а также соответствующие поправки в процессуальные кодексы. До принятия указанного Федерального конституционного закона в законодательстве было предусмотрено заключение мирового соглашения и проведение медиации.

Внедрение в гражданское законодательство примирительных процедур преследовало своей целью упрощение процесса судебного разбирательства, сокращения количества дел, рассматриваемых в судах. Цель является вполне логичной, т. к. использовать примирительные процедуры можно на любой стадии гражданского судопроизводства, в том числе на стадии исполнительного производства. Эффективность примирительных процедур также дополняется тем, что некоторые их виды совершаются сторонами до возбуждения дела в суде и называются внесудебными. Следует сказать, что особое значение отводится примирительным процедурам, которые стороны реализуют до начала судебного производства, т. к., именно отдавая предпочтение примирению, достигаются главные цели примирительных процедур, в частности: снижение нагрузки на суды, экономия процессуального времени, а также экономия бюджетных расходов на судопроизводство. При этом важно учесть, что эффективность восстановления нарушенного права или законного интереса не уменьшается при решении сторон инициировать примирение.

В гражданском процессуальном кодексе, а именно в ст. 153.1 ГПК РФ содержится обязательство суда принимать меры для примирения сторон [1]. Примирение же, прежде всего, основывается на принципах добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности. Указанные принципы реализуются, например, тогда, когда стороны самостоятельно определяют вид примирительной процедуры и ее условия, а при участии в примирительных процедурах посредника стороны самостоятельно определяют его кандидатуру. Единственное условие, предъявляемое к решению сторон в данном случае, заключается в том, что выбор принадлежит только двум сторонам, одна сторона только лишь своей волей не может выбрать посредника, на которого будут возлагаться обязанности решения спора между сторонами.

Основываясь на целях примирительных процедур и принципах, на которые они опираются, представляется возможным дать определение понятию «примирительные процедуры». Примирительные процедуры – это отношения сторон, возникающие в ходе гражданского судопроизводства, целью которых является самостоятельное урегулирование спора, возникшего между сторонами, и принятия выгодного для обеих сторон решения.

Что касается видов примирительных процедур, то они указаны в ст. 153.3 ГПК РФ, согласно которой споры могут быть урегулированы путем проведения переговоров, посредничества, медиации, судебного примирения, а также путем других примирительных процедур, которые не противоречат федеральному закону. У каждой примирительной

процедуры может быть два конечных результата. Первый – это тот, ради которого инициируется любая из процедур, т. е. отказ сторон от рассмотрения дела в суде. В этом случае стороны заключают мировое соглашение или подписывают отказ от иска. Вторым результатом примирительных процедур будет не достижение примирения или отказ сторон от проведения примирительных процедур, тогда суд начинает судебное производство по спорному делу.

Примирительные процедуры, несмотря на давнее появление их в российском законодательстве, обладают как положительными аспектами, так и недостатками, от устранения которых зависит эффективность примирительных процедур, выступающих альтернативными способами разрешения споров. Зарубежная практика показывает долгий и положительный опыт применения процедур, описанных ниже в настоящем исследовании, что говорит о важности этого инструмента в условиях российского законодательства.

Итак, первым видом примирительных процедур являются переговоры. Следует сказать, что из всех процедур это самый простой, экономичный и универсальный способ закончить спор между сторонами еще на этапе досудебного урегулирования спора. Несмотря на простоту, именно переговоры являются наиболее эффективным способом примирения сторон. Статья 153.4 ГПК РФ, регламентирующая процедуру переговоров, наделяет стороны самостоятельностью определения условий и порядка переговоров. По сложившейся практике в процессе переговоров стороны уточняют предмет спора, излагают свои правовые позиции, высказывают доводы и в конце переговоров принимают решение в необходимости в конкретном случае проведения судебного разбирательства. Так как по итогу переговоров стороны могут определить неизбежность подачи искового заявления в суд, можно предположить, что следует наделить судью более широкими полномочиями в рамках примирения сторон путем переговоров. Судья мог бы участвовать в переговорах, предлагать сторонам наиболее взаимовыгодные варианты разрешения спора. При этом в случае отказа сторон от примирения, судья, знающий и исследовавший все материалы на стадии переговоров, мог рассматривать судебное дело и не тратить время на ознакомление с материалами сторон.

Второй примирительной процедурой является процедура медиации. Данный способ примирения по сравнению с переговорами наиболее регламентирован, в том числе Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ от 27.07.2010 [2]. Процесс медиации начинается с заключения сторонами письменного соглашения, в котором они устанавливают порядок проведения медиации. Также стороны в соглашении могут указать, что порядок медиации будет самостоятельно определять медиатор. На протяжении всей процедуры медиации медиатор взаимодействует со сторонами и может встречаться как со всеми сторонами вместе, так и с каждой в отдельности. По итогу медиации между сторонами заключается мировое соглашение, или так называемое медиативное соглашение. Оно утверждается судом и исполняется в дальнейшем на основании исполнительного листа, выданного судом по ходатайству стороны.

Следующим способом примирения сторон является судебное примирение. Название данной процедуры подразумевает ее отличие от рассмотренных выше способов примирения. Главной отличительной чертой является то, что в качестве примирителя может выступать только судья в отставке. Стороны выбирают примирителя из составленного в суде списка, и суд выносит определение о выборе сторонами той или иной кандидатуры. Судебный примиритель не является участником судебного процесса, однако он наделен относительно обширным спектром прав в рамках примирительного процесса. Так судебный примиритель вправе изучать материалы дела, вести переговоры со спорящими сторонами, а также другими участниками судопроизводства, давать сторонам рекомендации, которые способствуют эффективному разрешению дела [3, с. 127].

Особый интерес представляет последний рассматриваемый вид примирительной процедуры – это посредничество. Некоторые ученые называют данный вид примирения как один из наиболее эффективных в рамках экономических споров. В данном случае примиритель играет иную роль, чем в рассмотренных выше процедурах примирения. Он не выносит никакого решения, он лишь делает все, чтобы стороны сами нашли путь для решения своего спора. Достаточно длительное время посредничество воспринималось как синоним медиации. В юридическом смысле – это ни что иное, как деятельность лица, главной целью которой является оказание помощи спорящим сторонам в достижении определенного юридически значимого результата. Как упоминалось выше, наиболее эффективная сфера применения посредничества – экономические отношения, предпринимательская деятельность. Посредничество – это главный способ поддержания деловых отношений между сторонами. Однако, несмотря на видимую эффективность данного института он не нашел своего достаточного законодательного регулирования. Оценивая динамику развития

посреднической деятельности, видится, что интерес к данной процедуре значительно вырос. Более того, создаются даже специальные организации, занимающиеся посреднической деятельностью. Говоря о самом посреднике, законодательство не предъявляет к нему никаких требований. Однако логично, что, если этот способ примирения используется чаще всего в экономических отношениях, где сообщается конфиденциальная информация, посредниками не могут выступать случайные люди.

Действующее законодательство не делает перечень примирительных процедур исчерпывающим, однако в силу его новизны иных процедур российская правоприменительная практика пока не выработала.

Зарубежное право давно и очень успешно использует примирительные процедуры для разрешения возникающих споров, из чего следует важность анализа зарубежной практики в целях совершенствования правовой регламентации примирительных процедур, а также для внедрения иных форм примирительных процедур [4, с. 295].

Например, в Германии примирительные процедуры являются обязательной стадией досудебного процесса. Прежде чем подать иск, стороны должны предоставить суду подтверждение о том, что ими были приняты примирительные процедуры. При этом, суд, если посчитает нужным до начала судебного разбирательства может назначить другую примирительную процедуру, наиболее подходящую, по его мнению, природе спора.

В Нидерландах примирительные процедуры судья может инициировать на любой стадии судебного разбирательства. В Австрии, напротив, нет многообразия процедур примирения, существует лишь медиация. Медиатор регистрируется в специальном государственном реестре, и его действия совершаются только с согласия сторон. Сама процедура документально регламентируется на каждом ее этапе, а записи медиатор обязуется хранить в течение 7 лет, и предоставлять по запросу сторон.

Во Франции гражданское процессуальное законодательство содержит нормы, возлагающие на суд обязанность оказывать содействие в примирении сторон. При этом участие представителя не является обязательным. Однако суд может назначить третье лицо, в качестве которого может выступать как физическое лицо, так и организация, которые выслушают взаимные претензии сторон. Отметим интересную особенность, если примирение не состоялось, то в дальнейшем без согласия сторон данные, которые были установлены примирителем, использоваться не могут.

В Великобритании, например, все существующие примирительные процедуры регламентируются правовыми обычаями. Суд может предложить спорящим сторонам урегулировать спор, не начиная судебного разбирательства. Стороны же вправе инициировать примирительную процедуру на любой стадии судебного процесса, а судебный процесс при этом будет приостановлен до принятия сторонами какого-либо решения.

В США чаще всего в судебном процессе применяют переговоры или так называемые судебные совещания, считая их наиболее эффективным способом примирения. Судебное совещание инициирует судья, не спрашивая при этом согласия сторон. Судья выслушивает доводы сторон, определяя их сильные и слабые стороны. В случае, если стороны придут к мировому соглашению, оно утверждается судом и является юридически значимым документом. Если же стороны не достигли мирового соглашения, то дело рассматривается в рамках судебного заседания [5, с. 50].

Представленный анализ положительного опыта зарубежных стран в части применения примирительных процедур позволяет сделать вывод о важности использования в российской правовой системе примирительных процедур. В частности, следует осуществлять примирительные процедуры на любой стадии судебного производства. Не стоит также преуменьшать участие роли судьи в примирительном процессе, который в случае не достижения мирового соглашения может вступить в судебное разбирательство между сторонами. Возможно, следует ввести санкции за необоснованное уклонение сторон от примирительной процедуры.

Еще раз отметим, что примирительные процедуры прочно вошли в зарубежное право. Практика делового оборота показала эффективность применения примирительных процедур, которые способствуют не только сохранению, но и развитию экономических отношений. Отметим, что в российском праве примирительные процедуры, не смотря на весь спектр положительных аспектов, используются крайне редко.

Судебное примирение можно отнести к новому процессуальному институту, механизм работы которого в условиях отечественно законодательства еще не до конца ясен. Правовые традиции и менталитет вряд ли позволят безоговорочно принять примирительные процедуры. Выход видится в грамотной правовой политике, которая будет заключаться не только в правовом просвещении граждан, но и в создании набора определенных процессуальных стимулов, которые будут способствовать прибегать к помощи судебного примирителя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
2. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрании законодательства Российской Федерации. 02.08.2010. № 31. Ст. 4162.
3. Ротова К.С. Актуальные проблемы примирительных процедур в гражданском процессе // Молодой ученый. 2023. № 39(381).
4. Шибанова С.А. Примирительные процедуры в гражданском процессе // Молодой ученый. 2024. № 24(419).
5. Чернышова Т.В. Понятие и виды примирения в праве // Журнал российского права. 2024. № 12.

REFERENCES

1. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 11.14.2002 № 138-FZ (as amended on 04.01.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 11.18.2002. № 46. Art. 4532.
2. Federal Law № 193-FZ of July 27. 2010 «On an alternative dispute Settlement procedure with the participation of an intermediary (mediation procedure)» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 08.02.2010. № 31. Art. 4162.
3. Rotova K.S. Actual problems of conciliation procedures in civil proceedings // Young scientist. 2023. № 39(381).
4. Shibanova S.A. Conciliation procedures in civil proceedings // Young scientist. 2024. № 24(419).
5. Chernyshova T.V. The concept and types of reconciliation in law // Journal of Russian Law. 2024. № 12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вишнивецкая Мария Ивановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права. Ростовский государственный экономический университет. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, Россия, ул. Большая Садовая, 69.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vishnivetskaya Maria Ivanovna, PhD in Law, associate Professor of the Department of Procedural Law. Rostov State University of Economics. 69, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Научная статья
УДК 346

СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ ПОТРЕБИТЕЛЯМИ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Негодаева Елена Георгиевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
a.negodaeva@bk.ru

Введение: розничный рынок – это один из ключевых элементов социально-экономической системы государства. Эффективное функционирование розничного рынка является значимым условием для достижения устойчивого экономического роста и социальной стабильности.

Злоупотребление потребителями своими правами является одной из главных проблем функционирования розничного рынка. Борьба со злоупотреблениями необходима для избавления производителей, продавцов, исполнителей от чрезмерного необоснованного давления, которое, в частности, влечет повышение цен, снижает доступность качественных товаров (услуг) и создает дефицит товаров.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составил общенаучный диалектический метод познания явлений объективной действительности, а также анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция. При написании работы использовались частноправовые методы познания, в том числе формально юридический и технико-юридический методы, а также правовое моделирование.

Результаты исследования: автор предлагает определение злоупотребления правом потребителями как недобросовестного осуществления гражданами своих гражданских прав, тесно связанных с приобретением и использованием товаров (работ, услуг) для собственных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью, в целях получения имущественных и (или) иных выгод.

Выводы и заключения: предложены следующие классификации способов противодействия злоупотреблению правом потребителями: по нормативному закреплению (правовые и неправовые), по цели применения (превентивные, защитительные, восстановительные), по объекту применения (общие, индивидуальные).

Ключевые слова: право, злоупотребление, злоупотребление правом, предпринимательство, предпринимательское право, способы, противодействие.

Для цитирования: Негодаева Е. Г. Способы противодействия злоупотребления правом потребителями в сфере предпринимательства / Е. Г. Негодаева // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 82–88.

Original paper

METHODS OF COUNTERING CONSUMER ABUSE OF THE LAW IN THE FIELD OF ENTREPRENEURSHIP

Negodaeva Elena Georgievna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don,
Russian Federation

Introduction: the retail market is one of the key elements of a state's socio-economic system. The effective functioning of the retail market is a significant condition for achieving sustainable economic growth and social stability.

Consumer abuse of their rights is one of the main problems in the functioning of the retail market. Combating abuse is necessary to protect manufacturers, sellers, and performers from excessive and unjustified pressure, which can lead to higher prices, reduced availability of high-quality goods (services), and product shortages.

Materials and methods: the methodological basis of the study was the general scientific dialectical method of cognition of the phenomena of objective reality, as well as analysis, synthesis, comparison, induction, and deduction. When writing the work, private legal methods of cognition were used, including formal legal and technical legal methods, as well as legal modeling.

Results of the study: the author proposes a definition of consumer abuse as the unfair exercise by citizens of their civil rights, closely related to the acquisition and use of goods (works, services) for their own needs, not related to entrepreneurial activity, in order to obtain property and (or) other benefits.

Findings and conclusions: the author proposes the following classifications of methods for countering consumer abuse of rights: by regulatory consolidation (legal and non-legal), by purpose of application (preventive, protective, and restorative), and by object of application (general and individual).

Keywords: law, abuse, abuse of law, entrepreneurship, business law, methods, counteraction.

For citation: Negodaeva E. G. Ways to counteract abuse of consumer rights in the field of entrepreneurship / E. G. Negodaeva // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 82–88.

Разграничением поведения добросовестного от недобросовестного может являться цель, которую преследует потребитель при выборе, покупке и использовании товара, а также при заявлении определенных требований, вытекающих из этого договора. Невозможно не согласиться с мнением В.А. Анисимова, который указывает, что злоупотребление правом потребителя – это средство достижения экономического результата, а причинение убытков предпринимателю является уже следствием, т. е. потребитель не ставит перед собой первоочередной задачей причинить вред субъекту предпринимательства [1]. Выделим основные способы злоупотребления правом со стороны потребителей:

1) использование товаров по назначению, после чего осуществление попытки вернуть денежные средства на основании ст. 25 Закона о защите прав потребителей (обмен товара в течение четырнадцати дней, если товар не подошел по форме, габаритам, фасону, расцветке или комплектации);

2) обращение к экспертам для получения заключения о ненадлежащем качестве товара, при этом стоимость такого заключения значительно превышает цену самого товара (умышленная покупка товара низкого качества с целью выявления недостатков и получения выгоды за счет возмещения расходов на услуги эксперта);

3) непредставление товара на проверку качества в целях создания для субъекта предпринимательства условий, при которых он лишен возможности удовлетворить требования в добровольном порядке, и взыскания потребительского штрафа в судебном порядке;

4) сокрытие своих банковских реквизитов и препятствие принятию удовлетворения требований от предпринимателя в целях увеличения периода просрочки и получения большего размера неустойки;

5) предъявление требований о ремонте товара, превышающих стоимость самого товара.

Вышеуказанные способы лишь часть способов, которыми могут пользоваться потребители в целях материального обогащения.

Исходя из приведенных примеров, следует сделать вывод, что злоупотребление правом может выражаться не только в активном поведении, но и в пассивном (бездействии). В отличие от действий пассивное поведение является отказом потребителя от совершения юридических действий или намеренным промедлением в их совершении, которые препятствуют реализации прав и обязанностей предпринимателя.

Таким образом, термин «злоупотребление правом потребителя» можно охарактеризовать как недобросовестное осуществление гражданами своих гражданских прав, тесно связанных с приобретением и использованием товаров (работ, услуг) для нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью, в целях получения имущественных и (или) иных выгод.

Еще в прошлом веке Конституционный суд указал, что гражданин – «экономически слабая сторона» [2] в правоотношениях с субъектами предпринимательской деятельности, в связи с этим нуждаются в особой защите своих прав. Однако цель любого законодательства – обеспечение баланса сторон, в связи с чем должна существовать система, которая, предоставляя дополнительные права, обеспечивает действенные механизмы противодействия злоупотреблениям указанными правами. Как верно указала О.Н. Бармина, «мы можем получить злоупотребление, когда

отдельный правовой случай выпущен из регулирования или отрегулирован – но ошибочно или неточно» [3, с. 96], в связи с чем рассмотрим предложения ученых по возможным путям реформирования действующего законодательства в целях принятия превентивных мер по борьбе со злоупотреблением правами потребителями.

Так, Е.Ю. Усольцев предлагает начать реформу с закрепления в законодательстве понятия «злоупотребления потребителем правом» [4, с. 43]. Указанная позиция является спорной, поскольку на отношения с участием потребителей распространяет свое действие Гражданский кодекс, который дает общее определение злоупотреблению правом. Введение в действие дополнительной, более специальной нормы, является избыточным и не повлечет за собой правовых последствий, поскольку суды могут квалифицировать недобросовестные действия потребителей с отсылкой на общие нормы гражданского законодательства.

Усольцев Е.Ю. также предлагает обязать потребителей уплачивать государственную пошлину при заявлении требований о взыскании неустойки свыше 200 000 рублей. Такой подход является неоправданным по нескольким причинам. Во-первых, в случае победы в суде потребителю будет возвращена госпошлина. Во-вторых, размер неустойки не является столь высоким, чтобы потребитель, ожидая явно внушительный размер компенсации после судебного разбирательства, не заплатил неустойку. В-третьих, потребитель может воспользоваться возможностью дробления требований по периодам, чтобы размер неустойки не превышал 200 000 рублей. Таким образом, затраты на внесение поправки в Налоговый кодекс будут несоизмеримо высоки в сравнении с последствиями ее принятия.

Другим предложением ученых является закрепление в Законе о защите прав потребителей отдельной нормы, посвященной ответственности потребителей, в которой закрепить, что ответственность за злоупотребление потребителем прав, использование прав в целях получения незаконного дохода и повлекшее за собой причинение необоснованных убытков продавцу наступает в соответствии с гражданским законодательством. Такая норма является избыточной и дублирует уже имеющееся регулирование. Так, одним из основных начал гражданского законодательства является постулат о том, что никто не вправе извлекать преимущество из своего недобросовестного поведения. Таким образом, в случае установления судом злоупотребления потребителем правом и причинно-следственной связи между недобросовестными действиями (бездействием) потребителя и убытками предпринимателя гражданин и так будет подлежать гражданско-правовой ответственности, с него будут взысканы убытки. Таким образом, введение такой нормы является избыточным и необоснованным.

Некоторые авторы предлагают уменьшить размер законной неустойки (до одной второй от установленного размера) в случае, если потребитель предъявляет иск в суд по истечению шести месяцев с момента, когда потребителю стало известно о нарушении своего права, при этом предусмотрев возможность восстановления такого срока при наличии уважительных причин, связанных с личностью потребителя (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т. п.). Такое предложение представляется довольно спорным, поскольку предпринимателю следует реагировать своевременно на требования потребителя и в случае обоснованности его требований удовлетворять их в кратчайший срок, не дожидаясь обращения потребителя с иском в суд. Суд, исследовав обстоятельства дела, в случае отсутствия подтверждения обоснованности требований потребителя в любом случае откажет в удовлетворении требований, а в случае, если потребитель намеренно содействовал увеличению периода неустойки, а сам предприниматель не имел возможности удовлетворить требования потребителя в добровольном порядке, суд снизит размер подлежащей взысканию неустойки на основании ст. 333 Гражданского кодекса. Таким образом, предложенная новелла не способствует балансу сторон, необоснованно ущемляет потребителя, ограничивая его в сроках предъявлении искового заявления в суд. Цель, которую преследовал автор, предлагая такую норму, может быть достигнута за счет уже имеющегося правового регулирования.

Кратенко М.В. предложил установить единую форму ответственности продавца (исполнителя, изготовителя) за просрочку удовлетворения требований потребителя, закрепив соответствующий размер неустойки в ст. 13 Закона о защите прав потребителей [5, с. 20]. Указанное предложение является обоснованным в связи со следующим. Как уже было рассмотрено в параграфе, посвященном анализу законодательства с участием потребителя, закон предусматривает различные размеры неустойки в зависимости от требования потребителя, в частности ответственность продавца товара отличается от ответственности исполнителя в сторону большего финансового бремени. Так, неустойка по ставке 3 % рассчитывается, в

случае нарушения сроков удовлетворения требования потребителя по договору оказания услуг или выполнения работ, при этом неустойка является ограниченной и предельный ее размер – стоимость отдельного вида работ (услуг) или общую цену заказа. Ответственность же продавца, реализовавшего товар ненадлежащего качества, заключается в уплате неустойки в размере 1 % от стоимости товара, которая не ограничена ничем, в конечном счете может в десятки раз превышать стоимость самого товара.

Не лишним будет отметить и чрезмерную ответственность продавца за просрочку удовлетворения требований, связанных с возмещением убытков, возникших вследствие приобретения потребителем товара ненадлежащего качества. В соответствии со ст. 22 Закона о защите прав потребителей на такие требования начисляется неустойка в размере 1 % от цены товара. Такой подход с одной стороны влечет возможность злоупотребления потребителями, а с другой – недостаточно защищает потребителя. Рассмотрим на примерах.

Покупатель приобрел телевизор стоимостью 200 000 рублей и оплатил доставку в размере 1 000 рублей. Впоследствии в телевизоре был обнаружен производственный недостаток, расходы на доставку будут являться убытком потребителя, потребитель предпринимал все возможные способы для увеличения периода неустойки и не представил продавцу реквизиты для перевода денежных средств. Спустя всего лишь 100 дней просрочки исполнения обязанности вернуть денежные средства потребитель получит 200 000 рублей в качестве неустойки за несвоевременный возврат денежных средств за товар и 200 000 рублей в качестве неустойки за несвоевременное возмещение убытков в виде расходов на доставку товара. При этом предприниматель вряд ли успеет погасить требования потребителя без его банковских реквизитов, поскольку направление почтового перевода и внесение денежных средств на депозит нотариуса являются затратными по времени мероприятиями.

Под иным углом на эту норму позволит взглянуть другая ситуация. Покупатель приобрел фильтр для воды за 10 000 рублей и установил его в квартире под раковиной. В результате производственного недостатка фильтра произошел прорыв трубы и квартиру затопило, в частности в результате подтопления был утрачен дорогостоящий системный блок, стоимостью 200 000 рублей, который стоял на полу. В этой ситуации потребитель спустя 100 дней просрочки исполнения требования получит неустойку в размере стоимости самого фильтра – 10 000 рублей. Указанная ситуация, напротив, совершенно не будет оказывать воздействия на погашение продавцом некачественного товара требования гражданина в кратчайший срок.

Таким образом, предлагаем внести следующие изменения: установить общий размер неустойки для продавцов товаров и исполнителей по договорам оказания услуг, выполнения работ в размере 1 % за каждый день просрочки удовлетворения законного требования потребителя, при этом ограничить размер взыскиваемой неустойки стоимостью товара (услуги, работы), поскольку иной подход будет приводить к получению сверхкомпенсации потребителем. Из данного правила сделать исключение в отношении требования о возмещении убытков, начислять неустойку в размере 1 % за каждый день просрочки требования о возмещении убытков от размера самих убытков, ограничить размер взыскиваемой неустойки величиной убытков.

Рассмотрим несколько примеров из судебной практики, где потребитель явно злоупотребил своими правами, но, несмотря на это, его требования были удовлетворены в силу требований законодательства. В соответствии с апелляционным определением Ростовского областного суда от 24.09.2025 по делу № 33-8921/2025, гражданин обратился с иском в суд общества с ограниченной ответственностью о защите прав потребителей, ссылаясь на то, что между истцом и ответчиком был заключен договор подряда от 29.06.2023 г. на строительство дома Афрейм. Срок выполнения работ с 1 декабря 2023 г. по 1 апреля 2024 г. Истец оплатил ответчику 1 027 000 руб. Ответчиком в установленный договором срок – 01.04.2024 г. работы в полном объеме не выполнены. При этом выполненный объем работ содержит ряд недостатков, а именно: вместо мягкой кровли, в соответствии с договором подряда, подрядчиком установлена металлическая кровля, технологии строительства нарушены, стыки и стены кривые, окна не вставлены, опора покосилась и т. д. Кроме того, согласно проекту, должна быть установлена терраса, что ответчиком осуществлено не было. При этом истец не имеет возможности провести досудебную экспертизу недостатков по договору подряда в связи с отсутствием у него всех необходимых документов, а именно: перечень работ и материалов, который находится у ответчика. В связи с тем, что фактически по данному договору ответчиком не были проведены работы в полном объеме и отвечающие условиям договора, истец имеет право требовать расторжения договора оказания услуг и возврата денежных средств в размере 1 027 000 рублей.

Однако согласно условиям договора, на подрядчика была возложена обязанность выполнить строительно-монтажные работы по возведению каркаса дома афрейм на свайном фундаменте без отделки, с кровлей и утеплением, в соответствии с проектной документацией, в согласованные сторонами сроки, а Заказчик обязуется принять результат работ и оплатить его. Согласно техническому заданию, которое является неотъемлемой частью договора подряда № 5144378 от 29.06.2024, срок выполнения работ составляет: 01.03.2024 по 30.03.2025 г., данное приложение подписано истцом собственноручно, что не оспаривалось в судебном процессе.

Вместе с тем к исковому заявлению истцом приложен проект договора подряда № 290623, который был передан Заказчику Подрядчиком в целях ознакомления с основными условиями договора для принятия решения по заключению сделки с организацией Ответчика. Согласно техническому заданию к проекту договора № 290623 предварительные сроки были указаны с 01.12.2023 по 01.04.2023 (истец в своем заявлении и суд в оспариваемом решении указывают срок 01.04.2024 г., который не указан ни в одном документе).

Необходимо отметить, что между сторонами обсуждался срок выполнения работ с 01.12.2023 по 01.04.2024, однако в ходе переговоров было принято решение о нецелесообразности начала сроков строительства в зимний период и соответственно в заключенном договоре подряда № 5144378 был указан срок с 01.03.2024 по 30.03.2025 г. В то же время, согласно п. 2.3.4. и п. 1 главы 4 договора № 5144378, Подрядчик вправе выполнить работы досрочно, на данное условие ответчик обращал особое внимание истца при заключении сделки и отмечал, что при наличии возможности объект Заказчика будет сдан раньше срока, указанного в договоре, ориентировочно в конце марта 2024 г., но это является правом, а не обязанностью Подрядчика.

О согласованности начала срока работ именно 01.03.2024 г., а не 01.12.2023 г. свидетельствует также отсутствие претензий Заказчика в адрес Подрядчика в указанный период о задержки выполнения работ, т. е. Подрядчик начал работы согласно договоренностям в марте 2024 г., о чем также свидетельствуют фотографии, имеющиеся в материалах дела.

При рассмотрении дела Истец заявлял о фальсификации доказательств ответчиком, а именно договора подряда № 5144378 от 29.06.2024 года, указывая, что рукописный текст в приложениях (в том числе сроках) выполнен ответчиком позже, а подписи в этих еще незаполненных документах истец ставил раньше. Однако согласно заключению судебной экспертизы № 6449/05-2-24 от 09.01.2025 г., проведенной по ходатайству истца, данный факт подтвержден не был.

Согласно исковым требованиям истец просил расторгнуть договор подряда в связи с нарушением срока выполнения работ и ненадлежащим качеством выполненных работ, тем не менее, истец не представил бесспорных и достоверных доказательств, подтверждающих факт оказания ему услуги ненадлежащего качества. Сроки исполнения договора на оказание услуг не нарушены, действия ответчика соответствовали условиям заключенного договора от 29.06.2023 г. и произведенные действия соответствовали интересам заказчика, заказчик своим правом отказа от исполнения договора не воспользовался до и во время подписания акта приема выполненных работ. Кроме того, в материалах дела отсутствуют доказательства об оплате истцом полной стоимости выполненных работ, на текущий момент у заказчика имеется задолженность по договору подряда № 5144378 от 29.06.2023 г.

К числу недостатков работы истец относил установление мягкой кровли вместо металлической, однако согласно спецификации, как к основному договору, так и к проекту была предусмотрена именно мягкая кровля. Кроме того, истец указывал на отсутствие остекления как недостатка выполненных работ, однако как указывалось ранее по договору данный вид работ не входил в стоимость и окна были установлены ответчиком по дополнительной договоренности, в связи с чем была дана расписка с указанием срока остекления до 19.05.2024 г. Фотографии, приложенные ответчиком, свидетельствуют о том, что остекление было выполнено в указанный срок, так как на фотографии сделанной 02.05.2024 г. окна в доме уже имелись.

Вместе с тем ответчик предоставил фотографии, подтверждающие факт начала работ в согласованный сторонами срок, качественное выполнение, а также наличие остекления на момент 02.05.2024 г., что свидетельствует о введении в суд в заблуждение ответчиком. Важно отметить что, подобных случаев в практике достаточно много (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.03.2024 № 41-КГ24-2-К4; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда

Российской Федерации от 21.11.2023 № 5-КГ23-118-К2), что свидетельствует о наличии пробелов в законодательстве и необходимости их устранения.

Таким образом, предлагаем сформулировать следующие изменения в Закон о защите прав потребителей (далее – Закон). В связи с тем, что гражданское законодательство относится к исключительному ведению Российской Федерации в соответствии со ст. 71 Конституции Российской Федерации, изменения должны быть приняты Федеральным законом.

Изменить п. 5 ст. 28 Закона, установив размер неустойки в размере одного процента от цены выполнения работы (оказания услуги).

Изменить п. 3 ст. 31 Закона, исключив ее распространение на требования о возмещении убытков, а также дополнить указанный пункт порядком расчета неустойки за нарушение сроков удовлетворения требования о возмещении убытков в размере одного процента от размера убытков, подлежащих возмещению.

Внести изменения в п. 1 ст. 23 Закона, ограничив размер взыскиваемой неустойки стоимостью товара, а также дополнив абзацем, закрепляющим порядок расчета неустойки за нарушение срока возмещения убытков в размере одного процента от размера подлежащих возмещению убытков.

Изменить п. 6 ст. 13 Закона, убрав «в пользу потребителя», дополнив «в пользу регионального Управления Роспотребнадзора, осуществляющего контроль за исполнением законодательства в сфере защиты прав потребителей в регионе места нахождения потребителя».

Изменить п. 5 ч. 1 ст. 18 Закона, добавив: «Потребитель обязан передать товар на проверку качества в течение семи дней со дня получения уведомления от продавца (изготовителя), уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера о необходимости предоставления товара для проведения проверки качества. В случае непредставления товара потребителем неустойки (пени) и штраф не начисляются до дня передачи товара на проверку качества. Потребитель вправе участвовать в проверке качества товара».

Кроме того, предлагается внести дополнение в п. 2 ч. 2 ст. 131 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, устанавливающий обязательные реквизиты искового заявления, «один из идентификаторов представителя (для гражданина), банковские реквизиты для перечисления денежных средств по решению суда».

Анализ действующего законодательства, подходов правоприменительной практики, позиций ученых и правоведов позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, проблема злоупотребления правом потребителями существует и развивается в условиях несбалансированного в части прав и обязанностей потребителей и предпринимателей законодательства о защите прав потребителей, нестабильной судебной практики, которая не позволяет сформировать единый подход к решению спорных вопросов правоприменения, а также сложной экономической ситуации, при которой рост реальных доходов населения медленнее, чем инфляция на товары (услуги). Объективной причиной злоупотребления потребителем правом является неясность правовых норм, которая приводит к неограниченной свободе применения. Субъективная причина злоупотребления потребителем правом – низкий уровень правосознания и правовой культуры, выраженные в неправильном понимании правовых ценностей и желании обогатиться любыми средствами.

Во-вторых, злоупотреблением правом потребителями является недобросовестное осуществление гражданами своих гражданских прав, тесно связанных с приобретением и использованием товаров (работ, услуг) для собственных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью, в целях получения имущественных и (или) иных выгод. Потребительский экстремизм – это не правовое, а социальное явление, которое подразумевает под собой использование гражданами предоставленных законодательством прав, предусмотренных законом для защиты при приобретении товаров (услуг, работ) для личных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью, с целью причинения вреда другому лицу и (или) извлечения выгоды, которое может выражаться в виде недобросовестного поведения, действий в обход закона, умышленных противоправных деяний. Явление потребительского экстремизма включает в себя злоупотребление правом, а также противоправные действия, которые могут образовывать состав преступления.

В-третьих, законодательство ставит потребителя в явно привилегированное положение в силу отсутствия в нем норм, закрепляющих обязанности и ответственности граждан, что способствует проявлению злоупотреблений при реализации потребителями своих прав.

В-четвертых, судебная практика подтверждает наличие проблемы злоупотребления правом потребителями, в связи с чем регулярно выходящие Обзоры судебной практики

по делам о защите прав потребителей, утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, разъясняют позиции высшей судебной инстанции и позволяют субъектам предпринимательства доказывать свою добросовестность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Усольцев Е.Ю. Злоупотребление правом со стороны потребителя – актуальная проблема современной цивилистики // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 6.
2. Седова Ж.И. Правовые формы отрицания недобросовестного поведения. М., 2023.
3. Бурнос Е.Н., Ошуева В.В. О новых правилах защиты прав потребителей Союзного государства: сравнительно-правовой анализ // Право и практика. 2025. № 1.
4. Шереметьева Н.В. Недобросовестность в вещном праве. М., 2023.
5. Спор о защите прав потребителей при приобретении товара ненадлежащего качества (на основании судебной практики Московского городского суда) // Помощник адвоката: электрон. журн. 2025.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46.
7. О внесении изменения в статью 13 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»: Законопроект № 617592-8 // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/617592-8> (дата обращения: 30.09.2025).
7. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением главы 23 Налогового кодекса Российской Федерации: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 21 октября 2015 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

REFERENCES

1. Usoltsev E.Yu. Consumer Abuse of the Right – an Actual Problem of Modern Civil Law // Property Relations in the Russian Federation. 2025. № 6.
2. Sedova Zh.I. Legal Forms of Denial of Unfair Behavior. Moscow, 2023.
3. Burnos E.N., Oshueva V.V. On the New Rules for Protecting the Rights of Consumers in the Union State: A Comparative Legal Analysis // Law and Practice. 2025. № 1.
4. Sheremetyeva N.V. Unfairness in Property Law. Moscow, 2023.
5. A Dispute on Protecting the Rights of Consumers When Purchasing a Product of Poor Quality (Based on the Judicial Practice of the Moscow City Court) // Lawyer's Assistant: Electronic. Journal 2025.
6. The Code of Civil Procedure of the Russian Federation dated November 14, 2002, № 138-FZ (as amended on July 31, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 46.
7. On Amending Article 13 of the Law of the Russian Federation «On Consumer Rights Protection»: Draft Law № 617592-8 // Legislative Support System: website. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/617592-8> (date of access: 30.09.2025).
8. Overview of the practice of courts in cases related to the application of Chapter 23 of the Tax Code of the Russian Federation: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 21, 2015 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Негодаева Елена Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Negodaeva Elena Georgievna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 347.131.222

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД

Рыбалка Елена Александровна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
alena-61-rus@mail.ru

Казанцева Екатерина Валентиновна

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Симферополь, Российская Федерация
kv_kazantseva@mail.ru

Введение: реципированный с древнеримского права институт исковой давности остается актуальным и в современном обществе, т. к. позволяет обеспечить стабильность гражданского оборота, защиту прав и свобод участников гражданских правоотношений, поддержание баланса публичных и частных интересов исходя из принципов справедливости, равенства и соразмерности. Институт исковой давности проявляется в различных аспектах: в законодательстве, в доктрине, в судебной практике, в том числе в практической деятельности органов внутренних дел при выполнении административно-служебной и (или) уголовно-процессуальной деятельности.

Материалы и методы: в основу научного исследования заложены нормы гражданского законодательства и специальные нормы, регулирующие институт исковой давности, в том числе научные публикации, посвященные отдельным аспектам темы исследования.

Основу исследования составляет метод научного познания и описания (анализ текстов законодательных и подзаконных актов) исковой давности, в том числе с участием органов внутренних дел. Также использовались такие методы как формально-юридический, синтез и дедукция.

Результаты исследования: исковая давность – срок, период времени, в течение которого предоставляется возможность защиты прав не только в суде, но и в досудебном порядке. Предложено ст. 195 ГК РФ изложить в редакции: «исковая давность – это срок для защиты прав лица, права которого нарушены, в том числе по иску в суде».

Выводы и заключения: исковая давность представляет собой ключевой аспект гражданского законодательства, который определяет временные рамки для защиты прав и свобод субъектов правоотношений в судебном порядке. Исковая давность как дефиниция характеризуется наличием двух основных признаков: персонифицированное право субъекта правоотношений и временной характер. Механизм реализации права субъекта правоотношений в период исковой давности включает в себя взаимосвязанные условия: возникновение права на иск, непрерывность установленного срока и истечение срока.

Правовое регулирование исковой давности в деятельности ОВД характеризуется двумя направлениями: 1) во внешней деятельности, когда защищаются и (или) оспариваются права ОВД, как субъекта правоотношений; 2) во внутренней деятельности, когда оспариваются права непосредственно сотрудниками ОВД по служебным отношениям «внутри системы» (связано с непосредственным выполнением служебных обязанностей сотрудниками ОВД).

Ключевые слова: иск, исковая давность, исчисление, приостановление, органы внутренних дел.

Для цитирования: Рыбалка Е. А., Казанцева Е. В. Теоретические аспекты исковой давности в гражданском праве и деятельности ОВД / Е. А. Рыбалка, Е. В. Казанцева // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 89–95.

Original paper

THE ORETICAL ASPECTS OF LEGAL PERIOD OF TIME IN CIVIL LAW AND POLICE ACTIVITIES

Rybalka Elena Aleksandrovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Kazantseva Ekaterina Valentinovna

Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Russian Federation

Introduction: the institution of limitation period, derived from ancient Roman law, remains relevant in modern society. Its purpose is to ensure the stability of civil turnover, protect the rights and freedoms of participants in civil law relations, and maintain a balance of public and private interests based on the principles of fairness, equality, and proportionality. The institution of limitation period manifests itself in various aspects: in legislation, in doctrine, in judicial practice, including in the practical activities of internal affairs bodies in the performance of administrative and/or criminal procedural activities.

Materials and methods: the scientific research is based on the norms of civil legislation and special norms regulating the institution of limitation of actions, including scientific publications devoted to certain aspects of the research topic. The research is based on the scientific method, the method of scientific cognition and description (analysis of legislative and regulatory texts) of limitation of actions, including those involving internal affairs agencies, and also used methods such as formal-legal, synthesis, and deduction.

Results of the study: the statute of limitations is a period of time during which a person can protect their rights not only in court, but also in a pre-trial procedure. It is proposed that Article 195 of the Civil Code of the Russian Federation be amended to read: «The statute of limitations is a period of time during which a person can protect their rights, including through a lawsuit in court».

Findings and conclusions: the statute of limitations is a key aspect of civil law that defines the time frame for the protection of rights in court. The statute of limitations, as a definition, is characterized by the following features: a personalized right of the subject of legal relations and a temporal nature. The mechanism for the implementation of rights and freedoms during the statute of limitations period includes the following interrelated conditions: the emergence of the right to sue; the continuity of the established period; and the expiration of the period. The legal regulation of the statute of limitations in the activities of the Internal Affairs Department is characterized by two directions in external activities, when the rights of the Internal Affairs Department as a subject of legal relations are protected and (or) stopped, and in internal activities, when the rights are disputed directly by the employees of the Internal Affairs Department, in terms of official relations «within the system» (related to the direct performance of official duties).

Keywords: claim, limitation period, calculation, suspension, internal affairs bodies.

For citation: Rybalka E. A., Kazantseva E. V. Theoretical aspects of legal period of time in civil law and police activities / E. A. Rybalka, E. V. Kazantseva // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 89–95.

Исковая давность известна миру давно. Впервые, по мнению большинства ученых, как правовой институт встречается в Законах Хаммурапи (1750-х гг. до н. э.) как срок (период) предоставленный для защиты своего права перед судом (в течение шести месяцев необходимо было привести в суд свидетеля по спору (§ 13)) и перед другими лицами (содержание и пользование чужим имуществом (владением) в течение трех лет закрепляло право собственности этим имуществом добросовестным приобретателем (приобретательная давность (§ 30)))¹.

Современное понимание исковой давности реципировано с древнеримского права. В научных трудах отмечается: эволюция судебного процесса Древнего Рима являлась одним из факторов, существенно влияющим на становление и развитие исковой давности – с защиты своего права перед другими лицами. Давность владения (в Законах XII таблиц использовалось понятие *usucapio*, которое не имеет четкого перевода с латинского, но используется учеными как термин «давность владения») до введения претором права на обращения с иском для защиты или реализации своего права (*actiones poenales* (латинский) – штрафные иски) в том числе закрепление временных рамок искового срока. Исковая давность в римском праве означала срок реализации – погашение иска ввиду не предъявления его в период установленного срока давности.

Несомненно, с развитием общественных отношений, в том числе с учетом способов, форм и методов защиты прав субъекта правоотношений, в современном обществе сформировались особенности применения и использования исковой давности. Для уяснения правового регулирования исковой давности в гражданском законодательстве и деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) охарактеризуем правовую природу анализируемой дефиниции.

¹ Законы Хаммурапи. URL: http://академия-собор.рф/sites/default/files/hammurapi_svod_zakonov_hammurapi_backup.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

Исковая давность состоит из двух словосочетаний: иск и давность, и неразрывно связана с правоотношениями. В этимологических словарях отмечено, что иск следует понимать, как искать и (или) целенаправленный процесс поиска, установления или выявления истины (каких-либо фактов). Термин «истина» по мнению филологов, происходит от краткого прилагательного «иста», которое, в свою очередь, происходит от термина «иск». Давность – это отдаленность по времени совершения и (или) возникновения чего-либо, всегда связана с периодом времени или сроком, следовательно, имеет временной характер (временные рамки).

В буквальном толковании исковая давность – это целенаправленный процесс поиска, установления или выявления истины (какого-либо факта) при реализации правоотношений в течение определенного периода времени.

Легальная дефиниция исковой давности закреплена в гражданском законодательстве и определена как «срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено» (ст. 195 ГК РФ²). Из буквального толкования следует: исковая давность является процессуальным правом и применяется только в суде.

Исковой давности, как любой дефиниции, присущи свои признаки. Одним из первых признаков является персонифицированное право субъекта правоотношений. Как следует из Постановления Пленума ВС России от 29.09.2015 № 43³, указанное право предоставлено не просто всем субъектам гражданских правоотношений, а непосредственно субъекту – права которого нарушены или ограничены. При этом, если речь идет о владении, то это право предоставлено только титульному владельцу, при нарушении права пользования право предоставлено любому субъекту, которого затрагивают эти ограничения.

Сложность в определении персонификации возникает при участии публично-правовых образований, в том числе и ОВД, как субъектов правоотношений. Так как публично-правовые образования, являясь органами государственной власти и(или) местного самоуправления, в суде для реализации своих прав и обязанностей предоставляют полномочия одному органу (представителю органа), а в судебно-исковых – правоотношения другому.

По мнению ученых, ОВД является органом публичной власти, который функционирует через призму норм Основного закона и направлен на «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Основная их задача в контексте публично-властных полномочий заключается в необходимости обеспечить и защитить права и свободы человека и гражданина, поскольку именно народ является носителем власти в стране [1, с. 75]. Являясь составной частью системы государственных органов исполнительной власти, ОВД создается в форме юридического лица (п. 22 Указа Президента РФ от 21.12.2016 № 699⁴; п. 5 Устава РЮИ МВД России⁵; п. 6 Устава КрУ МВД России⁶). Законодатель наделяет юридическое лицо правом быть истцом и ответчиком в суде (п. 1 ст. 48 ГК РФ), следовательно, полномочиями представительства в судах наделены. Например, Министр МВД России (п. 47), начальник территориальных органов (п. 22 Положения, утвержденного Указом Президента РФ от 21.12.2016 № 699⁷), начальник института (п.18 Устава РЮИ МВД России), начальник университета (п. 19 Устава КрУ МВД России) и т. д. Указанные руководители ОВД предоставляют право подчиненным сотрудникам ОВД представлять их интересы в судах по доверенности.

Вторым признаком исковой давности является временный характер. Для него присущи «временные границы», т. к. любой истец-участник правоотношений должен осознавать: как свои последствия от ограничения или нарушения его права, так последствия для ответчика, в том числе и для третьих лиц при возможных и допустимых участиях ответчика

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 15.05.2025) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Приказ МВД России от 25.06.2015 № 710 «Об утверждении Устава федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Приказ МВД России от 15.05.2015 № 602 «Об утверждении Устава федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 26.09.2025) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

в правоотношениях. При этом последствия должны исключать состояние неопределенности для всех субъектов-участников правоотношений (спора).

Законодатель закрепляет общий и специальный срок исковой давности, а именно устанавливает ее границы, к особенностям которого относят:

1. Общий срок определяют границы в пределах от одного дня до трех лет (п. 1 ст. 196 ГК РФ).

2. Срок исковой давности не может превышать 10 лет со дня нарушения права или срока привлечения к уголовной ответственности (п. 2 ст. 196 ГК РФ). Следовательно, срок исковой давности имеет предел (объективный срок исковой давности).

3. Специальный срок устанавливается только законом (п. 1 ст. 197 ГК РФ). Их особенностью является установления как сокращенных специальных сроков исковой давности. Например, один год предоставляется субъектам, для опровержения порочащей информации в СМИ (п. 10 ст. 152 ГК РФ) или один месяц (ст. 9 ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ). Так и отсутствие сроков для защиты некоторых правоотношений. Например, требование о возмещении вреда.

4. Установление и исчисление сроков является исключительным правом законодателя. В случае допущения изменений такое соглашение является недействительным или оспоримым. По нашему мнению, указание в норме на «не могут быть» должно презюмироваться как ничтожность соглашения.

Ключевым для указанного признака является понимание того, что данный ограниченный срок, направлен только на установление истины в принудительном порядке (через суд). Однако право на защиту нарушенного права сохраняется, что дает возможность принять все законные меры для его защиты, в том числе и «обратиться в суд по истечению этого срока» (п. 1 ст. 199 ГК РФ).

Таким образом, исковую давность следует понимать как возможность субъекта правоотношений на защиту или восстановление ограниченного и (или) нарушенного права в принудительном порядке.

По нашему мнению, принудительный характер исковой давности следует рассматривать не только как право и возможность обращаться в суд в определенный период, но и как право и возможность защитить и восстановить свои права в правоотношениях с другими субъектами, к примеру, при реализации досудебного урегулирования споров (претензии).

В правоотношениях, для которых претензия является обязательной (составной) частью досудебного порядка урегулирования споров, к примеру, споры при заключении поставки для нужд органов внутренних дел составляют тридцать дней (п. 4 ст. 529 ГК РФ). Она же [претензия] является обязательным условием реализации права субъекта на обращение в суд (п. 3 ст. 132 ГПК РФ, абз. 3 п. 1 Постановления Пленума ВС России от 22.06.2021 № 18⁸). При этом течение срока исковой давности приостанавливается на срок рассмотрения претензии (п. 3 ст. 202 ГК РФ).

Таким образом, по нашему мнению, исковая давность – срок, период времени, в течение которого предоставляется возможность защиты своих прав не только в суде, но и в досудебном порядке. Следовательно, ст. 195 ГК РФ необходимо изложить в редакции: «исковая давность – это срок для защиты прав лица, права которого нарушены, в том числе по иску в суде».

Механизм реализации права субъекта правоотношений в период исковой давности включает в себя взаимосвязанные условия:

1. Возникновение права на иск.

Указанное условие включает срок, с которым связано начало возникновения права субъекта, в том числе временной характер и установление надлежащего субъекта-ответчика по иску. Например, при наложении взыскания на сотрудника ОВД право на иск (или обращения к вышестоящему руководителю) возникает с момента ознакомления с приказом о наложении взыскания.

Сложность определения условия связана с тем, что исчисление срока начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении прав или неисполнения обязательств.

И если с неисполнением обязательств указанное правило реализуемо (так как субъект заинтересован в исполнении обязательств и в большинстве правоотношений должен принять исполненное), то трудности возникают непосредственно с «узнаванием», в виду презюмирования законодателя признака об осведомлении субъекта о возникновении этого права. Узнавание о нарушенном праве или поврежденном имуществе не всегда предполагает установления субъекта-ответчика. Например, не установлено лицо

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

совершившее правонарушение. Следовательно, срок исковой давности еще не наступил, однако он включается. При этом данный срок по решению законодателя не может превышать максимально установленный десятилетний.

Положительное, по мнению авторов, определение исчисления сроков исковой давности закреплено в Гражданском уложении Германии как один из ярких примеров рецепции римского права в современном гражданском законодательстве. Например, начало течения срока исковой давности разграничено законодателем по обязательствам из причинения вреда. Срок начинает исчисление с момента причинения вреда независимо от осведомленности потерпевшего, но при этом составляет десять лет ((3) §199) или с момента окончания календарного года по кредитным обязательствам ((1) § 199) и т. д. [2, с. 151-153]. Такое закрепление позволяет всем участникам правоотношений четче понимать, исчислять и применять нормы исковой давности.

2. Непрерывность установленного срока.

Данное условие, являясь обязательным в механизме реализации права на применение исковой давности, характеризуется неопределённостью, т. к. в Постановлении Пленума ВС России от 29.09.2015 № 43⁹ понятие «непрерывность» не названо, не говоря о его толковании.

Непрерывность вытекает из использования законодателем понятий приостановление и перерыв течения срока исковой давности. То есть возможность сохранить право на судебную защиту, несмотря на то, что установленный законодателем срок истек.

Законодатель, выделяя четыре случая допустимости приостановления срока исковой давности (ст. 202 ГК РФ) возлагается на истца возможность применения указанной нормы.

В деятельности ОВД условия приостановления срока исковой давности. Например, период временной нетрудоспособности сотрудника, нахождения в отпуске определены в федеральном законодательстве.

Закрепление перерыва течения срока исковой давности (ст. 203 ГК РФ) является императивной нормой, следовательно, обязательной к применению. При этом доказывания обстоятельств перерыва возлагается на заинтересованное лицо (на истца).

3. Истечение срока.

Является самостоятельным основанием для отказа в его принятии. Законодатель допускает возможность восстановления сроков исковой давности по уважительным причинам, но только при условии, что истцом является физическое лицо. Следовательно, ни юридическое лицо, ни публично-правовые образования правом на восстановление пропущенных сроков исковой давности не обладают. Отметим, что в решениях Конституционного Суда Российской Федерации требования о наличии и применении давностных сроков не является абсолютным. В частности, исключения из общего правила о сроке исковой давности допустимы, если они необходимы в целях защиты прав и свобод граждан, а также поддержания баланса публичных и частных интересов, исходя из принципов справедливости, равенства и соразмерности (пропорциональности). Например, в антикоррупционных исках прокуратуры¹⁰.

Отметим, что если после истечения срока исковой давности в суд за защитой обращается сотрудник ОВД как физическое лицо, то право на его [срок] восстановления за сотрудником ОВД сохраняется.

Анализируя правовое регулирование исковой давности в деятельности ОВД, отметим, что ее следует рассматривать в двух направлениях:

- внешняя деятельность, когда защищаются и (или) отстаиваются права ОВД, как субъекта правоотношений;

- внутренняя деятельность, когда оспариваются права непосредственно сотрудниками ОВД по служебным отношениям «внутри системы».

Раскрывая первое направление, следует указать, что в данном случае ОВД выступает как субъект гражданского права. Для данной деятельности характерно применение института не только в обязательственных правоотношениях (заключении различных договоров), но и при выполнении административно-служебной и уголовно-процессуальной деятельности.

Так, например, к ОВД могут быть предъявлены иски о взыскании денежных средств для оплаты участия специалиста по уголовному делу или за проведенную экспертизу о ненадлежащем невыполнении обязательства по договору поставки и т. д. Несомненно,

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм ГК Российской Федерации об исковой давности». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности ст. 195 и 196, п. 1 ст. 197, п. 1 и абзаца второго п. 2 ст. 200, абзаца второго ст. 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

что в приведенных случаях ОВД может выступать как истец, так и как ответчик. Представление всех интересов ОВД в суде предоставлено правовым подразделениям на основании доверенности.

Анализ судебных решений позволяет отметить разность позиций суда в определении исковой давности. Например, срок исковой давности применим в правоотношениях, связанных с прекращением производства по делу об административном правонарушении за истечением сроков давности привлечения к административной ответственности не свидетельствует о незаконности действий (или бездействия) ОВД и их должностных лиц в части инициирования дела об административном правонарушении¹¹.

Иногда суды встают на сторону потерпевших, воспринимая исковую давность как длящиеся. Например, в одном из споров суд по своей инициативе в отсутствие ходатайства истца восстановил срок подачи административного искового заявления, указав в качестве обоснования, что нарушение условий содержания лишенных свободы лиц носит длящийся характер. Следовательно, административное исковое заявление о признании незаконным бездействия органа или учреждения должностного лица, связанного с нарушением условий содержания лишенных свободы лиц, может быть подано в течение всего срока, в рамках которого у органа или учреждения должностного лица сохраняется обязанность совершить определенное действие, а также в течение трех месяцев после прекращения такой обязанности.¹²

Изучение судебных решений с участием ОВД позволяет отметить, что, защищая права ОВД в суде, представителям необходимо четко понимать институт исковой давности и использовать нормы при выборе способа защиты. Вместе с тем, как показывает практика, даже если представители ОВД заявляют в суде доводы о пропуске истцом сроков исковой давности (по определенной категории исков) суды самостоятельно, без соответствующего ходатайства истца, восстанавливают срок подачи искового заявления (о чем было уже сказано выше), а при указании в апелляционных жалобах представителей ОВД на данное процессуальное нарушение не принимают указанных доводов. Что указывает на плюрализм позиций судов и требует от компетентных органов, в частности, от Верховного Суда Российской Федерации, выработки единого решения.

Внутренняя деятельность характеризуется оспариванием нарушенного или ограниченного права непосредственно сотрудниками ОВД по отношению «внутри системы». Следует отметить, что это связано с непосредственным выполнением служебных обязанностей, в том числе реализаций социальных гарантий сотрудника ОВД. Таких примеров множество, например, сотрудник ОВД может для разрешения служебного спора обратиться за защитой своих прав в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права. А если это связано с увольнением – в течение одного месяца со дня ознакомления с приказом об увольнении (п. 4 ст. 72 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ). Или, например, нельзя привлечь сотрудника к дисциплинарной ответственности за проступок, порочащий честь сотрудника ОВД, если о проступке стало известно спустя шесть месяцев со дня, когда напрямую руководителю стало о нем [проступок] известно, и не позднее трех лет со дня его совершения увольнении (п. 14 ст. 89 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ).

Особенностью соблюдения срока исковой давности, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, являются активные действия сотрудника ОВД, к примеру, обращение в вышестоящий орган или прокуратуру. При этом суды в изучении материалов о восстановлении пропущенного срока обязаны оценивать в совокупности все уважительные причины, указанные истцом, которые приходится на установленный законодателем срок¹³.

При анализе судебных решений по спорам «внутри системы» следует отметить, что требований о взыскании компенсаций всегда являются дополнительными требованиями, срок исковой давности по которым истекает одновременно с истечением срока исковой давности по основным требованиям.

Таким образом, исковая давность представляет собой ключевой аспект гражданского законодательства, который определяет временные рамки для защиты прав в судебном порядке. В соответствии со ст. 196 ГК РФ, общий срок исковой давности составляет три года. Однако для некоторых категорий дел предусмотрены специальные сроки. Сроки исковой давности

¹¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.10.2024 № 21-КГ24-4-К5. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Решение Железнодорожного районного суда г. Самары от 21 марта 2024 г. № 2а-241/2024. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

в гражданском праве являются важным институтом, регулирующим временные рамки для защиты прав и законных интересов сторон в гражданских отношениях. В деятельности ОВД закреплены как общие, так и специальные сроки исковой давности, но преобладают специальные сроки.

Исковая давность как дефиниция характеризуется наличием таких признаков: персонифицированное право субъекта правоотношений и временной характер. Механизм реализации права субъекта правоотношений в период исковой давности включает в себя взаимосвязанные условия: возникновение права на иск, непрерывность установленного срока, истечение срока.

Правовое регулирование исковой давности в деятельности ОВД характеризуется двумя направлениями: 1) во внешней деятельности, когда защищаются и (или) оспариваются права ОВД как субъекта правоотношений (в обязательственных правоотношениях (заключении различных договоров), и при выполнении административно-служебной и уголовно-процессуальной деятельности); 2) во внутренней деятельности, когда оспариваются права непосредственно сотрудниками ОВД по служебным отношениям «внутри системы» (связано с непосредственным выполнением служебных обязанностей).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рыбалка Е.А., Казанцева Е.В. Классификация обязательственных правоотношений с участием органов внутренних дел (теоретический аспект) // *Философия права*. 2025. № 3(114).

2. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению: пер. с нем. / науч. ред. Т.Ф. Яковленко. 4-е изд., перераб. М., 2015.

REFERENCES

1. Rybalka E.A., Kazantseva E.V. Classification of Obligatory Legal Relations Involving Internal Affairs Bodies (Theoretical Aspect) // *Philosophy of Law*. 2025. № 3(114).

2. German Civil Code: Introduction to the German Civil Code; translated from German by T.F. Yakovlenko. 4th edition, revised. Moscow, 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рыбалка Елена Александровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Казанцева Екатерина Валентиновна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин. Крымский филиал Краснодарского университета МВД России. 295053, Российская Федерация, г. Симферополь, ул. Академика Х.Х. Стевена, 14.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rybalka Elena Alexandrovna, Grand PhD in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Kazantseva Ekaterina Valentinovna, PhD in Law, Senior lecturer at the Department of State and Civil Law Disciplines. Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 14, Akademika Kh. Stevena St., Simferopol, 295053 Russian Federation.

Научная статья
УДК 347.4

САМОЗАЩИТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Южанин Николай Вячеславович

Академия ФСИН России, Рязань, Российская Федерация
yuzhanin15@mail.ru

Введение: в статье анализируются актуальные вопросы самозащиты гражданских прав. Критически оценивается судебное толкование института самозащиты в гражданских правоотношениях по постановлению высшей судебной власти, которым существенно сужена допустимость самозащиты в современных правоотношениях посредством недопустимости правозащитных вредоносных действий к чужому имуществу кроме случаев необходимой обороны и крайней необходимости.

Материалы и методы: в рамках проведенного исследования использовались современные научные концепции и методы познания, применяемые юридической наукой и практикой. Автор опирался на устоявшиеся общенаучные и частнонаучные методы. Метод функционального анализа использовался при классификации односторонних правозащитных мер. Метод системного анализа использовался при рассмотрении конкретной меры в рамках формы защиты прав – самозащиты.

Результаты исследования: утверждается, что право на самозащиту входит в правомочие защиты субъективного права либо связано с охранительным правоотношением. Самозащитой права (ст. 14 ГК РФ) государственными органами и судами в процессе правоприменения стали квалифицироваться различные односторонние действия в гражданских правоотношениях, в том числе возникшие из договора, что свидетельствует о линии восприятия самозащиты как формы защиты прав в различных гражданских правоотношениях. Раскрывается понятие самопомощи во внедоговорных гражданских правоотношениях и анализируется пресекающий и восстановительный характер самозащиты. Сравняются понятия необходимой обороны, крайней необходимости и самопомощи в гражданских правоотношениях.

Выводы и заключения: предлагается расширение самозащиты в гражданско-правовом регулировании и выдвигается идея, что развитое частное право предполагает и развитую систему защиты частных прав, в том числе посредством частного принуждения.

Ключевые слова: защита гражданских прав, удержание, самозащита, меры защиты, самопомощь, охранительное правоотношение, необходимая оборона, крайняя необходимость, защита владения, охрана прав.

Для цитирования: Южанин Н. В. Самозащита в гражданском праве и ее современное судебное толкование / Н. В. Южанин // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 96–100.

Original paper

SELF-DEFENSE IN CIVIL LAW AND ITS MODERN JUDICIAL INTERPRETATION

Yuzhanin Nikolay Vyacheslavovich

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

Introduction: the article analyzes topical issues of self-defense of civil rights. The judicial interpretation of the institution of self-defense in civil law relations is critically evaluated by the decree of the supreme judicial authority, which significantly narrowed the admissibility of self-defense in modern legal relations through the inadmissibility of law-protecting malicious actions against other people's property, except in cases of necessary defense and extreme necessity.

Materials and methods: within the framework of the conducted research, modern scientific concepts and methods of cognition applied by legal science and practice were used. The author relied on well-established general scientific and private scientific methods. The method of functional analysis was used in the classification of unilateral human rights measures. The method of system analysis was used when considering a specific measure within the framework of a form of protection of rights – self-defense.

Results of the study: it is argued that the right to self-defense is included in the competence to protect a subjective right, or is associated with a protective legal relationship. Self-defense of law (Article 14 of the Civil Code of the Russian Federation) by state bodies and courts in the process of law enforcement began to qualify various unilateral actions in civil relations, including those arising from a contract, which indicates the line of perception of self-defense as a form of protection of rights in various civil relations. The concept of self-help in non-contractual civil relations is revealed and the suppressive and restorative nature of self-defense is analyzed. The concepts of necessary defense, extreme necessity and self-help in civil relations are compared.

Findings and conclusions: the expansion of self-defense in civil law regulation is proposed and the idea is put forward that developed private law presupposes a developed system of protection of private rights, including through private coercion.

Keywords: protection of civil rights, retention, self-defense, protective measures, self-help, protective legal relationship, necessary defense, extreme necessity, protection of possession, protection of rights.

For citation: Yuzhanin N. V. Self-defense in civil law and its modern judicial interpretation / Yuzhanin N. V. // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 96–100.

Институт самозащиты в гражданском праве продолжает оставаться в дискуссионном поле. На современном этапе развития частного права вне сомнений остается понимание того, что самозащита является важнейшей составляющей частноправового механизма регулирования. Право на самозащиту входит в правомочие защиты субъективного права либо связано с охранительным правоотношением, возникающим в связи с уничтожением объекта правовой охраны и невозможностью в связи с этим фактом реализовать средства защиты, доступные на момент его существования [1, с. 53].

Одной из составляющих возможности защищаться самостоятельно является правомочие на причинение вреда нарушителю. Основания для таких действий постепенно расширяются в праве. В связи с этим в юридической науке сохраняется тенденция по рассмотрению вопроса расширения допустимости применения оборонительных действий [2; 3; 4], особенно это касается обороны при проникновении правонарушителя в жилище. Самозащитой права (ст. 14 ГК РФ) государственными органами и судами в процессе правоприменения стали квалифицироваться различные односторонние действия в гражданских правоотношениях, в том числе возникшие из договора. Несмотря на такие важные изменения в публично-правовом подходе к толкованию правоприменения самозащиты при обороне, в одном из крайних постановлений Пленума Верховного Суда РФ¹ состоялось обратное существующему научному вектору сужение допустимости пресекательной самозащиты в гражданских правоотношениях. В п. 10 указанного судебного акта отмечается, что по смыслу статей 12 и 14 ГК РФ самозащита может выражаться, в том числе, в воздействии лица на свое собственное или находящееся в его законном владении имущество. Далее указывается, что самозащита может заключаться также в воздействии на имущество правонарушителя, в том случае если она обладает признаками необходимой обороны (ст. 1 066 ГК РФ) или совершена в состоянии крайней необходимости (ст. 1 067 ГК РФ). В постановлении Пленума Верховного Суда прямо и недвусмысленно по существу ограничено применение самозащиты в гражданских правоотношениях только лишь посредством воздействия на собственное имущество защищаемого. Воздействие на чужое имущество, по мнению высшей судебной власти, допустимо лишь в случае самозащиты при необходимой обороне и крайней необходимости. Таким образом, норма о самозащите (ст. 14 ГК РФ) посредством подобного судебного толкования приравнивала самозащиту права лишь к двум способам защиты – в условиях необходимой обороны и в условиях крайней необходимости. Общеизвестно, что диспозиция нормы о допустимости необходимой обороны размещается в уголовном законе, то есть необходимая оборона применяется при посягательствах, имеющих признаки общественной

¹ Постановление пленума ВС РФ «О применении судами некоторых положений раздела I ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации № 25 от 23.06.2015 г.

опасности со стороны людей. При этом следует упомянуть, что основания к обороне стали рассматриваться шире, нежели ранее в рамках уголовно-правового регулирования. В гражданском праве регулируются лишь последствия необходимой обороны, диспозитивно это юридическое понятие целиком связано с противодействием общественно опасным посягательствам. Относительно правового института крайней необходимости следует упомянуть, что он раскрывается нормой гражданского права (ст. 1 067 ГК РФ). Опасность может быть не связана с деянием правонарушителя и угрожать различным благам. Право противодействовать опасности посредством причинения вреда третьим лицам, от которых не исходит опасность, является диспозитивно установленной и в уголовном и гражданском законодательстве. Гражданское право в этом аспекте больше касается имущественных последствий противодействия опасности, не исходящей прямо от человека.

Следует заметить, что в гражданских правоотношениях действия по самозащите значительно шире, нежели противодействия состояниям различной опасности, в том числе и при обороне. В условиях развитого частного права в обороте стало находиться большое число объектов различных вещных прав, требующих частноправовой защиты. Обязательственные права также могут защищаться посредством частноправового одностороннего принуждения. Причем в договорных обязательствах самозащита выражается посредством односторонних обеспечительных (укрепляющих правоотношение) и преобразующих правоотношение мер.

Сужение допустимости самозащиты прав в гражданском праве только лишь состояниями опасности явно упрощает явление самозащиты в частном праве. В вышеприведенном судебном толковании мы можем наблюдать ограничительный посыл. Такое упрощение довольно сложного и перспективного института гражданского права как самозащита, безусловно, в перспективе сыграет отрицательную роль, поскольку и современным правоприменением и доктриной самозащита в гражданском праве уже получила достаточно широкое толкование и оценку. Она стала восприниматься как форма защиты прав в договорных и во внедоговорных правоотношениях. Это проявляется в том, что случаями самозащиты рассматриваются и односторонние правозащитные меры договорного права, такие как удержание вещи должника, односторонний отказ от договора и другие. В противовес сужающей позиции по вопросу допустимости самозащиты можно выдвинуть следующий посыл – развитое частное право предполагает и развитую систему защиты частных прав. Существенную роль в этом вопросе выполняет институт самозащиты прав, который восполняет недостатки юрисдикционной защиты, ибо представляет собой механизм, позволяющий оперативно в одностороннем порядке пресечь нарушение права, а при более широком допущении существования самозащиты и восстановить нарушенное право. Восстановительные меры уже существуют посредством допустимости односторонней реализации вещи, например поставщиком (п. 2 ст. 514 ГК РФ), комиссионером (п. 2 ст. 1 004) или хранителем (п. 2 ст. 899 ГК РФ).

Удержание вещи должника вообще возможно только в отношении чужой вещи. На момент применения вещи статус владения ее (законное или незаконное) не ясен, поскольку часто подобные действия реализуются по факту окончания срока в правоотношениях. Скорее можно говорить в данном случае, что владение правозащитное и поэтому оно законно, хотя может и не иметь титульной основы. Оно должно быть получено не агрессивно, во всяком случае. Думается, что это особый вариант ретенционного правозащитного владения. Поэтому при толковании судебной властью допустимости самозащиты лишь в отношении имущества в законном владении, как видится, тоже не является идеальным вариантом, также сужается возможность ретенционного воздействия на нарушителя, посредством удерживания его вещи. Уже устоялся подход, по которому право удержания (ст. 359 ГК) рассматривается судами как вариант самозащиты права, поскольку применяется и правило о соразмерности нарушению стоимости удерживаемой вещи (ст. 14 ГК РФ). Во внедоговорных правоотношениях существуют случаи деликтного причинения вреда и неосновательного обогащения чужими животными (выпас скота на посевах и на чужом пастбище). Задержание чужого животного, ставшего причиной вредоносных обстоятельств, является гарантией компенсаций. По всей видимости, о допустимости подобной меры должна быть отдельная норма в законе, поскольку удержание и задержание вещи, очевидно, разные правозащитные меры. Допустимость применения самозащиты только в отношении собственного имущества сводит на ноль самозащиту в гражданских правоотношениях. Воздействие на собственное имущество – это не самозащита, а действия в рамках правомочия пользования собственным имуществом или распоряжения им. Такие действия правозащитными не являются, поскольку защита предполагает направленность на понуждение и принуждение нарушителя как

видимого и непосредственно действующего, так и того, чья личность на момент отражения негативного воздействия на частные права находится за пределами реальной видимости его личности как нарушителя. Ограничение по применению самозащиты только лишь случаями воздействия на собственное имущество моментально перекрывает возможность реализации самозащиты негаторного характера. Речь идет о противодействии собственными силами различным нарушениям прав пользования с помощью вредоносного противоправного действия, как на почве «соседских отношений», так и вообще прочими частными лицами, устанавливающими заборы, шлагбаумы, цепочки и прочие препятствия, которые прямым образом создают препятствия в нормальном режиме использования вещных прав. Сюда же можно отнести и высадку деревьев, корни и ветви которых также могут нарушить различные права пользователей частных прав. Судебной порядок защиты посредством предъявления негаторного иска в подобных ситуациях существенно осложнен механизмом его последующей реализации, как и долгим сроком его исполнения. Длительные нарушения могут существенно на постоянной основе нарушать частные права лиц.

Практика защиты прав посредством обращения в суд показывает, что срок в один год для полного восстановления нарушенного права – это еще хороший результат. Кроме того правонарушение не пресечено, оно продолжает нарушать частные права субъектов гражданских прав. Допустимо ли терпеть притеснение в правах подобным образом, полагаясь лишь на судебную защиту при существующей норме о самозащите прав (ст. 14 ГК РФ), которая недвусмысленно допускает применение самозащиты в гражданском праве с целью пресечь нарушение прав? При создании препятствий в пользовании вещью всегда есть длящееся нарушение права, которое целесообразно как можно скорее пресечь. Безусловно, самостоятельный снос уже существующих капитальных недвижимых объектов строительства, которые самовольно повсюду устанавливаются. Ждать ли решения суда по каждому противоправному случаю? Ведь в данной ситуации созданное препятствие не образует условие для оборонительных действий. Хотя и необходимая оборона в уголовном праве претерпела изменения и под ней стало пониматься отражение не только нападения, но и иных преступных посягательств, одним из которых является проникновение в жилище помимо воли владельца.

При вышеобозначенном подходе высшей судебной инстанции возникает вопрос, как быть в ситуации нарушений прав владельцами объектов долевой собственности, не решивших правовой вопрос совместного использования общей собственностью на вещь, в случае препятствий в режиме пользования ею долевым собственником. Если до этого не возникало вопросов о допустимости проникновения в помещение посредством устранения препятствия в виде закрытой двери с общим замком, то в связи с невозможностью воздействия на чужое имущество, такой вопрос явно возникает. Он требует незамедлительного решения.

В связи с вышеуказанным узким толкованием самозащиты по п. 10 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г., следует тогда и удержание вещи признать неправомерной самозащитой. Хотя удержание и отнесено к способам обеспечения исполнения обязательств, в судебной практике повсеместно упоминается о необходимости применения принципа соразмерности в его реализации с отсылкой к правилу о самозащите (ст. 14 ГК РФ). При вышеуказанном подходе выходит, что и удержание вещи должника не является самозащитой права. Удержание относится к односторонним правозащитным мерам и его применение является вариантом формы самозащиты прав, способом пресечения нарушения посредством самозащиты в рамках действующей редакции ГК РФ. В широком смысле любое односторонне правозащитное действие, даже односторонний отказ от договора – есть реализация субъективного права на самозащиту, входящего в защитительное правомочие любого частного субъективного права.

Самозащита в гражданских правоотношениях один из немногих правовых институтов, который, с одной стороны, крайне востребован в силу возрожденного частного права в России, с другой стороны, является средством, которое пока не получило некоторой развернутой правовой регламентации. Не будем вдаваться в причины этого исторического момента, важной деталью здесь является то, что участники гражданских правоотношений развивают действия по самозащите самостоятельно, благо сама по себе самостоятельная форма защиты прав позволяет правотворчеству участников гражданских правоотношений находить новые элементы реализации. Знаменательны слова Г.О. Шатуновского, рассмотревшего детально вопрос самозащиты в частном праве Российской империи: «Для России с ее необъятными просторами, первобытными путями сообщения,

разреженностью населения и недостаточной организацией судебных и полицейских органов полное почти отсутствие права на самопомощь составляет крайне чувствительный пробел, неблагоприятно влияющий на сознание обеспеченности прав» [5, с. 127]. Ограничения же в возможности самозащиты, которые мы можем видеть в рамках нынешней редакции разъяснений высшей судебной инстанции, играют отрицательную роль в становлении и укреплении в правовом поле данного правового института в частном праве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тархов В.А. Гражданские права и ответственность. Уфа, 1996.
2. Гарбатович Д. Право на необходимую оборону в разъяснениях Пленума Верховного суда РФ. Уголовное право 2013. № 1
3. Есаков Г. Использование предохранительных устройств при защите имущества и необходимая оборона // Уголовное право. 2013. № 1.
4. Тимошенко Ю.А. Необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление // Прокурор. 2013. № 1.
5. Шатуновский Г.О. О самозащите в сфере частноправовых отношений // Журнал Министерства юстиции. Петроград. 1915. № 2.

REFERENCES

1. Tarkhov V.A. Civil rights and responsibility. Ufa, 1996.
2. Garbatovich D. The right to necessary defense in the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Criminal Law 2013. № 1
3. Yesakov G. The use of safety devices in the protection of property and necessary defense // Criminal law. 2013. № 1.
4. Timoshenko Yu.A. Necessary defense and causing harm during the arrest of a person who committed a crime // Prosecutor. 2013. № 1.
5. Shatunovsky G.O. On self-defense in the field of private law relations // Journal of the Ministry of Justice. Petrograd. 1915. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Южанин Николай Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса. Академия ФСИН России. 390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
ORCID: 0000-0003-2405-5500

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuzhanin Nikolay Vyacheslavovich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. 1, Sennaya St., Ryazan 390000 Russian Federation.

Научная статья
УДК 347.91.95

СВИДЕТЕЛЬ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ягодина Светлана Владимировна

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород,
Российская Федерация
yagodina-sw@yandex.ru

Пономарева Наталья Витальевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ponomari2008@yandex.ru

Введение: в статье рассматриваются актуальные вопросы участия свидетеля в гражданском и арбитражном процессах, уделено особое внимание различным способам участия свидетеля в судебном заседании, а также возможность обеспечения доказательств по заявлению заинтересованной стороны путем осуществления допроса свидетеля нотариусом. Кроме того, проведен сравнительный анализ значения свидетельских показаний для разрешения судебного спора в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Учитывая, что в некоторых случаях факты и обстоятельства, изложенные свидетелем, являются единственным доказательством по делу, то вопрос использования таких доказательств, несомненно, вызывает интерес и является актуальным как в теории, так и на практике.

Материалы и методы: в статье проанализированы нормативно-правовые акты (ГПК РФ, АПК РФ, Основы законодательства о нотариате), а также актуальные позиции арбитражных судов и судов общей юрисдикции на основе принятых судебных актов. Применены методы: сравнительно-правовой, анализ судебной практики, формально-логический, системный, изучения, обобщения и комплексный анализ.

Результаты исследования: в настоящей статье проведен сравнительный анализ значимости свидетельских показаний для принятия законного и обоснованного судебного акта по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Раскрыт порядок получения показаний свидетеля в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства, а именно: при допросе свидетеля, лично явившегося в судебное заседание в суд, рассматривающей спор, путем использования видео-конференц-связи и веб-конференции. Кроме того, проанализирована возможность использования предусмотренного законодательством способа обеспечения доказательств в отношении свидетеля – допрос свидетеля нотариусом.

Выводы и заключения: на основе проведенного исследования автором сделан вывод о том, что, несмотря на отсутствие заранее установленной силы любого доказательства и равнозначности всех представленных доказательств, в арбитражном суде значение свидетельских показаний и участие свидетеля в деле минимальны и больше исключительны. В то же время при принятии судебного акта суды общей юрисдикции могут показания свидетелей заложить в основу судебного решения. А предоставленная законом возможность участия свидетеля в судебном заседании не только лично, но и посредством использования телекоммуникационных систем, а также в отдельных случаях обеспечения доказательств путем допроса свидетеля нотариусом, гарантирует участникам судебного спора право на судебную защиту в полном объеме.

Ключевые слова: свидетель, показания свидетеля, доказательства, средства доказывания, обеспечение доказательств, нотариус, гражданский процесс, арбитражное судопроизводство, видео-конференц-связь, веб-конференция.

Для цитирования: Ягодина С. В., Пономарева Н. В. Свидетель в гражданском и арбитражном судопроизводстве / С. В. Ягодина, Н. В. Пономарева // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 101–106.

Original paper

WITNESS IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

Yagodina Svetlana Vladimirovna

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Ponomareva Natalia Vitalievna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article discusses topical issues of witness participation in civil and arbitration proceedings, pays special attention to various ways of witness participation in court proceedings, as well as the possibility of providing evidence at the request of an interested party by interrogating the witness by a notary. In addition, a comparative analysis of the significance of witness testimony for the resolution of a dispute in civil and arbitration proceedings was carried out. Considering that in some cases the facts and circumstances stated by the witness are the only evidence in the case, the issue of using such evidence is undoubtedly of interest and is relevant both in theory and in practice.

Materials and methods: the article analyzes the normative legal acts (CPC RF, APC RF, the basics of legislation on notaries), as well as the current positions of arbitration courts and courts of general jurisdiction based on the adopted judicial acts. In addition, the author used theoretical materials and scientific works of individual authors to resolve controversial issues. The author applied the following methods: comparative law, analysis of judicial practice, formal-logical, systematic, study, generalization and complex analysis.

Results of the study: this article provides a comparative analysis of the significance of witness testimony for the adoption of a legitimate and reasonable judicial act in cases considered by courts of general jurisdiction and arbitration courts. The procedure for obtaining witness testimony in the framework of civil and arbitration proceedings is disclosed, namely, during the interrogation of a witness who personally appeared at a court hearing in a court considering a dispute through the use of video conferencing and a web conference. In addition, the possibility of using the legally prescribed method of providing evidence against a witness - questioning a witness by a notary public – has been analyzed.

Findings and conclusions: based on the conducted research, the author concludes that despite the absence of a pre-established force of any evidence and the equivalence of all presented evidence, in the arbitration court the value of witness testimony and the participation of a witness in the case are minimal and more exceptional. At the same time, when adopting a judicial act, courts of general jurisdiction may lay the testimony of witnesses as the basis for a judicial decision. And the opportunity provided by law for a witness to participate in a court hearing not only in person, but also through the use of telecommunications systems, as well as in some cases providing evidence by questioning a witness with a notary, guarantees the participants in a court dispute the right to judicial protection in full

Keywords: witness, witness testimony, evidence, means of proof, provision of evidence, notary, civil procedure, arbitration proceedings, videoconference, web conference.

For citation: Yagodina S. V., Ponomareva N. V. Witness in civil and arbitration proceedings / Yagodina S. V., N. V. Ponomareva // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 101–106.

Согласно основополагающим началам, закрепленным в основном законе российского государства, каждому гарантировано право на судебную защиту. При этом неотвратимым принципом гражданского судопроизводства в России является состязательность процесса. Данный принцип предполагает, что решение суда может быть принято только при обсуждении спорной ситуации всеми участниками судопроизводства, т. е. истцом/заявителем, ответчиком, заинтересованным лицом, третьими лицами (если участвуют в деле), прокурором (по определенным видам гражданских дел, участие прокурора в процессе является обязательным). Каждое лицо, участвующее в деле, вправе излагать свои доводы и возражения по делу, а также представлять доказательства в обоснование собственной позиции. Состязательность также предполагает инициативность сторон при отстаивании позиции и строится на юридическом равенстве участников гражданского судопроизводства, т. е. каждый имеет равные права на доказывание занимаемой им позиции по гражданскому делу.

Действующее законодательство Российской Федерации предоставляет лицу, чьи права и интересы нарушены, возможность доказывать наличие такого нарушения, а также размер причиненного вреда, а лицу, занимающему противоположную позицию, возражать против заявленных требований путем применения достаточно широкого перечня средств доказывания и доказательств для подкрепления и обоснования своей позиции в рамках рассматриваемого судебного спора. В Гражданском процессуальном кодексе РФ¹

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, № 30, ст. 3012.

доказательствам и доказыванию посвящена глава 6, а в Арбитражном процессуальном кодексе РФ² – глава 7.

Доказывание в процессуальном праве представляет собой практический и логический процесс деятельности участников судебного разбирательства по собиранию, исследованию и оценке доказательств при руководящей функции суда в целях разрешения судебного спора по существу и принятия законного и обоснованного судебного акта. В качестве доказательств могут использоваться полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Участники судебного разбирательства имеют право получать всевозможные доказательства по делу с использованием различных средств доказывания, главное правило при этом – доказательства должны быть получены не противоречащим закону способом, а средства доказывания не должны выходить за рамки процессуального законодательства.

Одним из многих средств доказывания являются свидетельские показания. И Гражданский процессуальный кодекс РФ, и Арбитражный процессуальный кодекс РФ закрепляют основные положения, регламентирующие порядок получения свидетельских показаний, дают понятие, кто такой свидетель, каков его статус в судопроизводстве, определяют права и обязанности свидетеля, а также устанавливают перечень лиц, которые не могут быть свидетелями, либо же имеют право отказаться от дачи свидетельских показаний по конкретному судебному делу. В целом положения вышеуказанных кодексов, регламентирующие свидетельские показания, как средства доказывания очень схожи. Обычно разрешение вопроса о вызове свидетеля и его допрос осуществляется в разных судебных заседаниях и в гражданском, и арбитражном судопроизводстве. Однако в практике имеются примеры, когда явка свидетеля обеспечена в момент подачи ходатайства о вызове и допросе свидетеля. В этом случае суд допускает возможность допроса свидетеля, но это может повлечь за собой нарушение прав других участников судебного спора, поскольку они не имеют возможности заблаговременно подготовиться к допросу свидетеля и сформировать перечень вопросов и тактику действий. В российской правовой системе отсутствуют правовые механизмы, исключающие вероятность того, что ходатайство о вызове свидетеля может быть заявлено и удовлетворено, а свидетель допрошен в одном судебном заседании [1, с. 55].

Однако даже общие начала получения свидетельских показаний не определяют их единообразное значение для разрешения спора в гражданском и арбитражном процессах. Роль свидетельских показаний в принятии законного и обоснованного судебного акта в гражданском и арбитражном судопроизводстве различна.

Несмотря на то, что в соответствии с процессуальным законодательством РФ, никакие доказательства для суда не имеют заранее установленной силы, и их значение должно определяться в процессе исследования и оценки всей совокупности доказательств по делу, в арбитражном судопроизводстве предпочтение отдается письменным доказательствам, а показания свидетелей, как средство доказывания, используется арбитражными судами крайне редко и неохотно. В соответствии с действующим законодательством никто не может быть лишен права представлять доказательства по делу в свою защиту, в т. ч. и ходатайствовать перед судом о допросе свидетеля. Чтобы суд удовлетворил ходатайство о вызове и допросе свидетеля в рамках арбитражного разбирательства, сторона, заявившая такое ходатайство, должна обосновать необходимость допроса свидетеля и указать, какие именно факты свидетель может подтвердить или опровергнуть. И даже это не гарантирует удовлетворение арбитражным судом ходатайства о допросе свидетеля. Однако в некоторых случаях арбитражный суд удовлетворяет ходатайство и проводит допрос свидетеля. Примером этого является дело № А08-5478/2023³, рассмотренное Арбитражным судом Белгородской области.

В то же время в гражданском процессе свидетельские показания являются, если не самым распространенным, то, как минимум занимающими вторую позицию среди всех средств доказывания, предусмотренных ГПК РФ. В гражданском судопроизводстве отводится огромная роль свидетелю при разрешении возникших спорных ситуаций, поскольку это споры в своем большинстве между физическими лицами, правоотношения которых чаще всего не основаны на письменных документах. Поэтому большинство доказательств в рамках

² Определение Арбитражного суда Белгородской области от 12.12.2023 г. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/32fc3628-c3c3-475a-ab39-633e3564f62d/53150e9d-3280-4007-8ec1-47d4734aa058/A08-5478-2023_20231212_Opredelenie.pdf?is AddStamp=True (дата обращения: 10.09.2025).

³ Определение Арбитражного суда Белгородской области от 12.12.2023 г. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/32fc3628-c3c3-475a-ab39-633e3564f62d/53150e9d-3280-4007-8ec1-47d4734aa058/A08-5478-2023_20231212_Opredelenie.pdf?is AddStamp=True (дата обращения: 10.09.2025).

гражданского разбирательства в судах общей юрисдикции могут быть получены из показаний свидетелей по различным категориям дел, например, по спору о праве собственности на объект недвижимости (дело № 2-626/2021⁴, рассмотренное Свердловским районным судом города Белгорода); по иску о взыскании задолженности за отопление и встречному иску о расторжении договора энергоснабжения (дело № 2-324/2020, рассмотренное Белгородским районным судом Белгородской области); по иску об устранении препятствий в пользовании жилым помещением (дело № 2-3211/2016⁵, рассмотренное Октябрьским районным судом города Белгорода) и т. д.

Таким образом, в гражданском судопроизводстве факты, полученные из показаний свидетелей, могут быть использованы судом в качестве доказательственной основы судебного акта. В рамках арбитражного разбирательства одни лишь показания свидетелей не могут служить основанием для принятия законного и обоснованного судебного решения. Сведения, сообщенные свидетелем арбитражному судье, скорее будут выступать дополнением к основным письменным доказательствам по делу, поскольку в силу закона предпринимательская деятельность сторон и их правоотношения и взаимодействие должны облачаться в письменную форму, т. е. документы на бумажном либо электронном носителе.

В нормах и арбитражного, и гражданского процессуального законодательства закреплено, что каждая сторона судебного спора, которая ссылается на определенные обстоятельства в суд в рамках рассматриваемого дела, отстаивая свою позицию, обязана подтвердить такие обстоятельства при предъявлении требований либо при заявлении возражений, а также раскрыть доказательства, на которых основывает свою позицию, кроме случаев, если иное установлено федеральным законодательством. Это означает, что каждая сторона судебного разбирательства должна самостоятельно осуществлять поиск, сбор и представление доказательств в суд и другим лицам, участвующим в деле. Для случаев, когда заинтересованная сторона не имеет объективной возможности получить доказательство, закон предусматривает возможность истребования доказательств судом.

Вышеуказанное правило распространяется и в отношении свидетелей. Именно лицо, которому необходимо получить сведения и факты, которыми располагает свидетель, должно направить в суд ходатайство о вызове и допросе свидетеля. Более того, явку свидетеля в судебное заседание обязано обеспечить лицо, ходатайствующее о его вызове. В крайних случаях, особенно, если свидетель вызывается по личной инициативе суда, его явка может быть признана судом обязательной. Поэтому в целях обеспечения явки в суд необходимого свидетеля судья может наложить штраф на не явившегося свидетеля, чем в следующий раз при вызове стимулировать явку такого свидетеля в судебное заседание для дачи показаний по делу. Однако в большинстве случаев все-таки обеспечением явки свидетеля занимается заинтересованная сторона.

В соответствии с нормами процессуального законодательства свидетель по вызову суда обязан явиться в судебное заседание для дачи показаний по рассматриваемому делу. Как правило, вызов свидетеля в суд оформляется путем выдачи судебной повестки. Однако и в отсутствие судебной повестки свидетель может явиться в суд и дать необходимые показания. По общим правилам свидетель обязан явиться в судебное заседание в соответствующий суд по месту рассмотрения судебного спора в назначенные дату и время. Но не всегда свидетель имеет физическую или объективную возможность явиться в суд, например, место жительства свидетеля имеет значительное территориальное удаление от места нахождения суда, рассматривающего дело, или свидетель по каким-либо причинам был вынужден выехать в другой регион и во время судебного разбирательства должен там находиться (командировка) и подобные случаи. Поэтому, в целях скорейшего рассмотрения спора, без излишних отложений судебных заседаний, а также для полного и всестороннего рассмотрения дела по существу, исследования и оценки всех имеющихся доказательств, законодатель предусмотрел возможность участия свидетеля в судебном заседании посредством использования систем видео-конференц-связи либо путем использования системы веб-конференции в порядке, установленном ГПК РФ и АПК РФ. Допрос свидетеля с помощью видео-конференц-связи или веб-конференции допускается только при наличии технической возможности судебных органов провести допрос в соответствующем порядке и, конечно же, удовлетворенного судом ходатайства о допросе свидетеля с использованием видео-конференц-связи или веб-конференции, заявленного заинтересованным лицом (истцом, ответчиком или даже самим свидетелем).

⁴ Решение Свердловского районного суда г. Белгорода // https://sverdlovsky--blg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=195286512&case_uid=ead7814c-854e-441a-af59-3fb27f9d2ad7&delo_id=1540005 (дата обращения: 10.09.2025).

⁵ Решение Октябрьского районного суда г. Белгорода // https://oktiabrsky--blg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=191557425&case_uid=8cdd63b8-936f-40a4-9da0-6727230faf72&delo_id=1540005 (дата обращения: 10.09.2025).

Примером допроса свидетеля с помощью видео-конференц-связи является гражданское дело № 2-5623/2023⁶, рассмотренное Октябрьским районным судом города Белгорода, по иску о разделе совместно нажитого имущества. В настоящее время достаточно часто стороны, заинтересованные в получении доказательств из показаний свидетеля, прибегают к возможности допроса свидетеля с использованием видео-конференц-связи или веб-конференции. Допрос свидетеля в таком порядке минимизирует временные затраты и судебные расходы, как самого свидетеля, так и заинтересованной в его показаниях стороны. Кроме того, при допросе свидетеля в режиме видео-конференц-связи или веб-конференции качество его показаний, как средства доказывания никоим образом не теряется и не умаляется по отношению к показаниям свидетеля, полученным в случае его личной заявки в судебное заседание по месту осуществления судебного разбирательства.

В то же время в отдельных случаях провести допрос свидетеля невозможно даже посредством видео-конференц-связи или веб-конференции, например, если свидетель уезжает в длительную командировку за границу, длительная реабилитация после тяжелого заболевания, серьезная болезнь либо операция в период рассмотрения судебного спора, когда свидетель физически по объективным причинам не сможет ни явиться в суд, рассматривающий дело, ни участвовать в допросе путем использования видео-конференц-связи или веб-конференции. Однако показания свидетеля могут являться единственным доказательством по делу или не единственным, но существенным и сведения, сообщенные свидетелем при допросе, могут быть положены в основу судебного акта, а также повлиять на принятие законного и обоснованного судебного решения. Порядок разрешения таких ситуаций также урегулирован процессуальным законодательством РФ. В данном случае имеется в виду обеспечение доказательств, осуществляемых судом по заявлению заинтересованной стороны (ст. 72 АПК РФ, ст. 65 ГПК РФ).

Обеспечением таких доказательств, как допрос свидетеля, непосредственно занимается нотариус⁷. В целях установления истины по рассматриваемому делу и принятия законного судебного акта свидетель может быть допрошен нотариусом, полномочия которому на это предоставлены нормами законодательства. При этом обеспечение доказательств таким образом может быть проведено только в том случае, если в дальнейшем, по объективным причинам невозможно будет допросить свидетеля в рамках судебного заседания либо с использованием телекоммуникационных систем правосудия. Однако необходимо учитывать, что проведение такой процедуры возможно лишь при условии поступившего в суд соответствующего заявления от участника судебного процесса не зависимо от его статуса. По итогам рассмотрения такого заявления суд выносит определение и направляет его нотариусу для осуществления процедуры допроса свидетеля. Нотариус, в свою очередь, в целях соблюдения прав всех участников судебного разбирательства, извещает их о дате, времени и месте проведения допроса свидетеля. Суд направляет в адрес нотариуса перечень вопросов, которые необходимо задать. Стороны также не лишены права задавать вопросы свидетелю, допрашиваемому нотариусом в целях установления истины по делу. Если кто-либо из сторон не явился в назначенное время, то это не препятствует проведению допроса свидетеля нотариусом. В то же время, если не явился сам свидетель, то нотариус в обязательном порядке сообщает об этом суду. И, если явка свидетеля признана обязательной, то суд может наложить штраф на свидетеля за неисполнение данной обязанности. По ходу допроса свидетеля нотариус ведет протокол, который далее удостоверяет и направляет в суд. В таком случае показания свидетеля также принимаются судом, как и иные доказательства, исследуются и оцениваются в совокупности с другими доказательствами по делу. Как указывает Р.А. Прощалыгин, обстоятельства, которые подтверждены нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания [2, с. 35].

Хотя, имеется и иная точка зрения, согласно которой взятые нотариусом чьи-либо показания ничего не обеспечивают, а лишь являются суррогатом, которым пытаются подменить надлежащие доказательства [3, с. 31].

В судебной практике также не сложилось единого подхода к принятию, оценке и использованию свидетельских показаний, полученных нотариусом в рамках обеспечения доказательств, при вынесении судебного акта. Но, как показывает судебная практика, в последнее время отказы в принятии протокола нотариального допроса свидетелей становятся единичными, поскольку действия нотариуса соответствуют нормам федерального законодательства, а допрос свидетеля нотариусом является надлежащим способом обеспечения доказательств и по гражданским, и по арбитражным делам.

⁶ Дело//https://oktiabrsky-blg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=210013254&case_uid=736a56af-55ed-477c-9a10-3743ab837237&delo_id=1540005 (дата обращения: 10.09.2025).

⁷ Ст. 102, 103 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 08.08.2024) // «Ведомости СНД и ВС РФ», 11.03.1993, № 10, ст. 357 (дата обращения: 10.09.2025).

Таким образом, получение свидетельских показаний возможно различными способами, в т. ч. с использованием достижений научно-технического прогресса (видео-конференц-связь, веб-конференция) и при помощи других лиц, не имеющих никакого отношения к рассматриваемому спору (нотариус). Необходимо отметить, что в любом случае перед допросом свидетель предупреждается судом за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний, о чем и дает соответствующую расписку. В целом ход допроса свидетеля одинаков во всех случаях и его порядок, закреплён нормами ГПК РФ и АПК РФ. По общему правилу свидетель сообщает известные ему сведения устно, а по предложению суда может изложить их ещё и в письменной форме [4, с. 9]. Поэтому, несмотря на различные порядки осуществления допроса свидетеля, полученные сведения имеют равное значение для суда и сторон судебного разбирательства, при этом никакие из них не имеют заранее установленной силы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Робышев В.О. Свидетельские показания в английском гражданском процессе: особенности исследования и оценки // Российский юридический журнал. 2020. № 1.
2. Прощалыгин Р.А. Обеспечение доказательств нотариусом при рассмотрении дел в судах // Нотариус. 2019. № 3.
3. Фейгель Д.В., Мишаненкова Т. Доказательства в арбитражном процессе // Налоги. 2010. № 2.
4. Маматов М.М., Мирошниченко В.С. Средства доказывания в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве: сравнительно-правовой анализ в контексте прокурорской практики // Законность. 2022. № 4.

REFERENCES

1. Robyshev V.O. Testimony in English civil procedure: features of research and evaluation // Russian Law Journal. 2020. № 1.
2. Proshchalygin R.A. Providing evidence by a notary when considering cases in courts // Notary. 2019. № 3.
3. Feigel D.V., Mishanenkova T. Evidence in the arbitration process // Taxes. 2010. № 2.
4. Mamatov M.M., Miroshnichenko V.S. Means of proof in civil, arbitration and administrative proceedings: comparative legal analysis in the context of prosecutorial practice // Legality. 2022. № 4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ягодина Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры криминалистики. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Пономарева Наталья Витальевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yagodina Svetlana Vladimirovna, Senior Lecturer at the Department of Criminology. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 71, Gorky St., Belgorod 308024 Russian Federation.

Ponomareva Natalia Vitalievna, PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2025. № 4(115). – С. 107–115.
Jurist-Pravoved. 2025. № 4(115). – Pp. 107–115.

Научная статья
УДК 343.3

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ: ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ И ВЫЗОВЫ

Алимов Эмиль Ваизович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
emil.alimov@gmail.com

Камышанский Дмитрий Юрьевич

Московский университет имени А.С. Грибоедова, Москва, Российская Федерация
kamyshanski_dmitri@mail.ru

Введение: противодействие коррупции остается одним из критически важных направлений государственной политики Российской Федерации, что особенно актуально в сформировавшихся сложных условиях: беспрецедентное санкционное давление со стороны ряда иностранных государств, процессы «охлаждения» российской экономики, проведение специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины и др. Новые вызовы и угрозы, вставшие перед обществом и государством, обуславливают востребованность анализа сложившегося положения, а также выработки обоснованных предложений и прогнозов развития. В статье рассмотрены особенности антикоррупционной политики государства в текущих условиях, выявлены основные вызовы, стоящие перед Российской Федерацией в данной области.

Материалы и методы: в статье применены эмпирические и теоретические научные методы исследования, в том числе наблюдение, сравнение, анализ различных научных, информационных источников, документов и др. Авторы используют статистические данные, характеризующие динамику количества выявленных коррупционных преступлений в Российской Федерации за последние годы. Кроме того, использованы материалы судебной практики по тематике исследования.

Результаты исследования: авторами рассмотрены правовые новеллы в сфере противодействия коррупции, выявлены основные проблемы и направления развития антикоррупционной политики государства.

Выводы и заключения: по результатам проведенного в статье исследования сделан вывод, что в Российской Федерации антикоррупционная политика в текущих условиях характеризуется амбивалентностью: одновременно усиливается законодательный и институциональный контроль, но точно вводятся определенные смягчения, продиктованные экономическим и санкционным давлением. Эта двойственность представляется оправданной на краткосрочный период, однако требует прозрачных механизмов, четких временных рамок и жестких гарантий по сохранению ключевых антикоррупционных инструментов. При этом основными направлениями антикоррупционного контроля со стороны уполномоченных органов государственной власти Российской Федерации остаются неукоснительное выполнение гособоронзаказа, что является важным условием достижения поставленных главой государства целей специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, а также обеспечение исполнения национальных проектов, как основы дальнейшего социально-экономического и инновационного развития субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, ряда отраслей экономики и промышленности страны.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, законодательство, амбивалентность, гособоронзаказ, национальные проекты.

Для цитирования: Алимов Э. В., Камышанский Д. Ю. Противодействие коррупции в Российской Федерации в условиях современности: основные векторы и вызовы / Э. В. Алимов, Д. Ю. Камышанский // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 107–115.

Original paper

COUNTERING CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE MODERN WORLD: MAIN VECTORS AND CHALLENGES

Alimov Emil Vaizovich

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Kamyshansky Dmitry Yurievich

Griboyedov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Introduction: combating corruption remains one of the critical areas of state policy in the Russian Federation, which is especially relevant in the current challenging circumstances: unprecedented sanctions pressure from a number of foreign countries, the cooling of the Russian economy, the special military operation to demilitarize and denazify Ukraine, and more. The new challenges and threats facing society and the state necessitate an analysis of the current situation, as well as the development of reasonable proposals and forecasts for the future. The article examines the features of the state's anti-corruption policy in the current conditions and identifies the main challenges facing the Russian Federation in this area.

Materials and methods: the article uses empirical and theoretical research methods, including observation, comparison, and analysis of various scientific, informational, and documentary sources. The authors use statistical data to characterize the dynamics of the number of detected corruption crimes in the Russian Federation over the past years. Additionally, they use court cases related to the research topic.

Results of the study: the authors examine legal innovations in the field of anti-corruption and identify the main challenges and directions for developing the state's anti-corruption policy.

Finding and conclusions: based on the results of the study, it was concluded that the current anti-corruption policy in the Russian Federation is characterized by ambivalence: while legislative and institutional control is being strengthened, certain mitigations are being introduced in response to economic and sanctions pressures. This duality may be justified in the short term, but it requires transparent mechanisms, clear timeframes, and strict guarantees to preserve key anti-corruption tools. At the same time, the main areas of anti-corruption control by the authorized state authorities of the Russian Federation remain the strict implementation of the state defense order, which is an important condition for achieving the goals of the special military operation to demilitarize and denazify Ukraine set by the head of state, as well as ensuring the implementation of national projects as the basis for further socio-economic and innovative development of the constituent entities of the Russian Federation, municipalities, and a number of sectors of the country's economy and industry.

Keywords: corruption, anti-corruption, anti-corruption policy, legislation, ambivalence, state defense order, national projects.

For citation: Alimov E. V., Kamyshansky D. Yu. Anti-corruption in the Russian Federation in modern conditions: main vectors and challenges / E. V. Alimov, D. Yu. Kamyshansky // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 107–115.

Проблема коррупции в современном мире является одной из наиболее значимых, препятствующих решению важнейших экономических и политических задач, подрывающих авторитет власти в глазах народа, мешающих эффективному развитию международных торгово-экономических и иных связей. Коррупция прямо или опосредованно влияет на общественные ценности, мораль и устои государственности [7, с. 355]. По масштабам распространенности коррупции в том или ином обществе или государстве делаются выводы о вероятности политических, экономических и социальных рисков, а также степени развития гражданского общества [14, с. 593].

Противодействие коррупции является актуальным направлением государственной политики не только в Российской Федерации, но и для всех стран мира [6].

В современных условиях можно наблюдать качественные преобразования и расширение границ коррупционной деятельности. В данной связи особое значение получило применение современных информационно-телекоммуникационных технологий, сложных цепочек обхода антикоррупционных барьеров и т. д.

Анализ предварительной научной проработки свидетельствует, что вопросы противодействия коррупции остаются актуальными. Так, например, проводятся научные дискуссии представителей как российского, так и зарубежного научного сообщества по указанной проблематике в рамках организации и проведения научно-организационных мероприятий (конференции, семинары, круглые столы, мастер-классы и т.д.) различного уровня [5; 12; 13]. К вопросам совершенствования правового регулирования противодействия коррупции в настоящее время привлекаются как заслуженные профессионалы [1; 2; 8; 15], так и молодые ученые [3; 10; 11].

В условиях проводимой Российской Федерации специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины (далее – СВО) и беспрецедентным санкционным давлением ряда иностранных государств, прежде всего так называемого коллективного Запада, на отечественную экономику, в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации наблюдается формирование и поддержание сбалансирований и гибкой системы антикоррупционных мер (условно говоря, амбивалентности): одновременно принимаются решения, направленные на ужесточение государственного контроля и расширение антикоррупционных требований по ряду направлений, и параллельно появляются смягчающие меры и исключения, мотивируемые экономическим и санкционным давлением.

Ужесточение требований характеризуется следующими процессами.

Законодательная и институциональная активность – принимаются новые законы, регламенты и подзаконные акты, расширяются полномочия и контрольные функции надзорных органов.

Ужесточение ответственности – вводятся более строгие санкции для должностных лиц, ужесточаются требования к отчетности и прозрачности.

Прозрачность и контроль процедур – усиление требований к закупкам, контрактам, расходованию бюджетных средств и к раскрытию сведений о возможных конфликтах интересов.

Развитие инструментов превенции – внедрение комплаенс-систем, поддержка систем внутреннего контроля в госорганах и компаниях.

В данной связи нельзя не отметить позицию Президента Российской Федерации Путина В.В., который на прошедшем 5 марта 2025 г. заседании коллегии МВД России не только отметил, что коррупция мешает развитию экономики страны, но также призвал МВД России не снижать темпы в борьбе с коррупцией, уделяя особое внимание преступлениям при выполнении гособоронзаказа и национальных проектов. Глава государства счел необходимым устанавливать личности не только отдельных преступников, но и выявлять проблемные зоны и криминогенные риски совместно с федеральными и региональными органами. Он отметил, что долгосрочные планы развития России требуют обеспечения экономической безопасности, а также работы по очищению финансового сектора и отраслей экономики от криминала и схем отмывания денег.

Кроме того, в ходе отмеченного заседания коллегии МВД России Президента Российской Федерации В.В. Путин заявил о снижении уровня преступности в России. В то же время был отмечен рост на 25 % преступлений экстремистской направленности и снижение раскрываемости киберпреступлений: в 2024 г. этот показатель снизился до 23 %¹.

В феврале 2025 г. в ходе расширенного заседания коллегии ФСБ России глава государства указал на важность защиты законных прав отечественного бизнеса, борьбы с преступлениями в финансовой и банковской сферах. Президент Российской Федерации Путин В.В. указал, что в поле постоянного внимания ФСБ России должны находиться реализация гособоронзаказа и национальных проектов, продвижение долгосрочных федеральных и региональных программ².

Следует отметить, что активизация антикоррупционной деятельности уполномоченных органов государственной власти получила отражение в статистике: так, в первом квартале 2025 г. было выявлено почти на четверть больше коррупционных преступлений, чем в первом квартале 2024 г.³ Если в первом квартале 2024 г. было выявлено 12 466 таких преступлений, то в первом квартале этого года – 15 458 (больше на 24 %). Всего за 2024 г. было выявлено

¹ Путин: нельзя снижать темп в борьбе с коррупцией. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7552855> (дата обращения: 10.09.2025).

² Путин призвал ФСБ активнее бороться с коррупцией. URL: <https://www.vesti.ru/article/4380909> (дата обращения: 10.09.2025).

³ Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции в России. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4b6c83d> (дата обращения: 10.09.2025).

38,5 тыс. коррупционных преступлений, а в 2023-м – 36,4 тыс. Рост составил 5,7 %. Согласно статистике последних лет, больше половины коррупционных преступлений – это взятки: в 2023 г. они составили чуть больше половины (55,7 %), а в 2024-м – 60,3 %. В первом квартале 60,9 % всех зарегистрированных в России преступлений коррупционной направленности – это взятки, количество которых возросло на 29 %, с 7 300 до 9 418 преступлений (в 2024 г. – на 14,6 %, с 20 279 в 2023-м до 23 240 в 2024-м), следует из материалов Генеральной прокуратуры Российской Федерации⁴. Больше выявили и коррупционных преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере либо причинивших крупный и особо крупный ущерб, – на 65,7% (рост с 2254 в первом квартале 2024 года до 3735 в первом квартале этого года).

Стоит также отметить, что общий планируемый объем бюджетных ассигнований на реализацию национальных проектов в 2023–2026 гг. составляет более 1,1 трлн руб. (в 2023 г. – 319,2 млрд руб., в 2024 г. – 321 млрд руб., в 2025 г. – 249,7 млрд руб., в 2026 г. – 253,3 млрд руб.). При этом значительные ресурсы также будут предусмотрены на восстановление новых субъектов Российской Федерации и укрепление национальной обороны.

При этом судами за 2024 год за совершение преступных действий при выполнении национальных проектов к различным мерам наказания были приговорены более 1,3 тыс. человек (всего 1 119 обвинительных приговоров в этой сфере).

В связи с проведением СВО и необходимостью заключения соответствующих госконтрактов стала актуальной задача обеспечения эффективного антикоррупционного контроля госзакупок для военных нужд [4, с. 114]. Можно наблюдать большое количество судебных решений, как в отношении недобросовестных подрядчиков (субподрядчиков), так и в отношении уполномоченных должностных лиц, совершивших преступления коррупционного характера при выполнении гособоронзаказа, о чем свидетельствуют различные публикации в средствах массовой информации (данные категории обычно проходят в закрытом режиме).

Кроме того, в 2021 г. Верховный Суд Российской Федерации в рамках обеспечения единообразия судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации), в том числе в вопросе выполнения государственного оборонного заказа, в абзаце 3 пункта 2 своего Постановления Пленума № 21 от 29 июня 2021 г. «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)» отметил, что злоупотреблением полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа «признаются, например, действия лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, которое в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц осуществляет нецелевое расходование денежных средств, выделенных для реализации государственного оборонного заказа, если это повлекло общественно опасные последствия, предусмотренные статьей 201.1 УК РФ»⁵.

В регулировании противодействия коррупции значительную роль традиционно играют акты Президента Российской Федерации. Как правило, такие документы носят стратегический характер, определяя вектор государственного и общественного развития в антикоррупционной сфере на определенный период времени.

В первую очередь, нельзя не отметить Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 гг.». Национальный план нацеливает комплекс мер на системное снижение коррупционных рисков и повышение эффективности противодействия коррупции в государственном управлении и экономике. План связывает институциональные, нормативные и практические меры, направляя их на предупреждение, выявление и пресечение коррупционных проявлений с упором на конкретизацию запретов и ограничений, а также на обеспечение соблюдения обязанностей и предотвращение конфликта интересов.

В целом Антикоррупционный план противодействия коррупции представляет собой разносторонний документ, затрагивающий многие аспекты и сферы профилактики, противодействия и борьбы с коррупцией. В документе определены 16 направлений антикоррупционной деятельности, разбитых на поручения, в том числе:

⁴ Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции в России. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4b6c83d> (дата обращения: 10.09.2025).

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. 16.07.2021. № 159.

- совершенствование системы запретов, ограничений и обязанностей, которые установлены в разных сферах деятельности;
- работа с конфликтами интересов и их предотвращение;
- подтверждение достоверности сведений о доходах и расходах;
- правовое регулирование ответственности за несоблюдение антикоррупционных стандартов;
- применение мер административного и уголовного воздействия; защита информации ограниченного доступа, полученной в ходе борьбы с коррупцией.

В настоящее время этот Национальный план уже утратил силу, однако на его смену специальный документ на сегодняшний день не был принят.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, проблематика коррупции обозначена фрагментарно. Прямое упоминание содержится преимущественно в п. 45, где указывается, что на фоне сохраняющихся социально-экономических проблем «растет потребность общества в повышении эффективности государственного управления, обеспечении социальной справедливости, усилении борьбы с коррупцией и нецелевым использованием бюджетных средств и государственного имущества, в проведении не подверженной влиянию групповых и родственных интересов кадровой политики в органах публичной власти и организациях с государственным участием».

Вместе с тем правовой анализ данного документа показывает, что:

1. Упоминание коррупции носит в целом декларативный характер и встроено в перечень широких социально-экономических вызовов.

2. Отсутствует дальнейшая операционализация задачи: нет детализированных целей, измеримых показателей, временных ориентиров и распределения ответственности между институтами.

3. В документе минимально разработаны конкретные институциональные реформы, механизмы контроля и санкционирования, механизмы защиты заявителей и инструментов общественного контроля.

4. Недостаточно внимания уделено современным рискам коррупции, связанным с цифровизацией, использованием криптовалют и сложными транзакционными схемами в частном секторе и секторе государственных закупок (в первую очередь, в гособоронзаказе).

5. В результате риск объявленных намерений останется ограниченным с точки зрения внедряемости и мониторинга исполнения в условиях приоритетной нагрузки по иным направлениям политического курса.

По мнению авторов, на текущий момент практическая реализация стратегических задач демонстрирует смещение акцентов в пользу следующих направлений:

- обеспечение экономической и технологической безопасности и повышение устойчивости к внешним шокам;
- укрепление обороноспособности и мобилизационной устойчивости государства [9, с. 43];
- адаптация к санкционному давлению и снижение внешнеэкономических рисков;
- цифровая трансформация инфраструктур и обеспечение их кибербезопасности;
- меры по обеспечению социальной стабильности и демографической поддержки;
- поддержка импортозамещения и развитие национальной промышленной базы;
- укрепление финансовой устойчивости регионов и системы управления государственными финансами.

Важно упомянуть и Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2024 г. № 71 «О внесении изменений в акты Президента Российской Федерации». В данном документе внесены изменения в акты Президента Российской Федерации, касающиеся вопросов противодействия коррупции. Поправки направлены на уточнение содержания полномочий профильного совещательного органа при главе государства.

Поправками уточнены полномочия Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции. В частности, в новой редакции установлен предмет рассмотрения Советом: «Он рассматривает вопросы, касающиеся соблюдения соответствующих ограничений и запретов и исполнения обязанностей». Данная формулировка заменяет прежнюю, в которой указывалось, что Совет рассматривает вопросы, связанные с «соблюдением требований к служебному поведению лиц».

Изменение носит уточняющий характер и сдвигает акцент от общей категории «требований к служебному поведению лиц» к конкретизированным аспектам контроля,

а именно – к соблюдению соответствующих ограничений и запретов и к исполнению обязанностей. Такая замена терминов повышает предметную определенность задач Совета и конкретизирует круг вопросов, подлежащих его рассмотрению.

Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 533-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступившим в силу 27 июня 2025 г., установлены правовые основы направления запросов должностными лицами, перечень которых определяется Президентом Российской Федерации, в целях исполнения ими обязанностей по противодействию коррупции и получения в ответ на них информации. Закон закрепляет правовую возможность для уполномоченных должностных лиц получать сведения, необходимые для осуществления антикоррупционных мероприятий. Перечень таких должностных лиц определяется Президентом Российской Федерации, что обеспечивает централизованное определение круга субъектов, имеющих право направлять соответствующие запросы в порядке, предусмотренном законом.

Отмеченный Федеральный закон № 533-ФЗ устанавливает конкретные источники информации и объем сведений, которые могут быть получены по запросу уполномоченных должностных лиц:

- от держателей реестра владельцев ценных бумаг и депозитариев – сведения о ценных бумагах, принадлежащих лицам, в отношении которых направлен запрос;

- от Центрального каталога кредитных историй – сведения о бюро кредитных историй, в которых хранится кредитная история субъекта кредитной истории, в отношении которого направлен запрос;

- от бюро кредитных историй – сведения о титульной, основной, дополнительной (закрытой) и информационной частях кредитных историй.

Каждая из указанных категорий сведений прямо соотнесена с задачей подтверждения фактов имущественных прав и кредитной истории лиц, проверяемых в рамках антикоррупционных процедур.

Запросы о предоставлении информации из Центрального каталога кредитных историй подлежат направлению с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия или государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон». В случае отсутствия технической возможности направления таких запросов в виде электронного сообщения запросы направляются в виде документов на бумажном носителе посредством почтовой связи. Такая регламентация устанавливает приоритет электронного взаимодействия при наличии технической возможности и обеспечивает резервный бумажный канал при ее отсутствии.

Кроме того, упомянутым Федеральным законом № 533-ФЗ формализованы правовые основания и процедурные механизмы получения уполномоченными должностными лицами сведений из реестров владельцев ценных бумаг, депозитариев, Центрального каталога кредитных историй и бюро кредитных историй. Регламентация каналов обмена информацией – приоритет электронной связи через единую систему межведомственного электронного взаимодействия или государственную информационную систему «Посейдон» с резервным бумажным каналом при технической невозможности – направлена на обеспечение оперативности и устойчивости антикоррупционного контроля.

Временные послабления и переходные режимы – вводятся отсрочки, упрощенные процедуры и исключения для критичных проектов и отраслей, чтобы не тормозить экономическую активность.

Снижение регуляторной нагрузки – частичное упрощение форм отчетности и процедурных требований с целью сохранения оперативности в условиях дефицита ресурсов.

Приоритет экономической стабильности – некоторые формальные запреты и контрольные меры откладываются или ограничиваются ради обеспечения выполнения важных социальных, инфраструктурных и оборонных задач.

Ограниченные кадровые и институциональные возможности – контролирующие органы вынуждены перераспределять ресурсы, что ведет к выработке более гибких практик применения норм.

Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 286-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусматривает освобождение лиц, к которым применена дисциплинарная ответственность в целях противодействия коррупции, от такой ответственности в случаях наступления чрезвычайных обстоятельств, не зависящих от этих лиц.

В Федеральный закон «О противодействии коррупции» введена норма, согласно которой лицо, в отношении которого в целях противодействия коррупции установлена дисциплинарная ответственность за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов либо за неисполнение соответствующих обязанностей, освобождается от указанной дисциплинарной ответственности в случае признания несоблюдения таких ограничений, запретов и требований, а также неисполнения таких обязанностей следствием обстоятельств, не зависящих от данного лица.

Под обстоятельствами, не зависящими от лица, в том числе понимаются чрезвычайные и непредотвратимые события, находящиеся вне контроля указанного физического лица. В списке приведены примеры таких обстоятельств: стихийные бедствия, пожары, массовые заболевания (эпидемии), забастовки, военные действия, террористические акты и иные аналогичные события.

Закон устанавливает обязанность для физического лица обеспечить соблюдение антикоррупционных требований и исполнение соответствующих обязанностей не позднее чем через один месяц со дня прекращения действия обстоятельств, не зависящих от него, которые препятствовали соблюдению этих требований. Таким образом, освобождение от дисциплинарной ответственности связано с последующей обязанностью восстановить надлежащее исполнение антикоррупционных предписаний в установленный срок.

Аналогичные поправки внесены также в ряд федеральных законов, в частности в федеральные законы: о прокуратуре Российской Федерации; о воинской обязанности и военной службе; о Банке России; о государственной гражданской службе Российской Федерации; о муниципальной службе в Российской Федерации; а также в иные законодательные акты, перечень которых установлен соответствующим законом.

Изменения предоставляют защиту лицам, ответственным по антикоррупционным нормам, при наступлении обстоятельств, объективно препятствующих исполнению обязанностей, при условии последующего восстановления соблюдения требований в месячный срок после устранения таких обстоятельств. Закон при этом сохраняет сфокусированность на дисциплинарной ответственности и предусматривает унификацию соответствующих норм в ряде федеральных актов.

Таким образом, антикоррупционная политика в текущих условиях характеризуется амбивалентностью: одновременно усиливается законодательный и институциональный контроль, но вводятся и смягчения, продиктованные экономическим и санкционным давлением. Эта двойственность является оправданной как краткосрочная адаптация, однако требует прозрачных механизмов, четких временных рамок и жестких гарантий по сохранению ключевых антикоррупционных инструментов.

В настоящее время ключевыми направлениями антикоррупционного контроля со стороны уполномоченных органов государственной власти Российской Федерации остаются неукоснительное выполнение гособоронзаказа, что является важным условием достижения поставленных главой государства целей СВО, а также обеспечение исполнения национальных проектов, как основы дальнейшего социально-экономического и инновационного развития субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, ряда отраслей экономики и промышленности страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андрианов В.Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность. М., 2011.
2. Быков А.В., Аксенов А.Н. Квалификация коррупционных преступлений: учебное пособие в схемах и таблицах. М., 2019.
3. Дуланов В.С. Коррупция в таможенных органах: противодействие и возможные методы предупреждения // Проблемы науки. 2017. № 11(24).
4. Закомолдин Р.В. О реформировании военно-уголовного законодательства в условиях проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 12 (329).
5. Закомолдин Р.В., Соколов Д.А. Обзор итогов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Долговские чтения) «Борьба с посягательствами против мира и безопасности человечества, исторической памяти о Победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 2(106).

6. Камышанский Д.Ю., Аксенов А.Н. Основы международного сотрудничества в области противодействия преступлениям коррупционной направленности // Грибоедовские чтения – 2023: современные вызовы юридической науки и практики. М., 2024.
7. Камышанский Д.Ю., Алимов Э.В. Соотношение понятий «коррупция», «преступления коррупционной направленности» и «коррупционные правонарушения» // Евразийский юридический журнал. 2024. № 9(196).
8. Карпович О.Г. Экономическая преступность в России. Теория и практика противодействия. М., 2017.
9. Модестов С.А. Актуальные вопросы целеполагания при планировании мероприятий денацификации // Международное сотрудничество Евразийских государств: политика, экономика, право. № 4. 2022.
10. Мылтыкбаев М.Ж. Современное состояние законодательства Российской Федерации в сфере противодействия коррупции // Молодой ученый. 2019. № 15(253).
11. Новикова Е.П., Чернышова К.С. Моральное и материальное стимулирование сотрудников ОВД как мера противодействия коррупции // Научный бюллетень Воронежского института МВД России. 2025. № 2.
12. Обзор III Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Десять лет Закону о стратегическом планировании в Российской Федерации» (РАНХиГС, Москва, 19 апреля 2024 г.) / А.М. Воронов, С.И. Гирько, Д.В. Ирошников [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2024. № 3 (51).
13. Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Правовые вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации», посвященной Дню народного единства (Московский университет имени А.С. Грибоедова, Москва, 1 ноября 2024 года) / А.Н. Аксенов, К.В. Алексеев, Э.В. Алимов [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2024. № 4(52).
14. Попова Н.А. Противодействие коррупции: современное состояние // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4.
15. Хабриева Т.Я., Курбанов Р.А., Абузярова Н.А. Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы. М., 2023.

REFERENCES

1. Andrianov V.D. Corruption as a Global Problem: History and Modernity. Moscow, 2011.
2. Bykov A.V., Aksenov A.N. Qualification of Corruption Crimes: A Study Guide in Charts and Tables. Moscow, 2019.
3. Dulanov V.S. Corruption in the Customs Agencies: Counteraction and Possible Methods of Prevention // Problems of Science. 2017. № 11(24).
4. Zakomoldin R.V. On the Reformation of Military Criminal Legislation in the Context of a Special Military Operation // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2024. № 12 (329).
5. Zakomoldin R.V., Sokolov D.A. Overview of the Results of the V All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Dolgov Readings) «Combating Threats to Peace and Human Security, and the Historical Memory of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945» // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2025. № 2(106).
6. Kamyshansky D.Yu., Aksenov A.N. Fundamentals of International Cooperation in the Field of Countering Corruption-Related Crimes // Griboyedov Readings – 2023: Modern Challenges of Legal Science and Practice. Moscow, 2024.
7. Kamyshansky D.Yu., Alimov E.V. Correlation of the concepts of «corruption», «crimes of a corruption-related nature» and «corruption offenses» // Eurasian legal journal. 2024. № 9(196).
8. Karpovich O.G. Economic crime in Russia. Theory and practice of counteraction. Moscow, 2017.
9. Modestov S.A. Actual issues of goal-setting in planning denazification measures / S.A. Modestov // International cooperation of the Eurasian states: politics, economics, law. № 4. 2022.
10. Myltikbaev M.Zh. The current state of the legislation of the Russian Federation in the sphere of anti-corruption // Young scientist. 2019. № 15(253).
11. Novikova E.P., Chernyshova K.S. Moral and material incentives for police officers as a measure to counter corruption // Scientific Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2.

12. Review of the III All-Russian Scientific and Practical Conference «Legal Support for National Security. Ten Years of the Law on Strategic Planning in the Russian Federation» (RANEPA, Moscow, April 19, 2024) / A.M. Voronov, S.I. Giriko, D.V. Iroshnikov [et al.] // Transport Law and Safety. 2024. № 3 (51).

13. Overview of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Legal Issues of Ensuring the National Security of the Russian Federation», dedicated to National Unity Day (Griboyedov Moscow State University, Moscow, November 1, 2024) / A.N. Aksenov, K.V. Alekseev, E.V. Alimov [et al.] // Transport Law and Security. 2024. № 4(52).

14. Popova N.A. Counteraction of Corruption: Current State // Actual Problems of State and Law. 2022. Vol. 6. № 4.

15. Khabrieva T.Ya., Kurbanov R.A., Abuzyarova N.A. Legal Foundations of Counteraction of Corruption: International and National Standards and Initiatives. Moscow, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алимов Эмиль Ваизович, кандидат юридических наук, доцент кафедры парламентаризма и межпарламентского сотрудничества ИГСУ. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, д. 82.
ORCID: 0000-0002-0743-4210

Камышанский Дмитрий Юрьевич, член Экспертно-консультативного совета при Совете Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности, старший преподаватель кафедры юридического факультета. Московский университет имени А.С. Грибоедова. 115035, Российская Федерация, Москва, Космодамианская наб., д. 26/55 стр. 7.
ORCID: 0009-0005-5543-6607

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alimov Emil Vaizovich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Cooperation. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 82, Vernadsky Av, Moscow 119571 Russian Federation.

Kamyshansky Dmitry Yuryevich, Member of the Expert Advisory Council under the Council of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization, Senior Lecturer at the Department of Law. Griboyedov Moscow State University. 26/55, Building 7, Kosmodamianskaya Embankment, Moscow 115035 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.13

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА

Болдырева Элеонора Арменовна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
elchonok007@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются теоретические аспекты следственного осмотра, анализируются проблемы, возникающие в практических реалиях при производстве исследуемого следственного действия. На основании вышеизложенного формулируются некоторые положения, направленные на восполнение имеющихся законодательных пробелов в части проведения следственных осмотров.

Материалы и методы: правовую основу исследования образуют нормы действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующие порядок производства следственного осмотра.

Методологической основой исследования служит общий диалектический метод научного познания, являющийся универсальным, методы сравнения, анализа, описания, обобщения, дедукции и индукции.

Результаты исследования: на основе анализа теоретических основ, а также практического опыта производства следственного осмотра удалось сформулировать некоторые законодательные пробелы и предложить пути их восполнения.

Выводы и заключения: проанализировав теоретические аспекты, законодательные пробелы и практический опыт правоохранительных органов при производстве следственного осмотра, сформулированы некоторые пути решения, среди которых: необходимость закрепления в ст. 176 УПК РФ фактических оснований для производства осмотра, совершенствование используемых научно-технических средств, усовершенствование нормы, позволяющей следователю проводить осмотр места происшествия в жилище в случаях, не терпящих отлагательства и без согласия проживающих в нем лиц на основании собственного постановления, а не решения суда, поскольку промедление в производстве данного следственного действия может привести к утрате важнейших доказательств.

Ключевые слова: следственный осмотр, следственное действие, следователь, процессуальные лица, уголовное судопроизводство.

Для цитирования: Болдырева Э. А. Актуальные проблемы производства следственного осмотра / Э. А. Болдырева // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 116–121.

Original paper

ACTUAL PROBLEMS OF CONDUCTING AN INVESTIGATIVE INSPECTION

Boldyreva Eleonora Armenovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article examines the theoretical aspects of the investigative examination, analyzes the problems that arise in practical realities during the production of the investigative action under investigation. Based on the above, some provisions are formulated aimed at filling the existing legislative gaps regarding the conduct of investigative examinations.

Materials and methods: the legal basis of the study is formed by the norms of the current criminal procedure legislation of the Russian Federation, which regulate the procedure for conducting an investigative examination.

The methodological basis of the research is the general dialectical method of scientific cognition, which is universal, methods of comparison, analysis, description, generalization, deduction and induction.

Results of the study: based on the analysis of the theoretical foundations, as well as the practical experience of conducting an investigative examination, it was possible to formulate some legislative gaps and limitations.

Findings and conclusions: after analyzing the theoretical aspects, legislative gaps and practical experience of law enforcement agencies in conducting an investigative inspection, some solutions were formulated, including: the need to fix the factual grounds for conducting an inspection in Article 176 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the improvement of scientific and technical means used, the improvement of the norm allowing the investigator to inspect the scene in the home in cases that are urgent and without the consent of the residents on the basis of their own decision, rather than a court decision, since delay in the conduct of this investigative action may lead to the loss of crucial evidence.

Keywords: investigative inspection, investigative action, investigator, procedural persons, criminal proceedings.

For citation: Boldyreva E. A. Actual problems of investigative inspection / E. A. Boldyreva // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 116–121.

Специфика следственного осмотра состоит в том, что должностное лицо благодаря собственным органам чувств обнаруживает и фиксирует факты, имеющие доказательственное значение. В связи с тем, что исследуемое следственное действие относится к познавательным действиям, оно производится при помощи разнообразных методов и способов познания. В ходе производства осмотра должностное лицо прибегает к использованию методов наблюдения, вычисления, сравнения, описания, а также иногда даже эксперимента с исследуемыми объектами.

Отличие следственного осмотра от такого следственного действия, как обыск заключается в следующем.

1. Цели производства: цели производства осмотра намного шире, чем цели обыска (поиск и изъятие предметов или документов).

2. В процессе производства обыска исследуются объекты, принадлежащие или находящиеся у граждан, в отношении которых производится обыск, т. е. ограниченное исследование конкретно интересующих объектов.

3. Обыск относится к принудительным следственным действиям, в связи с чем он сопровождается процессуальными гарантиями, а осмотр относится к следственным действиям, которые направлены не на ущемление, а на восстановление нарушенных прав и свобод.

Несмотря на разницу цели, условий и процессуального порядка проведения осмотра и обыска, их психологическая основа однородна. Во время обыска, как и осмотра, следовательно присущ аналогичный психологический настрой, он оказывает целенаправленное внимание и профессиональное наблюдение за участниками проведения этих двух следственных действий.

Поисковая деятельность следователя в процессе обыска невозможна без аналитического мышления, творческого воображения, с помощью которых формируются ответы на вопросы, возникающие в ходе обыска, моделируется механизм события преступления. Поэтому положительные результаты осмотра и обыска обусловлены не только наблюдательностью следователя, но и умением понять психологический склад преступника, его намерения, логику поведения.

Во время проведения осмотра необходимо наличие фактических оснований для его проведения, а юридические основания (постановления, определения), в отличие от обыска, как таковые отсутствуют (кроме осмотра жилища или иного владения лица, где предполагается наличие разрешения суда). Кроме того, начиная осмотр, следователь не знает и не может предсказать, какие объекты он обнаружит. Готовясь к обыску, следователь имеет достаточные основания считать, что сведения об обстоятельствах совершения уголовного правонарушения, орудия преступления либо имущество, добытое в результате его совершения, или разыскиваемых лиц, можно выявить во время проведения указанного следственного действия.

Деятельность следователя при проведении следственного осмотра и следственного обыска в основном совпадает. И в первом, и во втором случаях проводится поиск, исследование и оценка найденного, поэтому на практике случаются ошибки, и вместо осмотра проводят обыск, или наоборот.

Таким образом, в каждом конкретном случае следователь должен четко установить, какое следственное действие нужно провести: осмотр, обыск или выемку, каков порядок проведения каждого из перечисленных следственных действий, каких последствий следует ожидать от каждого конкретного следственного действия.

Далее, рассмотрев теоретический аппарат, хотелось бы перейти к рассмотрению практических проблем, возникающих при производстве следственного осмотра.

Проанализировав научную и учебную литературу, а также практический опыт, можно выделить основные направления, имеющие существенные проблемы.

1. Проблемы, посягающие на конституционные права граждан.
2. Проблемы участия понятых при производстве следственного осмотра.

Так, исследуя первый проблемный аспект, можно отметить следующее. Конституция РФ в системе нормативно-правовых актов имеет высшую юридическую силу, а нормы, закрепленные в ней, носят прямое действие на территории государства. В ней сказано, что человек, его права и свободы относятся к высшей ценности государства. Таким образом, соблюдение и защита этих прав и свобод является обязанностью Российской Федерации.

Однако практика показывает, что права человека ограничиваются государством на императивном уровне. Чаще всего такое ограничение встречается в сфере уголовного судопроизводства в результате производства тех или иных следственных действий. Соответственно признаком, необходимым для производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека, является судебное решение.

Несомненно, все следственные действия обладают принудительной силой, но степень такой силы в каждом отдельном случае неравна. Именно благодаря этому факту в отдельную категорию выделены те следственные действия, которые наиболее ярко вторгаются в сферу главных конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Так, перед судом возбуждается ходатайство о производстве следующих следственных действий, посягающих на конституционные права и свободы человека:

- осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц;
- обыск и (или) выемка в жилище;
- выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи;
- контроль и запись телефонных и иных переговоров;
- наложение ареста на почтово-телеграфные отправления;
- получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и др.

Все эти действия значительно ограничивают права и свободы граждан, чем требуют вынесения судебного решения для их производства. Таким образом, суд противодействует злоупотреблению со стороны следователя возможным нарушениям указанных прав и свобод.

Итак, одним из перечисленных следственных действий является один из видов осмотра, а именно осмотр жилища. Рассмотрим проблемы, наиболее часто встречающиеся при производстве данного следственного действия.

Одной из проблем является пробел в законодательном регулировании осмотра места происшествия, расположенного в жилище. Закон не содержит нормы, которая бы раскрыла понятие «место происшествия», однако как показывает практика, существует необходимость в закреплении данного термина на уровне ст. 5 УПК РФ. В связи с этим перед правоприменителями часто стоят следующие вопросы:

- требуется ли получение соответствующего судебного решения для осмотра места происшествия, расположенного в жилище, когда согласия на его производство от проживающих лиц не получено, либо же необходимо руководствоваться нормами, регулирующими процесс осмотра места происшествия;
- можно ли законно до возбуждения уголовного дела произвести осмотр места происшествия, расположенного в жилище граждан.

Варпаховская Е.М. считает, что в данном случае следует соблюдать конституционный принцип неприкосновенности жилища, а соответственно либо получить согласие на производство данного следственного действия от проживающих в нем лиц, либо получить судебное решение на производство осмотра жилища [4, с. 3]. Если ситуация относится к случаям, не терпящим отлагательства, то требуется производить осмотр по требованиям ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Следователю следует решить вопрос о производстве осмотра места происшествия в жилище без судебного решения. После всех проведенных действий должностное лицо должно уведомить прокурора и суд.

Безусловно, такая последовательность действий не соответствует требованиям результативности производства предварительного следствия, о чем упоминается и в трудах

многих авторов, аргументирующих тем, что осуществление осмотра места происшествия в жилище невозможно произвести, если нет согласия проживающих в нем лиц либо решения суда. Тем не менее, на наш взгляд, наиболее целесообразно мнение Р.С. Яновского, который говорит о том, что неразумно получать согласие проживающих в жилище лиц, если в данном жилище находится труп, осмотр которого крайне необходим. Зачастую убийства совершаются в жилище лицами, которые в нем проживают, поэтому просить разрешение на осмотр жилища у лица, совершившего в нем преступление, не имеет смысла [2, с. 61].

Следующая проблема, ограничивающая права и свободы граждан при производстве следственного осмотра, заключается в неточной регламентации оснований производства осмотра. На самом деле, в ст. 176 УПК РФ «Основания проведения осмотра» идет упоминание только о целях производства данного следственного действия, а именно – обнаружение и изъятие следов совершения преступления или иных существенных обстоятельств. В норме лишь подразумеваются фактические данные, которые дали бы следователю основание полагать, что в результате производства следственного осмотра будет достигнута основная его цель. Таким образом, законодательно целесообразно в положениях нормы существеннее обозначить фактические основания для производства исследуемого следственного действия.

Еще одной актуальной проблемой, возникающей при производстве следственного осмотра, является составление соответствующего протокола с недопустимыми процессуальными ошибками. Данный факт, допущенный следователем, может привести к утрате доказательства, полученного в ходе производства осмотра.

Так, зачастую следователь при составлении протокола высказывает в нем собственное мнение, приходит к каким-либо умозаключениям и выводам, при этом упуская из вида тот факт, что протокол – это процессуальный документ, в содержание которого должны входить лишь сведения в том виде, в котором они были получены следователем в ходе производства следственного осмотра.

Помимо этого, в протоколе следственного осмотра встречаются следующие ошибки:

- употребляются слишком обширные фразы, которые тем самым дают неясное представление об осмотренных объектах;
- даются не общепризнанные термины, выражения и фразы, идентичные объекты описываются разными терминами;
- описание объекта происходит от частного к общему;
- фиксируются не все признаки объекта, имеющие важное доказательственное значение, после чего такие признаки утрачиваются;
- следователем выбирается неверная последовательность описания объектов, которые связаны друг с другом, что затрудняет представление о них;
- употребляются сомнительные величины, например: около, рядом, почти, вблизи, неподалеку и многие другие.

Поэтому, принимая в учет специфику производства следственного осмотра, а также его значимость и ценность, перед практическими работниками стоит задача по повышению профессионального статуса, а также образованности и гибкости. Только благодаря данным требованиям появляется возможность избежать указанные выше проблемы и ошибки, возникающие в ходе производства данного следственного действия.

Итак, подводя итог исследования первого проблемного аспекта, можно заметить, что при выполнении перечисленных рекомендаций по усовершенствованию процесса расследования, ОВД будут как можно реже сталкиваться с указанными проблемами, а соответственно допускать ошибки. Благодаря данным предложениям на начальном этапе расследования будут получены необходимые доказательства, которые в дальнейшем составят прекрасную базу для расследования преступления и изобличения и привлечения к ответственности виновных лиц.

Также в рамках данной работы был проведен опрос действующих следователей в области исследуемого вопроса. Его сущность заключалась в выделении типичных недостатков проведения следственных осмотров, а именно – осмотра места происшествия, ввиду его актуальности. Из данного опроса были сформулированы следующие недостатки:

- неполное описание обстановки места происшествия;
- фото-, видеосъемка не проводилась;
- отсутствует последовательность в описании обстановки происшествия [2, с. 2].

Среди ошибок также выделить необоснованное уменьшение объема, площади и количества объектов исследования. В результате этого остаются не выявленными, неисследованными определенные источники информации.

Избежать недостатков проведения осмотра места происшествия можно путем всестороннего его исследования. Необходимо, по мнению М.В. Салтевского, провести полное исследование места происшествия, оценить каждый факт в отдельности и всю их совокупность, взвесить информацию из процессуальных источников и только после этого смоделировать событие, что произошло, установить его уголовно-правовую сущность, т. е. было ли это преступление или иное событие.

Успех осмотра в основном зависит от того, насколько широко и умело следователь применяет научно-технические средства и методы, специальную аппаратуру и приборы, способствующие в ходе осмотра обнаружить и закрепить невидимые и слабо видимые следы. Минимум научно-технических средств для осмотра имеется в чемодане следователя. В перечень наиболее распространенных криминалистических средств, используемых в ходе осмотра, входят: поисковые и аналитические приборы и инструменты (щуп, трал, бур, магнитный искатель-подъемник, металлоискатель, ультрафиолетовый осветитель, электронно-оптический преобразователь и др.).

Не меньшее значение в получении значимой информации имеют действия лиц, которые обладают специальными знаниями. Специальные знания – это профессиональные знания, которыми обладают соответствующие специалисты, а лица, проводящие дознание, следователи, судьи, – не в полной мере. Несмотря на то, что следователь также обладает определенным количеством знаний в отношении осуществления фото-, видеофиксации, изъятия следов рук и ног человека и других действий, однако нужно отдать предпочтение знаниям специалиста, который непременно качественнее и результативнее их использует. Эти лица, вызванные следователем, обязаны участвовать в производстве осмотра и, используя свои специальные познания и навыки, содействовать следователю в обнаружении, закреплении (фиксации) и изъятии доказательств, обращать его внимание на обстоятельства, связанные с обнаружением, закреплением и изъятием доказательств, давать пояснения по поводу совершаемых им действий.

Перечень специалистов по направлениям деятельности должен определяться следователем в каждом конкретном случае, с учетом потребностей сбора доказательственной информации на месте проведения осмотра [3, с. 12].

В то же время стоит вспомнить такого специалиста, как техник-криминалист, который входит в состав следственно-оперативной группы и способен оказать следователю помощь в обнаружении, фиксации, упаковывании и изъятии следов на месте проведения осмотров.

Результаты осмотра места происшествия фиксируются путем тщательного составления протокола осмотра, фотографирования, составления планов, схем, фото таблиц, осуществления видеозаписи.

Исследовав протоколы осмотра места происшествия с фото-таблицами, можно прийти к выводу, что не все фото в таблице соответствуют содержанию протокола. Основной причиной этого является явное несоблюдение соотношения размеров изображаемых объектов, а также то, что простейшие, элементарные навыки в составлении таких документов отсутствуют у многих следователей и сотрудников органов дознания. Такие схемы не только не способствуют выяснению обстановки исследуемого события, но и, наоборот, дезориентируют тех лиц, которые не воспринимали его непосредственно.

Вместе с тем немаловажную роль при производстве осмотров играют и психологические факторы. Проанализировав тактику проведения осмотров, можно выделить следующие психологические ошибки, допускаемые со стороны следователей:

1. Подтверждение гипотезы. Следователь может иметь предвзятые взгляды на дело и искать доказательства, которые подтвердят его гипотезу вместо того, чтобы рассматривать все возможные варианты.

2. Избирательность. Следователь может упускать важные доказательства, которые не соответствуют его представлениям о деле.

3. Влияние эмоций. Следователь может быть подвержен эмоциональному воздействию, которое может повлиять на его оценку доказательств.

4. Субъективность. Следователь может иметь субъективное мнение о том, какие доказательства являются важными, а какие – нет.

5. Преследование личных интересов. Следователь может быть заинтересован в том, чтобы решить дело быстрее или получить выгоду от результата расследования.

Так, следователь, как процессуальное лицо, должен обладать не только квалификационными знаниями, но и иметь навык применения комплекса психологических познаний, которые, в свою очередь, помогут достичь истины по

уголовному делу. Также, чтобы избежать этих ошибок, следователь должен быть объективным и профессиональным, учитывать все возможные варианты и не делать предвзятых выводов. Вместе с тем важно регулярно проводить обучение и тренинги для повышения квалификации следователей и сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, проанализировав теоретические положения исследуемого вопроса, а также правоприменительную практику, можно сформулировать следующие рекомендации по усовершенствованию осмотра как следственного действия.

Целесообразно внести в закон усовершенствованную норму, позволяющую следователю проводить осмотр места происшествия в жилище в случаях, не терпящих отлагательства и без согласия проживающих в нем лиц на основании собственного постановления, а не решения суда, поскольку промедление в производстве данного следственного действия может привести к утрате важнейших доказательств. Законодателю целесообразно в положениях нормы ст. 176 УПК РФ существенно обозначить фактические основания для производства исследуемого следственного действия. Принимая в учет специфику производства следственного осмотра, а также его значимость и ценность, перед практическими работниками стоит задача по повышению профессионального статуса, а также образованности и гибкости, позволяющими избежать ошибок в ходе составления соответствующего протокола осмотра. Это связано с тем, что именно этот процессуальный документ играет важную роль в использовании полученных сведений вовремя проведения других следственных действий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бурхард В. Криминалистический словарь. М., 2018.
2. Радченко В.И. Уголовный процесс: учебник для вузов, М., 2016.
3. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник. М., 2021.
4. Чуфаровский Ю.В. Психология осмотра места происшествия. М., 2017. № 6.
5. Яновский Р.С. Некоторые актуальные вопросы производства осмотра места происшествия в жилище // Российская юстиция. 2024. № 11.

REFERENCES

1. Burkhard V. Criminalistic dictionary. Moscow, 2018.
2. Radchenko V. And Criminal procedure: textbook for universities. Moscow, 2016.
3. Yablokov N.P. Criminalistics: textbook. Moscow, 2021.
4. Chufarovskiy Yu.V. Psychology of the inspection of the scene. M. 2017. № 6.
5. Yanovsky R.S. Some topical issues of the inspection of the scene of an incident in a dwelling // Russian Justice. 2024. № 11.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Болдырева Элеонора Арменовна, преподаватель кафедры уголовного процесса. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boldyreva Eleonora Armenovna, Lecturer at the Department of Criminal Procedure. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., 344015 Rostov-on-Don Russian Federation.

Научная статья
УДК 34.07

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ: НА ПУТИ К ОТВЕТСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Бондарева Ирина Олеговна

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь,
Российская Федерация
plyuginairina@mail.ru

Сафонов Андрей Александрович

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация
safonov_volga@mail.ru

Введение: роль искусственного интеллекта (далее – ИИ) в жизни человека – многогранная и спорная тема, вызывающая активные дебаты в области этики, эпистемологии и онтологии. Философский диспут вокруг значения ИИ глубоко укоренился в диалектике между технологическим детерминизмом и социальным конструктивизмом, поднимая вопросы об агентстве, автономии и природе сознания. С юридической точки зрения интеграция ИИ в общественные структуры требует глубокой переоценки существующих парадигм регулирования, включая вопросы ответственности, конфиденциальности и прав интеллектуальной собственности.

Однако полностью абстрагироваться от ИИ практически невозможно, учитывая его повсеместное присутствие в постиндустриальном социуме.

Материалы и методы: в качестве фактологической основы для статьи явились материалы ранее проведенных научных исследований по данной проблематике, а также статистические данные, материалы правоприменительной и судебной практики, посвященные теме исследования. Методологическую основу исследования составили методы диалектики, абстрагирования, анализа, синтеза, дедукции, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Результаты исследования: ответственное использование ИИ в судебных системах требует глубокого понимания его возможностей и ограничений, обеспечения конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни, подотчетности и точности, устранения предвзятости и обеспечения безопасности. Приняв местные нормативные рамки, мы сможем лучше понять, как и почему технология работает в конкретных условиях, проливая свет на уникальные интерпретации «справедливости» и оправдания автоматизации судебных процессов.

Выводы и заключения: ИИ упрощает судебный процесс, но не может заменить судей-людей, поскольку действует по заранее заданным алгоритмам и не может оценить психологические и моральные качества обвиняемого. Технологии ИИ могут оптимизировать судебный процесс и обеспечить достоверность информации о деле.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационные технологии, телекоммуникационные технологии, судебная система, правоприменение, технологический детерминизм, умные суды, юридическая этика, регулирование ИИ, Европейская этическая хартия, судебная система, автоматизация, Россия, Китай.

Для цитирования: Бондарева И. О., Сафонов А. А. Искусственный интеллект в судебной системе: на пути к ответственной интеграции / И. О. Бондарева, А. А. Сафонов // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 122–127.

Original paper

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE JUDICIAL SYSTEM: TOWARDS RESPONSIBLE INTEGRATION

Bondareva Irina Olegovna

Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Stavropol, Russian Federation

Safonov Andrey Aleksandrovich

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russian Federation

Introduction: in recent years, information technology has been increasingly integrated into judicial proceedings, which contributes to the improvement of the efficiency and quality of justice. In the context of the rapid development of digital technologies and their ever-widening application in various spheres of life [1], the judicial system is also not left on the sidelines. Information technology provides new opportunities to improve procedural procedures, increase the transparency and accessibility of judicial services, and ensure more effective interaction between participants in the judicial process. The problem of using information technologies in judicial proceedings includes several key aspects. Firstly, these are issues of legislative consolidation and regulation of the use of electronic documents and systems in judicial proceedings. Secondly, these are technical and organizational issues related to the implementation and functioning of information systems in judicial practice. Thirdly, these are issues of ensuring data security and protection, as well as observing the rights of participants in the judicial process.

Materials and methods: the factual basis for the article was the materials of previously conducted scientific research on this issue, as well as statistical data, materials of law enforcement and judicial practice, devoted to the topic of the study. The methodological basis of the study was the methods of dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, method of inter-branch legal research.

Results of the study: the transition to an information technology process of criminal proceedings involves the creation of a corresponding digital platform to ensure electronic proceedings in criminal cases. It is only a matter of time, solving financial, organizational and technical issues, as well as developing a scientific basis and creating a legislative framework.

Findings and conclusions: the transition to an information technology process of criminal proceedings involves the creation of a corresponding digital platform to ensure electronic proceedings in criminal cases. It is only a matter of time, solving financial, organizational and technical issues, as well as developing a scientific basis and creating a legislative framework.

Keywords: artificial intelligence, information technology, telecommunications technology, judicial system, law enforcement, technological determinism, smart courts, legal ethics, AI regulation, European Ethical Charter, judicial system, automation, Russia, China.

For citation: Bondareva I. O., Safonov A. A. Application of information technologies in judicial proceedings / I. O. Bondareva, A. A. Safonov // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115).

Искусственный интеллект (далее – ИИ) стал неотъемлемым компонентом современной цивилизации, проникнув в различные отрасли, такие как здравоохранение, финансы, транспорт и связь [1]. Стремительное развитие технологий ИИ обусловлено сочетанием целого ряда факторов, включая экспоненциальный рост вычислительных мощностей, распространение больших данных и инновации в алгоритмах машинного обучения. В связи с этим страны ведут острую конкурентную борьбу за превосходство в области ИИ, стремясь стать гегемонистской сверхдержавой, доминирующей в этой трансформационной сфере.

Дискуссионной темой является использование ИИ в судебной системе. В России напрямую в правоприменении ИИ не используется, однако он выступает вспомогательным средством для решения определенных задач. Например:

- автоматизированная система назначения наказаний «Электронные весы правосудия» профессора Х.Д. Аликперова, предназначенная для помощи судьям в определении меры наказания;
- автоматизированная система распределения дел, сортирующая дела в зависимости от сложности, сроков, подсудности;
- автоматическое принятие решений службой судебных приставов, которое автоматизировало многие функции Федеральной службы судебных приставов [2].

В 2018 г. Европейская комиссия по эффективности правосудия Совета Европы приняла Европейскую этическую хартию по применению ИИ в судебных системах. В этой хартии изложены шесть принципов использования ИИ в судопроизводстве:

- уважение основных прав и свобод;
- недискриминация;
- качество и безопасность;

- открытость;
- беспристрастность и честность;
- человеческий контроль [3].

Эти принципы гарантируют, что применение ИИ не нарушит основные права человека, не приведет к укоренению предвзятости и не поставит под угрозу качество и безопасность судебных решений.

Рассматривая зарубежный опыт, интересным является анализ цифровизации судебной системы Китайской народной республики (далее – КНР).

Китай начал развивать полный доступ к глобальным интернет-услугам в 1994 г. и с тех пор более активно, чем другие страны, использует технологические достижения в судебной системе. Подход, применяемый в Китае, направлен на все суды, что приводит к незначительным юрисдикционным прениям. Интерес представляет и то, как в КНР обсуждаются вопросы правосудия и технологий: Верховный народный суд (далее – ВНС) отмечает значительный прогресс в области информационных технологий и интернет-индустрии, что создает проблемы для национального управления и отправления правосудия.

Давление на судебную систему Китая, вызванное многочисленным населением и широкой гражданской и коммерческой деятельностью, создает проблемы, увеличивая нагрузку на судей. Например, в 2015 г. в Китае было подано более 16,714 млн судебных дел, из которых 11,045 млн – гражданские и коммерческие споры. Судебная нагрузка стала сложной задачей, поскольку общее число судей составило 196 000 человек, что лишь в 3,27 раза больше, чем 60 000 судей в 1981 г. [4]. По данным ВНС, на судей ложится все более высокая нагрузка, причем в регионах с высокими экономическими показателями судьи должны ежегодно рассматривать 300 дел на одного судью [5].

Технологические преобразования были направлены на открытие судов для общественности. В 2014 г. председатель Верховного суда Цян Чжоу призвал все китайские суды дать общественности возможность убедиться в «справедливости» и «правосудии», реализуя принцип открытости судебной системы, например, выкладывая все судебные решения в интернет и проводя прямые трансляции судебных заседаний [6]. Такой подход контрастирует с западными разработками в области управления делами, которые часто сосредоточены на внутренних реформах судов, а не на открытии судебных процессов.

Несмотря на быстрое внедрение технологий в судебные системы, трансформация судебной системы Китая с 1990-х гг. состояла из трех этапов:

- на первом этапе, с 1996 г. по 2003 г., основное внимание уделялось оцифровке судебных документов и ссылок на веб-сайты;
- на втором этапе, с 2004 г. по 2013 г., появились судебные слушания с помощью Интернета, когда компьютерные и интернет-технологии использовались для управления делами и проведения слушаний;
- на третьем этапе, начавшемся в 2014 г., была предложена инициатива умных судов (Zhi Hui Fa Yuan), предусматривающая использование более сложных технологий.

В итоге с 2016 г. Китай добился значительных успехов, создав систему умного суда. Так в 2016 году в Китае была принята «Национальная стратегия развития информатизации» для регулирования работы ИИ [7]. Согласно данной стратегии характеристики «умного суда» должны включать:

- обеспечение справедливости и эффективности судебной системы и повышение доверия к судебной системе;
- максимальное использование технологий, включая Интернет, облачные вычисления, большие данные и ИИ;
- содействие модернизации судебной системы и возможностей Китая;
- достижения высокоинтеллектуального функционирования и управления народными судами [8].

Инициатива «умных» судов вызвала множество положительных откликов, свидетельствующих о том, что эти изменения могут способствовать облегчению доступа к правосудию, ускорению процесса разрешения споров, экономии расходов и обеспечению исполнения судебных решений. Однако качество онлайн-судебных услуг практически не оценивалось, а некоторые судьи и адвокаты высказывали опасения по поводу технических проблем и цифрового разрыва.

Интеллектуальная судебная система также вызвала обеспокоенность по поводу целесообразности проведения онлайн-судов и способности онлайн-судов поддерживать правосудие, что связано с неоднозначными нормативными правилами. ВНС указал, что

при определенных обстоятельствах судьи могут принять решение о том, что неявка истца в суд представляет собой «отказ от явки». Однако формулировка «может» может быть истолкована как оставляющая решение на усмотрение судов, что приведет к различиям в судебной практике по всей стране [9].

Так, в апреле 2020 г. народный суд района Туньянь провинции Фуцзянь, рассмотрел дело, связанное с услугой по ремонту автомобилей. Истец не выразил возражений против проведения онлайн-слушания (после получения судебного уведомления об онлайн-процессе), а затем не подключился к нему в указанный день, в связи с командировкой. Истец, по-видимому, попросил своего младшего брата явиться в качестве истца в медицинской маске. В конце концов, судья выяснил, что на судебном заседании присутствовал брат истца, а не сам истец, и поэтому вынес постановление о том, что отсутствие истца и его неспособность назначить официального представителя убедили судью в том, что истец хотел «отозвать» свой иск [10]. По иронии судьбы, в соответствии с обязательным судебным толкованием Гражданского процессуального права ВНС, после вынесения судом решения о прекращении дела, истец все еще имеет право подать другое заявление на основании того же иска [11]. Очевидно, что двусмысленность соответствующих правил может привести к ненужным затратам времени и средств для судей, сторон обвинения и защиты, в результате чего адвокаты призывают клиентов проявлять осторожность, прежде чем принимать решение об использовании «онлайн» судебного разбирательства с точки зрения защиты своих интересов [12].

Более разрушительное воздействие технологий вызвало беспокойство по поводу роли судей, прозрачности принятия решений и надежности данных, поступающих в ИИ [13]. Несмотря на то, что эффективность и единообразие названы главными достоинствами судебной практики ИИ, возникают вопросы о том, можно ли называть машины «судьями». Нельзя не согласиться с мнением исследователя Цзи о том, что функция автоматизированного вынесения решений в «умном» суде может быть полезна для снижения нагрузки на судей, но она поднимает вопросы о беспристрастности и независимости судей [14].

Однако явные преимущества данной инициативы были продемонстрированы во время пандемии COVID-19. По данным ВНС, в период с 3 февраля по 31 марта 2020 гг. через онлайн-платформы было подано 706 000 новых электронных дел и проведено 150 000 судебных слушаний [15].

В заключение следует отметить, что ИИ упрощает судебный процесс, но не может заменить судей-людей, поскольку действует по заранее заданным алгоритмам и не может оценить психологические и моральные качества обвиняемого. Технологии ИИ могут оптимизировать судебный процесс и обеспечить достоверность информации о деле. Ответственное использование ИИ в судебных системах требует глубокого понимания его возможностей и ограничений, обеспечения конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни, подотчетности и точности, устранения предвзятости и обеспечения безопасности. Приняв местные нормативные рамки, мы сможем лучше понять, как и почему технология работает в конкретных условиях, проливая свет на уникальные интерпретации «справедливости» и оправдания автоматизации судебных процессов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лукинский И.С., Горшенева И.А., Сумина А.В. Использование искусственного интеллекта в качестве инструмента оптимизации научной деятельности: pro et contra // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 1.
2. Альбицкая И., Косяков А. Искусственный интеллект для юристов // Юридический справочник руководителя. 2022. № 1.
3. Гурбанов Р.А. Оглы Европейская хартия об этических принципах применения искусственного интеллекта в судебных системах: ценностные ориентиры // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. №1.
4. Cited in H. Zhang, «The Court's "Many Cases and Fewer People" Coping Dilemma and Its Way Out» (Working paper, Shandong University (Philosophy and Social Sciences Edition), 2018). URL: <http://iolaw.org.cn/showNews.aspx?id=65416> (дата обращения: 14.11.2024).
5. Supreme People's Court, «the SPC 2015 Work Report. URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-82572.html> (дата обращения: 14.11.2024).
6. Q. Zhou, Using New Media, Advancing Judicial Openness, 2014. URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-6111.html> (дата обращения: 11.12.2024).

7. State Council General Office, Outline of the National Informatization Development Strategy. URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/07/27/outline-of-the-national-informatization-development-strategy/> (дата обращения: 11.12.2024).
8. Q. Zhou, The status of judicial protection of intellectual property in Chinese courts (2019). URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-82842.html> (дата обращения: 27.11.2024).
9. Supreme People's Courts, 'Notice of the Supreme People's Court on Strengthening and Standardizing Online Litigation Work during the Prevention and Control of the New Coronary Pneumonia Epidemic'. URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-220071.html/> (дата обращения: 27.11.2024).
10. C. Li, Y. Guo, 'Brother pretending to be brother to hold court? Reprimanded in court and dealt with withdrawn!', China Court Network. URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2020/04/id/5148873.shtml> (дата обращения: 27.11.2024).
11. Supreme People's Court, 'Opinions of the Supreme People's Court on Several Issues Concerning the Application of the Civil Procedure Law of the People's Republic of China', People. URL: <http://www.people.com.cn/zixun/flfgk/item/dwjf/falv/9/9-1-1-08.html> (дата обращения: 22.12.2024).
12. See note 106. In regard to procedural fairness, see Michael Legg, The COVID-19 Pandemic, The Courts and Online Hearings: Maintaining Open Justice, Procedural Fairness and Impartiality. Forthcoming (2021) 49 Federal Law Review [2020] UNSWLRS 46. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3681165 (дата обращения: 22.12.2024).
13. T. Sourdin, B. Li, 'Technological Impacts on Civil Dispute Resolution', Machine Lawyering (Blogpost, 21 November 2019). URL: <https://www.legalanalytics.law.cuhk.edu.hk/post/2019/11/21/technological-impacts-on-civil-dispute-resolution> (дата обращения: 22.12.2024).
14. W. Ji, The Change of Jurisdiction in the Era of Artificial Intelligence. Oriental Law, (2018) Issue 1.
15. People's Court News, «Wisdom to fight the «epidemic», «cloud trial executive» show their skills – Summary of people's courts using the results of smart court construction to carry out trial execution during the epidemic». URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-225281.html> (дата обращения: 22.12.2024).

REFERENCES

1. Lukinsky I.S., Gorsheneva I.A., Sumina A.V. Using Artificial Intelligence as a Tool for Optimizing Scientific Activity: Pro et Contra // Psychology and Pedagogy of Service Activity. 2023. № 1.
2. Albitskaya I., Kosyakov A. Artificial Intelligence for Lawyers // Legal Handbook of the Manager. 2022. № 1.
3. Gurbanov R.A. Ogly, European Charter on Ethical Principles for the Application of Artificial Intelligence in Judicial Systems: Value Guidelines // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2020. № 1.
4. Cited in H. Zhang, «The Court's "Many Cases and Fewer People" Coping Dilemma and Its Way Out» (Working paper, Shandong University (Philosophy and Social Sciences Edition), 2018). URL: <http://iolaw.org.cn/showNews.aspx?id=65416> (date of access: 14.11.2024).
5. Supreme People's Court, «The SPC 2015 Work Report». URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-82572.html> (date of access: 14.11.2024).
6. Q. Zhou, «Using New Media, Advancing Judicial Openness». 2014. URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-6111.html> (date of access: 11.12.2024).
7. State Council General Office, «Outline of the National Informatization Development Strategy». URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/07/27outline-of-the-national-informatization-development-strategy/> (date of access: 11.12.2024).
8. Q. Zhou, The status of judicial protection of intellectual property in Chinese courts (2019). URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-82842.html> (date of access: 27.11.2024).
9. Supreme People's Courts, 'Notice of the Supreme People's Court on Strengthening and Standardizing Online Litigation Work during the Prevention and Control of the New Coronary Pneumonia Epidemic'. URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-220071.html/> (date of access: 27.11.2024).
10. C. Li, Y. Guo, 'Brother pretending to be brother to hold court? Reprimanded in court and dealt with withdrawn!', China Court Network. URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2020/04/id/5148873.shtml> (date of access: 27.11.2024).

11. Supreme People's Court, 'Opinions of the Supreme People's Court on Several Issues Concerning the Application of the Civil Procedure Law of the People's Republic of China', People. URL: <http://www.people.com.cn/zixun/flfgk/item/dwjf/falv/9/9-1-1-08.html> (date of access: 22.12.2024).

12. See note 106. In regard to procedural fairness, see Michael Legg, The COVID-19 Pandemic, The Courts and Online Hearings: Maintaining Open Justice, Procedural Fairness and Impartiality. Forthcoming (2021) 49 Federal Law Review [2020] UNSWLRS 46. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3681165 (date of access: 22.12.2024).

13. T. Sourdin, B. Li, 'Technological Impacts on Civil Dispute Resolution', Machine Lawyering (Blog post, 21 November 2019). URL: <https://www.legalanalytics.law.cuhk.edu.hk/post/2019/11/21/technological-impacts-on-civil-dispute-resolution> (date of access: 22.12.2024).

14. W. Ji, The Change of Jurisdiction in the Era of Artificial Intelligence. Oriental Law, (2018) Issue 1.

15. People's Court News, Wisdom to fight the "epidemic", "cloud trial executive" show their skills – Summary of people's courts using the results of smart court construction to carry out trial execution during the epidemic. URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-225281.html> (date of access: 22.12.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарева Ирина Олеговна, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики. Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России. 355035, Российская Федерация, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 43.

Сафонов Андрей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований учебно-научного комплекса судебной экспертизы. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bondareva Irina Olegovna, PhD in Law, head of the department of criminal procedure and criminology. Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 43, Kulakov Ave., Stavropol 355035. Russian Federation,

Safonov Andrey Aleksandrovich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Technical and Forensic Support of Expert Research of the Educational and Scientific Complex of Forensic Expertise. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya. 12, Academician Volgina St., Moscow 117997 Russian Federation

Юрист-Правоведъ. 2025. № 4(115). – С. 128–133.
Jurist-Pravoved. 2025. № 4(115). – Pp. 128–133.

Научная статья
УДК 343.985

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНФЛИКТОВ СЛЕДОВАТЕЛЕМ

Бугера Михаил Александрович

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация
ma.bugera@mail.ru

Бирюков Святослав Юрьевич

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
bir.slav@yandex.ru

Введение: в статье анализируются вербальные средства преодоления конфликтов субъектом расследования в ходе производства по уголовному делу. Авторы достаточно детально анализируют возможности различных видов вышеуказанных средств в качестве основного инструмента психологического воздействия на изменение позиции подозреваемого или обвиняемого, которые может использовать следователь в процессе взаимодействия с последними в рамках установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Материалы и методы: основными методами исследования в основу положены общенаучные методы синтеза, анализа, что позволило в достаточной степени рассмотреть вербальные средства преодоления конфликтов, имеющих место между следователем и подозреваемым (обвиняемым) лицом в ходе осуществления предварительного расследования по уголовному делу.

Результаты исследования: раскрыто содержание вербальных средств преодоления конфликтных ситуаций, возникающих между субъектом расследования и лицами подозреваемыми или обвиняемыми в совершении преступления в процессе осуществления производства по уголовным делам. Результаты исследования могут быть использованы в специализированных учебных заведениях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации педагогическими работниками образовательных организаций, адъюнктами, соискателями, курсантами и слушателями при подготовке учебного материала для обучающихся, а также самими обучающимися по следующим дисциплинам: «Криминалистика», «Предварительное следствие в органах внутренних дел», «Расследование преступлений против личности и собственности», «Оперативно-розыскная деятельность», и др. Содержание материала, выводы, рекомендации и предложения будут полезны для сотрудников дознания и следствия в их практической работе по установлению всех обстоятельств расследуемого преступления.

Выводы и заключение: авторы проанализировали вербальные средства преодоления конфликтов, которые имеются в арсенале субъекта расследования. Пришли к выводу, что в ходе предварительного расследования, следователь может изменить позицию подозреваемого лица или обвиняемого, манипулируя его «психологическим» статусом, то есть воздействуя на восприятие ситуации «здесь и сейчас». Однако, указанное требует от последнего не только высокого уровня квалификации, но и глубокого понимания психологических механизмов, что, в свою очередь, способствует эффективному взаимодействию и достижению поставленных целей в рамках расследования.

Ключевые слова: следственная ситуация, конфликт, интерес, противодействие расследованию.

Для цитирования: Бугера М. А., Бирюков С. Ю. Вербальные средства преодоления конфликтов следователем / М. А. Бугера, С. Ю. Бирюков // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 128–133.

Original paper

SPECIFICS OF TACTICS OF PRODUCTION OF CERTAIN INVESTIGATIVE ACTIONS ON THE CRIMINAL CASES RELATED TO THEFT OF MOBILE CELLULAR COMMUNICATION DEVICES

Bugera Mikhail Aleksandrovich

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Biryukov Svyatoslav Yuryevich

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the article analyzes the verbal means of conflict resolution by the subject of the investigation during the criminal proceedings. The authors analyze in sufficient detail the

possibilities of various types of the above-mentioned means as the main tool of psychological influence on changing the position of a suspect or accused, which can be used by an investigator in the process of interacting with the latter in the framework of establishing all the circumstances to be proved in a criminal case.

Materials and methods: the main research methods are based on general scientific methods of synthesis and analysis, which made it possible to sufficiently consider the verbal means of overcoming conflicts between the investigator and the suspect (accused) person during the preliminary investigation of a criminal case.

Results of the study: the content of verbal means of overcoming conflict situations that arise between the subject of investigation and persons suspected or accused of committing a crime in the course of criminal proceedings is revealed. The results of the study can be used in specialized educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation by teaching staff of educational organizations, adjuncts, applicants, cadets and trainees in the preparation of educational material for students, as well as by students themselves in the following disciplines: «Criminalistics», «Preliminary investigation in law enforcement agencies», «Investigation of crimes against the person and property», «Operational investigative activities», etc. The content of the material, conclusions, recommendations and suggestions will be useful for the staff of the inquiry and investigation in their practical work to establish all the circumstances of the crime under investigation.

Findings and conclusions: the authors analyzed the verbal means of conflict resolution that are available in the arsenal of the subject of the investigation. We came to the conclusion that during the preliminary investigation, the investigator can change the position of the suspect or the accused, manipulating his «psychological» status, that is, influencing the perception of the situation «here and now». However, this requires the latter not only to have a high level of qualifications, but also a deep understanding of psychological mechanisms, which, in turn, contributes to effective interaction and achievement of goals in the investigation.

Keywords: investigative situation, conflict, interest, opposition to investigation.

For citation: Bugera M. A., Biryukov S. Y. Verbal means of conflict resolution by an investigator / M. A. Bugera, S. Y. Biryukov // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 128–133.

Понимая, что проблема методов преодоления конфликтов в уголовном судопроизводстве представляется крайне не простой, в рамках данной статьи мы будем говорить о конфликтах, возникающих между стороной обвинения и защиты в контексте освещения средств их разрешения.

Судебно-следственная практика свидетельствует, что не все возникающие в уголовном судопроизводстве конфликты получается разрешить. И следовательно, зачастую, приходится работать в условиях т.н. неразрешенных конфликтов. Указанное и предопределяет наше желание исследовать именно средства деятельности субъекта расследования в ситуациях характеризующихся наличием конфликта.

В случае наличия конфликта, сопровождаемого общением субъект расследования предполагает, что подозреваемый в полной мере понимает все, что происходит вокруг и все свои поведенческие акты совершает осознанно. Для достижения желаемого результата, заключающегося в том, чтобы подозреваемый осознанно предпринял определенные действия, необходимо, чтобы в его восприятии произошли значимые изменения, способствующие таким действиям. Это означает, что лицо, производящее расследование должно сосредоточиться на трансформации смысловой структуры той обстановки, в которой оказался подозреваемый. В этой связи, несмотря на то, что, как подчеркивает А.В. Дулов [1, с. 101], в процессе судебно-следственной правоприменительной деятельности всегда присутствует взаимная заинтересованность в получении информации, для того чтобы изменить восприятие подозреваемого, субъект расследования обязан предоставить ему некоторый объем сведений. В данном контексте термин «сведения» употребляется в самом широком смысле, охватывающем не только конкретные фактические данные, имеющие отношение к уголовному делу по которому осуществляется производство.

Что же касается конкретных фактических данных полученных в рамках производства по делу, то здесь наше мнение расходится с достаточно распространенной в теории криминалистики точкой зрения о том, что субъекту расследования необходимо стараться формулировать вопросы таким образом, чтобы подозреваемый не извлекал из них значительных сведений о характере и объеме находящейся в распоряжении следствия доказательственной информации [2, с. 97]. На наш взгляд, демонстрация лицом, ведущим расследование, уровня своей осведомленности о совершенном преступном событии и объеме имеющейся доказательственной базы способно существенно повлиять на допрашиваемое лицо. Вместе с тем именно субъект расследования, в зависимости от специфики конкретной ситуации, самостоятельно обязан принять решение о том, в какой степени целесообразно информировать подозреваемого для решения поставленных тактических задач и целесообразно ли вообще.

Существует мнение, что взаимодействие между субъектом расследования и лицом, подозреваемым в совершении преступного деяния в рамках диалога осуществляется преимущественно через вербальное общение, где информация передаётся в моменты речи,

в то время как в перерывах, или моментах молчания, происходит пассивное её восприятие. Однако важно отметить, что информация не исчерпывается исключительно словесными выражениями. Поведенческие акты как лица, ведущего расследование, так и подозреваемого также служат значимыми носителями информации, которая может транслироваться как на сознательном, так и на подсознательном уровне.

В контексте процесса получения информации можно утверждать, что субъект расследования стремится устранить неопределённость и недостаток осведомлённости подозреваемого, исследуя его внутренние установки и убеждения. В то же время, процесс изыскания информации включает необходимость восполнения пробелов в знаниях лица, ведущего расследование, о конкретной ситуации. Настоящее преобладание одного из этих процессов может быть выявлено посредством анализа невербальных сигналов, проявляемых участниками общения. Это подразумевает, что, даже произнося кажущиеся развернутыми и содержательными высказывания, можно не только не передавать информацию, но и активно её воспринимать.

В работе следователя устное слово представляет собой наиболее эффективный инструмент передачи информации. Тем не менее, это средство общения, будучи одновременно универсальным и привычным, порой создает ложное представление о крайней несложности его применения. Однако, на самом деле, использование устного слова связано с рядом сложностей и нюансов, которые не всегда очевидны при поверхностном анализе.

Слово обладает свойством обобщения, что в свою очередь делает степень точности информации о конкретных событиях, передаваемой с его помощью, относительной. Для субъекта расследования, однако, получение точных данных о фактах расследуемого преступного события, представляет собой первостепенную задачу. Точность и объем информации, передаваемой словами, зависят, прежде всего, от контекста, в котором осуществляется передача. Важным фактором также выступает тот объем и характер знаний, которым уже располагает говорящий. Кроме того, значительное влияние на данный процесс оказывают те социальные и психологические установки, которые оформились у человека ранее.

На начальной стадии процесса общения между лицом, ведущим расследование и подозреваемым ни предвзятость, ни установки последнего не находятся под контролем субъекта расследования. Это обстоятельство подразумевает, что эффективность воздействия последнего в значительной степени определяется его способностью учесть эти установки и индивидуальные особенности в целом допрашиваемого лица. Вместе с тем, результативность деятельности лица, ведущего расследование опосредована не только правильным учетом указанных факторов при трансляции сведений подозреваемому, но и от адекватной оценки имеющегося в распоряжении следствия объема и характера информации, а также собственных установок и личностных характеристик при восприятии сведений поступающих от допрашиваемого. Поскольку понимание собственных внутренних установок зачастую представляет собой более сложную задачу, чем осознание установок собеседника, это требует еще большего внимания и глубокого анализа поступающих сведений. Ведь мы часто воспринимаем не столько то, что сообщается, сколько то, что стремимся услышать.

В криминалистической литературе обращают внимание на несколько ключевых характеристик речи, которые следует учитывать при анализе показаний лица, подозреваемого в совершении преступного деяния. С лингвистической точки зрения, данная речь существенно отличается от литературного стиля и ближе к бытовому разговорному языку. Она характеризуется выраженной значимостью интонации и логического ударения, что играет важную роль в интерпретации содержания. Кроме того, в этой речи присутствует значительный объем информации, передаваемой через невербальные каналы, что создает впечатление, будто сообщения исходят от человека, обладающего глубокими эмоциональными переживаниями и личным опытом [3, с. 43].

Чтобы успешно справиться с трудностями, возникающими из-за особенностей речи допрашиваемых, важно придерживаться нескольких рекомендаций. Во-первых, следует стремиться к минимизации эмоциональной окраски речи допрашиваемого лица. Это поможет лучше понять смысл и его содержание. Во-вторых, если в высказываниях подозреваемого присутствуют интонационные акценты, которые имеют важное значение для понимания сказанного, стоит заставить его выразить свою мысль с использованием более четких по смысловому содержанию слов. Это позволит устранить возможные недоразумения. В-третьих, для правильной интерпретации важной невербальной информации субъект расследования обязан принимать к сведению контекст произносимых слов. В этой связи не стоит стесняться уточнять смысл сказанного у допрашиваемого, если это необходимо. Целесообразность осуществления психологического воздействия на подозреваемого в условиях конфликта детерминирована, в первую очередь, высокой сложностью оперативно получить требуемые сведения. Лицо, ведущее расследование оказывается перед необходимостью откладывать свою основную задачу и сосредотачиваться на формировании каких-то промежуточных задач, которые служат средствами для осуществления психологического влияния. При этом его роль меняется: он перестает быть получателем данных и становится их носителем, поскольку воздействовать психологически на человека возможно лишь через передачу определенного содержания.

Наиболее эффективный подход для изменения мнения допрашиваемого состоит в предоставлении ему сведений не только с возрастающей значимостью, но и выдвижении аргументов, которые будут убедительны. В то же время субъект расследования сталкивается с определёнными ограничениями при передаче сведений подозреваемому, которые могут быть вызваны как тактическими соображениями, так и банальной нехваткой или отсутствием необходимых данных для формирования убедительного обоснования для допрашиваемого. А с учетом того, что восприятие значимости информации является субъективным, подача одних и тех же сведений субъектом расследования возможна различными способами, что, в свою очередь, окажет различное воздействие на подозреваемого, вызовет разную психологическую реакцию последнего.

Когда мы говорим об абстрактных категориях и универсальных концепциях, ключевое значение приобретает как содержание, так и точность формулировок. Касательно произношения, требования минимальны. Однако, как только обсуждение переходит от абстракций к живой, конкретной реальности, становится очевидным, что партнера информирует даже больше не то, из каких слов составлена фраза, а то, как именно она произносится. Смысл самих формулировок определяется не только логической структурой, но и их образностью и метафоричностью. Эти аспекты помогают преодолеть неминуемую абстрактность языка [4, с. 155].

Исходя из того, что следователя интересуют, прежде всего совершенно конкретные факты, а не абстрактные категории, на наш взгляд, это утверждение заслуживает внимания.

Наши исследования показали, что в процессе расследования нередко возникают ситуации, когда нежелание обвиняемого выполнять затонные требования следователя приводит к необходимости использования психологического воздействия. Пожалуй самое важное место среди вербальных средств психологического воздействия, используемых следователем, занимает внушение.

Изучая истоки человеческого общения, Е.Ф. Поршнев пришел к выводу о том, что в своем исходном существе речь была способом внушения или суггестии, самым мощным и могущественным из средств воздействия, имеющихся в арсенале человека. Он считает, что всякий говорящий внушает и механизм такого внушения состоит в следующем: «Если налицо полное и безоговорочное доверие, то человеческие слова у слушающего вызывают с полной необходимостью те самые представления, образы и ощущения, которые имеет в виду говорящий, а полная ясность и безоговорочность этих вызванных представлений с той же необходимостью требует действий, как будто эти представления были получены прямым наблюдением или познанием, а не посредством другого лица. Прямое внушение опасно, оно может привести человека к несвойственным, чуждым ему мыслям и поступкам, сделать орудием того, кто владеет этим оружием. Защищаясь, человек «отпускает» другим доверие очень осторожно. Поэтому хотя всякий говорящий внушает, однако далеко не всякое словесное внушение приемлется как таковое, ибо в подавляющем большинстве случаев налицо и встречная психологическая активность» [4].

В условиях конфликтов, возникающих на досудебных стадиях, психологическая активность лица, подозреваемого в совершении преступного деяния проявляется довольно ярко через двойственное стремление: с одной стороны, он пытается повлиять на субъекта расследования, а с другой – использует различные защитные механизмы против воздействия его речевых высказываний, что в психологии именуется контрсуггестией или «противовнушением». Данная форма взаимодействия представляет собой важный фактор, который формирует барьеры на пути коммуникации между следователем и подозреваемым. Следует отметить, что действие контрсуггестии значительно усиливается именно в контексте конфликтных ситуаций, что делает взаимодействие сторон особенно сложным и многогранным.

Ученые-криминалисты отмечают, что между субъектом расследования и подозреваемым могут возникать не только смысловые, но и эмоциональные барьеры. Часть исследователей акцентируют внимание на необходимости преодоления этих барьеров с целью установления эффективного и устойчивого психологического контакта [5]. В то же время другие эксперты акцентируют внимание на необходимости устранения этих барьеров для минимизации конфликтных ситуаций, возникающих в процессе производства следственных действий и в первую очередь допроса [2, с. 109]. В любом случае, преодоление таких преград играет значительную роль в практической деятельности субъекта расследования.

Тем не менее, помимо упомянутых, существует ряд иных, не менее сложных преград, препятствующих адекватной передаче информации от субъекта расследования к подозреваемому. В теории криминалистики в контексте проводимых исследований контрсуггестии определено несколько основных форм последней: «избегание», «авторитет» и «непонимание». При этом первые две можно трактовать как защитные механизмы, нацеленные на источник информации, которым в данном случае выступает субъект расследования, в то время как последнее относится непосредственно к интерпретации содержания сведений, предоставленных лицом, ведущим расследование.

Представляется целесообразным осветить указанные формы контрсуггестии в контексте следственной деятельности.

Избегание представляет собой один из наиболее радикальных методов контрсуггестии, основывающийся на сознательном уклонении от взаимодействия с субъектом расследования.

Очевидно, что контакт лица, подозреваемого в совершении преступного деяния с субъектом расследования представляет для него значительную угрозу.

На этапе предварительного расследования, когда сталкиваются интересы субъекта расследования и подследственного, у последнего нет практической возможности избежать такого контакта. В этих условиях, он, как осознанно, так и инстинктивно, начинает предпринимать все возможные меры, направленные на деноминацию поступающих сведений от лица, ведущего расследование. Так, следственной практике известен такого рода прием, когда допрашиваемый закрывает глаза и начинает медленно двигаться вперед и назад, стараясь войти в состояние, близкое к медитации, что позволяет абстрагироваться от любых внешних раздражителей, в т. ч. и действий субъекта расследования. Отказ от восприятия речи человека, в т. ч. и следователя есть эффективный метод противостояния психологическому давлению.

Авторитет представляет собой механизм действия, связанный с контрсуггестией, который заключается в следующем: лицо, подозреваемое в совершении преступного деяния, отказываясь признавать авторитет субъекта расследования, одновременно ему и не доверяет ему, что, в свою очередь, приводит к тому, что он не осознает произносимые последним слова. Вместо того чтобы подвергать сомнению информацию на основании её содержания, недоверие в данном случае персонифицируется, акцентируясь на конкретном субъекте расследования. Это недоверие является не следствием самих сведений, а свойством личности - ее источника. В данной связи можно также упомянуть о факторах надежности говорящего, как это отмечено некоторыми авторами, что подчеркивает важность воспринимаемой надежности источника информации. Важно отметить, что восприятие авторитета и доверия не ограничивается лишь индивидуальными характеристиками говорящего; оно также зависит от контекста общения и эмоциональной нагрузки, сопровождающей диалог [6, с. 148].

Непонимание в процессе коммуникации, особенно в контексте взаимодействия с подозреваемыми, проявляется с особой остротой в значимых для последних ситуациях. Это касается, в частности, ситуаций острого противостояния, сопровождающегося принятием решений, влекущих крайне серьезные последствия. В таких условиях в разы возрастает необходимость в получении уточняющих сведений и лицу становится необходимо воспринимать их, даже если они вызывают у него недоверие или затруднение в интерпретации. В этом контексте механизм непонимания активизируется проявляя себя в качестве фильтра, не пропускающего сведения содержащие ту или иную опасность для допрашиваемого. Данное явление приводит к выделению нескольких ступеней непонимания: фонетического, семантического, стилистического и логического.

Фонетический уровень непонимания может варьироваться от лёгкого недоразумения, проявляющегося в произношении отдельных слов, до полной потери понимания. Неполное понимание часто возникает не только в тех ситуациях, когда субъект расследования использует термины, незнакомые подозреваемому лицу, но и когда его речь становится быстрой, нечеткой и т. д. Кроме того, важным фактором здесь может быть использование неподходящих жестов или чрезмерная жестикуляция, что также затрудняет восприятие информации. Этот уровень фактически выступает средством обеспечения безопасности индивида от внушения, однако его действие, если будет такая необходимость, вполне реально нивелировать. Так, субъект расследования, нацеленный на извлечение информации, иногда способен уловить смысл даже в том, что на первый взгляд кажется совершенно бессмысленным потоком слов. В таких ситуациях человеком активизируется особое внимание к тому, что сказано, и это может привести к пониманию нюансов, которые были бы упущены в спокойной беседе.

Семантический уровень непонимания представляет собой серьезную преграду в процессе коммуникации, возникающую в результате многозначности используемых слов и выражений. Значение любого лексического элемента может существенно варьироваться в зависимости от контекста его употребления, что приводит к множеству возможных интерпретаций и затрудняет взаимопонимание. Важно отметить, что индивидуальные системы значений у разных участников коммуникации могут существенно различаться, что приводит к ситуациям, когда смысл, вложенный субъектом расследования в определенные термины, воспринимается подозреваемым лицом совершенно иначе. Одной из основных причин возникновения данного семантического барьера является возрастное различие между лицом, ведущим расследование и лицом, подозреваемым в совершении преступного деяния. Данная разница предполагает из принадлежность к определенным поколениям, что, в свою очередь, предполагает уникальные системы значений, отличающиеся в зависимости от культурного и исторического контекста. Кроме того, сложности в коммуникации усугубляются различиями в уровне юридической грамотности сторон. Если субъект расследования злоупотребляет специализированной терминологией, это может привести к эффекту контрсуггестии, при котором допрашиваемый начинает воспринимать информацию искаженно. Вместо того чтобы сосредоточиться на непонятных терминах и обратиться за пояснениями – что, хотя и бывает в редких случаях, – допрашиваемый зачастую делает выводы на основе собственного жизненного опыта и представлений, что лишь увеличивает дистанцию в общении между сторонами.

Логический уровень недопонимания. Субъект расследования, стоящий обоснование без учета установленных логических норм, сталкивается с тем, что подозреваемый не только

не воспринимает его доводы, но и начинает эмоционально негативно реагировать на него. Данное утверждение, хотя и может показаться очевидным, связано с психологическим аспектом, который часто остается вне поля зрения. В процессе коммуникации между людьми, прежде всего, необходимо учитывать разнообразие логических конструкций и подходов к построению суждений. Индивиды склонны считать, что единственной верной является лишь та логика, которую они применяют сами. В действительности, это представление является ограниченным и может привести к недопониманию, особенно в ситуациях, когда речь идет о взаимодействии с людьми, чьи логические схемы и стили мышления отличаются от привычных. Эффективность повседневного общения и профессионального взаимодействия в значительной мере детерминирована фактом признания права другого человека на альтернативные способы мышления. Особенно это актуально в ходе предварительного расследования, где успешность коммуникации его участников прямо пропорциональна степени осознания следователем логики, характерной для конкретного участника уголовного процесса.

Представляется важным подчеркнуть, что указанные барьеры в коммуникации не представляют собой следствие сознательных или преднамеренных попыток подозреваемого лица предостеречься от словесного давления со стороны субъекта расследования. На практике противодействие в диалоге проявляется не за счет явно выраженных действий, а как некий независимый механизм, действия которого для лица подозреваемого остаются скрытыми. Тем не менее, это не снижает значимости указанного и не снижает уровень сложности, с которым сталкивается лицо, ведущее расследование в процессе коммуникации с подозреваемым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дулов А.В. Судебная психология. Минск, 1975.
2. Криминалистика. Краткая энциклопедия / авт.-сост. Белкин Р.С. М., 1993.
3. Леонтьев А.А., Шахнорович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М., 1977.
4. Лебедев Н.Ю. Взаимосвязь и влияние поведения лица, в производстве которого находится уголовное дело, на конфликт уголовного судопроизводства // Закон и право. 2014. № 8.
5. Криминалистические средства разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций на предварительном следствии: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2000.
6. Мелибруда Е. Я – Ты – Мы: Психологические возможности улучшения общения. М., 1986.

REFERENCES

1. Dulov A.V. Judicial psychology. Minsk, 1975.
2. Criminalistics. A short encyclopedia / Author - comp. Belkin R.S. Moscow, 1993.
3. Leontiev A.A., Shakhnorovich A.M., Batov V.I. Speech in criminalistics and forensic psychology. Moscow, 1977.
4. Lebedev N.Yu. The relationship and influence of the behavior of the person in charge of the criminal case on the conflict of criminal proceedings // The law and the law. 2014. № 8.
5. Criminalistic means of conflict resolution and conflict situations during the preliminary investigation : abstract of the dissertation of the Candidate of Law. Kaliningrad, 2000.
6. Melibruda E. I – You – We: Psychological possibilities for improving communication, Moscow, 1986.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бугера Михаил Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Краснодарский университет МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

Бирюков Святослав Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса института права. Волгоградский государственный университет. 400062, г. Волгоград, проспект Университетский, 100.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bugera Mikhail Alexandrovich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 400075 Russian Federation.

Biryukov Svyatoslav Yuryevich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process at the Institute of Law. Volgograd State University. 100, Universitetskiy Ave., Volgograd 400062 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.41

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Бунова Ирина Ивановна

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация
bynva@rambler.ru

Введение: статья посвящена теоретико-правовым аспектам уголовно-правовой охраны конфиденциальности как важнейшего элемента личных прав человека в условиях современного информационного общества. В контексте глобализации, массового сбора данных и развития кибертехнологий анализируются ключевые виды конфиденциальности – физическая, информационная и организационная, их правовое закрепление в российском законодательстве, а также современные угрозы, обусловленные киберпреступностью, цифровым наблюдением и несанкционированным использованием персональных данных. Подчеркивается необходимость совершенствования и гармонизации уголовно-правовых норм с целью обеспечения эффективной защиты личной информации, достоинства и автономии личности, при сохранении баланса между правами личности и общественными интересами.

Материалы и методы: выбор материалов и методов исследования определялся кругом решаемых научных задач, направленных на выявление теоретических проблем в части понимания конфиденциальности как объекта уголовно-правовой охраны, а также на анализ действующих уголовно-правовых норм вызовам цифровой эпохи. Методологическую основу составили общий диалектический метод научного познания, а также методы логической дедукции, индукции, анализа, формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой и системно-структурный методы. Проведен анализ российского и зарубежного законодательства, научных трудов ряда исследователей. Таким образом, совокупность использованных материалов и методов обеспечила комплексный и междисциплинарный подход к решению поставленных задач.

Результаты исследования: автором проанализированы доктринальные подходы к содержанию права на конфиденциальность, нормативное регулирование в российском законодательстве, в результате чего было выявлено, что конфиденциальность характеризуется узким пониманием объекта посягательства (преимущественно, как «частной жизни»), отсутствием четкого определения «конфиденциальной информации» в уголовно-правовом контексте, а также недостаточной адаптацией к вызовам цифровой среды – таким как обработка биометрических данных, использование искусственного интеллекта, массовое наблюдение и утечки данных в результате кибератак.

Выводы и заключения: проведенное исследование показало, что действующая модель уголовно-правовой охраны конфиденциальности в Российской Федерации требует системного обновления, как в доктринальном, так и в нормативном плане. Право на конфиденциальность в цифровую эпоху трансформируется из пассивного права на уединение в активное право на информационную самоопределенность. Только при условии теоретического осмысления конфиденциальности как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны и ее интеграции в современные концепции цифровых прав, возможно обеспечение эффективной защиты достоинства, свободы и автономии личности в условиях глубокой цифровизации общества.

Ключевые слова: информационная безопасность, частная жизнь, права человека, персональные данные, цифровые технологии, киберугрозы, защита данных, личная неприкосновенность.

Для цитирования: Бунова И. И. Уголовно-правовая охрана права человека на конфиденциальность в цифровую эпоху: теоретико-правовой анализ / И. И. Бунова // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 134–139.

Original paper

CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE HUMAN RIGHT TO PRIVACY IN THE DIGITAL AGE: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Bunova Irina Ivanovna

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: this article examines the theoretical and legal aspects of criminal law protection of privacy as a crucial element of personal rights in the modern information society. In the context of globalization, mass data collection, and the development of cybertechnologies, the article analyzes key types of privacy – physical, informational, and organizational – and their legal recognition in Russian legislation, as well as contemporary threats posed by cybercrime, digital surveillance, and the unauthorized use of personal data. It emphasizes the need to improve and harmonize criminal law norms to ensure the effective protection of personal information, dignity, and autonomy, while maintaining a balance between individual rights and public interests.

Materials and methods: the choice of research materials and methods was determined by the range of research objectives, aimed at identifying theoretical problems in understanding confidentiality as an object of criminal law protection, as well as analyzing current criminal law norms to address the challenges of the digital age. The methodological basis was formed by the general dialectical method of scientific knowledge, as well as logical deduction, induction, analysis, formal legal, comparative legal, historical legal, and systemic-structural methods. An analysis of Russian and foreign legislation and the scientific works of several researchers was conducted. Thus, the combination of materials and methods used ensured a comprehensive and interdisciplinary approach to solving the tasks. Research results: The author analyzed doctrinal approaches to the content of the right to privacy and regulatory frameworks in Russian legislation. This study revealed that privacy is characterized by a narrow understanding of the object of infringement (primarily as «privacy»), the lack of a clear definition of «confidential information» in the criminal law context, and insufficient adaptation to the challenges of the digital environment – such as the processing of biometric data, the use of artificial intelligence, mass surveillance, and data leaks resulting from cyberattacks.

Findings and conclusions: the study demonstrates that the current model of criminal-law protection of privacy in the Russian Federation requires a systemic update, both doctrinal and regulatory. The right to privacy in the digital age is transforming from a passive right to privacy to an active right to informational self-determination. Only through a theoretical understanding of privacy as an independent object of criminal law protection and its integration into modern concepts of digital rights can we effectively protect the dignity, freedom, and autonomy of the individual in the context of the profound digitalization of society.

Keywords: information security, privacy, human rights, personal data, digital technologies, cyber threats, data protection, personal integrity.

For citation: Bunova I. I. Criminal-legal protection of the human right to privacy in the digital age: theoretical and legal analysis / I. I. Bunova // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 134–139.

Личные права и свободы человека выступают фундаментальными гарантиями, обеспечивающими защиту достоинства, свободы и неприкосновенности личности. Они включают в себя право на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, защиту персональных данных и другие права, направленные на охрану личной сферы человека. Однако в современных условиях глобализации и цифровизации эти права подвергаются новым вызовам и угрозам, которые трансформируют традиционные представления об их охране. Глобализация способствует расширению международных коммуникаций и обмену информацией, что одновременно увеличивает риски нарушения личных прав через трансграничные каналы. Цифровизация же создает беспрецедентные возможности для сбора, хранения и обработки персональных данных, что ставит под угрозу конфиденциальность и безопасность личной информации.

Все личные права в своей основе направлены на защиту конфиденциальности – важнейшего аспекта, связанного с информацией, затрагивающей личность человека. Конфиденциальность означает сохранение в тайне информации, которая может раскрыть личные данные, внутренние убеждения, образ жизни и иные характеристики индивида.

В современном обществе, где информационные технологии играют ключевую роль, конфиденциальность становится неотъемлемым элементом защиты личных прав, поскольку нарушение конфиденциальности ведет к утрате контроля над собственной информацией и, как следствие, к возможным злоупотреблениям, дискриминации или иным негативным последствиям для личности. Уголовное право, охраняя конфиденциальность, тем самым обеспечивает защиту информации, которая является основой для реализации других личных прав и свобод.

Современное общество характеризуется интенсивным обменом информацией, развитием цифровых технологий и новыми формами угроз. Такие посягательства на личные права могут быть связаны с наблюдением за коммуникациями (прослушивание телефонных разговоров, перехват электронной почты, интернет-трафика и cookies) с неправомерным использованием и злоупотреблениями при массовом хранении и обмене данными, наблюдении и контроле.

К технологическим решениям вторжения в личную жизнь следует отнести: сканирование сетчатки глаза, геометрии руки, сканирование большого пальца, отпечатков пальцев, распознавание голоса и оцифрованные (сохраненные в электронном виде) фотографии, ДНК-идентификация); системы идентификации (ID-карты, электронные паспорта, социальные карты); шифрование; анонимизирующие инструменты; системы автоматизированного анализа данных, социальный рейтинг и виртуальные копии личности; анонимные ремейлеры, которые исключают идентифицирующую информацию из электронных сообщений и способны блокировать процессы анализа сетевого трафика (они выступают аналогами цифровых адресов электронной почты и иных коммуникационных идентификаторов в интернете). И другие подобные технологии.

Запись действий пользователей в Интернете представляет собой серьезную угрозу конфиденциальности, поскольку при посещении сайтов серверы фиксируют IP-адрес, время и дату посещения, а некоторые сайты используют файлы «cookie» для более подробного отслеживания. Также часто требуют личные данные для доступа, а покупки онлайн регистрируются подобным образом, что ценится маркетологами и организациями для последующей продажи.

Существует ряд важных тенденций, которые способствуют вторжению в конфиденциальность:

- глобализация, которая «стирает» любые территориальные барьеры, в частности – Интернета;
- конвергенция, устраняющая технологические преграды;
- мультимедиа, позволяющие передавать данные и изображения и с легкостью переводить их в другие формы.

Информационные системы все активнее интегрируются друг с другом, что позволяет им обмениваться и совместно обрабатывать разнообразные типы данных. В связи с чем, «проблема защиты личных прав – конфиденциальности в условиях современного технологического прогресса, требует пересмотра и расширения традиционных представлений в уголовном праве» [10, с. 103].

Термин «конфиденциальность» восходит к латинскому корню «privatus», означающему «отделенный от других». В научной литературе конфиденциальность трактуется как способность индивида или социальной группы ограничивать доступ к собственной персоне или информации о себе, осуществляя при этом избирательное раскрытие таких данных [4; 7; 12]. Конфиденциальность рассматривается как правомочие субъекта самостоятельно определять степень и условия раскрытия личной информации, а также контролировать контекст, время, место и обстоятельства взаимодействия с другими лицами. В этом смысле конфиденциальность выступает как проявление автономии индивида и его права на самоопределение в сфере личной жизни. Дополнительно конфиденциальность может быть определена как состояние отсутствия коммуникативной или информационной связи между двумя или более субъектами, обусловленное их сознательным выбором не вступать во взаимодействие.

Философы права и морали предположили, что конфиденциальность должна быть сохранена в жизни каждого человека, потому что она удовлетворяет ряд основных человеческих потребностей [2; 3; 13; 14]. Границы и содержание того, что считается частным, различаются в зависимости от культур и индивидуумов, но имеют общие основные темы.

Право личности на конфиденциальность – это не просто защита информации, а комплексное право, позволяющее субъекту самостоятельно определять, когда, как и в какой степени его личные данные и аспекты жизни становятся доступными окружающим.

Конфиденциальность создает пространство, отделенное от политической жизни, обеспечивает человеку возможность сохранить автономию (иногда и анонимность) и защитить свое личное пространство от нежелательного вмешательства, что является неотъемлемой частью его свободы и достоинства.

Конфиденциальность в современном правовом дискурсе рассматривается как многогранная категория, охватывающая различные аспекты защиты личной сферы индивида. В рамках данного подхода можно выделить три основные разновидности конфиденциальности: физическая, информационная и организационная.

Физическая конфиденциальность предполагает право личности на уединение и неприкосновенность частной жизни, включая свободу от вмешательства со стороны государства или третьих лиц в принятие решений, касающихся собственного тела и здоровья. Особое значение в этом контексте приобретает медицинская конфиденциальность, «гарантирующая недопущение разглашения сведений о состоянии здоровья, диагнозах и иных медицинских данных без согласия субъекта» [6, с. 64]. Правовые основы данной формы конфиденциальности закреплены в ст. 23 Конституции России, ст. 137 УК РФ, а также в Федеральном законе от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»¹.

Информационная конфиденциальность направлена на обеспечение защиты персональных данных на всех этапах их жизненного цикла – от сбора и хранения до обработки, доступа и использования. В зависимости от характера защищаемой информации выделяют следующие ее подвиды:

а) финансовая конфиденциальность, призванная предотвращать несанкционированный доступ к данным о доходах, расходах, банковских операциях и иной финансовой активности, что способствует защите как экономических, так и личных интересов индивида;

б) интернет-конфиденциальность, связанная с контролем над объемом и характером информации, раскрываемой пользователем в цифровой среде, а также с регулированием механизмов ее отслеживания, хранения и передачи третьим лицам;

в) медицинская конфиденциальность (в контексте информационной безопасности), обеспечивающая защиту чувствительных сведений о здоровье от несанкционированного доступа и распространения.

Нормативно-правовую базу информационной конфиденциальности составляют ст. 24 Конституции России, ст. 138 УК РФ, а также федеральные законы: от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и № 152-ФЗ «О персональных данных».

Организационная конфиденциальность реализуется через внутренние регламенты, корпоративные стандарты и политику информационной безопасности, применяемые в организациях. В условиях экспансии крупномасштабных информационных систем, аккумулирующих значительные массивы персональных данных, индивид все чаще утрачивает возможность контролировать полностью и назначение используемой о нем информации. Это создает риски ее коммерческой эксплуатации или применения в целях, неизвестных и неприемлемых для субъекта данных. Правовое регулирование в данной сфере регулируется Федеральным законом от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»², а также отраслевыми нормативными актами.

Таким образом, конфиденциальность как специальный объект уголовно-правовой охраны представляет собой комплексное правовое явление, интегрирующее физические, информационные и организационные аспекты защиты частной жизни. Эффективное обеспечение этого права требует системного подхода, основанного на гармонизации конституционных гарантий, уголовно-правовых норм и профильных федеральных законов, что особенно актуально в условиях стремительной цифровизации общества и возникновения новых угроз личным правам и свободам человека.

Традиционно уголовное право защищало личность и её права прежде всего от физических посягательств и прямого вмешательства в жизнь и имущество [5; 8; 9; 11]. Однако современные вызовы, связанные с развитием информационных технологий, глобализацией и цифровизацией, требуют расширения понятия охраняемых прав и интересов.

Признание того, что право на конфиденциальность не является абсолютным и может быть ограничено в интересах общества (например, налогообложение, свобода слова), подчеркивает важность сбалансированного подхода в уголовном праве. Осознание того, что

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных». Доступ из прав. правовой системы «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Доступ из прав. правовой системы «КонсультантПлюс».

человек может сознательно ограничивать свою приватность, предоставляя личные данные в обмен на выгоды, и что такое раскрытие несет риски (хищение данных, злоупотребления), подчеркивает необходимость уголовно-правовой защиты от неправомерного использования информации.

Конфиденциальность как система всех личных прав человека включает в себя:

- право владения и распоряжения личной информацией, а также возможность защищать свои данные от незаконного использования и распространения;
- право на личные данные, позволяющее их обладателю контролировать доступ к ним и принимать решения по их использованию;
- право на информационное пространство, обеспечивая исключительное право на хранение, использование и распоряжение личной информацией;
- право на контроль и охрану своих персональных данных, а также возможность требовать ответственности за их неправомерное раскрытие или использование;
- право на информационные ресурсы, которое дает возможность обладателю управлять своей информационной сферой и защищать ее от посягательств;
- право на личную неприкосновенность, обеспечить которое позволяет контроль над доступом к личной информации и защиту от несанкционированных вмешательств;
- право на приватность, предполагающее возможность самостоятельного определения границ личной информации и защиты от ее неправомерного раскрытия.

Признание конфиденциальности в качестве составной части системы личных (неимущественных) прав гражданина укрепляет позицию индивида как субъекта, обладающего правом на контроль над сбором, использованием и распространением информации о себе. Данная концептуальная установка должна быть последовательно отражена в уголовно-правовых нормах, обеспечивая не только формальную, но и эффективную защиту информационной автономии личности в условиях цифровой среды [1, с. 27]. В совокупности эти выводы формируют понимание этого многоаспектного, динамичного и адаптивного объекта уголовно-правовой охраны, требующего комплексного подхода, способного обеспечить эффективную защиту личности в условиях современных технологических и социальных вызовов, сохраняя при этом баланс с общественными интересами и демократическими свободами.

При этом конфиденциальность – это не только индивидуальное право, но и общественное благо, обеспечивающее функционирование демократического общества через защиту свободы совести, разнообразия мнений, свободы слова и объединений.

Совокупность выявленных теоретических и правоприменительных проблем свидетельствует о необходимости закрепления в уголовном законодательстве самостоятельного понятия «конфиденциальность» как многоаспектного объекта уголовно-правовой охраны, а также терминов и дефиниций, охватывающих весь спектр современных киберугроз, посягающих на личные (неимущественные) права человека в цифровой среде.

Таким образом, конфиденциальность как объект уголовно-правовой охраны, представляет собой право личности контролировать доступ к информации о себе, включая данные о здоровье, убеждениях, финансовой и иной деятельности с возможностью избирательного раскрытия или сокрытия сведений в зависимости от обстоятельств. Это право обеспечивает защиту личной автономии и достоинства от неправомерного сбора, использования или распространения данных и охватывает физическую, информационную и организационную составляющие, закреплённые в нормативных актах Российской Федерации. В условиях цифровой трансформации конфиденциальность служит ключевым механизмом предотвращения незаконного вмешательства в частную жизнь посредством биометрии, систем идентификации, цифрового наблюдения и массового сбора данных, выступая неотъемлемым элементом уголовно-правовой защиты личных (неимущественных) прав человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бунова И.И. Техничко-юридическое конструирование уголовно-правовых норм: понятие и значение (на примере составов преступлений против личных прав и свобод человека и гражданина) // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1.
2. Гоббс Т. О гражданине // Собрание сочинений: в 2 т. М., 1989. Т. 1.
3. Горнова Г.В. Урбанистические истоки демократии и либерализма // Вестник Омского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные исследования». 2017. № 4.
4. Камалова Г.Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020.

5. Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.
6. Рубанова М.Е., Портенко Н.Н., Масляков В.В. Правовые аспекты врачебной тайны // Журнал прикладных исследований. 2021. № 2.
7. Семашко А.В. Правовые основы оборота информации с ограниченным доступом (конфиденциальной информации) в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
8. Сидоренко Э.Л. О статусе потерпевшего в уголовном праве // Журнал российского права. 2011. № 4.
9. Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1999.
10. Трунцевский Ю. В. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру: уголовная ответственность ее владельцев и эксплуатантов // Журнал российского права. 2019. № 5.
11. Фаргиев И. А. Учение о потерпевшем в уголовном праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
12. Фатьянов А.А. Тайна и право (основные системы ограничений на доступ к информации в российском праве): монография. М., 1998.
13. Bratu C., Dittnezer M. Theorien des Liberalismus zur Einführung. Hamburg: Junius. 2017.
14. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2015.

REFERENCES

1. Bunova I.I. Technical and Legal Construction of Criminal Law Norms: Concept and Meaning (Based on the Example of Crimes against the Personal Rights and Freedoms of Man and Citizen) // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. 2023. № 1.
2. Hobbes T. On the Citizen // Collected Works: in 2 vol. Moscow, 1989. Vol. 1.
3. Gornova G.V. Urban Origins of Democracy and Liberalism // Vestnik of Omsk State Pedagogical University. Series «Humanitarian Studies». 2017. № 4.
4. Kamalova G.G. Legal Support of Information Confidentiality in the Context of the Development of the Information Society: Abstract of a Doctor of Law Dissertation. Moscow, 2020.
5. Martynenko N.E. Criminal-legal protection of the victim: author's abstract. diss. ... PhD in Law. Moscow, 2015.
6. Rubanova M.E., Portenko N.N., Maslyakov V.V. Legal aspects of medical confidentiality // Journal of Applied Research. 2021. № 2.
7. Semashko A.V. Legal basis for the circulation of information with limited access (confidential information) in the Russian Federation: author's abstract. diss.... PhD in Law. Moscow, 2008.
8. Sidorenko E.L. On the status of the victim in criminal law // Journal of Russian Law. 2011. № 4.
9. Sidorov B.V. Behavior of Crime Victims and Criminal Liability: Dis. ... Doctor of Law. Kazan, 1999.
10. Truntsevsky Yu.V. Unlawful Impact on Critical Information Infrastructure: Criminal Liability of Its Owners and Operators // Journal of Russian Law. 2019. № 5.
11. Fargiev I.A. The Doctrine of the Victim in the Criminal Law of Russia: Abstract of a Doctor of Law Dissertation. Moscow, 2005.
12. Fatyanov A.A. Secrecy and Law (Main Systems of Restrictions on Access to Information in Russian Law). Monograph. Moscow, 1998.
13. Bratu C., Dittnezer M. Theorien des Liberalismus zur Einführung. Hamburg: Junius. 2017.
14. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бунова Ирина Ивановна, кандидат юридических наук, докторант. Академия управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bunova Irina Ivanovna, PhD in Law, doctoral student. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexandra Kosmodemyansky St., 125993 Moscow Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2025. № 4(115). – С. 140–145.
Jurist-Pravoved. 2025. № 4(115). – Pp. 140–145.

Научная статья
УДК 343.3/7

ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА БИОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Витвицкая Светлана Сергеевна

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
omar67@yandex.ru

Кейдунова Елена Резовна

Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
t2i8glr2@yandex.ru

Введение: в статье определяются видовые признаки преступлений, посягающих на биологическую безопасность, формулируется теоретическое определение этих преступлений, предлагается их классификация, вносятся предложения по совершенствованию описания основных и квалифицированных составов соответствующих преступлений с точки зрения языка уголовного закона и законодательной конструкции. Цель исследования состоит в выработке рекомендаций, направленных на совершенствование уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за посягательства на биологическую безопасность.

Материалы и методы: методологическую основу исследования образует диалектический, формально-логический и системно-структурный методы. Эмпирический материал был получен статистическим, социологическим методами, посредством контент-анализа и анализа документов.

Результаты исследования: сформулировано понятие преступлений, посягающих на биологическую безопасность и создания их научной классификации.

Выводы и заключения: сформулированы предложения, направленные на совершенствование уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за криминальные угрозы биобезопасности.

Ключевые слова: биологическая безопасность, преступления, классификация, криминообразующие признаки, квалифицирующие признаки.

Для цитирования: Витвицкая С. С., Кейдунова Е. Р. Понятие, виды, законодательное описание преступных посягательств на биологическую безопасность / С. С. Витвицкая, Е. Р. Кейдунова // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 140–145.

Original paper

THE CONCEPT, TYPES, AND LEGISLATIVE DESCRIPTION OF THE SIGNS OF CRIMES THAT INFRINGE ON BIOLOGICAL SAFETY

Vitvitskaya Svetlana Serjeevna

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Keydunova Elena Rezovna

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article defines the specific features of crimes that infringe on biological safety, formulates a theoretical definition of these crimes, suggests their classification, and makes proposals to improve the description of the main and qualified elements of the relevant crimes in terms of the language of the criminal law and legislative structure. The purpose of the study is to develop recommendations aimed at improving criminal law norms that establish responsibility for encroachments on biological safety.

Materials and methods: the methodological basis of the research is formed by dialectical, formal-logical and system-structural methods. Empirical material was obtained by statistical, sociological methods, through content analysis and document analysis.

Results of the study: the concept of crimes infringing on biological safety and the creation of their scientific classification is formulated.

Findings and conclusions: proposals were formulated aimed at improving criminal law norms providing for liability for criminal threats to biosafety.

Keywords: biological safety, crimes, classification, criminalizing signs, qualifying signs.

For citation: Vitvitskaya S. S., Keydunova E. R. The concept, types, and legislative description of the signs of crimes that infringe on biological safety / S. S. Vitvitskaya, E. R. Keydunova // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 140–145.

Биологическая безопасность является важной составляющей национальной безопасности. Возникновение чрезвычайных биологических ситуаций масштаба эпидемии, эпизоотии и эпифитотии создает угрозу интересам личности, общества, государства. Массовые особо опасные инфекционные заболевания влекут многочисленные вредные последствия: прямые (причинение вреда здоровью и жизни гражданского населения, потери вооруженных сил, загрязнение окружающей среды, гибель животных и растений) и опосредованные (социально-политический, морально-психологический, социально-экономический, организационный и иной вред).

В научной литературе термин «биологическая безопасность» трактуется как обеспечение безопасности на потенциально опасных биологических объектах [1, с. 112; 2, с. 96] либо как состояние защищенности людей, сельскохозяйственных животных и растений, окружающей природной среды от воздействия опасных биологических факторов [3, с. 76].

Мы разделяем вторую точку зрения, поскольку биологические угрозы возникают не только на потенциально опасных биологических объектах, но и в окружающей среде, а также в сфере сельскохозяйственной, производственной, медицинской, научно-исследовательской и иной деятельности человека.

Ученые неоднократно предпринимали попытки выявить, классифицировать и терминологически обозначить факторы, угрожающие биологической безопасности. Некоторые исследователи выступают за использование двух понятий: 1) «биологическая угроза» – для обозначения умышленных и неосторожных деяний человека, совершаемых с использованием веществ биологической природы; 2) «биологическая опасность» – для биологически опасных факторов естественного происхождения [4, с. 189; 5, с. 60].

По мнению ряда авторов, оптимальным является термин «биологические угрозы», который охватывает неконтролируемое распространение патогенных микроорганизмов из естественных природных резервуаров; массовые вспышки инфекционных болезней естественного происхождения; аварии на биологически опасных объектах; использование патогенных микроорганизмов в военных, диверсионных и террористических целях [6; 7].

Последняя точка зрения соответствует позиции законодателя. В документах стратегического планирования и нормативно-правовых актах в качестве универсального используется термин «угроза». Так, Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в РФ» причисляет к биологическим угрозам: потенциально опасные биологические факторы (патогенные биологические агенты, паразитические организмы и содержащие их объекты), способные привести к возникновению и (или) распространению заболеваний с развитием эпидемий, эпизоотий, эпифитотий, массовых отравлений (п. 5 ст. 1). В ст. 8 вышеуказанного закона перечисляются биоугрозы естественного и искусственного (антропогенного) происхождения. К антропогенным угрозам, с которыми можно бороться средствами уголовного права, следует отнести: проектирование и создание потенциально опасных биологических агентов с помощью биологических и иных смежных технологий (п. 4); использование потенциально опасных биологических агентов в качестве биологического оружия, в целях совершения диверсий и (или) террористических актов (п. 8, 11); аварии, диверсии и (или) террористические акты на объектах, на которых находятся источники биологической опасности и (или) проводятся работы с патогенными биологическими агентами (п. 8).

Уголовно-правовые нормы, направленные на противодействие криминальным угрозам биобезопасности, условно можно разделить на три вида.

В первую группу входят нормы, устанавливающие ответственность за нарушения правил безопасности на объектах, где находятся источники биологической опасности (ст. 247, 248 УК РФ) и нарушения правил, направленных на противодействие опасным инфекционным заболеваниям (ст. 236, 249 УК РФ).

Вторая группа норм предусматривает ответственность за деяния, направленные на создание биологического оружия массового поражения и деяния, создающие условия для этого: незаконная разработка биологического (токсинного) оружия (ст. 355 УК РФ); ненадлежащая охрана предметов, которые могут быть использованы при создании биологического (токсинного) оружия (ч.2 ст. 225 УК РФ); незаконный экспорт (п. в ч. 2 ст. 189 УК РФ) и контрабанда подобных предметов (ч. 1.1, п. г ч. 2 ст. 226.1 УК РФ).

Третьи нормы криминализируют использование патогенных биологических агентов в преступных целях: террористический акт (п. а ч.3 ст. 205 УК РФ), диверсия (п. а ч. 3 ст. 281 УК РФ); применение биологического (токсинного) оружия массового поражения (ч. 2 ст. 356 УК РФ), экоцид (ст. 358 УК РФ).

Все преступные посягательства на биобезопасность имеют определенное видовое сходство. Во-первых, одним из непосредственных объектов этих многообъектных составов преступлений выступает биобезопасность.

Во-вторых, важную роль в механизме совершения большинства преступлений играют опасные биологические агенты, выступая в качестве предмета, средства или орудия.

В-третьих, потенциальная вредоносность вышеуказанных преступлений определяется свойствами патогенных биологических агентов, которые способны привести к распространению особо опасных инфекций и возникновению чрезвычайных биологических ситуаций масштаба эпидемии (пандемии), эпизоотии (панэпизоотии), эпифитотии (панэпифитотии) с тяжелыми социальными, экологическими, экономическими, организационными, военными, геополитическими последствиями.

Учитывая видовое сходство преступных посягательств на биобезопасность, можно дать им научное определение. По нашему мнению, преступления, посягающие на биологическую безопасность, – это общественно-опасные, противоправные, уголовно-наказуемые деяния, способные привести к распространению особо опасных инфекционных заболеваний, вызываемых патогенными биологическими агентами, и создающие опасность возникновения чрезвычайных биологических ситуаций масштаба эпидемии, эпизоотии, эпифитотии с тяжелыми социальными, экологическими, экономическими, организационными, военными, геополитическими последствиями.

В научных трудах, посвященных проблемам уголовного законодательства и законодательной техники, рекомендуется: в нормах, устанавливающих ответственность за преступления, обладающие видовым сходством, использовать унифицированную терминологию, соответствующую базовому законодательству; избирать сходную конструкцию основных составов и использовать типовой набор отягчающих признаков при конструировании квалифицированных составов [8].

Анализ уголовно-правовой основы противодействия криминальным угрозам биобезопасности заставляет сделать вывод о ее законодательно-техническом несовершенстве в этой части.

Дело в том, что в нормах базового законодательства и иных нормативно-правовых актах (стандартов, правил, инструкций) используется универсальный термин «патогенный биологический агент» (ПБА), который охватывает все разновидности опасных биологических агентов (бактерий, вирусов, риккетсий, хламидий, грибов, прионов), включая генно-инженерно-модифицированные, а также яды биологического происхождения (токсины). Этот термин отражает общее свойство этих агентов: способность вызывать в организме человека, животного или растения тяжелое инфекционное состояние (болезнь, носительство, отравление), распространение которого может привести к чрезвычайным ситуациям биологического характера (эпидемиям, эпизоотиям, эпифитотиям).

В нормах уголовного закона, регламентирующих ответственность за посягательства на биобезопасность, используются две формулировки «патогенные биологические агенты» и «бактериологические вещества и отходы».

Учитывая рекомендации специалистов в области законодательства, предлагаем в статьях, предусматривающих уголовную ответственность за посягательства на биобезопасность, употреблять единую, соответствующую базовым нормативным актам, терминологию. В частности, в ст. 247 УК РФ следует использовать формулировку «вещества и отходы, содержащие патогенные биологические агенты». Содержание этого термина надлежит раскрыть в примечании к первой из уголовно-правовых норм, обеспечивающих биобезопасность, указав, что «патогенными биологическими агентами признаются биологические агенты и токсины, способные вызвать в организме человека, животного или растения инфекционное заболевание, характеризующееся тяжелым течением и быстрым распространением».

В диспозициях п. в ч. 2 ст. 189, ч. 2 ст. 225 УК РФ необходимо детализировать понятие «оружие массового поражения», включив в его перечень биологическое (токсинное) оружие, как это сделано в других нормах уголовного закона (ст. 355 УК РФ, и ч. 2 ст. 356 УК РФ). В примечании к ст. 189 УК РФ надо указать, что «биологическое и токсинное оружие массового поражения – это оружие, действие которого основано на использовании свойств патологических биологических агентов, вызывающих эпидемии, эпизоотии или эпифитотии».

Необходимо также уточнить место совершения преступления в составах террористического акта (п. а ч. 3 ст. 205 УК РФ) и диверсии (п. а ч. 3 ст. 281 УК РФ), используя формулировку ФЗ «О биологической безопасности», «объект, на котором находится источник биологической опасности и (или) проводятся работы с патогенными биологическими агентами».

К числу недостатков уголовного закона следует отнести и просчеты, допущенные при конструировании основных и квалифицированных составов рассматриваемых преступлений. Так, в некоторых основных составах криминальных посягательств на биобезопасность криминообразующим признаком признается угроза причинения преступного вреда и реальный вред (ч. 1 ст. 236, 358 УК РФ). Это законодательное решение безусловно ошибочно, поскольку формальные и материальные составы обладают разным уровнем общественной опасности и требуют градации наказания для соблюдения принципа справедливости.

По нашему мнению, все основные составы криминальных посягательств на биобезопасность, должны быть формальными. Криминообразующим признаком в частях первых статей 236, 248, 249 УК РФ надо сделать «угрозу причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде». Условием уголовной ответственности в ч. 2 ст. 225 необходимо признать «угрозу наступления тяжких последствий», а в ч. 1 ст. 358 – «угрозу возникновения чрезвычайной ситуации биологического характера». В примечании к ст. 358 необходимо указать, что «чрезвычайная ситуация биологического характера – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате распространения опасного инфекционного заболевания среди значительной массы растений, животных, людей повлекших за собой причинение вреда их здоровью и гибель, а также причинение иного существенного вреда окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей».

Трудно согласиться и с тем, что однородный вред в законе описывается с помощью различных терминов и формулировок. Так, крупномасштабный физический вред обозначается как: «эпидемия» (ч. 1 ст. 248); «массовое заболевание людей» (ч. 3 ст. 247, ч. 1 ст. 236 УК РФ); «смерть двух и более лиц» (ч. 3 ст. 236, ч. 3 ст. 248 УК РФ).

Для обозначения крупномасштабного экологического вреда используются формулировки: «массовая гибель животных» (ч. 2 ст. 247 УК РФ); «эпизоотия» (ч. 1 ст. 248, ч. 1 ст. 249 УК РФ); «массовое уничтожение растительного или животного мира» (ст. 358 УК РФ). Особой критики заслуживает отсутствие упоминания в ч. 1 ст. 248 и ч. 2 ст. 249 УК о массовом уничтожении растений (эпифитотии), хотя это последствие находится в прямой причинно-следственной связи с нарушениями правил биобезопасности, описанных в этих нормах.

На наш взгляд, для обозначения широкомасштабного физического вреда целесообразно использовать термин «эпидемия», под которым понимается массовое инфекционное заболевание, характеризующееся быстрым распространением, тяжелым течением и высоким уровнем смертности населения.

Для обозначения широкомасштабного вреда животному и растительному миру гораздо лучше использовать термины «эпизоотия» и «эпифитотия», так как опасные инфекционные заболевания животных и растений характеризуются быстрым распространением, тяжелым течением, массовой гибелью живых организмов. Собирательное понятие «иные тяжкие последствия» следует употребить для обозначения иных разновидностей преступного вреда (экологического, экономического, организационного, политического и др.), сопутствующего эпидемиям, эпизоотиям, эпифитотиям. Заметим, что этот прием использовал законодатель в ст. 225, ч. 1 ст. 248, ч. 1, 2 ст. 249 УК РФ.

Характер вреда (физический или экологический) и его размеры (локальный или широкомасштабный вред, позволяющий отнести событие к чрезвычайной ситуации, связанной с биологической опасностью) необходимо учитывать при дифференциации ответственности.

К числу самых опасных последствий необходимо отнести «эпидемию», признаками которой являются массовые заболевания, превышение допустимого уровня причинения вреда здоровью и (или) наступление смерти двух и более лиц.

Менее опасны такие последствия, как распространение эпизоотий и эпифитотий, признаками которых выступают превышение допустимого уровня причинения вреда фауне и флоре и (или) окружающей среде, включая массовую гибель животных или растений.

Преступления, посягающие на биологическую безопасность, – это общественно-опасные, противоправные, уголовно-наказуемые деяния, способные привести к распространению особо опасных инфекционных заболеваний, вызываемых патогенными биологическими агентами, и создающие опасность возникновения чрезвычайных биологических ситуаций масштаба эпидемии, эпизоотии, эпифитотии с тяжелыми социальными, экологическими, экономическими, организационными, военными, геополитическими последствиями.

Диспозиции норм, устанавливающих ответственность за преступления против биобезопасности, следует конструировать с использованием унифицированной терминологии, соответствующей базовому законодательству.

Основные составы необходимо сконструировать как формальные. Квалифицированные и особо квалифицированные составы должны быть материальными.

Характер преступного вреда (физический или экологический) и его размеры (локальный или широкомасштабный вред, позволяющий отнести событие к чрезвычайной биологической ситуации) необходимо учитывать при дифференциации ответственности.

Крупномасштабный преступный вред следует обозначать не казуистически, а абстрактно с помощью формулировок «распространение эпидемий»; «распространение эпизоотий» «распространение эпифитотий», «причинение иных тяжких последствий».

Наиболее суровое наказание надлежит назначать за деяния, влекущие, распространение эпидемии, признаками которой являются массовое заболевание людей, превышение допустимого уровня причинения вреда здоровью и (или) наступление смерти двух и более лиц.

Менее строгое наказание следует предусмотреть за такие последствия как распространение эпизоотий и эпифитотий, признаками которых выступают превышение допустимого уровня причинения вреда фауне и флоре и (или) окружающей среде, включая массовую гибель животных или растений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коломбет Л.В., Дядищев Н.Р., Доброхотеский О.Н., Зиновьев Г.А. Обеспечение биологической безопасности при работе с патогенными биологическими агентами на основе системного подхода по управлению биорисками // Медицина экстремальных ситуаций. 2011. № 3(37).
2. Тюрин Е.А., Храмов М.В., Дятлов И.А. Анализ выполнения требований по обеспечению биологической безопасности на потенциально опасном объекте // Проблемы особо опасных инфекций. 2018. № 2.
3. Онищенко Г.Г., Топорков В.П., Смоленский В.Ю., Топорков А.В. Современные представления о биологической безопасности: эволюция взглядов, узкий и широкий формат содержания проблемы // Инфекционные болезни: Новости. Мнения. Обучение. 2016. № 1(14).
4. Суранова Т.Г., Никифоров В.В. Состояние нормативной правовой базы по классификации биологических угроз // Эпидемиология и инфекционные болезни. 2016. № 21(4).
5. Завриев С., Колесников А. Риски и угрозы в сфере биобезопасности: анализ проблем и поиск решений в современных условиях // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 9.
6. Евстигнеев В.И. Биологическое оружие и проблемы обеспечения биологической безопасности. Тезисы лекции, прочитанной 25 марта и 8 апреля 2003 г. в Московском физико-техническом институте для слушателей курса «Режим нераспространения и сокращения оружия массового уничтожения и национальная безопасность». URL: <https://armscontrol.ru/course/lectures03a/viye30325a.htm> (дата обращения: 16.03.2025).
7. Онищенко Г.Г., Попова А.Ю., Топорков В.П., Смоленский В.Ю., Щербакова С.А. Современные угрозы и вызовы в области биологической безопасности и стратегия противодействия // Проблемы особо опасных инфекций. 2015. № 3.
8. Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права: избранные статьи (2000–2009 гг.). Ярославль, 2010.

REFERENCES

1. Kolombet L. V., Dyadishchev N.R., Dobrohotetsky O.N., Zinoviev G.A. Ensuring biological safety when working with pathogenic biological agents based on a systematic approach to biorisk management // *Medicine of extreme situations*. 2011. № 3(37).
2. Tyurin E.A., Khramov M.V., Dyatlov I.A. Analysis of compliance with biological safety requirements at a potentially dangerous facility // *Problems of especially dangerous infections*. 2018. № 2.
3. Onishchenko G. G., Toporkov V.P., Smolensky V.Yu., Toporkov A.V. Modern concepts of biological safety: evolution of views, narrow and wide format of the problem content // *Infectious diseases: News. Opinions. Training*. 2016. № 1 (14).
4. Suranova T.G., Nikiforov V.V. The state of the regulatory legal framework for the classification of biological threats // *Epidemiology and infectious diseases*. 2016. № 21(4).
5. Zavriev S., Kolesnikov A. Risks and threats in the field of biosafety: problem analysis and search for solutions in modern conditions // *World economy and international relations*. 2015. № 9.
6. Evstigneev V.I. Biological weapons and problems of biological safety. Abstracts of a lecture delivered on March 25 and April 8, 2003 at the Moscow Institute of Physics and Technology for students of the course «The regime of non-proliferation and reduction of weapons of mass destruction and national security». URL: <https://armscontrol.ru/course/lectures03a/viye30325a.htm> (date of access: 16.03.2025).
7. Onishchenko G.G., Popova A.Yu., Toporkov V.P., Smolensky V.Yu., Shcherbakova S.A. Modern threats and challenges in the field of biological safety and counteraction strategy // *Problems of particularly dangerous infections*. 2015. № 3.
8. Kruglikov L.L. Problems of the theory of criminal law: selected articles (2000–2009). Yaroslavl, 2010.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Витвицкая Светлана Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин. Донской государственный технический университет. 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.

Кейдунова Елена Резовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета. Южный Федеральный Университет. 344007, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 88.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vitvitskaya Svetlana Serjeevna, PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines. Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344003 Russian Federation.

Keydunova Elena Rezovna, PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the Faculty of Law. Southern Federal University. 88, Maxim Gorky St., Rostov-on-Don 344007 Russian Federation.,

Научная статья
УДК 321

АНАЛИЗ РОЛИ ЭЛИТ В ЭВОЛЮЦИИ ПРОПАГАНДИСТСКИХ ПРАКТИК

Григорян Давид Кромвелович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
davo-davo23@mail.ru

Введение: в современном мире роль пропаганды в формировании общественного сознания и управлении массовыми настроениями приобретает особое значение.

Политическая власть немислима без способности воздействовать на восприятие реальности, направлять внимание граждан и задавать рамки допустимого дискурса. Эволюция пропагандистских практик отражает не только развитие политических систем, но и изменения в технологиях коммуникации, структурах власти и формах общественного контроля. В условиях цифровизации и информационной глобализации пропаганда становится ключевым элементом политического управления, влияя на устойчивость государственности и уровень национальной безопасности. Следовательно, исследование исторических этапов и современных форм пропагандистской деятельности является актуальной задачей для политической науки, требующей системного анализа и выработки теоретических основ противодействия манипулятивным практикам.

Материалы и методы: в процессе исследования использовался междисциплинарный подход, сочетающий методы политологии, социологии, психологии и коммуникативистики. Использовались системно-структурный и историко-компаративный методы, позволяющие выявить закономерности трансформации пропаганды от древности до цифровой эпохи. Применялись элементы дискурс-анализа и контент-анализа для изучения символических форм воздействия и медиатекстов различных периодов. Эмпирической базой послужили научные публикации отечественных и зарубежных исследователей, а также статистические и архивные источники, иллюстрирующие механизмы функционирования пропагандистских институтов в XX–XXI вв.

Результаты исследования: установлено, что эволюция пропагандистских практик напрямую связана с развитием политических институтов и технологий коммуникации. Пропаганда прошла путь от религиозно-символических форм легитимации власти в древности до цифровых алгоритмов и сетевых коммуникаций в современности. В XX веке она оформилась как самостоятельный институт политического управления, активно использовавшаяся как тоталитарными, так и демократическими режимами. Современный этап характеризуется децентрализацией пропаганды и ее интеграцией в цифровую среду: алгоритмы социальных сетей, микротаргетинг и искусственный интеллект обеспечивают точечное воздействие на массовое сознание. В результате усиливается значение медиаграмотности и критического мышления как ключевых инструментов противодействия информационно-психологическим манипуляциям.

Выводы и заключения: пропаганда во все исторические периоды служила инструментом легитимации и контроля, изменяя формы, но сохраняя функции. В цифровую эпоху она утратила централизованный характер и приобрела сетевую структуру, что усилило ее влияние на массовое сознание. Эффективное противодействие современным пропагандистским практикам требует укрепления информационного суверенитета государства и развития критического мышления граждан как основы национальной безопасности.

Ключевые слова: пропаганда, пропагандистские практики, информационно-психологическое воздействие, политические системы, политика.

Для цитирования: Григорян Д. К. Анализ роли элит в эволюции пропагандистских практик / Григорян Д. К. // Юрист-Правоведъ: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 146–152.

Original paper

ANALYSIS OF THE ROLE OF ELITES IN THE EVOLUTION OF PROPAGANDA PRACTICES

Grigoryan David Kromvelovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: in the modern world, the role of propaganda in shaping public consciousness and managing mass sentiment is particularly significant. Political power is unthinkable without the ability to influence perceptions of reality, direct citizens' attention, and set the boundaries of acceptable discourse. The evolution of propaganda practices reflects not only the development of political systems but also changes in communication technologies, power structures, and forms of public control. In the context of digitalization and information globalization, propaganda is becoming a key element of political governance, influencing the stability of statehood and the level of national security. Consequently, studying the historical stages and contemporary forms of propaganda activity is a pressing task for political science, requiring a systemic analysis and the development of theoretical foundations to counteract manipulative practices.

Materials and methods: the study utilized an interdisciplinary approach, combining methods from political science, sociology, psychology, and communication studies. Systemic-structural and historical-comparative methods were employed to identify patterns in the transformation of propaganda from antiquity to the digital age. Discourse and content analysis were used to study symbolic forms of influence and media texts from various periods. The empirical basis was provided by scholarly publications by domestic and international researchers, as well as statistical and archival sources illustrating the mechanisms of propaganda institutions in the 20th and 21st centuries.

Results of the study: the study found that the evolution of propaganda practices is directly linked to the development of political institutions and communication technologies. Propaganda has evolved from religious and symbolic forms of legitimizing power in ancient times to digital algorithms and online communications in modern times. In the 20th century, it emerged as an independent institution of political governance, actively used by both totalitarian and democratic regimes. The current era is characterized by the decentralization of propaganda and its integration into the digital environment: social media algorithms, microtargeting, and artificial intelligence provide targeted influence on mass consciousness. As a result, the importance of media literacy and critical thinking as key tools for countering information and psychological manipulation is increasing.

Findings and conclusions: propaganda has served as a tool of legitimization and control throughout history, changing its forms but maintaining its functions. In the digital age, it has lost its centralized nature and acquired a networked structure, which has increased its influence on mass consciousness. Effective counteraction to modern propaganda practices requires strengthening the state's information sovereignty and developing citizens' critical thinking as the foundation of national security.

Keywords: propaganda, propaganda practices, information and psychological influence, political systems, politics.

For citation: Grigoryan D. K. Analysis of the role of elites in the evolution of propaganda practices / D. K. Grigoryan // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 146–152.

В истории развития политических систем пропаганда играет роль одного из ключевых и универсальных инструментов власти. С момента возникновения организованных форм правления политика немыслима без стремления влиять на массовое сознание, формировать восприятие действительности и задавать рамки допустимого мышления. Этим и объясняется интерес к феномену информационно-психологического воздействия, которое в совокупности методов, технологий и символических средств обеспечивает управляемость общественных настроений, легитимность власти и мобилизацию граждан на выполнение политических задач.

Научное осмыслением феномена пропаганды началось в первой половине XX века, что неразрывно связано с работами политологов-классиков Гарольда Лассуэлла, Эдварда Бернейса и Жака Эллюля, где пропаганда рассматривалась как рационально организованная

деятельность по формированию общественного мнения. В дальнейшем в политологической и социологической мысли утвердилось понимание пропаганды как формы информационно-психологического воздействия, направленного на создание картины мира, необходимой действующей власти. Современные исследователи связывают пропаганду с концептами «символического насилия», разработанным французским философом Пьером Бурдьё, «манипуляции сознанием» советского публициста Сергея Кара-Мурза, а также феноменами «постправды» и «фейковых нарративов».

Пропаганда – явление многомерное, находящееся на пересечении политической науки, социологии, психологии и коммуникативистики. Это умышленное, систематическое распространение информации с целью влиять на мнение, установки или поведение определенных групп; выделяющими её признаками являются целенаправленность и манипулятивный характер. В политологической традиции пропаганда трактуется как разновидность информационно-психологического воздействия, отличающаяся целевой ориентацией и инструментальной функцией. Американский политолог Гарольд Лассуэлл в классических работах рассматривал феномен пропаганды как управление коллективным установками через манипуляцию символами, тогда как Уолтер Липпман, автор оригинальной концепции общественного мнения, обращал внимание на конструирование «псевдосреды», в которой человек воспринимает социальную реальность. Эти теоретические интуиции сохраняют актуальность и сегодня: изменилась форма коммуникации, но не логика воздействия. Эдвард Бернейс – один из основателей современной теории связей с общественностью считал пропаганду неотъемлемым элементом демократии, поскольку она обеспечивает согласие масс с решениями элиты. Французский философ Жак Эллюль, напротив, видел в ней средство тотального контроля над индивидом в индустриальном обществе, где человек погружается в поток идеологических сообщений и теряет способность к критическому восприятию.

Методологически исследование пропаганды базируется на нескольких взаимодополняющих подходах, каждый из которых позволяет выявить разные уровни ее функционирования – от индивидуальной психологии восприятия до структурных форм власти и коммуникации (табл. 1).

Таблица 1

Методологические подходы к рассмотрению пропаганды

Подход	Основная идея	Методологические инструменты	Пример применения
Социально-психологический	Исследует механизмы внушения, подражания, идентификации	Психологические опросы, эксперименты, анализ эмоциональных реакций масс	Изучение восприятия военной риторики в СМИ и социальных сетях
Коммуникативный	Рассматривает пропаганду как вид политической коммуникации	Модель «отправитель - сообщение - канал - аудитория», контент-анализ, медиаметрия	Анализ трансляции политических лозунгов в телевизионных новостях
Структурно-властный	Анализирует пропаганду как форму символического насилия и властного дискурса	Дискурс-анализ, критическая теория, кейс-стади	Исследование политических речей и их роли в воспроизводстве легитимности власти

Пропаганда тесно связана с такими понятиями как агитация, манипуляция и паблик рилейшнз, но имеет принципиальные отличия. Агитация обладает краткосрочным и мобилизационным характером (например, избирательных кампаниях), тогда как пропаганда формирует долгосрочные убеждения. Манипуляция подразумевает скрытый характер воздействия, тогда как пропаганда может быть открытой и институционализированной. PR, возникший в XX в., частично наследует методы пропаганды, но стремится создать двустороннюю коммуникацию между властью и обществом.

Первые формы пропаганды появились в период осознания властью необходимости удержания подданных не только силой, но и убеждением. Уже в древнем Египте и Месопотамии божественный образ правителя служил инструментом легитимации – фараон изображался победителем, окруженным богами, а ассирийские барельефы представляли царя как воплощение космического порядка. Однако именно Рим превратил воздействие на общественное сознание в системный политический механизм, соединив риторику, архитектуру и ритуал в единую систему укрепления авторитета государства.

Римская республика и империя выстроили разветвленную систему символического воздействия, где ораторское искусство, монеты и монументальные сооружения выполняли роль медиума власти. Речь древнеримского оратора Цицерона напротив Каталины и «Записки о Галльской войне» Цезаря демонстрируют, как слово формирует массовое восприятие и легитимирует власть. Триумфальные арки, монеты с надписью *Divus Augustus Pater Patriae* (божественный Август отец Отечества), а также публичные праздники и игры транслировали идею божественного происхождения власти и создавали образ единства империи. В римской пропаганде особое место занимал образ врага, варвары изображались как воплощение хаоса и угрозы цивилизации, тогда как Рим, как носитель порядка (*ordo*). Эта бинарная оппозиция «мы – они» – стала универсальной моделью политической коммуникации, пережившей античность и сохранившейся в идеологических конфликтах последующих эпох.

После падения Римской империи традиции символического воздействия не исчезли, а трансформировались в религиозную форму. Средневековая церковь унаследовала и развила механизмы убеждения – от монументальной архитектуры и литургии до иконографии и проповеди, формировавших коллективное сознание верующих. Изобретение печатного станка в XV в. стало поворотным моментом: информация утратила сакральную монополию и превратилась в инструмент политической борьбы. Реформация, памфлеты времен Французской революции, революционные газеты XIX в. – все это механизмы перехода от сакральной к светской пропаганде.

В индустриальную эпоху пропаганда приобрела массовый характер. История развития пропагандистских практик тесно связана с изменением технических условий развития: появление газет, плакатов, а позже и кино превратило воздействие на общественное мнение в технологически организованную деятельность. XX век стал эпохой, когда пропаганда превратилась в самостоятельный институт власти. Первая мировая война показала, что исход военных действий во многом зависит от способностей государства управлять восприятием и настроением масс. Создание в 1917 г. Комитета общественной информации в США, возглавленного Джорджем Крилом, стало примером того, как демократические режимы начали использовать пропаганду системно. Комитет, по сути, превратившийся в Министерство информации, координировал распространение государственных сообщений внутри страны и за ее пределами, а также осуществлял «добровольную» цензуру в прессе. Среди его инструментов были пропагандистские фильмы – «Крестоносцы Першинга», «Ответ Америки», «Под четырьмя флагами», выпуск брошюр на основных европейских языках, организация митингов и выступления четырехминутчиков – добровольных ораторов, призванных мобилизовать общественное мнение. Деятельность Комитета отличалась активной манипуляцией фактами и апелляцией к патриотическим эмоциям, что сделало его одной из первых государственных лабораторий массовой коммуникации и предтечей пропагандистских систем тоталитарных режимов [8].

Наиболее развитую и централизованную форму пропаганды продемонстрировала нацистская Германия. Немецкий политик Йозеф Геббельс, возглавивший в 1933 г. Министерство народного просвещения и пропаганды, установил полный государственный контроль над медиа и культурой, превратив их в инструмент тотального идеологического воздействия. Опираясь на демагогическую риторику, тщательно инсценированные массовые мероприятия и широкое использование радио и кинематографа, он создал систему, способную формировать эмоциональное единство нации и внедрять идеи национал-социализма, одновременно демонизируя политических противников и меньшинств [4]. В своих речах Геббельс Й. подчеркивал, что «настоящая пропаганда не терпит нейтральных зон» – этот тезис стал концептуальной основой современного понимания идеологического контроля.

Геббельс исходил из убеждения, что эмоциональное воздействие сильнее рационального убеждения. Его знаменитая формула – «пропаганда должна быть проста, как удар» отражала принцип сведения сложных политических идей к эмоционально заряженным образам. Радио, кинематограф и массовые праздники использовались для создания эффекта национального

единства и культа вождя. Радиоаппараты «народный приёмник» (Volksempfänger), доступные по низкой цене, позволяли охватить миллионы слушателей: по оценкам историков, к 1939 г. радиопропаганда достигала более 70 % населения Германии [7].

Кинематограф стал вторым столбом нацистской и коммуникации. Под контролем Геббельса Й. снимались как документальные, так и художественные фильмы, формирующие нужное эмоциональное восприятие. Самым известным примером является «Триумф воли» Лени Рифеншталь – постановочная хроника съезда НСДАП в Нюрнберге, где архитектура, массовка и ракурсы создавали визуальный миф о гармонии народа и вождя. В этом фильме визуальный код служил инструментом политической централизации, напрямую восходя к римской традиции имперских зрелищ. В целом за годы войны было выпущено, по разным оценкам, 150–180 пропагандистских фильмов, тогда как всего было произведено их порядка 1 300 [1].

После Второй мировой войны пропаганда перестала быть инструментом исключительно тоталитарных режимов и стала неотъемлемой частью политики всех мировых держав. Холодная война превратила информационное воздействие в системный элемент международных отношений: идеологическая конкуренция между Востоком и Западом велась не только за территории, но прежде всего за сознание человека.

Для Советского Союза пропаганда оставалась основным механизмом идеологического контроля и политической мобилизации. Коммунистическая партия использовала ее как средство формирования нового человека – гражданина, полностью идентифицирующего себя с целями социалистического государства. Плакат, газета и кино стали главными каналами этой коммуникации. Фильмы «Цирк» (1936) и «Судьба человека» (1959) сочетали художественную выразительность с идеологическим посланием: личная история героя отождествлялась с историей Родины.

Особую роль в советской пропаганде играло радио. Голос СССР транслировал пропагандистские программы на десятках языков, в то время как западные радиостанции – Radio Free Europe, BBC World Service, Voice of America – вещали за «железный занавес», формируя альтернативную повестку. Радиоволны стали новой ареной войны идей. С обеих сторон использовались приемы эмоциональной мобилизации, создание образа врага и селективная подача фактов [6].

В США в это время оформляется концепция «публичной дипломатии» (public diplomacy) – мягкая форма пропаганды, направленная на улучшение имиджа страны за рубежом. В 1953 г. создается Агентство по информационным программам (USIA), координировавшее международные кампании, культурные обмены и поддержку независимых СМИ. Американская стратегия строилась на принципе мягкой силы (soft power), сформулированной позже Джозефом Найем: влияние через привлекательность ценностей, а не через насилие [10].

Телевидение стало главным инструментом формирования массового сознания второй половины XX в. Передача «Америка глазами американцев» или документальные фильмы о космосе выполняли ту же функцию, что и плакаты сталинской эпохи, – создание позитивного образа государства. Символическим моментом этой экранной войны стал запуск спутника «Спутник-1» в 1957 г.: СССР впервые победил США не в бою, а в информационном пространстве – образ первой космической державы стал элементом глобальной пропаганды социалистической системы [9]. В свою очередь война во Вьетнаме и операции США на Ближнем Востоке показали, что телевизионная картинка способна определять не только восприятие событий, но и саму политическую повестку.

К 1970–1980 гг. СМИ стали не просто передатчиками идеологии, а площадкой символического соперничества. Фильмы, музыка, мода, Олимпийские игры и даже научные достижения превращались в инструменты политического воздействия. Так, бойкот Олимпиады 1980 г. Москве был инициирован администрацией 39 Президента США Джими Картера в ответ на ввод советских войск в Афганистан и стал попыткой превратить Игры в политический жест, а не спортивное событие. В ответ Советский Союз и страны социалистического лагеря бойкотировали Олимпиаду 1984 года в Лос-Анджелесе, ссылаясь на угрозы безопасности и ограничения, наложенные американской стороной. Сопровождавшие эти события информационные кампании по обе стороны «железного занавеса» превратили Олимпиады в элемент идеологического противостояния и демонстрации политической силы [5].

Переход к цифровой эпохе радикально изменил характер информационно-психологического воздействия. Если в XX в. пропаганда была централизованная и исходила

от государства, то сегодня она приобрела сетевую децентрализованную форму. Появление интернета и социальных сетей ознаменовало новую веху в распространении пропагандистских практик [3]. Аудитория перестала быть пассивным получателем сообщения и превратилась в активного участника информационного процесса, транслируя и усиливая нарративы, тем самым оказывая влияние на принятие политических решений. Алгоритмы цифровых платформ способствовали формированию «информационных пузырей», в которых человек сталкивается лишь с совпадающими с его взглядами интерпретациями. В результате пропаганда приобрела новые возможности для точечного воздействия, сохранив при этом свои традиционные функции по мобилизации, демонизации противника и конструированию легитимности.

Особенностью современной цифровой среды является алгоритмизация воздействия. Социальные платформы, управляемые системами машинного обучения, формируют персонализированные потоки контента, подстраиваясь под эмоциональные и когнитивные предпочтения пользователя. Это позволило перейти от массовой к точечной, «микротаргетированной» пропаганде. Скандал вокруг компании Cambridge Analytica на выборах Президента США в 2016 г. продемонстрировал, как политические акторы могут использовать данные пользователей для манипуляции электоральным поведением [11].

Современные технологии способствуют и эстетизации пропаганды: мемы, короткие видео, визуальные шутки формируют легкие, но устойчивые ассоциативные ряды. Меметическая культура, по сути, выполняет те же функции, что и плакаты времен Геббельса Й. или агитационные лозунги XX в., – упрощает политические смыслы и закрепляет эмоциональные реакции. Разница лишь в том, что сегодня процесс производства пропаганды стал горизонтальным: любой пользователь может непреднамеренно усиливать политические нарративы, распространяя контент внутри своей сети доверия.

Возникновение искусственного интеллекта и технологий deepfake открыло новую грань информационно-психологического воздействия. Синтетические изображения и видео позволяют создавать убедительные, но полностью фальшивые события, размывая границы между реальностью и симуляцией. Понятие «постправды», введенное в политологические обиход в начале XXI в., отражает эту трансформацию: сегодня борьба ведется не за факты, а за интерпретации, за эмоциональное доверие аудитории.

Таким образом, история пропаганды отражает развитие самой политической власти – от сакральных символов древности до цифровых алгоритмов современности. На разных этапах она служила инструментом легитимации, мобилизации и контроля, но ее сущность оставалась неизменной – управление восприятием и поведением масс. Рим впервые систематизировал символическое воздействие, тоталитарный режимы XX в. превратили его в технологию манипуляции, а цифровая эпоха сделала пропаганду повседневной и незаметной частью коммуникации. Сегодня она стала не только инструментом власти, но и фактором глобальной нестабильности, требующим развития критического мышления и медиаграмотности как средств защиты общества от тотального информационного влияния.

Гражданам Российской Федерации необходимо оказывать содействие отечественным спецслужбам в предотвращении распространения пропаганды зарубежных идеологий в массы с помощью информационно-коммуникационных технологий [2]. Только комплексный подход позволит укрепить существующие институты государственной власти и противодействовать умышленным пропагандистским практикам, негативно влияющим на социально-политическую стабильность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Вторая мировая война: арсенал средств и результаты столкновения германской и советской пропагандистских машин // Вестник ННГУ. 2015. № 3.
2. Григорян Д.К., Кондратенко Е.Н., Пилягин Н.В. Патриотическое воспитание молодежи как инструмент противодействия экстремизму // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4.
3. Григорян Д.К. It-преступность как обратная сторона цифровизации общества // Научное обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Иркутск, 2023.
4. Давлетбаков С.К. Йозеф Геббельс и искусство пропаганды. 2022. № 7 (71).
5. Два бойкота «холодной войны»: Москва-80 и Лос-Анджелес-84. URL: <https://clck.ru/3QDspA> (дата обращения: 20.10.2025).

6. Мирошников С.Н. Пропаганда или объективная информация: радиостанция «Голос Америки» в информационной войне администрации Д. Эйзенхауэра против стран Восточной Европы в 1953–1955 гг. // СибСкрипт. 2014. № 3(59).
7. О радио Третьего рейха / Хабр. URL: <https://clck.ru/3QDsn9> (дата обращения: 20.10.2025).
8. Суржик Д.В. Первая мировая (информационная) война в США // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2014. № 2.
9. Фоминых А. Е. «Икс-15» против «Спутника»: тема космоса в советской и американской выставочной дипломатии 1959 г. // Via in tempore. История. Политология. 2023. № 2.
10. Шариков П.А. Эволюция публичной дипломатии США: внутривнутриполитические детерминанты, приоритеты и новые вызовы // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2023. № 1.
11. Шестова Т.Л., Кузьмин В.А. Значение «новых медиа» в современном политическом процессе // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2019. № 2.

REFERENCES

1. Bordyugov G.A., Kotelenets E.A. The Second World War: The Arsenal of Means and Results of the Clash of the German and Soviet Propaganda Machines // Vestnik of UNN. 2015. № 3.
2. Grigoryan D. K., Kondratenko E. N., Pilyagin N. V. Patriotic Education of Youth as a Tool for Countering Extremism // Public and Municipal Administration. Scientific Notes. 2023. № 4.
3. Grigoryan D.K. IT Crime as the Reverse Side of the Digitalization of Society // Scientific Support for the Detection, Investigation, and Prevention of Crimes. Irkutsk, 2023.
4. Davletbakov S.K. Joseph Goebbels and the Art of Propaganda. 2022. № 7 (71).
5. Two Cold War Boycotts: Moscow-80 and Los Angeles-84. URL: <https://clck.ru/3QDspA> (date of access: 20.10.2025).
6. Miroshnikov S.N. Propaganda or Objective Information: Voice of America Radio Station in the Information War of the D. Eisenhower Administration Against Eastern European Countries in 1953-1955 // SibScript. 2014. № 3(59).
7. About the Radio of the Third Reich / Habr. URL: <https://clck.ru/3QDsn9> (date of access: 20.10.2025).
8. Surzhik D.V. The First World (Information) War in the USA // Locus: People, Society, Cultures, Meanings. 2014. № 2.
9. Fominykh A.E. «X-15» versus «Sputnik»: the Theme of Space in Soviet and American Exhibition Diplomacy of 1959 // Via in tempore. History. Political Science. 2023. № 2.
10. Sharikov P.A. Evolution of US Public Diplomacy: Domestic Political Determinants, Priorities, and New Challenges // Bulletin of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics. 2023. № 1.
11. Shestova T.L., Kuzmin V.A. The Importance of «New Media» in the Modern Political Process // Bulletin of Moscow University. Series 27. Global Studies and Geopolitics. 2019. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорян Давид Кромвелович, начальник кафедры информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности, кандидат политических наук, доцент. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grigoryan David Cromwelovich, PhD in Political Sciences, Associate professor, Head of the Department of Information and Communication Technologies and Cybersecurity. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.85:004

ВЛИЯНИЕ ВНОСИМЫХ В УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ИЗМЕНЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОБУСЛОВЛЕННЫХ САМОВОЛЬНЫМ ОСТАВЛЕНИЕМ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ

Долгашов Вадим Васильевич

Тульский государственный университет, Тула, Российская Федерация
dollvdv@mail.ru

Введение: анализ актуальной на сегодняшний день научной доктрины и правоприменительной практики свидетельствует о динамическом характере криминалистической характеристики преступлений, выступающей в качестве основного базового инструмента, посредством которого выстраиваются наиболее эффективные методы раскрытия и расследования преступлений различных видов. При этом, вносимые в законодательство изменения могут порождать необходимость корректировки криминалистических характеристик преступлений отдельных видов вследствие преобразования элементов, входящих в составы таких преступлений, что, в свою очередь, приводит к необходимости последовательного пересмотра подходов к определению входящих в криминалистическую характеристику составляющих и переопределению их значения для расследования отдельных категорий уголовных дел.

Материалы и методы: в качестве методологической основы исследования ведущим избран всеобщий диалектический метод познания, а также методы сравнительного и системно-структурного анализа, синтеза структурных элементов криминалистической характеристики преступлений, обусловленных самовольным оставлением воинской части или места службы, применительно к моделированию её типовой структуры с учетом актуальных вносимых в уголовное законодательство преобразований.

Результаты исследования: представляется, что разработка криминалистической характеристики преступлений, обусловленных самовольным оставлением воинской части или места службы, которая может эффективно применяться сотрудниками компетентных органов в целях предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений данного вида, неразрывно связана с необходимостью актуализации положений об ее базовых структурных элементах с учетом, в первую очередь, (де)криминализационных изменений, вносимых законодателем в структуру состава таких преступлений.

Выводы и заключения: на основе проведенного анализа автором отстаивается позиция, в соответствие с которой изменения, вносимые в уголовное законодательство, порождают необходимость пересмотра подходов к определению содержания отдельных элементов криминалистической характеристики преступлений. Изложенная позиция подтверждается на основании проведенного в контексте исследования анализа преобразования уголовно-правовых и криминалистически-значимых признаков преступлений, обусловленных самовольным оставлением воинской части или места службы.

Ключевые слова: преступление, криминалистическая характеристика, структура, типичные элементы, состав преступления, самовольное оставление воинской части, методика расследования, (де)криминализационные изменения.

Для цитирования: Долгашов В. В. Влияние вносимых в уголовное законодательство изменений в контексте преобразования криминалистической характеристики преступлений, обусловленных самовольным оставлением воинской части или места службы / В. В. Долгашов // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 153–158.

Original paper

THE IMPACT OF CHANGES TO CRIMINAL LEGISLATION IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF CRIMES RESULTING FROM AWOL LEAVING A MILITARY UNIT OR PLACE OF SERVICE

Dolgashov Vadim Vasilievich

Tula State University, Tula, Russian Federation

Introduction: an analysis of current scientific doctrine and law enforcement practice demonstrates the dynamic nature of the forensic characterization of crimes, which serves as the primary foundational tool for developing the most effective methods for solving and investigating various types of crimes. Furthermore, changes to legislation may necessitate adjustments to the forensic characterization of certain types of crimes due to the transformation of the elements included in such crimes. This, in turn, necessitates a consistent review of approaches to defining the components of a forensic characterization and redefining their significance for the investigation of certain categories of criminal cases.

Materials and methods: the general dialectical method of cognition was chosen as the leading methodological basis for the study, as well as the methods of comparative and system-structural analysis, synthesis of structural elements of the forensic characteristics of crimes caused by unauthorized abandonment of a military unit or place of service, in relation to the modeling of its typical structure, taking into account the current changes introduced into criminal legislation.

Results of the study: it appears that the development of a forensic characterization of crimes resulting from the unauthorized abandonment of a military unit or place of service, which can be effectively applied by employees of competent authorities for the purpose of preventing, suppressing, solving and investigating crimes of this type, is inextricably linked with the need to update the provisions on its basic structural elements, taking into account, first of all, the (de) criminalization changes introduced by the legislator into the structure of the composition of such crimes.

Findings and conclusions: based on the analysis conducted, the author defends the position that changes to criminal legislation necessitate a revision of approaches to defining the content of individual elements of forensic characterization of crimes. This position is supported by an analysis of the transformation of criminal-legal and forensically significant elements of crimes related to unauthorized abandonment of a military unit or place of service, conducted in the context of the study.

Keywords: crime, forensic characteristics, structure, typical elements, elements of the crime, unauthorized abandonment of a military unit, investigation methods, (de)criminalization changes.

For citation: Dolgashov V. V. The impact of changes to criminal legislation in the context of the transformation of the forensic characteristics of crimes resulting from awol leaving a military unit or place of service / V. V. Dolgashov // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 153–158.

На сегодняшний день в рамках юридической науки учеными-теоретиками, а также практикующими сотрудниками соответствующих компетентных органов криминалистической характеристике преступлений уделяется значительное внимание с учетом ее прямого воздействия на процесс предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений.

Разделяя подход профессора И.В. Александрова к разграничению характеристики преступлений в уголовно-правовом, криминологическом и криминалистическом смыслах, отметим, что уголовно-правовая характеристика необходима для познания квалификации преступления, криминологическая – для исследования причин и условий его совершения, а криминалистическая – для уяснения обстоятельств деяния, связанных с его расследованием [8, с. 88].

При этом, отдельными учеными, в т. ч. Н.П. Яблоковым, определение основных элементов криминалистической характеристики преступлений рассматривается в безусловной взаимосвязи с существенными уголовно-правовыми и криминологическими сведениями, которые в данной контексте определяют ее понятийное наполнение и направляющий характер [9, с. 59].

С учетом имеющейся в доктрине полифонии подходов к определению дефиниции криминалистической характеристики преступлений, структурному содержанию входящих в ее состав элементов, отграничения ее от уголовно-правовой и криминологической характеристик, в рамках настоящего исследования в целях рассмотрения вопроса о влиянии вносимых в уголовное законодательство изменений в контексте преобразования криминалистической характеристики преступлений, обусловленных самовольным оставлением воинской части или места службы, нами, без вступления в лишнюю, не относящуюся к предмету исследования, полемику, принят следующий подход.

Под криминалистической характеристикой преступлений рассматриваемого вида в контексте данной работы мы понимаем упорядоченное описание фактических данных

и основанных на них научных заключений о наиболее типичных элементах, закономерно проявляющихся в механизме совершения таких противоправных деяний. В число элементов такой характеристики входит субъект преступления, обусловленного самовольным оставлением воинской части или места службы, способ совершения преступления рассматриваемого вида, а также обстановка преступления, обусловленного самовольным оставлением воинской части или места службы.

В контексте определения основных криминалистически-значимых признаков субъектов преступлений, совершивших самовольное оставление воинской части или места службы, в первую очередь в обязательном порядке следует провести разграничение по кругу лиц, которые в целом могут быть субъектами преступлений рассматриваемого вида, т. е. определить круг субъектов преступлений данного вида с точки зрения их уголовно-правовой характеристики.

Так, перечень категорий субъектов, подлежащих привлечению к уголовной ответственности за самовольное оставление воинской части или места службы по различным частям статьи 337 УК РФ [2], а также за совершение иных воинских преступлений, определен в статье 331 УК РФ.

Перечисленные в указанной статье категории субъектов преступлений рассматриваемого вида, будь то военнослужащие по призыву, либо по контракту, а также граждане, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов, с точки зрения криминалистически-значимых признаков могут иметь существенные различия в контексте таких фундаментальных для предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений обстоятельств, как механизм формирования преступной мотивации, ценностные установки, взаимоотношения с сослуживцами и начальствующим составом, степень удовлетворенности военной службой и отношение к службе в целом и многих других.

При этом, Федеральным законом от 28.12.2024 № 507-ФЗ «О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [4] была фактически проведена частичная криминализация ряда воинских преступлений по субъекту, вследствие чего перечень субъектов, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности за совершение преступлений, обусловленных в т. ч. самовольным оставлением воинской части или места службы, был расширен, что неотвратимо повлекло за собой изменение не только уголовно-правовой характеристики деяний рассматриваемого вида, но и частной криминалистической характеристики преступлений.

Так, указанным выше Федеральным законом в круг лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности за самовольное оставление воинской части или места службы, включены граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, созданных в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» [6].

Особенности расследования преступлений в отношении субъектов рассматриваемого вида могут включать в себя наличие специфической преступной мотивации, обусловленной ненадлежащим отношением к исполнению служебных обязанностей в связи с формальной разницей в юридическом статусе между добровольцем и военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, при фактическом выполнении ими одних и тех же или смежных функций в подразделениях; некорректным определением субъектами преступлений-добровольцами потенциальных юридических последствий, которые могут наступить в результате самовольного оставления воинской части, поскольку ранее должностными лицами добровольцы могли быть привлечены лишь к дисциплинарной ответственности за соответствующее правонарушение; совершением преступления в связи с ухудшением состояния здоровья или ввиду стечения иных тяжелых жизненных обстоятельств, которые при этом не признаются уважительными в контексте возможности освобождения таких лиц от уголовной ответственности и иных.

Помимо указанного, должностным лицам следственных органов, осуществляющим предварительное расследование в отношении субъектов соответствующей категории, в ходе предварительного следствия необходимо в обязательном порядке устанавливать законность заключения с такими лицами контрактов о пребывании в добровольческом формировании, законность самого факта пребывания соответствующих лиц в добровольческих формированиях в инкриминируемый период самовольного оставления воинской части или места службы, а также состояние обеспеченности такого лица всеми видами положенного довольствия в соответствии с положениями контракта о пребывании в добровольческом формировании.

Особое внимание при формировании материалов уголовных дел в отношении добровольцев по фактам самовольного оставления ими воинских частей перед направлением их в суд следователям, руководителям следственных органов и прокурорам необходимо обращать на наличие в таких делах документально подтвержденных сведений о соответствии добровольцев требованиям, предъявляемым к гражданам, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, установленных приказом Министра обороны РФ от 15.02.2023 № 67 «Об определении порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, а также порядка заключения контракта гражданами Российской Федерации о пребывании в добровольческом формировании и типовой формы контракта» (далее – приказом Министра обороны РФ от 15.02.2023 № 67) [7], в особенности в контексте возможности по состоянию здоровья исполнять возложенные соответствующим контрактом на добровольцев обязанности, поскольку в случае установления факта неудовлетворительного состояния здоровья добровольца в период самовольного оставления воинской части или места службы такое лицо не может признаваться субъектом соответствующего преступления, а расследуемое в отношении него уголовное дело подлежит прекращению на основании пункта 2 части 1 статьи 24 УПК РФ [3], т. е. за отсутствием состава преступления.

В случае же выявления в ходе предварительного расследования нарушения положений приказа Министра обороны РФ от 15.02.2023 № 67, допущенных должностными лицами военных комиссариатов при проведении отбора добровольцев, совершивших самовольное оставление воинской части или места службы, следователям помимо осуществления реагирования в адрес руководителя (командира) добровольческого формирования также необходимо принимать решение о внесении представлений об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений, в адрес руководства соответствующего военного комиссариата, через который осуществлялся отбор, в целях профилактики совершения соответствующими субъектами преступлений рассматриваемого вида на этапе отбора в добровольческие формирования.

Помимо прочего в ходе предварительного расследования следователем в обязательном порядке устанавливаются сведения о взаимоотношениях лица, совершившего самовольное оставление воинской части или места службы, внутри коллектива подразделения добровольческого формирования, в котором субъект пребывал до момента совершения инкриминируемого деяния, возможных фактах применения в отношении него насилия или иного унижающего честь и достоинство отношения, использования добровольца вопреки установленного контрактом о пребывании в добровольческом формировании предназначения, поборов или вымогательства взяток, в т. ч. с целью обеспечению увольнения лица из добровольческого формирования с учетом невозможности убытия из такого формирования иным образом под угрозой уголовной ответственности.

Также в контексте проводимого исследования стоит отметить внесенные Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [5] изменения, в соответствии с которыми статья 337 УК РФ дополнена частями 2.1, 3.1 и 5, которые содержат ответственность за самовольное оставление воинской части или места службы на период свыше двух суток, но не более десяти суток; свыше десяти суток, но не более тридцати суток; а также свыше тридцати суток, совершенные перечисленными в статье 331 УК РФ лицами в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

Указанные изменения хотя и не являются (де)криминализационными, а носят пенализационный характер, поскольку отягощают ответственность и увеличивают размер наказания в виде лишения свободы при совершении преступлений в указанных обстоятельствах, также влияют на криминалистическую характеристику деяний рассматриваемого вида, поскольку соответствующие обстоятельства совершения преступления могут иметь решающее значение не только при формировании преступной мотивации, в особенности у мобилизованных военнослужащих, которые в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» [1] могут быть уволены с военной службы лишь при наличии специфических предусмотренных соответствующим Указом оснований, но и при формировании преступной мотивации у иных военнослужащих и добровольцев

с учетом возможной необходимости выполнения боевых задач в условиях предельной эмоциональной напряженности.

Таким образом, все обстоятельства обуславливают необходимость в ходе организации и проведения предварительного расследования исследовать соответствующие элементы, включенные на сегодняшний день в состав криминалистической характеристики преступлений, обусловленных самовольным оставлением воинской части или места службы, с целью обеспечения его полноты, объективности и всесторонности, вследствие чего внесенные в уголовный закон изменения, на наш взгляд, оказывают прямое влияние на формирование и использование в практической деятельности криминалистической характеристики, выступающей теоретической базой при расследовании преступлений рассматриваемого вида.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации // Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 / СЗ РФ. 26.09.2022. № 39. Ст. 6590.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Федеральный закон / СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Федеральный закон / СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
4. О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Федеральный закон от 28.12.2024 № 507-ФЗ / СЗ РФ. - 24.12.2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ / СЗ РФ. 26.09.2022. № 39. Ст. 6535.
6. Об обороне // Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ / СЗ РФ. 03.06.1996. № 23. Ст. 2750.
7. Об определении порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, а также порядка заключения контракта гражданами Российской Федерации о пребывании в добровольческом формировании и типовой формы контракта // Приказ Министра обороны РФ от 06.05.2012 № 1100 (ред. от 17.02.2023) / РГ. 22.06.2012. № 141.
8. Александров И.В. Теоретические и практические проблемы расследования налоговых преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
9. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика как составная часть общей криминалистической теории // Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции «Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы». Тула, 2000.
10. Рубцов И.И. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент частных методик расследования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.
11. Головин А.Ю. К вопросу межэлементных связей в криминалистической характеристике преступления // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Том II. Иркутск, 2018.
12. Бирюков В.В., Бирюкова Т.П. Криминалистическая характеристика конкретных преступлений: значение и перспективы использования в теории и практике расследований // Российское право: образование, практика, наука. № 3. 2016.
13. Головин А.Ю. Криминалистическая характеристика преступлений как категория современной криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1-2.
14. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М., 2002.

REFERENCES

1. On the announcement of partial mobilization in the Russian Federation // Decree of the President of the Russian Federation of September 21, 2022. № 647 / Collected Legislation of the Russian Federation. September 26, 2022. № 39. Art. 6590.

2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 31.07.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2025) // Federal Law / SZ RF. 17.06.1996. № 25. Art. 2954.
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FZ (as amended on 31.07.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2025) // Federal Law / SZ RF. 17.06.1996. № 25. Art. 2954.
4. On Amendments to Article 331 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Federal Law of 28.12.2024 № 507-FZ / SZ RF. 24.12.2001. № 52 (Part I). Art. 4921.
5. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Federal Law of September 24, 2022 № 365-FZ / SZ RF. September 26, 2022. № 39. Article 6535.
6. On Defense // Federal Law of May 31, 1996 № 61-FZ / SZ RF. June 3, 1996. № 23. Article 2750.
7. On determining the procedure for the admission of citizens of the Russian Federation to volunteer formations, their stay in them and exclusion from them, the requirements imposed on citizens of the Russian Federation joining volunteer formations and staying in them, as well as the procedure for concluding a contract by citizens of the Russian Federation on stay in a volunteer formation and a standard form of a contract // Order of the Minister of Defense of the Russian Federation dated 06.05.2012 № 1100 (as amended on 17.02.2023) / RG. 22.06.2012. № 141.
8. Aleksandrov I.V. Theoretical and practical problems of investigation of tax crimes: diss. ... doctor of law. Ekaterinburg, 2003.
9. Yablokov N.P. Forensic characteristics as an integral part of the general forensic theory // Abstracts of reports of the All-Russian scientific and practical conference «Russian legislation and legal sciences in modern conditions: state, problems, prospects». - Tula: Publishing house of Tula State University, 2000.
10. Rubtsov I.I. Forensic characteristics of crimes as an element of private investigation methods: diss. ... cand. law. Sciences. St. Petersburg, 2001.
11. Golovin A.Yu. On the issue of interelement connections in the forensic characteristics of a crime // The activities of law enforcement agencies in modern conditions: collection of materials of the XXIII international scientific and practical conference. In 2 volumes. Volume II. Irkutsk, 2018.
12. Biryukov V.V., Biryukova T.P. Forensic characteristics of specific crimes: significance and prospects for use in the theory and practice of investigations // Russian law: education, practice, science. № 3. 2016.
13. Golovin A.Yu. Forensic characteristics of crimes as a category of modern forensic science // Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences. 2012. № 1-2.
14. Golovin A.Yu. Forensic taxonomy. Moscow, 2002.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Долгашов Вадим Васильевич, военный прокурор Тульского гарнизона военной прокуратуры Московского военного округа, подполковник юстиции, соискатель ученой степени кандидата юридических наук. Тульский государственный университет. 300012, Российская Федерация, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 155.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dolgashov Vadim Vasilievich, Military Prosecutor of the Tula Garrison Military Prosecutor's Office of the Moscow Military District, Lieutenant Colonel of Justice, PhD candidate in Legal Sciences. Tula State University. 155, Engels St., Tula 300012 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.982:4

СПЕЦИФИКА НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ДОКУМЕНТОВ И СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Еремин Сергей Германович

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация
sg-eremin@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются некоторые вопросы, способствующие эффективности назначения и производства двух важных судебных экспертиз, назначаемых по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Две предыдущие статьи посвящены судебно-бухгалтерской экспертизе и технико-криминалистической экспертизе документов. В предлагаемой статье исследованы проблемы и специфика назначения и производства экспертизы товаров и продуктов (товароведческая экспертиза) и судебно-экономической экспертизы.

Материалы и методы: в качестве основных методов исследования использованы общенаучные методы синтеза, анализа, что позволило изложить оптимальные действия дознавателя, следователя при подготовке к назначению экспертиз, предложить комплекс специфических вопросов, ставящихся перед экспертами в пределах их компетенции для исследования по рассматриваемой категории уголовных дел.

Результаты исследования: изложены возникающие, по мнению автора, проблемы дознавателей, следователей и экспертов в процессе раскрытия и расследования преступлений в сфере экономической деятельности, указаны пути эффективности взаимодействия дознавателей, следователей с экспертами. Определены методики исследований, применяемые разными экспертами в процессе их работы, включая формулировки ответов в выводах и заключениях в целом. Результаты исследования предлагается использовать в специализированных учебных заведениях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации профессорско-преподавательским составом, адъюнктами, соискателями, курсантами и слушателями при подготовке учебного материала, а также самими обучающимися по следующим дисциплинам: «Оперативно-розыскная деятельность», «Уголовный процесс», «Криминалистика», «Судебная экспертная деятельность». Представляется, что содержание материала, выводы, рекомендации и предложения будут полезны для сотрудников дознания, следствия, экспертов в их практической работе по раскрытию и расследованию преступлений в сфере экономической деятельности.

Выводы и заключение: автор обозначил проблемы дознавателей, следователей и экспертов в части их затруднений при сборе образцов для сравнительного исследования и иных объектов, постановке им вопросов на разрешение, формированию заключения, грамотному, понятному изложению обоснованных их выводов, получению прямых, а не косвенных доказательств и их использованию в расследовании преступлений.

Ключевые слова: судебный эксперт, подозреваемое (обвиняемое) в преступлении лицо, экспертные методики исследования, документы-вещественные доказательства, доказывание преступления, экономическая деятельность.

Для цитирования: Еремин С. Г. Специфика назначения судебных экспертиз по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: технико-криминалистическая экспертиза документов и судебно-экономическая экспертиза / С. Г. Еремин // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 159–165.

Original paper

THE SPECIFICS OF THE APPOINTMENT OF FORENSIC EXAMINATIONS IN CASES OF CRIMES IN THE FIELD OF ECONOMIC ACTIVITY: TECHNICAL AND FORENSIC EXAMINATION OF DOCUMENTS AND FORENSIC ECONOMIC EXAMINATION

Eremin Sergey Germanovich

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the relevance of the article lies in the fact that it examines some issues that contribute to the effectiveness of the appointment and production of two important forensic examinations assigned in cases of crimes in the field of economic activity. We have given the reasons for the appointment of these examinations, questions to experts in a particular situation, the objects of the study, the stages of the examination, and the results obtained upon completion of the examinations.

Materials and methods: the main research methods were general scientific methods of synthesis and analysis, which made it possible to outline the optimal actions of the investigator in preparation for the appointment of examinations, to propose a set of specific questions posed to experts within their competence for research on the category of criminal cases under consideration.

Results of the study: the author describes the problems that arise, in the opinion of the author, of interrogators, investigators and experts in the process of uncovering and investigating crimes in the field of economic activity, the ways of effective interaction of interrogators, investigators and experts are indicated. The research methods used by various experts in the course of their work are defined, including the formulation of answers in conclusions and conclusions in general. The results of the study are proposed to be used in specialized educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation by teaching staff, adjuncts, applicants, cadets and trainees in the preparation of educational material, as well as by students themselves in the following disciplines: «Operational investigative activities», «Criminal procedure», «Criminalistics», «Forensic expertise». It seems that the content of the material, conclusions, recommendations and suggestions will be useful for the staff of the inquiry, investigation, experts in their practical work on the disclosure and investigation of crimes in the field of economic activity.

Findings and conclusion: the author outlined the problems of interrogators, investigators and experts in terms of their difficulties in collecting samples for comparative research and other objects, asking them questions for resolution, forming conclusions, correctly and intelligibly presenting their reasoned conclusions, obtaining direct rather than indirect evidence and using it in the investigation of crimes.

Keywords: forensic expert, suspect (accused) a person is involved in a crime, expert research methods, documents-physical evidence, proof of a crime, economic activity.

For citation: Eremin S. G. The specifics of the appointment of forensic examinations in cases of crimes in the field of economic activity: technical and forensic examination of documents and forensic economic examination / S. G. Eremin // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 159–165.

Судебная экспертиза товаров и продуктов (товароведческая экспертиза) по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности назначается, как показывает следственно-судебная и экспертная практика, неоправданно редко. Считаем, что это объясняется, прежде всего, отсутствием надлежащего рассмотрения в науке криминалистике проблем, касающихся предмета, объектов, методов исследования и возможностей данной экспертизы.

Вместе с тем успех в расследовании преступлений в сфере экономической деятельности часто зависит от полноты использования возможностей этой экспертизы. Не подлежит сомнению, что большинство рассматриваемых экономических преступлений совершаются завуалированными изощренными способами. Многие из них касаются изменения, фальсификации качественных и иных показателей свойств товаров, продуктов с целью создания неучтенных резервов для хищения, нарушения порядка и правил их разбраковки, сортировки и т. п.

Скрытыми являются искажения документальных данных о качественных и количественных характеристиках поступивших и реализованных товаров, продуктов, изменения содержания товарных ярлыков и других способов маркировки товарных изделий. Устанавливаются факты занижения фактического количества товаров, продуктов подвергшихся порче при неправильных условиях их хранения, транспортировки, реализации просроченных ценностей, включая прямой обман относительно потребительских свойств или назначения.

Установление всех вышеперечисленных обстоятельств невозможно без назначения и проведения экспертизы товаров и продуктов с целью исследования следующих четырех групп объектов:

- 1) продовольственные и промышленные товары;
- 2) сырье, полуфабрикаты, материалы, оборудование;
- 3) тара и иные упаковочные средства;
- 4) документы по происхождению и учету товара, продуктов.

Все это определяет предмет рассматриваемой судебной экспертизы – это определение товарного вида, сорта, цены сырья, товаров, продукции, ее маркировки, тары и связанные с ними услуги упаковочных средств.

Теория и практика назначения и производства экспертизы товаров и продуктов свидетельствует, что с ее помощью также можно делить: качественные показатели (дефекты, сортность, артикул) ценностей; соответствие товаров, продуктов стандартам, техническим условиям, сертификату качества либо эталонам-образцам; соответствие (несоответствие) фактических характеристик качества товара (артикула, размерных данных, сорта) маркировочным обозначениям, указанным на ярлыке, этикетке; возможность образования естественных потерь товаров, продуктов при определенных условиях хранения и транспортировки; установление соответствия (несоответствия) сроков и условий хранения нормативным требованиям; данные об упаковке (таре) и соответствие ее нормативным требованиям; достоверность указания цен на товары и продукты; обоснованность размера уценки товаров в связи с несоответствием их показателям качества; определение принадлежности отдельных единиц или множеств ценностей к одной группе (артикулу, марке, типу, виду); установление соответствия (несоответствия) фактических товарных свойств показателям качества, указанным в документах.

Инициатору назначения экспертизы для производства исследований важно предоставить образцы, которые отбирают и упаковывают согласно нормативно-технической документации. Методика исследования при производстве экспертизы товаров и продуктов должна отвечать требованиям изучения признаков свойств исследуемых объектов. Необоснованная оценка характера изменений в свойствах объектов могут привести экспертов к ошибочным выводам.

В процессе познания потребительских свойств объектов экспертизы можно выделить три этапа исследования: 1) аналитический; 2) сравнительный; 3) синтез (заключение) (оценка результатов исследования).

На первом этапе анализируются потребительские свойства объектов исследования, полученные результаты измерения и описания свойств сопоставляются в сравнении с базисными.

На втором этапе – используется номенклатура показателей свойств товаров, продуктов регламентированная в различных нормативных документах (справочниках, сборниках рецептур и т. д.).

Что касается непосредственно процесса исследования объектов экспертизы то, например, для определения численных показателей применяют методы: органолептический, измерительный и лабораторный, регистрационный и расчетный.

Органолептический метод предполагает исследование по восприятию органами чувств человека или созданного искусственного интеллекта (специального запрограммированного прибора-робота) признаков товара для определения его качества по цвету, запаху, вкусу, внешнему виду и др. Если исходить из человеческого фактора, то можно сказать, что этот метод не требует применения специального оборудования, приборов, т. к. достаточно субъективен, поскольку полученные результаты зависят от опыта эксперта, его индивидуального восприятия, состояния и особенностей органов чувств. Однако нам представляется ничем не хуже, а возможно наоборот, более качественным применение роботизированного оборудования с программным обеспечением, способным выдавать достоверные результаты, которые можно положить в качестве доказательства.

Измерительный и лабораторный методы уже применяют искусственный интеллект в виде специально разработанных программ с техническими средствами измерения, расчетами, позволяющими получить числовые значения показателей изделий, связанных сопределиением природы материала, физико-механических, химических, микробиологических, микроскопических свойств.

Регистрационный и расчетный методы состоят в том, что результаты исследования (показатели свойств товаров, продуктов, упаковки, маркировки) регистрируются в специальном журнале хозяйствующего субъекта после произведенных расчетов, сопоставляются с аналогичными нормативными характеристиками и определяются на предмет соответствия или несоответствия свойств продукции базовым показателям.

На третьем этапе исследования происходит оценка полученных результатов, основывающихся на данных сравнительного анализа и представляющих собой процесс определения уровня качества. В целом процесс исследования завершается этапом оценки показателей.

Следует отметить, что наряду с непосредственным исследованием объектов, образцов, изъятых для сравнительного исследования, эксперты работают с документами, отражающими состояние товаров, продуктов и происходящие с ним производственные процессы, в том числе товарные операции (приемка, разбраковка, реализация), что позволяет получить дополнительную информацию о товаре и продуктах. В числе важных для экспертного исследования документов являются: документы, несущие информацию об особенностях происхождения изделий (сертификаты, удостоверения о качестве, технические паспорта, ярлыки); товаросопроводительные документы, характеризующие качество товара и упаковки перед сдачей его на склад готовой продукции и отправкой покупателю (счета-фактуры, товарно-транспортные накладные, упаковочные листы, отвесы, ярлыки); товарно-транспортные (отгрузочные) документы, содержащие информацию об условиях и сроках транспортировки (квитанция о приемке груза, железнодорожная накладная, коммерческий акт); приемные документы, отражающие характеристики качества товара при приемке (акты лабораторных исследований, дефектные ведомости, журналы приемки и разбраковки товаров, приемно-расходные накладные, акты уценки и переоценки, паспорта на товары, акты лабораторных анализов проверки качества, акты санэпидемстанций); складские документы, содержащие сведения об условиях хранения товара; процессуальные документы (протоколы обыска, выемки, осмотра, акты ревизий, заключения экспертов других специальностей).

Полагаем, что успех экспертного исследования, проведенного на основании представленных документов, качество заключения эксперта и максимальное достижение поставленной перед ним цели напрямую зависят от качества и полноты представленных на исследование соответствующих документов. Осмелимся также предложить вопросы, которые следует ставить на разрешение эксперта по экспертизе товаров и продуктов, в зависимости от конкретной сложившейся ситуации по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности:

- какова характеристика сырья, используемого для изготовления определенных видов товаров, продукции;
- каковы наименование, артикул, вид предоставленных на исследование товаров, продуктов;
- однородны ли представленные на исследование товары, продукты и пригодны ли они для реализации и употребления;
- под воздействием каких причин возникли дефекты на товаре, носят ли они производственный характер или образовались в результате повреждений при транспортировке и нарушении условий хранения;
- каковы качество, сорт товаров и соответствуют ли они требованиям технологических инструкций;
- какова цена исследуемых товаров, продуктов соответствует ли она прейскуранту и ценникам;
- каковы условия приемки, хранения и отпуска товаров, отвечают ли они требованиям технических условий;
- каков размер снижения качества, порчи или естественной убыли товаров, продуктов и обоснована ли их уценка;
- в соответствии ли с действующими правилами произведены затаривание, маркировка и упаковка товаров;
- изготовлены исследуемые товары на промышленном производстве или кустарным способом;
- правомерно ли признание оказавшихся в излишках товаров некачественными, нестандартными по виду, сорту и стоимости?

Дознаватель, следователь, получив заключение эксперта должны изучить и проанализировать: а) каковы качественные показатели (дефекты, сортность, артикул) товаров, продуктов; б) соответствуют ли товары, продукты стандартам и техническим условиям; в) могли ли образоваться естественные потери товаров, продуктов в имевшихся условиях их хранения и транспортировки; г) соответствовала ли нормативным требованиям упаковка (тара); д) в чем причина уценки товаров, продуктов и обоснованно ли применен ее размер; е) правильно ли произведен зачет пересортицы товаров, продуктов после их инвентаризации.

По делам о расследовании преступлений в сфере экономической деятельности, дознавателям, следователям надлежит чаще прибегать к возможностям экспертизы товаров и продуктов, поскольку с ее помощью можно установить истину по уголовному делу.

Судебно-экономическая экспертиза – большинством ученых криминалистов рассматривается как особый вид экспертных исследований, объединенных общностью знаний различных наук экономического профиля, трансформируемых для нужд правосудия [1].

Анализируя объекты исследования в рамках судебно-экономической экспертизы следует упомянуть и судебно-бухгалтерскую экспертизу, которую одни ученые считают составляющей первой нами названной, а другие видят в них самостоятельный вид экспертиз [2].

Мы же считаем, что в одном случае наименование экспертизы отражает более широкое использование экономических знаний на предварительном следствии и в суде. В другом случае, само название обуславливает узкое применение специальных знаний в области бухгалтерского учета и финансово-экономической деятельности хозяйствующего субъекта.

К примеру, Ш.Я. Джумамуратов пишет, что «...установление фактических данных возможно только при использовании комплекса экономических познаний...» [3]. Надо полагать, в данном случае, автор имел в виду комплексную судебно-экономическую экспертизу, как средство познания причин, условий и последствий деяния, совершаемого в ходе преступной деятельности, которое затрагивает различные ее сферы и причиняет ущерб контрагенту, обществу, государству.

Наряду с этим Л.Л. Михайлова утверждает: «Комплексная судебно-экономическая экспертиза позволяет установить «симптомокомплекс» обстоятельств, которые характеризуют конкретный вид экономической деятельности и выступают обстоятельствами, способствующими совершению преступлений» [4].

Порой дознаватели, следователи допускают ошибки в выборе использования экономических или бухгалтерских знаний при расследовании преступлений в сфере экономики, что, как полагают А.В. Горбачев, С.М. Колотушкин, А.В. Кочубей, «приводит к необоснованному назначению судебно-бухгалтерской экспертизы, вместо судебно-экономической, анализирующей финансово-хозяйственную деятельность и налогообложение хозяйствующих субъектов» [5].

Все дело в том, что предмет исследования судебно-экономической экспертизы, хотя и отчасти сходится с предметом судебно-бухгалтерской экспертизы, характеризуется и значимыми различиями. В частности, судебно-бухгалтерская экспертиза исследует главным образом хозяйственные операции, отраженные в данных бухгалтерского учета и оперативного учета, тогда как судебно-экономическая экспертиза исследует хозяйственно-управленческую деятельность организации в целом, основываясь на данных бухгалтерского учета.

Объектами исследования экономической и бухгалтерской экспертиз могут быть одни и те же документы, но каждая экспертиза исследует интересующие следствие конкретные данные, содержащиеся в бухгалтерских документах и материалах уголовного дела.

Что касается предмета судебно-экономической экспертизы, то им, как небезосновательно полагает В.М. Волга, «является финансово-хозяйственная деятельность хозяйствующего субъекта, отраженная в документах или учетных регистрах, которая стала объектом судебного разбирательства и относительно которой эксперт-экономист дает заключение по вопросам, поставленным на его разрешение следователем, прокурором или судом» [5].

Специфика судебно-экономической экспертизы заключается в том, что объектами экспертного исследования выступают документальные данные – носители экономической информации. При этом, как объект познавательной деятельности эксперта-экономиста, данная информация предстает в виде системы различных логических признаков и экономических параметров, касающихся сферы хозяйственной деятельности. При этом экспертом-экономистом исследуются специфические явления и ситуации, выражающиеся системой экономических категорий, понятий, специальных терминов, относительных и абсолютных величин, графических и табличных построений. Эксперты-экономисты в состоянии установить и оценить признаки искажений экономической информации, определить и количественно измерить возникшие в результате этого негативные экономические явления и ситуации, выявить степень их негативного развития и влияния в целом на конечные результаты хозяйственно-финансовой деятельности.

Судебно-экономическая экспертиза дает ответы на вопросы не только о количественной и стоимостной оценке отдельных операций, но и хозяйственно-финансовой деятельности, ее статистических показателях по критериям целесообразности, обоснованности, эффективности, соответствия нормативно-правовым актам. При этом объектами судебно-

экономической экспертизы выступают: первичные документы по учету, контролю и движению товаров, продуктов, имущества; данные оперативного учета и отчетности о ходе финансово-хозяйственной деятельности (договоры, наряды на выполнение работ, акты их приемки; регистры бухгалтерского учета (аналитического и синтетического); бухгалтерская отчетность; налоговая отчетность; документы, отражающие источники составления финансово-экономических показателей деятельности организаций; документы по образованию и использованию производственных фондов (оплаты труда, экономического стимулирования и их расходования); план счетов бухгалтерского учета (их ведение в соответствии с требованиями действующих нормативных актов и учетной политикой организации); акты инвентаризаций (с приложением документов по учету активов и обязательств, применяемые методики их оценки); документы по организации технологии обработки учетной информации; материалы из уголовного дела.

К указанным выше объектам судебно-экономической экспертизы следует также отнести отчетные документы (балансы с приложениями, декларации о доходах), содержащие недостоверные сведения о результатах деятельности хозяйствующего субъекта. Кроме этого, исследованию подлежат распорядительно-исполнительные документы (в частности, первичные распорядительные документы, содержащие искаженные сведения о фактах деятельности хозяйствующего субъекта).

Маматханова Е.В., исследуя проблемы расследования преступлений в сфере экономической деятельности справедливо считает, что для проведения экономической экспертизы следователь должен иметь:

а) подлинную бухгалтерскую отчетность, которая имеется в налоговой инспекции и иных официальных организациях, подписанную лицами, отвечающими за ее достоверность;

б) систему счетных записей, включающую в себя регистры бухгалтерского учета, журналы-ордера, оборотные ведомости и т. п.

Данный Е.В. Маматхановой перечень может быть расширен, путем добавления к нему получения сведений о состоянии рынка ценных бумаг от федеральной комиссии по рынку ценных бумаг [6]. Подобранные для экспертизы первичные документы, группируются в хронологической последовательности с приложением иных документов, выдававшихся вкладчикам, а также платежных поручений, которые также группируются в хронологическом порядке с приложением счетов-фактур, товарно-транспортных накладных либо иных документов.

В числе таких Объектов исследования (документов) могут быть, по мнению Тимченко В.А. , акты ревизий, материалы по контролю за связанными ведением бухгалтерского учета, заключения судебных экспертиз с использованием других специальных знаний, протоколы допросов подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, «черновые записи» материально ответственных лиц [7].

По мнению Н.В. Шувалова, В.Н. Косарева «такие документы и имеют реальную доказательную силу по уголовному делу» [8].

Считаем важным обстоятельством, что разработка и использование в экспертной практике комплекса информационно-аналитических методов переориентировали судебно-экономическую экспертизу на качественный анализ отклонений в документальных данных, раскрытие механизма их образования и влияния на показатели хозяйственно-финансовой деятельности хозяйствующих субъектов.

Следственно-судебная практика свидетельствует, преступления в сфере экономической деятельности совершаются способами, когда только количественный подсчет данных бухгалтерского учета не решает всех криминалистических задач, осложненных участием в преступлении не одного человека, а организованной группы лиц, профессионально владеющих экономическими знаниями.

Оперировать созданными ими в бухгалтерском учете фальшивыми величинами и вытекающей из них ложной информацией, значит вводить правосудие в заблуждение. Чтобы избежать этого, в судебно-экономических экспертизах нужно использовать качественный логико-информационный анализ имеющихся документальных данных на основе широкого круга специфических приемов и методов.

Таким образом, автор делает вывод, что термин «специальные» знания, является отраслевым, отграничивающим профессиональный теоретический уровень, практический навык и опыт специалистов-экономистов от компетенции специалистов других областей знаний. Данный термин имеет юридическую значимость, поскольку определяет действия специалиста-экономиста по исследованию спектра специфических экономических вопросов для уголовного судопроизводства.

В итоге отметим, эксперт-экономист должен владеть специальными знаниями судебной бухгалтерии, налогового права, товароведения, информатики, но при их неполноте у одного лица, целесообразно назначение и производство комплексных судебных экономических экспертиз. Это способствует большей эффективности установления фактов неправильной плановой политики, недостоверных результатов в отчетности и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Скрыбикова Т.С. Специальные бухгалтерские и экономические познания при расследовании преступлений // Сиб. Юр. Вестник. 2001. № 3.
2. Джумамуратов Ш.Я. Применение специальных экономических познаний на предварительном следствии. Ташкент, 1991.
3. Михайлова Л.Л. Комплексная судебно-экономическая экспертиза как средство расследования и предупреждения преступлений в сфере предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
4. Горбачев А.В., Колотушкин С.М., Кочубей А.В. Налоговые преступления: основы технико-криминалистического обеспечения. Волгоград, 2005.
5. Волга В.М. Судебно-экономическая экспертиза: общие положения и специфика производства на стадии предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.
6. Маматханова Е.В. Криминалистические и правовые проблемы расследования незаконного предпринимательства и лжепредпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.
7. Тимченко В.А. Бухгалтерские документы и записи при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу // Законность, 2000. № 10.
8. Шувалов Н.В., Косарев В.Н. Уголовно-правовые и криминалистические вопросы борьбы с уклонением от уплаты налогов// Криминалистические проблемы борьбы с преступлениями в сфере экономики. Волгоград, 2000.

REFERENCES

1. Skryabikova T.S. Specialized accounting and economic knowledge in crime investigation // Sib. Legal Bulletin. 2001. № 3.
2. Dzhumamuratov Sh. Ya. Application of special economic knowledge during preliminary investigation. Tashkent, 1991.
3. Mikhailova L.L. Comprehensive forensic economic examination as a means of investigating and preventing crimes in the sphere of entrepreneurial activity: Abstract of a PhD thesis. Moscow, 2007.
4. Gorbachev A.V., Kolotushkin S.M., Kochubey A.V. Tax crimes: Fundamentals of technical and forensic support. Volgograd, 2005.
5. Volga V.M. Forensic economic examination: general provisions and specifics of proceedings at the preliminary investigation stage: PhD thesis. Volgograd, 2006.
6. Mamatkhanova, E.V. Forensic and Legal Issues in Investigating Illegal Entrepreneurship and Pseudo-Entrepreneurship: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Volgograd, 2004.
7. Timchenko, V.A. Accounting Documents and Records in Establishing Circumstances Subject to Proof in a Criminal Case // Legality, 2000, No. 10.
8. Shuvalov, N.V., Kosarev, V.N. Criminal-Law and Forensic Issues in Combating Tax Evasion // Forensic Issues in Combating Economic Crimes. Volgograd, 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Еремин Сергей Германович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования УНК по ПС в ОВД. Волгоградская академия МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eremin Sergey Germanovich, Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Preliminary Investigation of the UNC on PS in the Department of Internal Affairs Bodies. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2025. № 4(115). – С. 166–171.
Jurist-Pravoved. 2025. № 4(115). – Pp. 166–171.

Научная статья
УДК 343.2/7

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Илиджев Александр Алексеевич

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Российская Федерация
ilidsasha@yandex.ru

Соколов Олег Валерьевич

Кировский районный суд г. Казани, Казань, Российская Федерация
sokolovov@mail.ru

Илиджев Алексей Александрович

Российский государственный университет правосудия (филиал), Казань, Российская Федерация
aleksei.ilidzhev04@gmail.com

Введение: в статье рассматриваются теоретико-практические аспекты регулирования в уголовном праве понятия преступления при выявлении взаимосвязи с его криминалистической характеристикой. Анализируются проблемы определения понятия преступления, его родовых и видовых признаков, имеющих нормативный характер, и предлагаются пути их решения.

Материалы и методы: методологическую основу статьи составил всеобщий метод диалектического познания. Также использованы общенаучные исследовательские методы, в частности, сравнительно-правовой, системно-структурный, правового моделирования, лингвистический. В качестве частнонаучного метода познания применялся анализ.

Результаты исследования: в ходе исследования авторы с использованием понятийно-терминологического инструментария провели анализ некоторых признаков понятия преступления, которые имеют определяющее значение в уголовно-правовой и криминалистической сферах научного знания. Определена родовидовая сущность признаков понятия преступления в уголовном праве, ключевое значение в которой имеет деяние. Удалось установить закономерные взаимосвязи уголовно-правовых и криминалистических признаков характеристики преступления.

Выводы и заключения: в результате исследования сущностных особенностей преступления, с учетом различных подходов в отечественном уголовном праве к его понятию и юридической природе предлагается и обосновывается авторская позиция относительно классификации его родовидовых признаков, а также аргументируется преимущество данного подхода. Раскрыта интегративная сущность криминалистической характеристики преступления, имеющая важное научное значение для развития уголовного права и криминалистики.

Ключевые слова: преступление, деяние, родовой признак, криминалистическая характеристика преступления, методика расследования, механизм совершения преступления.

Для цитирования: Илиджев А. А., Соколов О.В., Илиджев А. А. Некоторые вопросы определения сущности преступления: уголовно-правовой и криминалистический аспект / А. А. Илиджев, О.В. Соколов, А. А. Илиджев // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 166–171.

Original paper

SOME ISSUES OF DETERMINING THE NATURE OF A CRIME: CRIMINAL LAW AND FORENSIC ASPECT

Ildzhev Alexander Alekseevich

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russian Federation

Sokolov Oleg Valerievich

Kirovsky District Court of Kazan, Kazan, Russian Federation

Ilidzhev Alexey Alexandrovich

Kazan branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation

Introduction: the article examines the theoretical and practical aspects of regulation of the concept of crime in criminal law, identifying the relationship with its forensic characteristics. The problems of defining the concept of crime, its generic and specific features that have a normative nature are analyzed, and ways to solve them are proposed.

Materials and methods: the methodological basis of the article was the general method of dialectical cognition. General scientific research methods were also used, in particular, comparative legal, systemic-structural, legal modeling, linguistic. Analysis was used as a specific scientific method of cognition.

Results of the study: during the study, the authors, using conceptual and terminological tools, analyzed some features of the concept of crime, which are of decisive importance in the criminal-legal and forensic spheres of scientific knowledge. The generic essence of the features of the concept of crime in criminal law, in which the act is of key importance, was determined. It was possible to establish the regular interrelations of criminal-legal and forensic features of the characteristics of a crime.

Findings and conclusions: as a result of the study of the essential features of the crime, taking into account the various approaches in domestic criminal law to its concept and legal nature, the author's position on the classification of its generic features is proposed and substantiated, and the advantage of this approach is argued. The integrative essence of the forensic characteristics of a crime is revealed, which has important scientific significance for the development of criminal law and forensic science.

Keywords: crime, act, generic feature, forensic characteristics of crime, investigation methods, mechanism of committing a crime.

For citation: Ilidzhev A. A., Sokolov O. V., Ilidzhev A. A. Some issues of determining the essence of a crime: criminal-legal and forensic aspect / A. A. Ilidzhev, O. V. Sokolov, A. A. Ilidzhev // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 166–171.

Понятие «преступление» прямо сформулировано в УК РФ. Согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ, преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания. В уголовно-правовой науке отношение к данной дефиниции доходит до кардинально противоположного.

Одно направление заключается в констатации того, что определение преступления в ч. 1 ст. 14 УК РФ в основном приемлемо (А.П. Козлов, В.В. Мальцев и др.) [1, с. 171; 2, с. 134]. Тенчов Э.С. даже утверждал, что в законе «удалось дать опирающееся на достижения уголовно-правовой науки и отечественные традиции официальное определение», и допускал вероятность завершения дискуссии «о дефиниции преступления в российском уголовном праве» [3, с. 85].

Другое направление свидетельствует об обратном. Оно связано с поисками более удачной формулировки понятия преступления (Е.А. Азарян, И.Я. Гонтарь, Б.Т. Разгильдиев и др.) [4, с. 22; 5, с. 26; 6, с. 35].

На наш взгляд, нормативное понятие преступления является родовидовым и включает следующие признаки: 1) деяние; 2) а) совершенное, б) общественно опасное, в) запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания и г) виновное. При этом первый из названных признаков необходимо считать родовым, остальные же – видовыми.

Однако в современной теории уголовного права имеются и другие подходы к признакам понятия преступления, отличающиеся от законодательного решения:

- во-первых, обычно все сводится к признакам понятия преступления, названным нами видовыми; признак же, определенный как родовой, выделяется не часто (А.М. Смирнов, Лопашенко Н.А. и др.) [7, с. 33; 8, с. 418; 9, с. 305];

- во-вторых, признак «совершенное» нам вообще ни у кого из авторов не встретился;

- в-третьих, запрещенность Уголовным кодексом под угрозой наказания нередко представляется в виде двух признаков – запрещенность (противоправность) и наказуемость (Р.Р. Галиакбаров, М.Д. Лысов, А.В. Наумов и др.) [10, с. 70; 11, с. 110; 12, с. 310];

- в-четвертых, объем признаков, названных нами видовыми, расширяется (А.И. Марцев, Морозов В.И., Э.С. Тенчов и др.) [3, с. 86; 13, с. 26; 14, с. 101] или, напротив, сужается (А.П. Козлов, Ю.Е. Пудовочкин, А.А. Турышев и др.) [1, с. 753; 15, с. 24; 16, с. 142].

Важнейшее значение имеет родовой признак понятия преступления. Его отражение в законе в качестве именно родового у нас не вызывает сомнений, ибо все остальные признаки

только характеризуют как виновное, совершенное, общественно опасное и запрещенное под угрозой наказания именно деяние. Другое дело – понимание данного признака. С этим особой ясности нет.

Вместе с тем сначала попробуем разобраться с тем, почему признак деяния редко указывается и анализируется в уголовно-правовой литературе. Вероятно, определенным препятствием к этому служит взгляд, что «деяние не признак преступления, а само явление, даваемое нам в непосредственном восприятии, и то, каким образом совершается преступление, а также способ причинения вреда объекту или постановки его в опасность причинения такого вреда» [13, с. 25]. Даже если не иметь в виду букву закона, приведенное мнение, думается, не учитывает, что с того момента как деяние отражено в тексте закона, в последнем оно, на наш взгляд, уже все-таки – не само явление, а признак понятия преступления.

В контексте исследования такой категории как «деяние», относящемуся, как мы уже отмечали, к родовому признаку преступления довольно интересной представляется криминалистический анализ самого преступления. Используя индуктивный метод мышления, отметим, что в основном в учебной литературе по уголовному праву, рассматривая вопросы его взаимосвязи с другими дисциплинами, мало где раскрывается взаимодействие с криминалистикой. Наоборот, в учебной литературе по криминалистике довольно часто можно встретить анализ ее взаимосвязи с уголовным правом. Вероятно, этому имеется разумное объяснение. В частности, для этого целесообразно привести слова известного ученого в области криминалистики Ганса Гросса, который сказал: «Криминалистика по своей природе начинается там, где уголовное право тоже по своей природе заканчивает свою работу» [17, с. VII]. И далее он пишет: «Уголовное право не является наукой для себя, и самые ценные из положений, им установленных, имеют, в конце концов, только одну цель – получить практическое применение» [17, с. VIII–IX].

В аспекте исследования взаимосвязи уголовного права и криминалистики довольно интересной представляется рассмотрение системы последней. Относительно систематизации криминалистики в науке сложились различные подходы. Некоторые авторы в основном выделяют четыре раздела криминалистики, а именно введение в науку, криминалистическая техника, криминалистическая тактика, криминалистическая методика [18, с. 23]. В области систематизации криминалистики заслуживает внимания подход Плескачевского В.М., который наряду с четырьмя указанными разделами предлагает рассматривать еще один, в частности организация раскрытия и расследования преступлений [19, с. 21–23]. Некоторые из выделенных разделов криминалистики особенно тесно «соприкасаются» с уголовным правом.

В частности, совершенно верно отмечается, что «прежде чем расследовать преступление, необходимо уяснить его сущность, какими признаками оно характеризуется» [20, с. 6]. Именно уголовное право помогает раскрывать в криминалистике механизм совершения преступления, разрабатывать общие и частные методики расследования преступления. И наоборот, именно криминалистика, наряду с формальным уголовным правом (уголовное процессуальное право) позволяет экстраполировать те или иные положения уголовного закона в плоскость реальной действительности. Иными словами наблюдается неразрывная и эффективная взаимосвязь уголовного права и криминалистики, «плоды» которой взаимовыгодно обогащают обе науки. В контексте изложенного заслуживают внимания некоторые взгляды ученых о том, что «совершенствование уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, актуальных для работы с генетической информацией применительно к уголовному судопроизводству, не является самоцелью, а ставит перед криминалистикой новые задачи, обеспечивающие высокую результативность применения этих норм» [21, с. 98–99]. Иными словами подчеркивается интегративная сущность некоторых криминалистических категорий, имеющих значение, в том числе и для развития уголовного права.

Одним из фундаментальных вопросов при определении взаимосвязи уголовного права и криминалистики является криминалистическая характеристика преступления. Свою лепту в разработку этой научной категории в криминалистике внесли такие видные ученые, как Белкин Р.С., А.Н. Васильев, И.А. Возгрин, В.К. Гавло, А.Н. Колесниченко, В.А. Образцов, Пантелеев И.Ф., Л.А. Сергеев, Н.П. Яблоков и др.

Как справедливо отмечает О.В. Айвазова «сам по себе факт введения в понятийную систему криминалистики указанной научной абстракции свидетельствует о возникновении определенной научной тенденции. А именно: на определенном этапе развития криминалистического научного знания в коллективном сознании исследователей актуализировалась потребность в системном познании закономерностей преступной деятельности» [22, с. 153]. Мы полностью солидарны с взглядами указанного ученого.

Однако вернемся в лоно сугубо уголовно-правовой науки. С точки зрения логики родовой признак относит любое понятие к определенной группе явлений. Соответственно он не может быть тождественным раскрываемому понятию.

Отсюда деяние в ч. 1 ст. 14 УК РФ не равно преступлению [9, с. 302], и, вопреки иному подходу [2, с. 133], ставить знак равенства между деянием и преступлением нельзя. Более того, нельзя согласиться с тем, что в определение может быть введен синоним преступления [1, с. 171–172]. Синоним в языкознании – слово, совпадающее или близкое по значению с другим словом [23], например, преступление и преступное деяние. Синонимы имеют одинаковое смысловое значение и образуют круг в определении.

С нашей точки зрения, деяние – это преступление плюс иные деяния или, говоря иначе, помимо преступлений, явно должны быть какие-то еще деяния. И они, действительно, предусмотрены в УК РФ. Их, по существу, две группы. Одну из них можно определить как уголовно-правовую, другую – как не уголовно-правовую.

В первую группу входят деяния, приведенные в УК РФ непосредственно. Это деяния, совершаемые невменяемыми (ч. 1 ст. 21 УК РФ), несовершеннолетними лицами, достигшими возраста наступления уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, не способными в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ч. 3 ст. 20), а также свершенные невиновно (ст. 28).

Во вторую группу входят малозначительные деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Они явно должны существовать вне сферы уголовного права. Правда, как соответствующие деяния в российском законодательстве прямо определены лишь дисциплинарные проступки участников образовательного процесса¹.

Наличие выделенных групп деяний прямо следует из положений ч. 2 ст. 2 УК РФ. В законе говорится о признании преступлениями опасных для личности, общества или государства деяний, что, по нашему мнению, означает, с одной стороны, возможность получения уголовно-правового статуса далеко не всеми деяниями, а с другой стороны, наличие неопасных деяний и, хотя и опасных, но не признанных преступлениями.

Что имеется в виду под деянием вообще, раскрывается в русском языке, в соответствии с которым деяние – действие, поступок, при этом действием признается и поступок, а поступком считается действие [23, с. 244, с. 254, с. 850]. В Общей части УК РФ о деянии говорится как о действии и (или) бездействии (ч. 2 ст. 14), а также как о том, в чем содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом (ч. 1 ст. 29) [24, с. 18].

Как представляется, на основании закона узко понимание деяния как охватывающего не только действие и бездействие, но и наступившие в их результате последствия (Н.А. Лопашенко, А.И. Марцев и др.) [9, с. 91; 13, с. 25], но неприемлема и критика такого подхода с оставлением за деянием широко принятого значения лишь действий и бездействия [25, с. 87]. Другое дело, что законодатель проявил непоследовательность в использовании термина «деяние», но, думается, не логично в родовом признаке понятия преступления видеть тоже, что и в признаке объективной стороны преступления, и лучше иначе, чем исторически сложилось, именовать то, что объединяет действие и бездействие [7, с. 172].

Как же следовало бы адекватно раскрывать родовой признак понятия преступления? Козлов А.П. признал самым приемлемым синонимом термина «преступление» термин «нарушение» [1, с. 172]. Конечно, на основании общепринятых положений общей теории права (право) нарушение – не синоним преступления, а более широкое понятие, включающее, помимо преступления, иные нарушения, но именно это качество нарушения и позволяет безболезненно для уголовного права раскрывать деяние в качестве родового признака понятия преступления. Итак, по нашему мнению, деяние в ч. 1 ст. 14 УК РФ должно означать именно нарушение, а, каково оно, уточняется с помощью видовых признаков понятия преступления.

С точки зрения логики видовые признаки любого понятия должны отражать специфику определяемого явления в отличие от других явлений. Соответственно, на наш взгляд, лишь с большой натяжкой можно согласиться с Н.А. Лопашенко в том, что все признаки, перечисленные в понятии преступления, предусмотренном ч. 1 ст. 14 УК РФ, «являются признаками не преступления, а только деяния» [9, с. 300]. Они, скорее всего, – признаки и понятия преступления, и деяния. Разница заключается в том, что понятие преступления ими исчерпывается, а деяние обладает и другими признаками.

¹ Модельный закон об ответственности участников образовательного процесса (Принят в г. Санкт-Петербурге 23 ноября 2012 г. Постановлением 38-8 на 38-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ); Постановление № 51-20 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Принято в г. Санкт-Петербурге 27 ноября 2020 г.).

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что понятие преступления, предусмотренное ч. 1 ст. 14 УК РФ, является родовидовым и включает следующие признаки: 1) деяние (родовой признак); 2) а) совершенное, б) общественно опасное, в) запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания и г) виновное (видовые признаки). Исследование криминалистической характеристики преступления имеет важнейшее значение для развития уголовно-правовой и криминалистической науки и подтверждает интегративную сущность рассматриваемых в них категорий и явлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004.
2. Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть: в 4 т. Преступление. Категория «преступление» в уголовном праве. М., 2017. Т. 3.
3. Уголовное право России. Часть Общая / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999.
4. Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве (логико-методологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 1997.
5. Азарян Е.Р. Преступление. Наказание. Правопорядок. СПб., 2004.
6. Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2008. Т. 2
7. Благоев Е.В. Уголовное право России. Общая часть – учебник для бакалавров. М., 2013.
8. Смирнов А.М. О дефиниции понятия «преступление» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 3. Т. 12.
9. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. М., 2020.
10. Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999.
11. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф.Р. Сундукова. Казань, 2003.
12. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2018.
13. Марцев А.И. Преступление: социально-правовой анализ. Омск, 2012.
14. Морозов В.И. К вопросу о понятии и признаках преступления // Актуальные проблемы учения о преступлении. Омск, 2020.
15. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении. М., 2009.
16. Турышев А.А. Понятие преступления // Актуальные проблемы учения о преступлении. Омск, 2020.
17. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002.
18. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. А.Ф. Лубина. М., 2019.
19. Криминалистика: учебник для вузов / под редакцией А.Г. Филиппова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2020.
20. Криминалистика: учебник для бакалавров и специалистов / отв. ред. Е.П. Ищенко. М., 2020.
21. Варданян А.В. Криминалистическая генотипоскопия в контексте интегративной природы криминалистического научного знания // Юрист-Правовед. 2024. № 2 (109).
22. Айвазова О.В. Криминалистическая характеристика преступлений как систематизированное отражение механизма преступной деятельности: результаты научной полемики // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389.
23. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. М., 2016.
24. Балашов С.К. Анализ различных точек зрения на содержание понятий: преступление, деяние и общественно опасные действия (бездействие) // Российский следователь. 2015. № 10.
25. Сабитов Р.А., Сабитов Т.Р. Уголовное право. Общая часть. Челябинск, 2020.

REFERENCES

1. Kozlov A.P. The Concept of Crime. St. Petersburg, 2004.
2. Mal'tsev V.V. Course of Russian Criminal Law. General Part: in 4 volumes. Crime. The Category of "Crime" in Criminal Law. Moscow, 2017. Vol. 3.
3. Criminal Law of Russia. General Part / edited by L.L. Kruglikov. Moscow, 1999.
4. Gontar I.Ya. Crime and Composition of a Crime as Phenomenon and Concept in Criminal Law (Logical and Methodological Aspects): Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Vladivostok, 1997.

5. Azaryan E.R. Crime. Punishment. Law and Order. St. Petersburg, 2004.
6. Criminal Law of Russia: Lecture Course: in 6 volumes / edited by B.T. Razgildieva. Saratov, 2008, Vol. 2
7. Blagov, E.V. Criminal Law of Russia. General Part – a textbook for bachelors. Moscow, 2013.
8. Smirnov, A.M. On the Definition of the Term “Crime” in the Criminal Code of the Russian Federation // All-Russian Criminological Journal. 2018, No. 3, Vol. 12.
9. Lopashenko, N.A. Reflections on Criminal Law. Principles of Criminal Legislation. Criminal Law. Crime, Misdemeanor, and Corpus Delicti. Moscow, 2020.
10. Galiakbarov, R.R. Criminal Law. General Part. Krasnodar, 1999.
11. Criminal Law of Russia. General Part / edited by F.R. Sundurov. Kazan, 2003.
12. Naumov, A.V. Russian Criminal Law. General Part: Lecture Course. Moscow, 2018.
13. Martsev, A.I. Crime: Social and Legal Analysis. Omsk, 2012.
14. Morozov, V.I. On the Concept and Elements of Crime // Current Issues in the Theory of Crime. Omsk, 2020.
15. Pudovochkin, Yu.E. The Theory of Crime. Moscow, 2009.
16. Turyshchev, A.A. The Concept of Crime // Current Issues in the Theory of Crime. Omsk, 2020.
17. Gross, G. A Guide for Forensic Investigators as a System of Forensic Science. Moscow, 2002.
18. Forensic Science: Lecture Course / edited by Prof. A.F. Lubin. M., 2019.
19. Forensic Science: Textbook for Universities / edited by A.G. Filippov. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow, 2020.
20. Forensic Science: Textbook for Bachelors and Specialists / edited by E.P. Ishchenko. Moscow, 2020.
21. Vardanyan A.V. Forensic Genotiposcopy in the Context of the Integrative Nature of Forensic Scientific Knowledge // Yurist-Pravoved. 2024. № 2 (109).
22. Aivazova O.V. Forensic Characteristics of Crimes as a Systematized Reflection of the Mechanism of Criminal Activity: Results of Scientific Debate // Bulletin of Tomsk State University. 2014. № 389.
23. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. 27th edition, revised. Moscow, 2016.
24. Balashov, S.K. «Analysis of Various Views on the Concepts of Crime, Act, and Socially Dangerous Actions (Inactions)» // Rossiyskiy Investigator. 2015. № 10.
25. Sabitov, R.A., Sabitov, T.R. «Criminal Law. General Part». Chelyabinsk, 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Илиджев Александр Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД. Казанский юридический институт МВД России. 420108, Российская Федерация, г. Казань, ул. Магистральная, д. 35.
ORCID: 0000-0001-6624-7688

Соколов Олег Валерьевич, председатель Кировского районного суда г. Казани. 420032, Российская Федерация, г. Казань, ул. Шоссейная, д. 3.

Илиджев Алексей Александрович, аспирант. Российский государственный университет правосудия (филиал). 420088, Российская Федерация, г. Казань, ул. 2-я Азинская, д. 7а.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ildzhev Alexander Alekseevich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Law, Administrative Activities and Management of the Department of Internal Affairs. Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 35, Magistralnaya St., Kazan 420108 Russian Federation.

Sokolov Oleg Valerievich, Chairman of the Kirovsky District Court of Kazan. 3, Shosseynaya St., 420032 Kazan Russian Federation.

Ildzhev Alexey Alexandrovich, Postgraduate student. Kazan branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice» (Kazan). 7a, 2-ya Azinskaya St., Kazan 420088 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2025. № 4(115). – С. 172–176.
Jurist-Pravoved. 2025. № 4(115). – Pp. 172–176.

Научная статья
УДК 343.851.5

ПРАВСТВЕННО-ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ФОРМА АНТИКРИМИНАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Каснова Мария Сергеевна

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация
mariya_iv23@mail.ru

Введение: в условиях роста подростковой сексуальной преступности и кризиса воспитательных институтов актуализируется необходимость интеграции МВД России в нравственно-половое воспитания (НПВ) российских школьников.

Материалы и методы: в ходе исследования использован системный метод, а также основные логические методы познания, такие как дедукция и индукция. Материальную базу исследования составили статистические данные по проблематике преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенных несовершеннолетними.

Результаты исследования: обоснована эффективность участия представителя МВД России в НПВ российских школьников в форме антикриминальной пропаганды.

Выводы и заключения: представлена модель взаимодействия МВД России и школы, включающая лекции, правовое просвещение и межведомственное сотрудничество. Интеграция МВД России в школьное НПВ способствует снижению сексуальных правонарушений и формированию правовой культуры подростков.

Ключевые слова: преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, ранняя профилактика правонарушений сексуальной направленности, антикриминальная пропаганда, девиантное поведение, воспитательный процесс.

Для цитирования: Каснова М. С. Нравственно-половое воспитание несовершеннолетних как форма антикриминальной пропаганды сексуальных преступлений / М. С. Каснова // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 172–176.

Original paper

MORAL AND SEXUAL EDUCATION OF MINORS AS A FORM OF ANTI-CRIMINAL PROPAGANDA OF SEXUAL CRIMES

Kasnova Maria Sergeevna

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: in the context of the growth of adolescent sexual crime and the crisis of educational institutions, the need to integrate the Ministry of Internal Affairs into the moral and sexual education of Russian schoolchildren is becoming urgent.

Materials and methods: the research uses a systematic method, as well as basic logical methods of cognition, such as deduction and induction. The material basis of the study was statistical data on the problems of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual committed by minors.

Results of the study: the effectiveness of the participation of the representative of the Ministry of Internal Affairs in the NIP of Russian schoolchildren in the form of anti-criminal propaganda is substantiated.

Findings and conclusions: a model of interaction between the Ministry of Internal Affairs and the school is presented, including lectures, legal education and interdepartmental cooperation. The integration of the Ministry of Internal Affairs into the school NIP contributes to the reduction of sexual offenses and the formation of a legal culture of adolescents.

Keywords: the role of an employee of the Ministry of Internal Affairs in moral and sexual education, crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual, early prevention of sexual offenses, anti-criminal propaganda, deviant behavior, educational process.

For citation: Kasnova M. S. Moral and sexual education of minors as a form of anti-criminal propaganda of sexual crimes / Kasnova M. S. Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 172–176.

Нравственнополовое воспитание (далее – НПВ) представляет собой один из важнейших, но одновременно сложных и дискуссионных компонентов системы воспитательной и профилактической работы в современном обществе. В условиях роста социальных вызовов: сексуального насилия, девиантного поведения, кризиса семейных ценностей роль этого направления становится особенно актуальной. Однако существующая практика полового образования зачастую ограничивается медицинским или гигиеническим подходом, а аспекты нравственности, ответственности, прав и границ личности остаются формальными или пренебрегаемыми. В такой ситуации привлечение к системной воспитательной работе сотрудников органов внутренних дел (далее – МВД России) как активных субъектов антикриминальной пропаганды может значительно усилить профилактический потенциал НПВ и повысить его эффективность.

Цель данной статьи – обосновать и раскрыть концепцию интеграции сотрудников правоохранительных органов в систему нравственнополового воспитания школ как формы антикриминальной пропаганды, сформулировать теоретические основания, правовые и криминологические аргументы, а также указать пути внедрения такой практики. При этом акцент делается на то, что сотрудники МВД могут выступать не просто контролерами, но партнерами и наставниками в воспитательном процессе, обладая ресурсами, авторитетом и знанием правовых проблем, связанных с преступлениями в данной сфере.

С точки зрения криминологии, превенция сексуальных правонарушений среди несовершеннолетних является важной задачей социального регулирования и правового контроля. Грибанов Е.В. справедлив в том, что половая свобода и неприкосновенность не получает адекватного имеющимся угрозам внимания, в том числе, в форме антикриминальной пропаганды [1, с. 26]. Вельданова Ф.Д. выделяет, что НПВ играет существенную роль в формировании устойчивых моральных ориентаций, включая уважение к личности, ответственности за собственное тело, понимание границ и прав другого человека [2, с. 42]. В педагогике данная тема также активна, акцентируется важность единства духовнонравственного и полового измерения воспитания [3, с. 284]. В материалах конференций и педагогических журналах подчёркивается, что воспитание сексуальной культуры должно включать нравственные, психологические и правовые компоненты.

В российской практике МВД России уже ведется работа по нравственноправовому воспитанию курсантов и сотрудников. По мнению А.А. Беженцева и Н.А. Игошина, «система нравственно-правового воспитания в образовательных организациях МВД России является важной и необходимой составляющей воспитательного процесса» [4, с. 150]. Также М.Р. Илакавичус рассматривает духовнонравственное воспитание сотрудников как педагогическую модель, встроенную в политиковоспитательную работу ведомства [5, с. 252].

С точки зрения социальнополитической значимости, интеграция МВД России в школьное НПВ в форме антикриминальной пропаганды может способствовать укреплению правового сознания молодежи, снижению конфликтного потенциала, ранней профилактике правонарушений сексуальной направленности, повышению доверия к правоохранительным институтам. Такой подход отвечает целям государственной политики защиты несовершеннолетних, формирования гражданственности и законопослушания, устойчивой социальной гармонии.

Обратимся к плану мероприятий по нравственно половому воспитанию обучающихся одной из общеобразовательных школ¹. В данном плане указано, что одной из форм работы с детьми и подростками является профилактика сексуального насилия. Здесь же, для учащихся 5–9 классов в пункте 9 работы с обучающимися в разделе «Уроки нравственности» предусмотрено информирование (в какой форме не указано) о преступлении и правонарушении. В качестве субъекта такого информирования указан классный руководитель. Представляется, что это специализированная тема и проводить

¹ План по нравственному половому воспитанию обучающихся МОУ гимназии 7 на 2025–2026 учебный год.
URL: https://lytgimnazian7.edumsko.ru/activity/psih_ped/support/doc/2364937 (дата обращения: 07.10.2025).

разъяснительную работу классные руководители должны с привлечением специального субъекта – сотрудника полиции. Представители МВД России хорошо знакомы со способами и формами совершения таких преступлений, могут и должны проводить антикриминальную пропаганду преступлений. Антикриминальная пропаганда таких преступлений как против половой неприкосновенности и половой свободы личности не может осуществляться без сотрудников полиции.

Нравственнополовое воспитание можно определить как целенаправленный педагогический процесс формирования у школьников нравственных ценностей, установок и компетенций, связанных с половым бытием, телесностью, личной и общественной ответственностью, уважением прав и границ другого, с учетом правового и этического аспектов.

Обратившись к статистическим данным преступлений, совершенных против половой неприкосновенности и половой свободы личности, можно увидеть обратную картину, касаемо уважения и соблюдения личных прав и границ. В 2023 г. несовершеннолетние совершили – 291 преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности. В возрасте 14–15 лет совершено – 155 преступлений, 16–17 – 136. В 2024 г. всего – 344, из них на 14–15 пришлось – 188 преступлений, 16–17 – 156 соответственно². Рост преступлений в данной сфере указывает на недостаточную профилактику таковых.

Структуру антикриминальной пропаганды в этой области можно представить через четыре взаимосвязанных компонента:

- информационный – предоставление достоверных сведений о правах, механизмах защиты и профилактике насилия;
- правовой – ознакомление с нормами законодательства, мерами ответственности и последствиями преступных действий;
- практический – моделирование ситуаций, дискуссии, тренинги, ролевые игры и анализ реальных кейсов;
- социальный – вовлечение внешних субъектов: семьи, психологов, педагогов и, что особенно важно, представителей правоохранительных органов.

Важно подчеркнуть, что НППВ не сводится к «половому просвещению» в медицинском смысле, а включает в себя нравственную и правовую компоненты, формирует культурные установки и устойчивые нормы поведения, что делает его системной педагогической задачей. Следовательно, сотрудники полиции могут и должны стать субъектами НППВ в школах.

Привлечение сотрудников полиции к этой работе обосновано рядом аргументов. Во-первых, они обладают правовым и криминологическим ресурсом, позволяющим разъяснять подросткам границы дозволенного, механизмы защиты и последствия сексуальных правонарушений. Во-вторых, полиция выполняет превентивную функцию, и ее участие в воспитании создает ранний уровень воздействия – еще до совершения правонарушения. В-третьих, авторитет сотрудника полиции в школьной среде способствует формированию уважения к закону и компенсирует дефицит доверия к государственным институтам. В-четвертых, сотрудники МВД России могут выступать связующим звеном между школой, психологами, социальными службами и правоохранительной системой. Наконец, они обладают наблюдательной и аналитической функцией, позволяющей выявлять тенденции девиантного поведения и своевременно направлять информацию иным субъектам профилактики.

С учетом этих аргументов можно выделить конкретные функции сотрудников МВД России в системе школьного НППВ в форме антикриминальной пропаганды:

- проведение лекций, семинаров и тематических занятий;
- участие в разработке методических материалов, кейсов, сценариев ситуаций;
- организация встреч «вопрос – ответ» с учениками;
- консультирование педагогов и администрации школ по правовым аспектам;
- координация сотрудничества с правоохранительными и социальными службами;
- мониторинг и анализ нарушений, выработка рекомендаций.

Важно, чтобы участие сотрудников МВД России не носило лишь формальный характер полицейского контроля, а было интегрировано в воспитательный контекст, с педагогическим подходом, с уважением к автономии учащихся и этике профессии.

Соответствующая подготовка в образовательных учреждениях МВД России уже ведется, с курсантами и слушателями используются методы лекционно-кейсового подхода, дискуссий и правовых анализов [6, с. 148]. В Краснодарском университете МВД России преподается дисциплина «Основы антикриминальной пропаганды», а в учебном процессе активно используются лекционно-кейсовые методы, дискуссии и правовой анализ.

² Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.apii-press.pf/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 15.09.2025).

В психолого-педагогических исследованиях подчеркивается эффективность взаимодействия семьи, школы и образовательных учреждений в контексте нравственно-полового воспитания [7, с. 274]. По аналогии представляется целесообразным включить в эту триаду и представителя МВД России, создав устойчивую модель «семья – школа – правоохранительные органы». Подобный межведомственный подход уже обосновывается в научной литературе: в трудах исследователей обсуждаются принципы интеграции нравственного, правового и профессионального подходов в системе МВД России [8, с. 18], роль духовно-нравственного воспитания как инструмента внутриведомственной работы [9, с. 250], а также прямая связь с профилактикой сексуальных правонарушений [10, с. 109].

Таким образом, концепция участия сотрудников полиции в школьном НПП в форме антикриминальной пропаганды опирается как на педагогические, так и на криминологические исследования. Для ее реализации целесообразно разработать методическую модель, основанную на следующих принципах:

- партнерства – сотрудник полиции как равноправный участник информационного процесса;
- дифференциации – учет возрастных и психологических особенностей учащихся;
- этического нейтралитета – отказ от морализаторства и принуждения;
- системности – формирование НПП как долгосрочной программы, а не разовые мероприятия;
- междисциплинарности – объединение правового, педагогического, этического, психологического подходов;
- мониторинга и обратной связи – оценка эффективности и корректировка практик.

Предлагаемая модель может быть реализована в пять этапов: подготовительный (согласование, разработка материалов, обучение сотрудников), пилотное внедрение, оценка и корректировка, расширение и тиражирование, а также сопровождение и обеспечение устойчивости. В рамках модели могут применяться разнообразные методы: лекции, дискуссии, ролевые игры, симуляции, анкетирование, проектная деятельность и совместные мероприятия «школа – полиция».

Преимущества предлагаемой модели:

- усиление профилактического потенциала школьного воспитания;
- развитие правового сознания и нравственных ориентиров у подростков;
- снижение риска сексуальных правонарушений и девиантного поведения;
- укрепление доверия к правоохранительной системе и формирование положительного имиджа МВД России как защитника законности и нравственности;
- интеграция образовательных и правовых институтов, усиление межведомственной координации.

Нравственно половое воспитание школьников – это важный, но недостаточно реализованный компонент системы воспитания и профилактики правонарушений. В современных условиях, когда подростковая преступность сталкивается с многочисленными внешними рисками и нарушениями, важно усиливать воспитательный комплекс, интегрируя не только нравственные, психологические, но и правовые элементы.

Привлечение сотрудников МВД России в качестве субъектов воспитательной работы – целесообразный и перспективный шаг: они обладают правовыми компетенциями, превентивной функцией и авторитетом, что позволит повысить эффективность профилактики правонарушений сексуального характера и укрепить правовое сознание подростков. При этом важно, чтобы такая деятельность была педагогически выверенной, этически взвешенной и согласованной с образовательной системой, чтобы не превратиться в репрессивный элемент.

Таким образом, концепция «Школа + МВД» в области нравственно полового воспитания посредством антикриминальной пропаганды представляет собой сочетание педагогики и криминологии, воспитания и превенции, и имеет потенциал стать частью комплексной государственной и образовательной стратегии укрепления не только нравственного сознания, но и правоспособности молодежи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грибанов Е.В. Материалы антикриминальной пропаганды и инструменты их распространения // Общество и право. 2024. № 4(90).
2. Вильданова Ф.Д. Нравственно-половое воспитание как фактор социализации молодежи. Казань, 1998.
3. Шумилова Е.А., Журавлева Ю.И., Осипова В.Е. Духовно-нравственное и нравственно-половое воспитание подростка: теоретические аспекты // KANT. 2023. № 3(48).
4. Беженцев А.А., Игошин Н.А. Методы нравственно-правового воспитания курсантов образовательных организаций МВД России // Московский педагогический журнал 2025. № 1.

5. Илакавичус М.Р. Понятие «духовно-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел» как инструмент моделирования воспитательной деятельности / Методология и технология профессионального образования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России 2025. № 2.
6. Беженцев А.А., Игошин Н.А. Методы нравственно-правового воспитания курсантов образовательных организаций МВД России // Московский педагогический журнал 2025. № 1.
7. Рерке В.И., Горбач М.В. Социальнопсихологическое взаимодействие школы и семьи в процессе нравственнополового воспитания старшеклассников // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2023. № 3.
8. Неведьева В.Е. Комплексный подход к нравственному воспитанию курсантов образовательных организаций МВД России. М., 2021.
9. Илакавичус М.Р. Понятие «духовно-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел» как инструмент моделирования воспитательной деятельности / Методология и технология профессионального образования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2.
10. Кочкина М.С. Нравственно-половое воспитание несовершеннолетних как форма профилактики преступлений в сфере сексуализированного насилия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 2 (60).

REFERENCES

1. Griбанov E.V. Materials of anti-criminal propaganda and tools for their dissemination // Society and law. 2024. № 4(90).
2. Vildanova F.D. Moral and sexual education as a factor of youth socialization abstract. Kazan, 1998.
3. Shumilova E.A., Zhuravleva Yu.I., Osipova V.E. Spiritual, moral and sexual education of a teenager: theoretical aspects // KANT. 2023. № 3(48).
4. Refugee A.A., Igoshin N.A. Methods of moral and legal education of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Moscow Pedagogical Journal 2025. № 1.
5. Ilakavicius M.R. The concept of «spiritual and moral education of employees of internal affairs bodies» as a tool for modeling educational activities / Methodology and technology of professional education // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2025. № 2.
6. Refugee A.A., Igoshin N.A. Methods of moral and legal education of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Moscow Pedagogical Journal 2025. № 1.
7. Rerke V.I., Gorbach M.V. Socio-psychological interaction of school and family in the process of moral and sexual education of high school students // Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University. 2023. № 3.
8. Nefedieva V.E. An integrated approach to the moral education of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2021.
9. Ilakavicius M.R. The concept of «spiritual and moral education of employees of internal affairs bodies» as a tool for modeling educational activities / Methodology and technology of professional education // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2.
10. Kochkina M.S. Moral and sexual education of minors as a form of crime prevention in the field of sexualized violence // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2 (60).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каснова Мария Сергеевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kasnova Maria Sergeevna, PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.8

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Кашуба Юрий Анатольевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
koshianatol@yandex.ru

Шириков Владислав Валерьевич

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Российская Федерация
shirikovvladislav@yandex.ru

Введение: в статье рассматривается перспектива включения принудительных работ в систему уголовных наказаний для несовершеннолетних осужденных в качестве альтернативы лишению свободы. Анализируются современные тенденции гуманизации уголовной политики России, действующее законодательство, регулирующее назначение наказаний подросткам и обосновывается необходимость расширения перечня мер, не связанных с изоляцией от общества для несовершеннолетних осужденных.

Материалы и методы: проведен статистический анализ применения наказания в виде принудительных работ, а также развития сетей исправительных центров (далее – ИЦ). Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы: анкетирования, диалектики, анализа, синтеза, сравнения и обобщения и частнонаучный метод: формально-логический.

Результаты исследования: принудительные работы являются эффективным видом наказания, способствующим ресоциализации осужденных без изоляции от общества. Современная система уголовных наказаний не предусматривает применение принудительных работ в отношении несовершеннолетних осужденных, что создает определенные ограничения при выборе судами мер воздействия, альтернативных лишению свободы. Как показало анкетирование сотрудников ИЦ, вопрос о расширении перечня наказаний для подростков за счет включения принудительных работ вызывает значительные разногласия, вероятно, из-за наступления определенных решаемых сложностей таких как: трудоустройство и необходимость соблюдения специальных условий труда, психолого-педагогическое сопровождение; выделение отдельных помещений в ИЦ. В результате исследования предлагается дополнить ст. 88 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) наказанием в виде принудительных работ.

Выводы и заключения: на основе анализа научных исследований и правовых норм делается вывод о целесообразности дальнейшей гуманизации уголовной политики в отношении несовершеннолетних, в том числе за счет введения для них института принудительных работ, что может способствовать их успешной реинтеграции в общество. Однако для реализации этой меры требуется: разработка специальных программ адаптации, внесение изменений в УК РФ и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ); обеспечение ресурсной базы ИЦ. Дальнейшие исследования должны быть направлены на оценку эффективности применения института принудительных работ для несовершеннолетних осужденных, разработку методических рекомендаций для их применения, а также предусмотрения некоторых налоговых льгот и государственной поддержки для работодателей, трудоустраивающих рассматриваемую категорию осужденных.

Ключевые слова: уголовное наказание; принудительные работы; несовершеннолетние осужденные; воспитательная работа.

Для цитирования: Кашуба Ю. А., Шириков В. В. Принудительные работы как вид наказания для несовершеннолетних осужденных / Ю. А. Кашуба, В. В. Шириков // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 177–182.

Original paper

FORCED LABOR AS A FORM OF PUNISHMENT FOR JUVENILE CONVICTS

Kashuba Yuri Anatolyevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Shirikov Vladislav Valerievich

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation

Introduction: the article considers the prospect of including forced labor in the system of criminal penalties for juvenile convicts as an alternative to imprisonment. The article analyzes current trends in the humanization of Russia's criminal policy, current legislation regulating the imposition of punishments on adolescents, and substantiates the need to expand the list of measures not related to isolation from society.

Materials and methods: a statistical analysis of the use of punishment in the form of forced labor, as well as the development of networks of correctional centers (hereinafter referred to as CI), has been carried out. The methodological basis of the research consists of general scientific methods: questionnaires, dialectics, analysis, synthesis, comparison and generalization, and a frequently scientific method: formal-logical.

Results of the study: forced labor is an effective form of punishment that promotes the resocialization of convicts without isolation from society. The modern system of criminal penalties does not provide for the use of forced labor against minors, which creates certain restrictions when courts choose alternative measures of influence to imprisonment. As the survey of CI staff showed, the issue of expanding the list of punishments for adolescents to include forced labor causes significant controversy, probably due to the occurrence of certain solvable difficulties such as: employment and the need to comply with special working conditions; psychological and pedagogical support; allocation of separate premises in CI. As a result of the study, it is proposed to supplement Article 88 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation) with punishment in the form of forced labor.

Findings and conclusions: based on the analysis of scientific research and legal norms, it is concluded that it is advisable to further humanize criminal policy towards minors, including by introducing the institution of forced labor for them, which can contribute to their successful reintegration into society. However, the implementation of this measure requires: the development of special adaptation programs, amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation); provision of a resource base for CI. Further research should be aimed at evaluating the effectiveness of the institution of forced labor for juvenile convicts, developing methodological recommendations for their application, as well as providing some tax benefits and state support for employers who employ this category of convicts.

Keywords: iminal punishment; forced labor; juvenile convicts; educational work.

For citation: Kashuba N. A., Shirikov V. V. Punishment for two types of forced labor for minors / N. A. Kashuba, V. V. Shirikova // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 177–182.

Современная уголовно-исполнительная политика России характеризуется устойчивой тенденцией к гуманизации правового регулирования. Это проявляется в последовательной модернизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, направленной на расширение практики применения альтернативных мер воздействия, не предполагающих изоляции осужденных от общества. Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138 – является ярким примером совершенствования отечественного законодательства по пути его гуманизации и эффективности противодействию преступности.

Введение в систему уголовных наказаний принудительных работ представляется весьма важным и принципиальным для дополнительных возможностей достижения целей уголовных наказаний, закрепленных ч. 2 ст. 43 УК РФ – восстановление социальной справедливости, исправление и предупреждение совершения новых преступлений осужденных.

Наказание в виде принудительных работ не связано с изоляцией осужденного от общества и предусматривает осуществление им трудовой деятельности в организации или у индивидуального предпринимателя, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), а также нахождение в свободное от работы время под надзором в ИЦ.

Судебная статистика свидетельствует о возрастающей роли ИЦ, ведь начиная с 2017 г. количество осужденных к принудительным работам увеличилась с 523 человек до 9 421 человек к 2024 г. (по всем составам УК РФ)¹. Стоит отметить достаточно большое количество случаев, когда суд заменяет неотбытую часть наказания в виде лишения свободы на более мягкое наказание – принудительными работами. К началу введения принудительных работ в Российской Федерации имелось 4 исправительных центров, а уже к 3 февраля 2022 г. было создано 186 ИЦ, к 13 марта 2023 г. – 367 ИЦ, а по состоянию на 29 ноября 2024 г. уже 427 ИЦ с участками на промышленных предприятиях и при исправительных колониях.

Федеральная служба исполнения наказаний такой стремительный рост объясняет возрастающим интересом бизнес-сообщества. Думается, что тенденция по развитию сетей ИЦ и применения судами уголовного наказания продолжится [1, с. 12].

Нельзя не отметить положительный эффект воспитательного воздействия на осужденных к принудительным работам: ведь через трудовую деятельность осуществляется исправление осужденного, формируется уважительное отношение к человеку, обществу, труду и нормам человеческого общежития, происходит успешная ресоциализация и социализация осужденного, в том числе после отбытия наказания. Как справедливо отмечала Н.И. Вишневская, «труд способствует положительной ресоциализации осужденного» [2, с. 92]. А, поскольку осужденный в ходе отбытия данного наказания не изолируется и сохраняются общественные связи, то это открывает более широкие возможности для воспитательного воздействия на него.

Принудительные работы в соответствии с ч. 7 ст. 53.1 УК РФ не назначаются несовершеннолетним, лицам, признанным инвалидами первой или второй группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, лицам, достигшим возраста, дающим право на назначение страховой пенсии по старости, и признанным полностью неспособными к трудовой деятельности по медицинским показаниям.

В данной статье представляется необходимым обратить внимание на несовершеннолетних осужденных и рассмотреть возможность расширения перечня наказаний без изоляции от общества, предусмотрев для данной категории назначение наказания в виде принудительных работ, в том числе в качестве замены наказания в виде лишения свободы более мягким – принудительными работами.

Исследованию вопросов уголовной ответственности несовершеннолетних осужденных посвящали свои научные работы многие известные правоведы, что объясняется устойчивым вниманием государства к вопросам подростковой преступности.

Данная проблематика приобретает особую актуальность в связи с возрастной спецификой несовершеннолетних, которые в силу психологической незрелости и податливости внешнему влиянию составляют социально уязвимую группу. Участие подростков в противоправной деятельности создает серьезные вызовы общественной безопасности, а сами факты таких правонарушений свидетельствуют о пробелах в воспитательной работе и социализации молодежи.

Специалисты в различных областях наук выделяют несовершеннолетних преступников в особую категорию, которая существенно отличается от взрослых правонарушителей, как по степени общественной опасности деяний, так и по психологическим характеристикам. Как справедливо отмечал Г.С. Гаверов, для этой группы характерны незавершенность интеллектуального развития и недостаточная сформированность волевых качеств [3, с. 93]. Эти особенности обуславливают необходимость расширения применения специальных правовых механизмов при назначении и реализации наказаний в отношении несовершеннолетних.

Изоляция несовершеннолетних осужденных при назначении наказания в виде лишения свободы должна применяться только в самых крайних случаях. Вместе с тем анализ последних изменений уголовного законодательства свидетельствует о последовательном развитии альтернативных способов наказаний, не связанных с помещением их в закрытые пенитенциарные учреждения.

¹ Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 19.06.2025).

В настоящее время к несовершеннолетним осужденным в соответствии с ч. 1 ст. 88 УК РФ применяются следующие наказания, не связанные с изоляцией их от общества: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы. При этом суд, применяет наказание без лишения свободы только к той категории несовершеннолетних осужденных, исправление которых возможно с помощью общественно полезного труда без изоляции от общества, и обращает внимание на влияние наказания на учебу несовершеннолетнего, его поведение в быту и семье. Также предусмотрено применение к подросткам такой меры уголовно-правового характера, как условное осуждение.

К схожему с принудительными работами наказанию можно отнести исправительные работы. Существенными отличиями исправительных работ от принудительных работ является отсутствие необходимости осужденного находиться под надзором на территории ИЦ в свободное от работы и учебы время, и назначаются они за преступления небольшой и средней тяжести.

Например, по общему правилу назначение наказания в виде исправительных работ в соответствии с ч. 4 ст. 88 УК РФ возможно в отношении несовершеннолетнего, достигшего 16 лет, на срок до 1 года, а в случаях, предусмотренных частями второй и третьей ст. 63 Трудового кодекса Российской Федерации, и несовершеннолетнему, достигшему возраста 14 лет, проходящего обучение в различных общеобразовательных учреждениях кроме тех случаев, когда его исполнение может реально препятствовать продолжению обучения, например при очной форме обучения [4].

Изучение научной литературы показывает отсутствие единого мнения среди ученых относительно эффективности применения исправительных работ к несовершеннолетним осужденным. Разногласия в этом вопросе обусловлены рядом факторов, в первую очередь – ограничениями, установленными трудовым законодательством в отношении трудоустройства лиц, не достигшим совершеннолетия. Ключевые проблемы связаны не только с существующими запретами на определенные виды деятельности для подростков, но и с практическими трудностями: процедурой официального трудоустройства несовершеннолетних; ограниченным выбором разрешенных для них рабочих мест. Эти правовые и организационные барьеры осложняют реализацию данного вида наказания в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

Несмотря на определенные сложности в поиске работодателей для несовершеннолетних осужденных, в настоящее время существует некоторые налоговые льготы и государственная поддержка, использование которых могут способствовать повышению мотивации работодателей трудоустраивать такую категорию осужденных и, в результате, преодолению данных барьеров.

Вместе с тем, М. Журавлева считает, что исправительные работы нецелесообразно применять в отношении подростков из-за того, что они не могут их отбывать из-за своего возраста [5, с. 45]. Гаверов Г.С. подчеркивал, что многие несовершеннолетние правонарушители не осознают в полной мере последствий назначаемого им наказания [6, с. 189]. Однако ученый последовательно отстаивал позицию, согласно которой приоритет при выборе наказания должен отдаваться не предполагающим изоляции от общества. По его мнению, виды наказаний, альтернативные лишению свободы, реализуемые в привычной для подростков среде – семейной, образовательной или профессиональной, обладают существенными преимуществами: позволяют избежать негативного влияния криминальной субкультуры; способствуют сохранению социальных связей; создают благоприятные условия для социализации. Такой подход, по убеждению ученого, должен занимать центральное место в системе мер уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних, поскольку сочетает воспитательное воздействие с минимизацией вредных последствий.

Интересно отметить мнение практических сотрудников исправительных центров по данному вопросу. В рамках исследования вопроса о возможности применения к несовершеннолетним осужденным наказания в виде принудительных работ, в том числе при замене лишения свободы принудительными работами в порядке замены наказания более мягким, нами было проведено анкетирование, в котором приняло участие 219 практических сотрудников исправительных центров из 11 регионов России: Кабардино-Балкарская Республика, Республика Карелия, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан и др. Анализ полученных анкет показал, что 119 (54.3 %) респондентов посчитали, что применение принудительных работ для несовершеннолетних нецелесообразно, 74 (33.8 %) высказались о необходимости применения такого наказания для подростков и 26 (11.9 %) не знают, нужна ли такая необходимость.

Таким образом, позиция респондентов по данному вопросу неоднозначна. Скептическое отношение более половины сотрудников к предложению о введении принудительных работ для подростков, вероятно, отражает опасения, связанные с возникновением дополнительных сложностей в процессе осуществления контроля и надзора за данной группой лиц; повышенной нагрузкой на персонал учреждений.

Безусловно, стоит согласиться, что при включении принудительных работ в перечень наказаний, предусмотренных для несовершеннолетних осужденных возможны некоторые сложности при его реализации. В первую очередь, это связано с необходимостью проведения воспитательной работы с учетом особенностей такой категории осужденных, соблюдением особых условий труда для подростков, соответствующих их возрастным и физическим возможностям, а также с размещением осужденных в помещениях ИЦ.

Представляется, что вопрос эффективности данного вида наказания несовершеннолетних с точки зрения воспитательного воздействия не вызывает сомнений. Ведь это наказание носит не столько карательный характер, но и способствуют формированию трудовых и иных навыков, необходимых для успешной ресоциализации и социализации в обществе.

Думается, несмотря на отдельные потенциальные сложности, возможность применения принудительных работ для несовершеннолетних осужденных все же заслуживает внимания и требует тщательной проработки правового регулирования, организационных и методических аспектов. В частности, необходимо:

- разработать специальные программы адаптации подростков к порядку и условиям отбывания наказания, с учетом возрастных особенностей;
- обеспечить психолого-педагогическое сопровождение процесса;
- предусмотреть в исправительных центрах, участках исправительных центров, функционирующих как исправительные центры, участках исправительных центров, расположенных вне территории исправительного центра, создание и выделения отдельных помещений для отбывания наказания несовершеннолетними;
- установить сокращенную продолжительность рабочего времени в соответствии с нормами трудового законодательства для несовершеннолетних;
- определить сокращенные временные сроки отбывания наказания в виде принудительных работ для несовершеннолетних, например от 2 до 3 лет (по аналогии с наказанием в виде исправительных работ).

При решении указанных задач данный вид наказания для несовершеннолетних осужденных, возможно, станет действенным инструментом их исправления, позволяющим: сочетать воспитательное воздействие с трудовой адаптацией, минимизировать негативные последствия изоляции от общества, способствовать приобретению профессиональных и иных навыков, необходимых для успешной социализации в обществе, обеспечить возмещение причиненного вреда.

Сущность принудительных работ, в отношении к несовершеннолетним осужденным будет заключаться в трудовых, материальных и иных ограничениях прав и свобод в процессе осуществления ими трудовой деятельности без изоляции от общества, а также содержать в себе возможность реального исправления лиц, совершивших преступления небольшой, средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые.

В этом случае, содержание данного наказания применяемого к несовершеннолетним будет выражаться в следующих элементах: 1) факте осуждения; 2) ограничении в праве выбора места работы; 3) обязательном осуществлении трудовой деятельности; 4) продолжительности отбывания наказания несовершеннолетним; 5) удержаниях, производимых из заработной платы несовершеннолетнего осужденного в доход государства; 6) продолжительности срока ежегодного оплачиваемого отпуска; 7) нахождении в свободное от работы время и учебы на территории исправительного центра; 8) наличии судимости.

Поскольку несовершеннолетние пользуются особой защитой в рамках уголовного законодательства, то при назначении наказания важно учитывать их возрастные, социальные и психологические особенности, а также уровень социального развития. Применение альтернативного лишения свободы наказания в виде принудительных работ позволит углубить дифференциацию и индивидуализацию ответственности несовершеннолетнего осужденного. Такие меры необходимы для минимизации негативного влияния изоляции подростка от общества, особенно учитывая их социальную уязвимость.

Вопросы дальнейшего разграничения уголовной ответственности несовершеннолетних преступников могут рассматриваться как одно из направлений научных исследований в данной сфере.

Стратегия гуманизации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних осужденных акцентирует внимание на их исправлении и возвращении

в общество, а не на применении репрессивных мер. Таким образом, представляется возможным и необходимым внести следующее изменение в ст. 88 УК РФ, дополнив ее наказанием в виде принудительных работ для несовершеннолетних осужденных, а также соответствующие изменения в уголовно-исполнительное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кашуба Ю.А. Возможности создания системы исправительных центров // Человек: преступление и наказание. 2018. № 1. Т. 26(1-4).
2. Вишневская Н.И. Исправление осужденных к лишению свободы: вопросы теории и практики: уголовно-исполнительный аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.
3. Гаверов Г.С. К вопросу о типологии (классификации) несовершеннолетних правонарушителей // Проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью. Иркутск, 1983.
4. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Журавлева М., Ильин П. За правильное применение исправительных работ // Социалистическая законность. 1964. № 5.
6. Гаверов Г.С. Проблемы наказания несовершеннолетних преступников. Иркутск, 1986.

REFERENCES

1. Kashuba Yu.A. Possibilities of creating a system of correctional centers // Human: crime and punishment. 2018. № 1. Vol. 26(1-4).
2. Vishnevskaya N.I. Correction of persons sentenced to imprisonment: issues of theory and practice: penal aspect: Dis. ... kand. jurid. sciences'. Chelyabinsk, 2006.
3. Gaverov G.S. On the issue of the typology (classification) of juvenile offenders // Problems of increasing the effectiveness of combating crime. Irkutsk, 1983.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.02.2011 № 1 «On judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors». Access from the legal system «ConsultantPlus».
5. Zhuravleva M., Ilyin P. For the correct application of correctional labor // Socialist legality. 1964. № 5.
6. Gaverov G.S. Problems of punishment of juvenile delinquents. Irkutsk: Irkut Publishing House. University, 1986.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кашуба Юрий Анатольевич, профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности, доктор юридических наук, профессор. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Шириков Владислав Валерьевич, преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин. Вологодский институт права и экономики ФСИН России. 160002, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Щетинина, 2.
ORCID: 0000-0002-9355-4701

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kashuba Yuri Anatolyevich, Professor of the Department of Criminology and Operational Investigative Activities, Doctor of Law, Professor. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Shirikov Vladislav Valerievich, lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines. Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2, Shchetinina St., Vologda 160002 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.2.7

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Кильмашкина Татьяна Николаевна

Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация
kilmashkinat@yandex.ru

Семенцова Ирина Анатольевна

Московский университет имени С.Ю. Витте (филиал), Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Российская Федерация
irina_semen@inbox.ru

Малявина Анна Борисовна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
vicktoria22@mail.ru

Введение: широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий приносит не только очевидные преимущества, но и создает новые угрозы. Одной из наиболее значимых угроз становится использование технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) для совершения противоправных действий. Сегодня практика применения искусственного интеллекта и других информационных технологий в криминальных целях находит все большее распространение, хотя и может отличаться от преступления к преступлению. Данные преступления обладают рядом криминологических особенностей: высокой степенью латентности, трансграничным характером, масштабностью последствий и значительным уровнем общественной опасности. Одной из важных задач отечественного уголовного законодательства на данном этапе является создание механизма для эффективного пресечения и предупреждения уже существующих киберпреступлений, а также разработка мер по противодействию и контролю новых видов преступлений в рамках киберпространства, таких как преступления с использованием искусственного интеллекта. Объектом исследования являются преступления, совершаемые с использованием технологий искусственного интеллекта. Предметом исследования выступает их криминологическая характеристика.

Материалы и методы: исследование базируется на данных из научных публикаций, официальной государственной статистики, а также материалов судебных и следственных дел. В методологическом плане работа опирается на стандартные научные методы, что позволило использовать следующие подходы: деятельностный, информационный, ситуационный, системный, синергетический, компаративистский, комбинированные и ряд других. При этом активно применялись такие общенаучные методы, как анализ, синтез, системно-структурный, научно-тематический, гипотетический, сравнительно-правовой анализ содержания материалов уголовных дел и иных источников правоприменения, а также методы типизации, математического анализа, теории вероятности и ряда других.

Результаты исследования: проведенное комплексное исследование криминологических особенностей преступлений, совершаемых с применением технологий ИИ, позволило определить сущность и специфику криминологической характеристики преступлений с использованием технологий ИИ, классифицировать основные виды преступлений указанной категории, выявить особенности личности преступника и жертвы, проанализировать существующие меры предупреждения и противодействия преступлениям, совершаемым с применением ИИ.

Выводы и заключения: предупреждение и противодействие преступлениям, совершаемым с применением ИИ, требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование уголовного законодательства, развитие технических средств защиты,

повышение уровня цифровой грамотности населения и координацию деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, преступление, искусственный интеллект, виктимологическая профилактика, жертва, общественная опасность, киберпреступность; виктимность.

Для цитирования: Кильмашкина Т. Н., Семенцова И. А., Малявина А. Б. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых с помощью искусственного интеллекта / Т. Н. Кильмашкина, И. А. Семенцова, А. Б. Малявина // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 183–189.

Original paper

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED WITH THE HELP OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Kilmashkina Tatyana Nikolaevna

State University of Education, Moscow, Russian Federation

Sementsova Irina Anatolyevna

S.Yu. Witte Moscow University, branch in Rostov-on-Don, Russian Federation;

Rostov Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Rostov-on-Don, Russian Federation

Malyavina Anna Borisovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the widespread use of information and communication technologies brings not only obvious benefits, but also creates new threats. One of the most significant threats is the use of artificial intelligence (AI) technologies for illegal purposes. Today, the practice of using AI and other information technologies for criminal purposes is becoming increasingly widespread, although it may vary from crime to crime. These crimes have several criminological characteristics: a high degree of latency, a cross-border nature, significant consequences, and a high level of public danger. One of the important tasks of domestic criminal legislation at this stage is to create a mechanism for effectively suppressing and preventing existing cybercrimes, as well as to develop measures for countering and controlling new types of crimes within cyberspace, such as crimes involving.

Materials and methods: the study is based on data from scientific publications, official government statistics, and court and investigative case materials. Methodologically, the work relies on standard scientific methods, which allowed for the use of the following approaches: activity-based, information-based, situational, systemic, synergistic, comparative, combined, and several others. In this process, general scientific methods such as analysis, synthesis, system-structural, scientific-thematic, hypothetical, and comparative-legal analysis of the content of criminal case materials and other sources of law enforcement, as well as methods of typification, mathematical analysis, probability theory, and others, were actively used.

Results of the study: the conducted comprehensive study of the criminological features of crimes committed using AI technologies allowed us to determine the essence and specifics of the criminological characteristics of crimes committed using AI technologies, classify the main types of crimes in this category, identify the characteristics of the perpetrator and victim, and analyze the existing measures for preventing and countering crimes committed using AI technologies.

Findings and conclusions: preventing and combating crimes committed using AI requires a comprehensive approach that combines the improvement of criminal legislation, the development of technical security measures, the enhancement of digital literacy among the population, and the coordination of law enforcement agencies.

Keywords: criminological characteristics; crime; artificial intelligence; victimological prevention; victim; public danger; cybercrime; victimization.

For citation: Kilmashkina T. N., Semyontsova I. A., Malyavina A. B. Criminological characteristics of crimes committed with the help of artificial intelligence / T. N. Kilmashkina, I. A. Semyontsova, A. B. Malyavina // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 183–189.

Преступники и организованные преступные группы быстро интегрируют новые технологии, основанные на искусственном интеллекте в свои методы работы, тем самым создавая не только постоянные изменения в криминальном ландшафте во всем мире, но и создавая значительные проблемы для правоохранительных органов [1]. В условиях стремительного развития цифровизации особое место в современной криминологии занимает анализ преступлений, совершаемых с использованием технологий ИИ. По данным МВД России, в 2024 г. зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что составляет 40 % от их общего числа, а эксперты прогнозируют в 2025 г. рост преступлений с применением ИИ в восемь–десять раз [2]. Данная категория деяний представляет собой относительно новое направление преступной активности, требующее системного научного осмысления.

Криминологическая характеристика преступлений традиционно включает в себя изучение их общественной опасности, особенностей объективной и субъективной стороны, личности преступника и жертвы, а также факторов, способствующих совершению противоправных деяний. Прежде всего, необходимо подчеркнуть общественную опасность преступлений с применением ИИ. Их специфика заключается в том, что масштаб причиняемого вреда может быть существенно шире по сравнению с традиционными преступлениями в сфере компьютерной информации. Автоматизированные алгоритмы позволяют злоумышленникам воздействовать сразу на широкий круг потерпевших, причиняя ущерб не только частным лицам, но и коммерческим организациям, финансовым институтам и государственным органам [3]. Таким образом, общественная опасность рассматриваемой категории преступлений носит многоуровневый характер, охватывая как экономическую, так и социальную сферу.

Важным элементом криминологической характеристики является высокая латентность преступлений, которая объясняется как объективными факторами (сложность выявления, трансграничный характер деяний), так и субъективными (неосведомленность потерпевших о факте посягательства, недоверие к правоохранительной системе) (рис. 1).

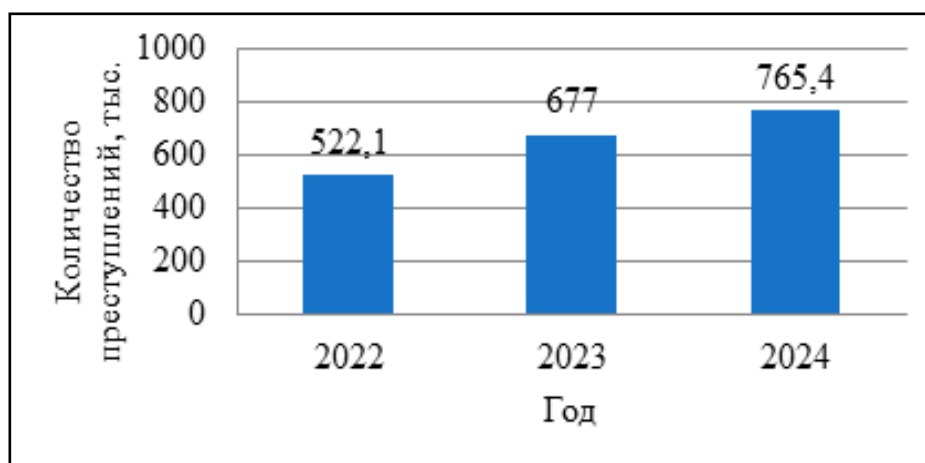

Рис. 1. Динамика преступлений, совершенных с использованием ИКТ за 2022–2024 гг.

Так, за 2022–2024 гг. число преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий в России, демонстрирует устойчивый рост: так, в 2024 г. зарегистрировано 765,4 тыс. IT-преступлений, что на 13,1 % больше, чем в 2023 г. В 2023 г. было отмечено примерно на 30 % больше преступлений с применением ИКТ, чем в 2022 г. [4]. При этом важно отметить, что статистика не разделяет преступления на «с участием ИИ» и просто «с применением компьютерных средств / сетей / Интернета». Некоторые оценки по ИИ носят прогнозный или экспертный характер, а не являются официальными данными МВД, специально учитывающими использование технологий искусственного интеллекта.

Не менее значимым является анализ механизма совершения преступлений. Объективная сторона противоправных деяний данного типа характеризуется использованием сложных технических средств, основанных на алгоритмах машинного обучения и нейросетевых технологиях. Автономность и самообучаемость систем ИИ позволяют преступнику минимизировать собственное участие в процессе совершения преступления. Это, в свою очередь, осложняет установление субъекта, формирование доказательственной базы и квалификацию содеянного.

Криминологически значимыми выступают и мотивы преступного поведения. Большинство преступлений, совершаемых с применением ИИ, обусловлено корыстными побуждениями, что выражается в стремлении извлечь незаконную имущественную выгоду. Вместе с тем, фиксируются и иные формы мотивации: хулиганские побуждения, стремление к демонстрации технических возможностей, нанесение репутационного ущерба конкуренту. Такая многообразная мотивационная база свидетельствует о сложности субъективной стороны рассматриваемых преступлений и необходимости индивидуализированного подхода к их криминологическому анализу.

Кроме того, значимой особенностью является способ совершения преступлений. В ряде случаев традиционные методы киберпреступности (взломы, вирусные атаки, фишинговые рассылки) интегрируются с технологиями искусственного интеллекта, что значительно повышает эффективность посягательства и снижает вероятность его выявления. Таким образом, преступления с применением ИИ носят характер комбинированных, что влечет необходимость адаптации методик их расследования и предупреждения.

Все перечисленные признаки позволяют обоснованно выделить данную категорию деяний в самостоятельный объект криминологического анализа, что имеет принципиальное значение, как для теории, так и для правоприменительной практики.

С точки зрения действующего законодательства, прямое упоминание ИИ в Уголовном кодексе Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) отсутствует. Классификация преступлений, совершаемых с использованием технологий ИИ, представляет собой сложную задачу, обусловленную многообразием способов применения алгоритмов в криминальной деятельности. Для целей криминологического и юридического анализа целесообразно выделить несколько основных групп преступлений, отличающихся по объекту посягательства, форме проявления и нормативной квалификации [5].

1. Мошенничество и иные преступления против собственности. Использование генеративных моделей ИИ позволяет создавать поддельные документы, изображения и аудиозаписи (deepfake-технологии), применяемые в схемах обмана граждан и организаций. Такие деяния могут квалифицироваться по ст. 159 УК РФ «Мошенничество», ст. 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием», а также ряду иных норм. Особенностью является повышенная степень латентности и сложность доказывания факта умысла при использовании ИИ как инструмента совершения обмана.

2. Преступления в сфере компьютерной информации. ИИ активно используется при неправомерном доступе к компьютерной информации, создании и распространении вредоносных программ (ст. 272–273 УК РФ), а также при нарушении правил эксплуатации средств хранения и обработки данных (ст. 274 УК РФ). В данных случаях ИИ применяется для автоматизации взломов, подбора паролей, проведения DDoS-атак и иных действий, что значительно повышает эффективность преступного посягательства.

3. Преступления против личности и конституционных прав граждан. Особую опасность представляют деяния, связанные с вмешательством в частную жизнь и распространением персональных данных. Использование ИИ позволяет собирать, анализировать и незаконно использовать большие массивы информации о гражданах, что подпадает под действие ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни». Генерация компрометирующих материалов с применением нейросетей также может расцениваться как клевета (ст. 128.1 УК РФ) либо как доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), если последствия выражаются в тяжелых психических и социальных травмах.

4. Преступления против общественной безопасности и порядка управления. Использование ИИ в целях подрыва функционирования критической информационной инфраструктуры государства и стратегически значимых объектов может квалифицироваться по ст. 274.1 УК РФ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации». Такие преступления обладают высокой степенью общественной опасности, т. к. последствия их совершения могут носить масштабный характер и угрожать национальной безопасности.

5. Преступления против интеллектуальной собственности. Алгоритмы ИИ используются для незаконного воспроизведения и переработки произведений, что затрагивает сферу авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ). Сложность правоприменительной практики заключается в разграничении правомерного использования технологий (например,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

при создании контента) и противоправного копирования охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

Таким образом, спектр преступлений, совершаемых с применением технологий искусственного интеллекта, охватывает практически все основные группы уголовно-правовых норм: от преступлений против собственности до преступлений против общественной безопасности. Их юридический анализ свидетельствует о том, что ИИ в данных случаях выступает как квалифицирующий элемент механизма преступного деяния, усиливающий его общественную опасность и усложняющий процесс расследования.

В криминологической характеристике преступлений, совершаемых с использованием технологий ИИ, значительное место занимает анализ личности преступника и жертвы (таблица 1) [6]. Данный аспект позволяет глубже понять мотивацию, социальные и психологические особенности субъектов преступного взаимодействия, а также определить наиболее уязвимые категории потерпевших.

Таблица 1

Криминологические особенности личности преступника и жертвы

Криминологический аспект	Преступник	Жертва
Возраст	Преимущественно 18–35 лет	Пожилые лица, а также пользователи среднего возраста
Уровень цифровой грамотности	Высокий: владение программированием, технологиями ИИ, кибербезопасностью	Низкий или средний: слабая защита аккаунтов, доверчивость
Мотивация	Корыстная (имущественная выгода), иногда месть, хулиганские побуждения	Не применимо
Социальный статус	Индивидуальные злоумышленники и члены кибергрупп	Физические лица, коммерческие организации, государственные структуры
Форма вовлеченности	Активная, осознанный выбор преступного поведения	Пассивная, становятся объектом атаки
Уязвимость (виктимность)	Не характерна	Высокая: низкая цифровая грамотность, слабая киберзащита

Таким образом, личность преступника, совершающего преступления с использованием ИИ, характеризуется высокой технической подготовкой, преимущественно корыстной мотивацией и сравнительно молодым возрастом, а личность жертвы отличается повышенной виктимностью, связанной с низким уровнем цифровой грамотности и недостаточной защищенностью информационных систем. Стоит отметить, что такая асимметрия между субъектом и объектом преступного воздействия формирует высокий уровень виктимности и способствует росту числа преступлений, совершаемых с использованием технологий искусственного интеллекта. Криминологический анализ субъектов данных преступлений позволяет более точно определить направления профилактики и минимизации их последствий.

Предупреждение и противодействие преступлениям, совершаемым с использованием технологий ИИ, является одной из приоритетных задач современной уголовно-правовой политики Российской Федерации.

На сегодняшний день уголовное законодательство Российской Федерации не содержит специальных составов преступлений, прямо связанных с использованием ИИ. Вместе с тем ряд норм УК РФ (ст. 159, 137, 146, 272–274.1) охватывает противоправные деяния, в которых ИИ выступает в качестве инструмента их реализации. В связи с этим целесообразно рассматривать возможность законодательного закрепления использования ИИ как квалифицирующего признака отдельных составов преступлений. Такой подход позволит более полно учитывать специфику механизма совершения данных деяний, их повышенную латентность и трансграничный характер, а также будет способствовать назначению наказания, адекватного уровню общественной опасности.

Эффективное противодействие преступлениям в цифровой среде невозможно без применения современных технологий обеспечения информационной безопасности. Приоритетными направлениями являются:

- развитие систем мониторинга киберугроз и создание специализированных аналитических центров при органах внутренних дел;
- внедрение технологий анализа больших данных и алгоритмов ИИ в работу правоохранительных органов для прогнозирования и выявления преступных схем;
- обеспечение надежной защиты критической информационной инфраструктуры государства в соответствии с Федеральным законом от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»²;
- подготовка и переподготовка специалистов правоохранительных органов, обладающих компетенциями в области киберпреступности и цифровых технологий.

Данные меры направлены на формирование устойчивой системы противодействия угрозам, исходящим от преступных группировок, использующих ИИ.

Также особое значение в предупреждении рассматриваемых преступлений имеет виктимологическая профилактика, ориентированная на снижение уязвимости потенциальных жертв. Для граждан – это повышение уровня цифровой грамотности, формирование навыков безопасного поведения в сети, информирование о рисках, связанных с использованием технологий ИИ (например, мошеннических звонков с поддельными голосами). Для организаций – внедрение корпоративных стандартов информационной безопасности, проведение регулярных аудитов, тестирование систем на устойчивость к кибератакам, а также обучение сотрудников методам противодействия фишинговым и социально-инженерным атакам.

Таким образом, система предупреждения и противодействия преступлениям, совершаемым с использованием технологий искусственного интеллекта, должна строиться на сочетании уголовно-правовых, организационно-технических, профилактических и координационных мер.

Преступления, совершаемые с использованием технологий искусственного интеллекта, становятся одним из наиболее динамично развивающихся направлений современной преступности. Их криминологическая характеристика свидетельствует о высокой общественной опасности, значительной латентности и сложности установления субъекта преступления.

Анализ показал, что данные деяния затрагивают различные сферы – от мошенничества и посягательств на компьютерную информацию до нарушений прав личности и угроз общественной безопасности. Личность преступника в большинстве случаев характеризуется высоким уровнем цифровой компетентности и корыстной мотивацией, в то время как жертвами чаще становятся социально и технически уязвимые категории граждан и организации.

Таким образом, преступления с использованием искусственного интеллекта являются вызовом, как для юридической науки, так и для правоприменительной практики, что обуславливает необходимость их дальнейшего исследования и выработки специализированных мер противодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семенцова И.А., Малявина А.Б. Цифровая преступность как угроза национальной безопасности в Российской Федерации // Искусственный и естественный интеллект: алгоритмы, мышление и образовательные технологии. М., 2025.

² О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федер. закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31. Ст. 4736.

2. Зубицкий П. Использование искусственного интеллекта при совершении преступлений // Адвокатская газета. 2025. № 3.
3. Бхатт Н. Преступления в эпоху искусственного интеллекта: гибридный подход к ответственности и безопасности в цифровую эру // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. № 3(1).
4. О состоянии преступности в Российской Федерации за 2024 год // МВД РФ. 2025. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 19.09.2025).
5. Гаптеррахманов А. Р. Возможности и формы совершения преступлений с использованием или посредством искусственного интеллекта: уголовно-правовой анализ // Молодой ученый. 2025. № 13(564).
6. Апкаев Д.М., Лизогуб Д.Д. Место искусственного интеллекта в уголовном праве: настоящее и будущее // Ученые записки. 2023. № 1.

REFERENCES

1. Semyontsova I.A., Malyavina A.B. Digital Crime as a Threat to National Security in the Russian Federation // Artificial and Natural Intelligence: Algorithms, Thinking, and Educational Technologies. Moscow, 2025.
2. Zubitsky P. The Use of Artificial Intelligence in Crimes // Advokatskaya Gazeta. 2025. № 3.
3. Bhatt N. Crimes in the Age of Artificial Intelligence: A Hybrid Approach to Responsibility and Security in the Digital Era / N. Bhatt // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. № 3(1).
4. On the State of Crime in the Russian Federation for 2024 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2025. URL: <https://мвд.рф/reports/> (date of access: 19.09.2025).
5. Gapterakhmanov A.R. Opportunities and Forms of Committing Crimes Using or Through Artificial Intelligence: a Criminal Law Analysis // Young Scientist. 2025. № 13 (564).
6. Apkaev D.M., Lizogub D.D. The Place of Artificial Intelligence in Criminal Law: Present and Future // Scientific Notes. 2023. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кильмашкина Татьяна Николаевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и гражданского права юридического факультета. Государственный университет просвещения. 105005, Российская Федерация, г. Москва, муниципальный округ Басманный, ул. Радио, д. 10А, стр. 2.

Семенцова Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса. Московский университет имени С.Ю. Витте (филиал). 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Нефёдова, д. 78; доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского института (филиала). Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России). 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, д. 26.

Малывина Анна Борисовна, кандидат политических наук, научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kilmashkina Tatiana Nikolaevna, Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Civil Law at the Law Faculty of the State University of Education. 10A, Building 2, Radio St., Moscow 105005 Russian Federation.

Sementsova Irina Anatolyevna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the S.Yu. Witte Moscow University, branch in Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation, Rostov-on-Don, Nefyodova str., 78; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Institute (branch) All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation). 26, Soborny Lane, Rostov-on-Don 344000 Russian Federation.

Malyavina Anna Borisovna, PhD in Political Sciences, Researcher at the Research and Editorial Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2025. № 4(115). – С. 190–198.
Jurist-Pravoved. 2025. № 4(115). – Pp. 190–198.

Научная статья
УДК 343.14

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАЩИТНИКОМ ПРАВА СОБИРАТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПУТЕМ ОПРОСА ЛИЦ С ИХ СОГЛАСИЯ: ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Кокорева Любовь Владимировна

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
Старотеряево, Российская Федерация
Kokoreva80@mail.ru

Кустов Анатолий Михайлович

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация
amkustov@bk.ru

Кузьмин Михаил Николаевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
mihail_kuzmin@mail.ru

Введение: в условиях развития института состязательности в российском уголовном процессе особое значение приобретает право защитника на самостоятельное собирание доказательств. Статья 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) наделяет защитника правом собирать и представлять доказательства, в том числе путем получения объяснений от лиц с их согласия. Однако на практике реализация данного права сталкивается с рядом системных трудностей, включая правовую неопределенность, отсутствие регламентированной процедуры опроса, а также скептическое отношение правоохранительных органов и судов к доказательствам, полученным стороной защиты.

Материалы и методы: исследование основано на анализе действующих нормативных правовых актов Российской Федерации, включая Конституцию Российской Федерации (далее – Конституция РФ), Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), Федеральный закон Российской Федерации «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре), рядом иных нормативных правовых актов. В качестве эмпирической основы использована практика Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ по вопросам допустимости доказательств, полученных защитником, результаты опроса адвокатов и материалов уголовных дел. Применяются следующие методы научного познания: формально-юридический анализ, сравнительно-правовой метод, анализ судебной практики и правоприменительных актов, а также метод интерпретации норм права.

Результаты исследования: несмотря на формальное закрепление права защитника собирать доказательства путем опроса, на практике это право ограничено нечеткостью формулировок закона, отсутствием ясной регламентации проведения и фиксации опросов, игнорированием или отказом в приобщении к материалам уголовного дела результатов опросов, а также недостаточным доверием судов к доказательствам, полученным защитником.

Выводы и заключения: проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что формальное закрепление права защитника собирать доказательства путем опроса лиц в российском законодательстве не обеспечивает его реальную реализацию. Правовые неопределенности, отсутствие четкой процедуры и неравное положение сторон в процессе доказывания нарушают принципы состязательности и равенства, гарантированные ст. 123 Конституции РФ. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию законодательства и практики, направленные на обеспечение эффективной реализации права защитника на опрос лиц с их согласия и укрепление гарантий справедливого судебного разбирательства.

Ключевые слова: уголовный процесс, защитник, адвокат, собирание доказательств, опрос, сторона обвинения, сторона защиты, права защитника, процессуальные гарантии.

Для цитирования: Кокорева Л. В. Кустов А. М. Реализация защитником права собирать доказательства путем опроса лиц с их согласия: правовые и практические проблемы / Л. В. Кокорева, А. М. Кустов // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 190–198.

Original paper

**THE DEFENDER'S EXERCISE OF THE RIGHT TO COLLECT EVIDENCE BY
INTERVIEWING INDIVIDUALS WITH THEIR CONSENT: LEGAL AND PRACTICAL
PROBLEMS**

Kokoreva Lyubov Vladimirovna

Moscow Regional Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Staroteryaev, Russian Federation

Kustov Anatoly Mikhailovich

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Kuzmin Mikhail Nikolaevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: in the context of the development of the institution of competition in the Russian criminal process, the right of a defender to independently collect evidence is of particular importance. Article 86 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CPC RF) grants the defender the right to collect and present evidence, including by obtaining explanations from persons with their consent. However, in practice, the implementation of this right faces a number of systemic difficulties, including legal uncertainty, the lack of a regulated interview procedure, as well as the skeptical attitude of law enforcement agencies and courts to the evidence obtained by the defense.

Materials and methods: the study is based on an analysis of the current regulatory legal acts of the Russian Federation, including the Constitution of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Constitution of the Russian Federation), the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CPC RF), the Federal Law of the Russian Federation «On Advocacy and the Legal Profession of the Russian Federation» (hereinafter referred to as the Law on Advocacy), and a number of other regulatory legal acts. The empirical basis is the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation on the admissibility of evidence obtained by a defense lawyer, the results of a survey of lawyers and materials of criminal cases. The following methods of scientific knowledge are used: formal legal analysis, comparative legal method, analysis of judicial practice and law enforcement acts, as well as the method of interpretation of legal norms.

Results of the study: despite the formal recognition of the defense attorney's right to collect evidence through questioning, this right is limited in practice due to the unclear wording of the law, the lack of clear regulations for conducting and recording questioning, the disregard or refusal to include the results of questioning in the criminal case materials, and the lack of trust in the evidence obtained by the defense attorney. The study also identified problems with the legal status of individuals who provide explanations to a defense attorney, as well as the lack of mechanisms to protect them from potential pressure. Additionally, the study analyzed cases where investigators and courts refused to include the results of a defense attorney's interviews in the criminal case, citing their «inappropriate form» or the lack of a procedural status for the defense attorney as an investigative or prosecutorial body.

Findings and conclusions: the conducted research allows us to conclude that the formal consolidation of the right of a defender to collect evidence by interviewing individuals in Russian legislation does not ensure its real implementation. Legal uncertainties, the lack of a clear procedure, and the unequal position of the parties in the evidentiary process violate the principles of competition and equality guaranteed by Article 123 of the Constitution of the Russian Federation. Specific measures are proposed to improve legislation and practice aimed at ensuring the effective exercise of the right of a defender to interview persons with their consent and strengthen guarantees of a fair trial.

Keywords: criminal process, defender, lawyer, evidence gathering, questioning, prosecution, defense, defender's rights, procedural guarantees.

For citation: Kokoreva L. V., Kustov A. M., Kuzmin M. N. The defender's exercise of the right to collect evidence by interviewing individuals with their consent: legal and practical problems / L. V. Kokoreva, A. M. Kustov, M. N. Kuzmin // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 190–198.

Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил [1], что подозреваемые, обвиняемые и их защитники имеют право самостоятельно собирать и представлять доказательства в свою пользу. Это право обеспечивает справедливое рассмотрение уголовного дела и соблюдение принципа состязательности сторон в уголовном процессе (ст. 15 УПК РФ), закрепленного в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ. Одновременно органы и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, обязаны рассматривать каждое ходатайство, касающиеся исследования доказательств.

В п. 2 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре указано, что адвокат вправе опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь [2, с. 358]. В ч. 1 ст. 53 УПК РФ законодатель закрепил процессуальные полномочия защитника с момента вступления в уголовное дело. В том числе право собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном ч. 3 ст. 86 УПК РФ, где в п. 2 отмечено, что защитник вправе собирать доказательства путем опроса лиц с их согласия. Однако в практической деятельности реализация права защитника на опрос сталкивается с рядом препятствий, что снижает эффективность защиты и нарушает баланс интересов сторон в уголовном процессе. Отсутствие четкого процессуального регулирования опроса вызывает споры и дискуссии среди исследователей, создает неравные условия для сторон обвинения и защиты.

В отличие от следователя, дознавателя или суда, защитник не обладает властными полномочиями, например, на вызов лица для опроса. Действия защитника носят исключительно инициативный и добровольный характер.

В юридической литературе существуют различные мнения по поводу того, какие формы фиксации опроса может использовать защитник. Большинство исследователей полагают, что письменная форма всегда необходима, в то время как некоторые считают, что опрос может быть произведен устно, но, не поясняя, каким образом тогда возможно приобщение результатов произведенного опроса к материалам уголовного дела [3, с. 50]. В то же время полагаем, что можно согласиться с указанным мнением, когда защитник производит опрос для того, чтобы заявить ходатайство о производстве допроса определенного лица, то вполне возможно проведение опроса защитником устно, так как в любом случае необходимая информация будет оформлена в качестве доказательства, полученного в ходе допроса. По мнению исследователей, при опросе защитником должен быть составлен документ – акт опроса лица с его согласия [4; 5], протокол опроса [6; 7] либо любой иной документ, имеющий в названии слово опрос. В свою очередь, полагаем, что данный документ можно условно рассматривать как доказательство по уголовному делу. Следует помнить, что опрос, равно как и прочие действия защитника по сбору доказательств, не признается самостоятельным видом доказательств согласно действующему законодательству (ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Нет единого мнения и по вопросу о том, возможна ли фиксация опроса, проведенного защитником, с помощью аудио- или видеозаписи [8, с. 160–163]. Некоторые ученые полагают достаточным фиксацию опроса с использованием соответствующих технических средств. Другие считают, что помимо использования технических средств, которые являются вспомогательными, необходимо результаты опроса оформлять в письменной форме [9, с. 87–93]. Таким образом, возможность использования средств аудио- и видеофиксации при производстве защитником опроса, никто из исследователей не отрицает. Однако четких указаний по поводу того, что средства фиксации могут применяться именно для производства защитником опроса, в законе не имеется.

В рамках подготовки выпускной квалификационной работы на тему «Полномочия защитника по собиранию доказательств: проблемы теории и практики», слушателем МОФ МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя Н.Р. Волянской, под руководством Л.В. Кокоревой, с января по март 2025 г. по вопросам проблем собирания доказательств защитником был проведен опрос 40 адвокатов Истринской городской коллегии и филиалов Московской областной коллегии адвокатов (МОКА). Кроме этого, были изучены материалы 20 уголовных дел, находящиеся в архиве Истринского городского суда Московской области, а также в архиве ОМВД по г.о. Истра Московской области. Стоит отметить, что в проанализированных материалах уголовных дел не удалось найти ни одного примера признания опроса, проведенного защитником, самостоятельным доказательством по уголовному делу. При этом проведенное анкетирование адвокатов позволило сделать вывод о том, что полномочие по производству опроса лиц используется ими достаточно активно: в 100 % случаев респонденты отметили, что проводили опросы при осуществлении защиты по уголовным делам. При этом все опрошенные пояснили, что следователи, дознаватели

и суд не признают опрос защитника самостоятельным доказательством, однако используют результаты опроса для получения других доказательств. Наиболее часто опрос используется как основание для производства допроса (70 % случаев), выемки (45 % случаев), иных следственных действий (25 % случаев).

Среди проблем по реализации защитником права на опрос опрошенные адвокаты указали следующее: недостаточная законодательная урегулированность процедуры проведения опроса; отсутствие четкого механизма фиксации опроса; отсутствие процессуального статуса опрошенных лиц; невозможность обеспечить принудительное участие лиц в опросе; риск компрометации и нарушения этики при опросе; отказ должностных лиц органов предварительного расследования и суда приобщать к материалам уголовного дела сведения, полученные при опросе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что опрос как способ собирания доказательств защитником используется достаточно часто, а возникающие проблемы можно объяснить недостатками правовой регламентации. Закрепив полномочие защитника производить опрос лиц с их согласия, законодатель при этом не определил порядок его проведения, процессуальную форму закрепления результатов опроса. В сложившейся ситуации адвокатское сообщество вынуждено разрабатывать методические рекомендации по порядку производства опроса. В свою очередь, разработанные методические рекомендации носят преимущественно региональный характер, что приводит к отсутствию единообразия в правоприменительной практике [10; 11].

Более детально порядок проведения опроса адвокатом предлагается в соответствующих методических рекомендациях, разработанных Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (далее – Совет ФПА РФ) [11]. Адвокатам рекомендуется конкретный порядок фиксации хода и результатов опроса. В свою очередь, несмотря на относительно подробный порядок получения и оформления опроса, все же это лишь рекомендации Совета ФПА РФ, которые являются обязательными только для адвокатов (ч. 7 ст. 35 Закона об адвокатуре).

В юридической литературе встречаются различные точки зрения по рассматриваемому способу собирания доказательств защитником. Так, по мнению некоторых исследователей, опрос следует признать самостоятельным доказательством, другие рассматривают его лишь как основание получения доказательств, на собирание которых защитник полномочий не имеет. Сторонники каждого из приведенных мнений приводят соответствующие аргументы в обоснование своей позиции [12, с. 29–33; 6; 13].

Ясельская В.В. считает, что опрос – это необходимая альтернатива такого следственного действия, как допрос, которая позволяет уравнивать права стороны обвинения и защиты по собиранию доказательств по уголовным делам [14, с. 93]. Как считает данный автор, опросу присущи все признаки такого доказательства, как иной документ (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), регламентированный ст. 84 УПК РФ, соответственно, необходимо приобщать опрос к уголовному делу в качестве самостоятельного доказательства после проверки его с позиций относимости, допустимости и достоверности; вопросы ходатайства защитника о приобщении к материалам уголовного дела в качестве доказательства урегулированы законодательно (в ч. 2 ст. 159 и ст. 286 УПК РФ), как и право оглашения опроса в суде (ст. 285 УПК РФ).

Сторонники второй позиции, в соответствии с которой опрос, производимый защитником, не может выступать самостоятельным доказательством, аргументируют свое мнение тем, что в перечне доказательств, который исчерпывающим образом изложен в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, опрос защитника не указан. К иным документам, по мнению сторонников рассматриваемой позиции, относить его неверно. Поскольку к числу доказательств, представители данного подхода, опрос защитника не относят, его расценивают как поиск и обнаружение источника доказательственной информации, которая в качестве доказательства выступать может только после того, как будет произведено следственное действие – допрос [15, с. 178].

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что опрос защитника отдельным доказательством не признается. На это прямо указано в правовых актах Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации.

Так, в кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации от 08.12.2004 № 3-О04-42 отмечено, что «из смысла ст.ст. 84 и 86 УПК РФ следует, что относимые к делу сведения, полученные защитником в результате опроса частных лиц изложенные им или опрошенными лицами в письменном виде, нельзя рассматривать в качестве показаний свидетеля ли потерпевшего. Они получены в условиях отсутствия предусмотренных

уголовно-процессуальным законом гарантий их доброкачественности и поэтому могут рассматриваться в качестве оснований для вызова и допроса указанных лиц в качестве свидетелей, потерпевшего или для производства других следственных действий по собиранию доказательств, а не как доказательства по делу [16].

В своем определении от 04.04.2006 № 100-О Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что «полученные защитником в результате опроса сведения могут рассматриваться как основание для допроса указанных лиц в качестве свидетелей или для производства других следственных действий, поскольку они должны быть проверены и оценены, как и любые другие доказательства, с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела, законоположение закрепляет лишь право защитника на собирание доказательств» [17].

Таким образом, указанные и проанализированные судебные решения подчеркивают ограниченную процессуальную силу материалов, полученных защитником при опросе лиц, вне рамок официальной процедуры сбора доказательств. Материалы опроса служат основанием для дальнейшего процессуального оформления показаний участников уголовного процесса и иных доказательств, но самостоятельным видом доказательств не являются.

Необходимость четкой процессуальной регламентации опроса как способа получения доказательств обусловлена тем фактом, что сведения, полученные в ходе опроса, могут иметь значение для расследования или судебного разбирательства, свидетельствовать о невиновности привлекаемого к уголовной ответственности лица или наличии смягчающих обстоятельств и т. д. В том случае, когда следователь, дознаватель, прокурор или судья могут допросить лицо, опрос которого провел защитник, данная проблема стоит не столь остро. Если же получить показания от этого лица невозможно (например, оно отбыло в другую страну или скончалось), то проблема приобретает существенный характер. В том случае, когда должностное лицо органа предварительного расследования или суда, не приобщит материалы опроса защитника, в качестве доказательства по уголовному делу, фактически будет полностью отсутствовать возможность такое доказательство получить.

С одной стороны, решение указанной проблемы было бы возможно путем наделения получаемых защитником сведений статусом доказательств, но, с другой стороны, нет четкой уверенности в том, что лицо действительно добровольно давало пояснения в ходе опроса, собственноручно подписало соответствующий документ, составленный защитником, а проверить это невозможно в приведенных выше примерах. Поэтому разрешение рассматриваемой проблемы должно в полной мере учитывать все возможные трудности, которые возникнут в том или ином случае.

Следующий значимый аспект, который целесообразно рассмотреть в контексте анализа проблем реализации защитником полномочий по собиранию доказательств путем производства опроса, – обязан ли защитник предоставить органу расследования либо суду полученные им сведения, либо такая обязанность у него отсутствует, и защитник сам решает, есть ли необходимость использовать имеющуюся у него информацию. Результаты опроса, проведенного защитником, могут выступить как в качестве оправдательных доказательств, так и обвинительных (например, если защитник полагал, что лицо сообщает ему сведения, свидетельствующие в пользу подзащитного, а в действительности получил информацию, которая может быть использована как доказательства обвинения). Очевидно, что в последнем случае защитник не заинтересован сообщать органу расследования или суду о том, что имеется еще один свидетель обвинения, если его показания не были получены по уголовному делу. Исследователи полагают, что в этом случае защитник имеет право никаким образом не использовать результаты произведенного опроса, так как закон не возлагает на него обязанность предоставлять их органу предварительного расследования и суду, это – его право.

Изучив специальную литературу и приняв во внимание мнения опрошенных защитников, представляется возможным предложить ряд мер, направленных на решение тех проблем, которые были выявлены и обозначены в настоящей научной статье.

1. В нормах УПК РФ целесообразно закрепить отдельную статью, которая бы регулировала процессуальный порядок проведения адвокатом опроса лиц с их согласия. Речь идет не только об адвокате-защитнике подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, но и адвокат – представителе потерпевшего.

В данной норме следует предусмотреть виды фиксации сведений, полученных при опросе: устно или письменно. Предусмотреть, что при письменной фиксации адвокат обязан составить документ, в котором должны найти отражение следующие данные: сведения

об адвокате, проводившем опрос, с указанием адвокатского образования, адвокатской палаты субъекта РФ, в которых значится этот адвокат, его номер в соответствующем реестре и номер ордера, на основании которого он выполняет поручение по данному уголовному делу; фамилия, имя, отчество, дата и место рождения опрашиваемого лица, его место жительства, место работы, должность, домашний и рабочий телефоны, сведения о документах, удостоверяющих его личность, отношение к обвиняемому и потерпевшему; отметка о согласии на опрос; отметка о разъяснении прав и последствий дачи пояснений. Не рекомендуется называть данный документ протоколом, так как в УПК РФ составление такого документа предусмотрено по результатам производства процессуальных действий уполномоченными на то должностными лицами и органами. В научной литературе имеются рекомендации именовать данный документ актом опроса или объяснением. Отмечено, что документ должен отвечать требованиям ст. 84 УПК РФ.

Следует закрепить обязанность защитника информировать опрашиваемое лицо о его правах и последствиях дачи пояснений непосредственно перед опросом. Сам опрос, как представляется, может быть оформлен в виде ответов на конкретные вопросы, либо в форме свободного рассказа с постановкой уточняющих вопросов в конце его.

Целесообразно предусмотреть возможность использования при опросе, с согласия опрашиваемого лица, средств аудио- и видеофиксации. Это можно аргументировать тем, что в п. 6 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре прямо закреплено полномочие защитника фиксировать (в том числе с помощью технических средств) информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, соблюдая при этом государственную и иную охраняемую законом тайну.

Необходимо предусмотреть возможность участия в опросе заинтересованных участников уголовного процесса, например, законного представителя, представителя, переводчика и т. д.

Опрос ранее допрошенных следователем свидетеля, потерпевшего, обвиняемого или подозреваемого возможен только в случае, если в ходе их допросов не были выяснены все вопросы, имеющие существенное значение для уголовного дела.

2. Предусмотреть в нормах УПК РФ обязательное рассмотрение ходатайств о приобщении сведений, полученных защитником в ходе опроса. К примеру, закрепить в ст. 122 УПК РФ следующую формулировку: «Ходатайство защитника о приобщении к материалам уголовного дела результатов проведенного им самим опроса лиц подлежат обязательному рассмотрению следователем, дознавателем или судом независимо от формы подачи такого ходатайства. Результаты указанного опроса принимаются судом и подлежат оценке по правилам, установленным ст. 88 настоящего Кодекса».

Выбор ст. 122 УПК РФ не случаен и обусловлен ее ролью как ключевой нормы, регулирующей общий порядок рассмотрения ходатайств участников уголовного процесса. Сведения, полученные защитником в ходе опроса лиц с их согласия, в настоящее время зачастую игнорируются уполномоченными должностными лицами (следователем, дознавателем, судьей) ввиду отсутствия специальной нормы, обязывающей учитывать подобные материалы. Полагаем, что предлагаемые дополнения способны устранить этот недостаток, устанавливая четкую обязанность суда оценивать и решать судьбу таких материалов. Считаем, что закрепление обязанности суда учитывать результаты опроса, проведенного защитником, обеспечит соблюдение принципа равенства сторон, позволяя защите участвовать в формировании доказательственной базы, а, следовательно, повысит уровень гарантий прав обвиняемых (подсудимых) и укрепит судебную практику в области оценки доказательств.

3. Если опрос был произведен адвокатом с согласия лица, с соблюдением всех необходимых требований и правил, предусмотренных УПК РФ, Законом об адвокатуре и иных действующих нормативных правовых актов, то получение сведений не должно рассматриваться как вмешательство в деятельность органов предварительного расследования или как давление на участников уголовного процесса.

4. На регулярной основе повышать правовую грамотность и этическую подготовку адвокатов. ФПА РФ должны разработать единые методические рекомендации по порядку проведения опросов адвокатами, включая этические правила фиксации и взаимодействия с лицами, которые дали свое согласие на опрос.

В заключение стоит отметить, что право защитника на собирание доказательств путем опроса лиц является ключевым элементом обеспечения справедливого судопроизводства и баланса интересов стороны обвинения и защиты. Однако его реализация в современном уголовном процессе сдерживается как нормативными пробелами, так и сложившейся судебной практикой. Устранение этих проблем требует комплексного подхода:

законодательных изменений, судебной воли и повышения профессионального уровня защитников. Только при условии обеспечения равных процессуальных возможностей для обвинения и защиты можно говорить о реальном соблюдении принципа состязательности и презумпции невиновности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 467-О «По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52835/ (дата обращения: 29.10.2025).
2. Кокорев Л.В., Кокорев Р.А., Солдаткин В.С. Сложности практического воплощения положений пункта 1 части 3 статьи 86 УПК РФ защитниками // Евразийский юридический журнал. 2025. № 6(205).
3. Рагулин А.В. Регламентация прав адвоката-защитника на опрос лиц с их согласия и представление предметов и документов // Евразийская адвокатура. 2013. № 1(2).
4. Компанец Д. Акт опроса лица с его согласия или адвокатский опрос 2. URL: https://vk.com/@advocate_dkmpnts-akt-oprosa-lica-s-ego-soglasiya-ili-advokatskii-opros-2 (дата обращения: 30.10.2025).
5. Милова И.Е. О некоторых аспектах адвокатского опроса как особого процессуального действия. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15277810_47461678.pdf (дата обращения: 30.10.2025).
6. Мамедов Р.Я. Опрос лиц с их согласия защитником как способ собирания доказательств в уголовном процессе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opros-lits-s-ih-soglasiya-zaschitnikom-kak-sposob-sobiraniya-dokazatelstv-v-ugolovnom-protsesse/viewer> (дата обращения: 25.10.2025).
7. Паршуткин В.В. Опрос адвокатом лиц с их согласия // Возможности защиты в рамках нового УПК России / под ред. Г.М. Резника и Е.Ю. Львовой. М., 2003.
8. Кокорев Р.А. Криминалистика в цифровую эпоху: цифровые доказательства // Криминалистика: наука, практика, опыт: Всероссийская научно-практическая конференция к 85-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации профессора А.Ф. Фолынского. М., 2024.
9. Нарядчиков В.Н. Опрос лиц с их согласия как способ собирания доказательств защитником по уголовному делу // Современное право. 2020. № 9.
10. Методические рекомендации о порядке собирания защитником доказательств в уголовном судопроизводстве, утвержденном решением Совета Адвокатской палаты Новосибирской области от 27 декабря 2016 года. URL: <http://ka-advocat.ru/wp-content/uploads/2019/07/АП-Новосибирской-области-3.doc> (дата обращения: 15.10.2025).
11. Методические рекомендации по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Документы Совета ФПА РФ. URL: https://advokatrd.ru/lawyers/docscouncil-fparf/docs_63.html (дата обращения: 15.10.2025).
12. Егоров Н.Н. К вопросу о собирании доказательств защитником на стадии предварительного расследования // Право и правопорядок: вопросы теории и практики: Сборник научных трудов. Хабаровск, 2018.
13. Кузнецов Н., Дадонов С. Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы. URL: <https://base.garant.ru/4054830/?ysclid=lryrlxbpf9461102793> (дата обращения: 30.10.2025).
14. Ясельская В.В. Некоторые проблемы проведения защитником опроса лиц с их согласия // Уголовная юстиция. 2018. № 12.
15. Ишимов П.Л. Проблемные аспекты собирания и представления в суд доказательств защитником путем опроса лиц // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Том—Часть 89. Томск, 2021.
16. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.12.2004 № 3-О04-42. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=59547#w9aAq2VqEjtJOM971> (дата обращения: 30.10.2025).
17. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.04.2006 № 100-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугрова Александра

Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60927/ (дата обращения: 30.10.2025).

REFERENCES

1. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 21.12.2004 № 467-О «On the complaint of Pyatnichuk Petr Efimovich, a citizen, on the violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 46, 86, and 161 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52835/ (date of access: 29.10.2025).
2. Kokoreva L.V., Kokorev R.A., Soldatkin V.S. The difficulties of practical implementation of the provisions of paragraph 1 of part 3 of Article 86 of the Code of Criminal Procedure by defenders // Eurasian Law Journal. 2025. № 6(205).
3. Ragulin A.V. Regulation of lawyer's rights-the right of the defender to interview persons with their consent and to present objects and documents // Eurasian Advocacy. 2013. № 1(2).
4. Kompaniets D. Act of questioning a person with their consent or a lawyer's questioning 2. URL: https://vk.com/@advocate_dkmpnts-akt-oprosa-lica-s-ego-soglasiya-ili-advokatskii-opros-2 (date of access: 30.10.2025).
5. Milova I.E. On some aspects of a lawyer's questioning as a special procedural action. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15277810_47461678.pdf (date of access: 30.10.2025).
- 6 Mamedov, R. Ya. Interviewing Persons with Their Consent by a Defense Attorney as a Method of Collecting Evidence in a Criminal Procedure. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opros-lits-s-ih-soglasiya-zaschitnikom-kak-sposob-sobiraniya-dokazatelstv-v-ugolovnom-protsesse/viewer> (date of access: 25.10.2025).
7. Parshutkin V.V. Interviewing Persons by a Lawyer with Their Consent // Possibilities of protection under the new Criminal Procedure Code of Russia / Edited by G.M. Reznik and E.Y. Lvova. Moscow, 2003.
8. Kokorev R.A. Criminalistics in the digital age: digital evidence // Criminalistics: science, practice, experience: All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 85th anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation lawyer of the Russian Federation, Professor A.F. Folynsky. Moscow, 2024.
9. Atorachikov V.N. Interviewing persons with their consent as a way to collect evidence by a defense lawyer in a criminal case // Modern Law. 2020. № 9.
10. Methodological recommendations on the procedure for collecting evidence by a defense attorney in criminal proceedings, approved by the decision of the Council of the Novosibirsk Region Bar Association dated December 27, 2016. URL: <http://ka-advocat.ru/wp-content/uploads/2019/07/AP-Novosibirsk-Region-3.doc> (date of access: 15.10.2025).
11. Guidelines for the implementation of the rights of a lawyer provided for in Part 2 of Article 53, Part 3 of Article 86 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and Part 3 of Article 6 of the Federal Law «On Legal Practice and the Bar in the Russian Federation» // Documents of the Council of the Federal Bar Association of the Russian Federation. URL: https://advokatrd.ru/lawyers/docscouncil-fparf/docs_63.html (date of access: 15.10.2025).
12. Egorov N.N. On the issue of collecting evidence by the defense attorney at the stage of the preliminary investigation // Law and the Rule of Law: Issues of Theory and Practice: Collection of Scientific Papers. Khabarovsk, 2018.
13. Kuznetsov N., Dodonov S. The Defender's Right to Collect Evidence: Essence and Limits. URL: <https://base.garant.ru/4054830/?ysclid=lr91xbpf9461102793> (date of access: 30.10.2025).
14. Yaselskaya V.V. Some Problems of a Defender's Interviewing Persons with Their Consent // Criminal Justice. 2018. № 12.
15. Ishimov P.L. Problematic Aspects of Collecting and Presenting Evidence to the Court by a Defense Counsel through Questioning Individuals // Legal Issues in Strengthening Russian Statehood: Collection of Articles from the All-Russian Scientific and Practical Conference. Tomsk, 2021. Vol. 89.
16. Cassation Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.12.2004 № 3-О04-42. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=59547#w9aAq2VqEjtJOM971> (date of access: 30.10.2025).
17. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04.04.2006 № 100-О «On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Bugrov Alexander

Anatolyevich on the Violation of His Constitutional Rights by Paragraph 2 of Part Three of Article 86 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60927/ (date of access: 30.10.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кокорева Любовь Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса. Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. 143103, Российская Федерация, Московская обл., Рузский г.о., пос. Старотеряево, тер. МОФ МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, д. 2.

Кустов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, главный научный сотрудник НИЦ, профессор кафедры управления органами расследования преступлений. Академия управления МВД России. 125195, Российская Федерация, г. Москва, ул. Беломорская, д. 18А, корп. 2, кв. 70.

Кузьмин Михаил Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kokoreva Lyubov Vladimirovna, PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure. Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot. 143103, Russian Federation, Moscow region, Ruza district, village Staroteryaev, territory Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2.

Kustov Anatoly Mikhailovich, Grand PhD in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Chief Researcher at the Research Center, Professor at the Department of Management of Criminal Investigation Bodies. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 18A, Belomorskaya St., 125195 Russian Federation Moscow Building 2, Apt. 70.

Kuzmin Mikhail Nikolaevich, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Research, Editorial and Publishing Department. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.98

ЭМПИРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ИННОВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РОБОТИЗИРОВАННЫХ КОМПЛЕКСОВ ДЛЯ РЕШЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Лозинский Олег Иванович

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
oleg.lozz@yandex.ru

Введение: в статье (с учетом результатов авторского исследования) анализируются имеющийся эмпирический опыт (правоприменительный, экспертно-технический) и инновационные возможности, с учетом авторских предложений, использования научно-технического потенциала и роботизированных комплексов (летательных, наземных, водных (подводных) аппаратов) для реализации криминалистических задач в процессе уголовного судопроизводства.

Материалы и методы: определены кругом решаемых научных задач в области применения цифровых технологий, возможностей искусственного интеллекта для нужд криминалистики, в частности, и потребностей уголовного судопроизводства, в общем. При подготовке статьи применялся общий диалектический метод научного познания, а также методы логической дедукции, индукции, анализа, познавательные и сравнительно-правовые методы.

Результаты исследования: автором в общетеоретическом плане и на прикладных примерах исследованы наиболее значимые и показательные ситуации использования в интересах расследования, с целью повышения его эффективности и результативности, конкретных образцов криминалистической робототехники и аппаратно-программных комплексов. Предложено внести соответствующие положения в уголовно-процессуальное законодательство для полноты использования названных инноваций в интересах уголовного судопроизводства.

Выводы и заключения: по результатам проведенного исследования выработаны авторские предложения в области криминалистики и уголовно-процессуального законодательства по расширению использования научно-технического потенциала и роботизированных комплексов для реализации задач уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: метод глобального позиционирования, следственная реконструкция, беспилотный летательный аппарат (БПЛА), беспилотный подводный робототехнический комплекс, беспилотный наземный робототехнический комплекс.

Для цитирования: Лозинский О. И. Эмпирический опыт и инновационные возможности использования роботизированных комплексов для решения криминалистических задач в уголовном судопроизводстве / О. И. Лозинский // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 199–204.

Original paper

EMPIRICAL EXPERIENCE AND INNOVATIVE POSSIBILITIES OF USING ROBOTIC COMPLEXES FOR SOLVING CRIMINALISTIC TASKS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Lozinsky Oleg Ivanovich

South Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy of Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: taking into account the results of the author's research, the article analyzes the available empirical experience (law enforcement, expert and technical) and innovative opportunities, taking into account the author's proposals, the use of scientific and technical potential and robotic complexes (aircraft, land, water (underwater) vehicles) for the implementation of forensic tasks in the criminal justice process.

Materials and methods: the range of scientific tasks to be solved in the field of digital technologies, artificial intelligence capabilities for the needs of criminology, in particular, and the

needs of criminal justice, in general. The general dialectical method of scientific cognition, as well as methods of logical deduction, induction, analysis, cognitive and comparative legal methods were used in the preparation of the article.

Results of the study: the author examines the most significant and illustrative situations of using specific samples of forensic robotics and hardware and software complexes in the interests of investigation, in order to increase its effectiveness and efficiency. It is proposed to introduce relevant provisions into the criminal procedure legislation for the full use of these innovations in the interests of criminal proceedings.

Findings and conclusions: based on the results of the research, the author's proposals in the field of criminalistics and criminal procedure legislation have been developed to expand the use of scientific and technical potential and robotic complexes for the implementation of criminal justice tasks.

Keywords: global positioning method, investigative reconstruction, unmanned aerial vehicle (UAV), unmanned underwater robotic complex, unmanned ground-based robotic complex.

For citation: Lozinsky O. I. Empirical experience and innovative possibilities of using hardware and software and robotic systems to solve forensic problems in criminal proceedings / O. I. Lozinsky // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 199–204.

На текущий момент и на ближайшую перспективу общественное развитие очень во многом обусловлено смещением приоритетов из индустриальной сферы (не умаляя ее важности) в информационно-коммуникационную, что сопровождается повсеместным внедрением электронных цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности общества и государства. Между тем, имеющая место тенденция не только не мешает, но и в значительной мере содействует развитию техногенной составляющей научно-технического прогресса, которая за счет электронно-цифровых технологий выходит на новый качественный уровень. Сочетание в одних и тех же проектах техногенных (машинных, аппаратных) и информационных (цифровых, программных) технологий способствует активному инновационному процессу в области: использования эмпирических возможностей искусственного интеллекта; создания специализированных, роботизированных, беспилотных, дистанционно управляемых систем и комплексов для использования во всех средах, куда распространяется сфера интересов человека: динамических (самодвижущихся) – наземных (подземных), надводных (подводных), воздушных; стационарных (широкий спектр систем и комплексов распознавания человека с использованием биотехнологий; диагностическое системно-комплексное оборудование в сферах медицины (основанное на ДНК-анализе крови и других жидкостей и тканей организма человека); аппаратно-программное оборудование в области материаловедения; роботизированное оборудование в различных узкоспециализированных сферах экспертной деятельности и многое другое.

Исследуемые методологические возможности и технологические средства, системы, комплексы, аппараты (как их эмпирическое воплощение для прикладного применения) имеют потенциально двойное назначение и активно адаптируются для криминалистических нужд. Указанное существенно расширяет и повышает возможности правоохранительных и других специализированных государственных органов в получении обособленной, объективной доказательственной информации, необходимой для реализации эффективной и результативной деятельности по оказанию противодействия преступным проявлениям.

В рамках настоящего исследования, в качестве более наглядных примеров предлагается первоначально рассмотреть применяемые в криминалистике (адаптированные для реализации ее задач) динамические аппаратно-программные роботизированные системы и комплексы.

За последние пять лет в исследуемой сфере произошел (и этот процесс продолжается) довольно существенный научно-технический прогресс, что значительно повлияло и на увеличение спектра и количественного объема производимых моделей (специализация, размеры, характеристики и др.), и на их себестоимость (стоимость при реализации), (что повлекло их большую доступность для использования, в т. ч. и для криминалистических целей). Наиболее явный прогресс (фактически скачек) на указанном направлении научно-технического развития наблюдается в сфере разработок, проектирования и применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) (с автономной программой; дистанционно управляемых оператором с земли).

В базовой комплектации БПЛА представлены в виде аппаратно-программных комплексов, основанных на технологиях в области самолето или вертолетостроения. Последние в криминалистических целях используются гораздо чаще и представлены в виде квадрокоптеров (с четырьмя винтами) или мультикоптеров (с множеством винтов). В интересующем сегменте данные устройства обладают высотой полета от 10 до 3 000 м. и дальностью полета до

10 км., что вполне позволяет эффективно использовать их для реализации криминалистических задач (преимущественно связанных с осмотром места происшествия) [1, с. 174].

В отличие от БПЛА самолетного типа, БПЛА вертолетного типа обладают одной технической возможностью, которая фактически предопределила их широкое применение – они могут на довольно значительное время прерывать линейный полет и зависать в воздухе над определенными объектами, участком местности и др. Данная техническая особенность исследуемых БПЛА обладает очень большим потенциалом, в т. ч. и в криминалистической сфере. Может служить, например, для реализации возможностей встроенного в них или подвешенного на их консолях оборудования (фото и видеосъемка, сканирование и многое другое), а также для перемещения и доставки грузов (криминалистического назначения; в интересах производимого следственного действия, проводимого оперативно-розыскного мероприятия и т. п.).

Как это нередко бывает, когда какие-либо научно-технические инновации имеют большие прикладные возможности, они порой даже раньше, чем их задействуют для решения профильных и специализированных задач правоохранными структурами либо в криминальных целях. Имеется подобная ситуация и с БПЛА, которые активно используются названными структурами в указанных целях для: незаконной слежки; передачи взяток; контрабанды; наркоторговли; организации заказных убийств, взрывов (поджогов); совершения террористических актов и реализации другой противоправной деятельности.

Даже при наличии большого отрицательного опыта, не прекращаются попытки оснащения БПЛА (для реализации криминальных и террористических целей) стрелковым огнестрельным оружием и соответствующими комплексами и системами (как в стационарном, так и в навесном исполнении). Отрицательный результат соответствующих попыток очень во многом связан с тем, что БПЛА вертолетного типа, в особенности за счет своей малой массы, очень чутко реагируют на отдачу при выстрелах размещенного на них огнестрельного оружия (в особенности при ведении автоматического огня), что негативно сказывается на их устойчивости и управляемости в полете, ну и, как следствие, на точности стрельбы.

Для реализации террористического акта или заказного убийства, посредством использования БПЛА для доставки и сброса на объект (в т. ч. и на человека) взрывного устройства (и т. п.), какие либо технические сложности отсутствуют (подобные случаи не являются единичными и уже имеют свою статистику).

Еще несколько лет назад реализация высокого потенциала БПЛА для решения криминалистических задач осложнялась их малой доступностью и высокой стоимостью. На текущий момент имевшаяся ранее в этом плане ситуация коренным образом изменилась. Развитие сферы, связанной с разработками и производством БПЛА, переживает бурный рост, что позитивно сказалось на спектре выпускаемых моделей (их специализации и характеристиках), на объемах их производства в количественном плане, а также на их цене и доступности. С учетом изложенного, вопрос о возможности и целесообразности использования БПЛА в криминалистических целях, для практического правоприменителя, стал риторическим, и имеет, безусловно, положительный ответ.

Так, использование БПЛА при производстве ряда следственных действий может существенно повысить их эффективность, информативное и доказательственное значение. Примером этому может служить производство осмотра места происшествия, особенно, если: доступ к нему затруднен, невозможен или небезопасен для человека; оно занимает значительную территорию со сложной инфраструктурой или топографией; для оценки следственной ситуации нужен обзор не с земли (который, например, либо затруднен, либо по тем или иным причинам, не дает возможности представить картину места происшествия в целом), а именно с верхней точки (для полной наглядности и ясности общей картины и (или) динамики произошедшего, имеющихся последствий, возможностей дальнейшего негативного развития событий; для решения организационных вопросов осмотра (границы оцепления, распределение ролевых задач участников следственной группы, установление приоритетов и очередности осмотра отдельных участков или объектов и т. п.; для составления общей схемы места происшествия, если оно занимает значительную территорию и т. п.)) и др. [2, с. 132].

Также использование БПЛА будет способствовать повышению эффективности и объективности производства таких следственных действий, как следственный эксперимент (проверка показаний на месте), обыск на местности и др.

Продолжая настоящее исследование, необходимо отметить, что беспилотные, дистанционно управляемые аппараты (системы, комплексы), имеющие двойное назначение, используются в различных средах. Так, для использования в водной среде, в т. ч. и для решения криминалистических задач, применяются беспилотные поисково-осмотровые и исследовательские дистанционно управляемые аппаратно-программные роботизированные

системы ROVremotely operated vehicle с информационно-коммуникационной системой связи и управления посредством подводного сегмента Интернета или IoT – интернетвещей (как беспроводной, так и проводной (преимущественно в виде витого кабеля)) [6, с. 204].

В отечественной криминалистике, в силу финансовой и эксплуатационной доступности, наибольшее распространение получили аналоги названных аппаратно-программных систем, разработанные и производящиеся Институтом океанологии РАН, - телеуправляемые беспилотные подводные аппараты (ТПА) ГНОМ и его модифицированная модель – Супер ГНОМ-ПРО. ТПА состоит из: станции управления (размещается на берегу или на судне); подводного аппарата (управление и коммуникация реализуются через Интернет); кабеля, длиной до 400 м. [2, с. 130–132].

В целях решения криминалистических задач, ТПА использоваться для:

- исследования: подводных и полупогруженных надводных объектов (например, находящейся в воде части корпусов кораблей, газо- и нефтедобывающих платформ, портовых сооружений и т. п.); затонувших объектов;
- исследования динамики развития и последствий чрезвычайных ситуаций (природных, антропогенных) в водных акваториях;
- установления источников, контроля состояния воды, в ситуациях криминогенного характера, связанных с загрязнением водной среды;
- профилактики (предотвращения) террористических актов и техногенных катастроф на водных объектах повышенной опасности и важности: гидроэлектростанции, плотины водохранилищ и др.;
- оказания содействия расследованию инцидентов на подводных объектах, (например, инцидент, связанный с подрывом веток газопровода «Северный поток»).

Примером использования названных ТПА в интересах расследования (в криминалистических целях) может служить авария на Саяно-Шушенской ГЭС (в результате гидроудара: 3 из 10 гидроагрегатов были полностью разрушены, а остальные в значительной степени повреждены; полностью затоплен машинный зал станции; погибли 75 человек; на территории Сибири начался энергетический кризис; даже на частичное, функциональное восстановление потребовалось более 4 лет и расходы порядка 50 млрд руб.) [2, с. 133].

Отмечая безусловную важность и полезность использования в криминалистических целях воздушной и водной робототехники, следует признать, что все-таки местом совершения подавляющего большинства преступлений является суша, в связи с чем, наземные робототехнические комплексы продолжают иметь приоритетное значение.

Несмотря на автономность и беспилотность исследуемых аппаратов, участие в их использовании человека, все же, является определяющим. Оператор участвует в процессе использования аппаратно-программного роботизированного комплекса в качестве источника управляющих (координирующих) команд по его применению, а также для получения и анализа поступающей от робота видео-, аудио-, сенсорной и иной информации, в зависимости от установленного на комплексе фиксирующего и диагностического оборудования.

Роботизированные аппаратно-программные системы в криминалистике используются для осмотров и исследования мест:

- пожаров, в особенности в зданиях (сооружениях), с учетом таких факторов, как: труднодоступность (недоступность); опасность обрушения поврежденных огнем конструкций; задымленность; возможность отравления продуктами горения и т. п.;
- транспортных (авиационных, железнодорожных и др.), техногенных катастроф (на объектах: промышленных, инфраструктурных, военных, энергетического комплекса и т. п.); стихийных бедствий и др.
- возможных (уже реализованных) террористических угроз; аппаратно-программный комплекс может быть соответствующим образом оснащен для выполнения ряда дополнительных функций: в области взрывотехники (разминирования); вывоза раненных (пострадавших) из опасных для спасателей мест и др.

В настоящее время уже имеется довольно много роботизированных комплексов отечественного производства, обладающих техническими характеристиками, позволяющими им решать криминалистические задачи (производить: необходимые действия по фиксации обстановки, тестово-диагностические операции; механические манипуляции и др.): на местности со сложной топографией; действуя в разрушенных зданиях и сооружениях; преодолевая препятствия и разбирая завалы; действуя в агрессивной среде (химическое, радиационное заражение; пожары, высокие температуры и задымленность; разливы нефтепродуктов и т. п.) и др.

Стандартной профильной основой (платформой) исследуемой роботизированной аппаратно-программной системы служит тележка (например, ромбовидная гусеничная машина с пружинной подвеской Кристи, но могут быть и колесные основы), на которой смонтированы: манипулятор, а также разнообразное специализированное навесное

оборудование (диагностическое, аналитическое, фиксирующее и др.), в зависимости от решаемых задач.

Аппаратно-программный роботизированный комплекс может реализовывать большой спектр криминалистических специфических задач путем легкой его модификации, связанной с достаточно оперативным переоснащением его необходимым навесным оборудованием. При этом задачи в криминалистической сфере бывают и довольно узкопрофильные и специфические. Так, при обследовании места предполагаемого или произошедшего террористического акта, могут понадобиться функции из области взрывотехники (разминирование; установление и разрушение взрывных устройств и т. п.). Для реализации указанного, узлы и агрегаты аппаратно-программного комплекса могут иметь бронирование (преимущественно съемно-навесное) и термостойкое покрытие.

Примерами навесного оборудования могут служить:

- криминалистические источники света, цианакрилатные камеры (для обнаружения невидимых следов, преимущественно биологического происхождения: потожировое вещество, кровь, другие жидкости из организма человека);

- эхолоты (для обнаружения предметов (объектов) на дне водоемов или в толще воды; например, выброшенные в воду орудия преступления, оружие, вещественные доказательства и т. п.);

- тепловизоры (для выявления и определения местонахождения теплоконтрастных объектов; например, пострадавших: под завалами в обрушившихся зданиях или сооружениях; при природных или техногенных катастрофах - сели, лавины, камнепады, обвалы в тоннелях и подземных коммуникациях; для обнаружения мест содержания заложников, либо для установления местонахождения скрывающихся террористов и др.);

- нелинейные локаторы (для обнаружения электронных устройств), георадары, металлодетекторы, магнитометры, лазерные дальномеры и др.

Примерами использования в криминалистических целях, в интересах расследования, названных наземных роботизированных систем, может служить их применение при осмотре мест происшествий – пожаров, произошедших: в здании муниципального учреждения «Интернат малой вместимости для граждан пожилого возраста и инвалидов» села Подбельск Республики Коми, в результате которого погибли 23 человека; в помещении ночного клуба «Хромая лошадь» в г. Пермь, повлекшего гибель 156 человек (в условиях отсутствия освещения, сильной задымленности тесных помещений, заполненных обгоревшими остатками мебели и интерьера; при наличии в воздухе ядовитых продуктов горения пластика и других полимеров и т. п.) [4, с. 221].

Далее предлагается рассмотреть используемые в криминалистических целях аппаратно-программные роботизированные комплексы стационарного типа.

Широкое применение, в т. ч. и для криминалистических нужд, исследуемые технологии и созданные на их базе роботизированные системы, в сочетании с биометрическими технологиями, нашли: в сфере обеспечения безопасности; для реализации задач розыска; для идентификации лиц, причастных к противоправной деятельности и в других областях, связанных с криминалистикой.

Имеющиеся апробированные технологии позволяют с использованием сети видеокамер и аппаратно-программного оборудования, работающего в роботизированном режиме, распознавать через сравнительный анализ с шаблонами электронно-цифровой базы данных до 20 человек в секунду (вокзалы, эскалаторы метро, крупные торговые и развлекательные центры и др.). При этом мировой опыт в проектировании и использовании указанных аппаратно-программных роботизированных систем огромен: в Республике Беларусь реализована система автоматической идентификации личности по видеобразу лица в потоке людей («Каскад-поток»); в России успешно применяется аналитический модуль видеонаблюдения в рамках проекта «Безопасный город» и др.

Однако, вне всякого сомнения, крупнейшей, в современном мире, системой биометрической идентификации является Aadhaar (Индия). Aadhaar – это индийский онлайн-сервис идентификации, предоставляемый Государственным агентством UIDAI. По состоянию на конец 2024 г. в системе зарегистрировано более 1,72 млрд человек, что составляет около 94 % граждан страны [3, с. 79].

Необходимо констатировать, что стационарные аппаратно-программные роботизированные системы уже достаточно давно активно используются (и постоянно совершенствуются) в сфере судебных криминалистических экспертиз. При этом названные системы применяются преимущественно узкопрофильно (специализированно), по конкретным объектам исследования: «Металлы», «Волокно», «Бумага», «Кортик» (холодное оружие), «Эврика» (пожары); «Балэкс» (баллистика); «Наркоэкс» (наркотические вещества) и др.

Итоги настоящего исследования позволяют прийти к обоснованным выводам о том, что на текущий момент и на ближайшую перспективу, криминалистика, с учетом адаптации для

своих нужд большого спектра методических и аппаратно-программных инноваций из других сфер («двойного назначения»), в т. ч. и из области робототехники, сможет существенно расширить свои прикладные возможности, а также повысить степень эффективности уже имеющихся наработок (преимущественно, за счет расширения перечня производимых экспертиз и повышения обоснованности результатов уже имеющихся).

Расширение методической базы криминалистики и рост ее потенциала в прикладном плане за счет адаптации к решению ее задач аппаратно-программных роботизированных систем и комплексов «двойного назначения», положительно отразится на ее возможностях по получению доказательственной информации в рамках уголовного судопроизводства. При этом указанное, безусловно, позитивно скажется на эффективности, оперативности и результативности процесса раскрытия и расследования преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бурцев Б.А. Использование беспилотных летательных аппаратов в криминалистике и следственной практике // Международное периодическое научное издание «Взгляд в будущее». 2023. № 6.
2. Лозинский О.И. Использование возможностей робототехники и аппаратно-программных средств в криминалистической практике и при производстве отдельных следственных действий // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. № 3.
3. Малякова К.П. Использование биометрических технологий в криминалистике // Юрист-Правоведъ. 2022. № 3(102).
4. Мустяца Ф.Д. Использование в ходе предварительного расследования инноваций, связанных с технологиями в области робототехники и искусственного интеллекта // Форум молодых ученых. 2023. № 5.
5. Сухоручко В.С. Техногенные катастрофы и техногенная безопасность // Защита и безопасность. 2010. № 3(54).
6. Фейтуллаев Р.М. Адаптация инновационных роботизированных технологий, возможностей искусственного интеллекта для решения криминалистических задач: методология; эмпирические возможности // Форум молодых ученых. 2024. № 3.

REFERENCES

1. Burtsev B.A. The use of unmanned aerial vehicles in criminology and investigative practice // The international scientific periodical «A Look into the Future». 2023. № 6.
2. Lozinsky O.I. Using the capabilities of robotics and hardware and software in forensic practice and in the production of individual investigative actions // Problems of economics and legal practice. 2024. № 3.
3. Malyakova K.P. The use of biometric technologies in criminology // Lawyer-Jurist. 2022. № 3 (102).
4. Mustyats F.D. The use of innovations related to technologies in the field of robotics and artificial intelligence during the preliminary investigation // Forum of Young Scientists. 2023. № 5.
5. Sukhoruchko V.S. Technogenic disasters and technogenic safety // Protection and safety. 2010. № 3 (54).
6. Feitullaev R.M. Adaptation of innovative robotic technologies, artificial intelligence capabilities for solving forensic problems: methodology; empirical possibilities // Forum of Young Scientists. 2024. № 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лозинский Олег Иванович, кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права. Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lozinsky Oleg Ivanovich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law. The South Russian Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344000 Russian Federation.

Научная статья
УДК

**НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Пахомов Сергей Валерьевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
svrakhomov@inbox.ru

Зиновьева Нина Сергеевна

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация
3286176@mail.ru

Введение: в зависимости от целей наложения ареста на имущество, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УПК России, определяются формы процессуальных ограничений (запрет или изъятие), которые предопределяют особенности деятельности следователя по установлению имущества, подлежащего аресту. Поэтому наложение ареста на имущество должно выступать неотъемлемым элементом процесса расследования многих преступлений, а сама процедура установления объектов и наложения на них ареста должна быть включена в систему тактических комплексов, призванных решать как общие, так и промежуточные задачи расследования. Однако анализ научной и специальной литературы свидетельствует о том, что наложение ареста на имущество, как предмет научного познания, исследуется безотносительно процесса расследования преступлений. Отсутствие комплексного подхода к обоснованию объективных взаимосвязей процесса расследования и наложения ареста порождают проблемы правоприменительной практики, не позволяют выявить системные связи между организацией расследования, непосредственно расследованием и установлением объектов, подлежащих аресту.

Материалы и методы: при подготовке научной статьи изучались публикации в периодических научных изданиях, монографические научные исследования в области уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности по вопросам наложения ареста на имущество; информационно-аналитические материалы, подготовленные следственным департаментом МВД России. Применены общенаучные и частные методы познания: индукция, дедукция, сравнительно-правовой, статистический, исторический методы и др.

Результаты исследования: в результате проведенного исследования доказаны закономерности собирания и исследования доказательств, которые выступают основанием для своевременного и объективного установления объектов, подлежащих аресту, а также сформулированы предложения по включению в общую структуру методики расследования преступлений вопросов наложения ареста на имущество.

Выводы и заключения: процесс поиска объектов, на которые предполагается наложение ареста на имущество, является одной из важных задач расследования преступлений. Поэтому наложение ареста на имущество выступает неотъемлемым элементом криминалистической методики расследования преступлений. Следовательно, формирование тактических комплексов, направленных на решение задач расследования, не должно осуществляться без учета средств и методов, необходимых для установления имущества и наложения на него ареста. Этот же фактор следует учитывать в рамках версионного анализа и планирования расследования преступлений. Установленные взаимосвязи и зависимости позволят повысить эффективность расследования преступлений.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество, криминалистическая методика расследования преступлений, тактико-криминалистические комплексы.

Для цитирования: Пахомов С. В. Наложение ареста на имущество как элемент структуры криминалистической методики расследования преступлений / С. В. Пахомов // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 205–210.

Original paper

PROPERTY SEIZURE AS AN ELEMENT OF THE STRUCTURE OF FORENSIC
CRIME INVESTIGATION METHODOLOGY**Pakhomov Sergey Valeryevich**

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Zinovyeva Nina Sergeevna

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: depending on the purposes of property seizure, as provided for in Part 1 of Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the forms of procedural restrictions (prohibition or seizure) are determined, which predetermine the specifics of the investigator's work in identifying property subject to seizure. Therefore, property seizure should be an integral element of the investigation process for many crimes, and the procedure for identifying objects and seizing them should be included in a system of tactical complexes designed to address both general and intermediate investigative tasks. However, an analysis of scientific and specialized literature indicates that property seizure, as a subject of scientific knowledge, is studied independently of the criminal investigation process. The lack of a comprehensive approach to substantiating the objective relationships between the investigation process and seizure creates problems in law enforcement practice and prevents the identification of systemic links between the organization of the investigation, the investigation itself, and the identification of objects subject to seizure.

Materials and methods: in preparing this research article, publications in periodicals, monographs in criminal procedure, forensic science, and operational investigative activities on property seizure, as well as information and analytical materials prepared by the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, were reviewed. General scientific and specific research methods were applied, including induction, deduction, comparative legal, statistical, historical, and other methods.

Results of the study: the study demonstrated patterns in the collection and analysis of evidence that serve as the basis for the timely and objective identification of objects subject to seizure, and proposed proposals for incorporating property seizure into the overall framework of crime investigation methodology.

Findings and conclusions: the process of finding objects subject to seizure is one of the important tasks of crime investigation. Therefore, property seizure is an integral element of forensic crime investigation methodology. Consequently, the development of tactical systems aimed at solving investigative problems should not be carried out without considering the means and methods necessary for identifying and seizing property. This factor should also be taken into account in the context of version analysis and crime investigation planning. The established interrelations and dependencies will improve the effectiveness of crime investigations.

Keywords: property seizure, forensic crime investigation methods, tactical and forensic systems.

For citation: Pakhomov S. V. Property seizure as an element of the structure of forensic crime investigation methodology / S. V. Pakhomov // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 205–210.

По-прежнему не утрачивает своей актуальности Проблематика построения системы криминалистических методик расследования преступлений и обоснование их структурных элементов. В научных работах отечественных ученых-криминалистов содержатся различные подходы к определению уровневой системы криминалистических методик и принципов их построения, обусловленные характером решаемых такими методиками задач. В обобщенном виде контекст этих классификационных построений выражается в потребности разработки научно-обоснованной модели высокой степени абстракции (общности), которая отображала бы общие принципы и закономерности отражения информации о преступлениях, объединенных по групповой, видовой, а иногда родовой принадлежности, и его следах, а также закономерности собирания, оценки, исследования и использования доказательств в ходе расследования вида (группы) преступлений. И далее на основе такой теоретической модели формирование системы криминалистических методик частного уровня, имеющих выраженный прикладной характер и более высокую степень конкретности.

Подобные методики имеют как сходства, так и различия в аргументации выбора элементов, которые следует включать в структуру криминалистической методики. Здесь можно выделить три основные точки зрения по данному вопросу. Первая связана с «традиционным» подходом к определению структуры криминалистической методики, объединяющей такие элементы как криминалистическая характеристика преступлений, организационные основы расследования преступлений, тактические аспекты проведения следственных действий в рамках расследования. Второй подход объединяет приверженцев идеи, где в качестве отправного объекта криминалистического познания выступает механизм преступления, предопределяющий разработку криминалистической характеристики расследования преступлений [1; 2]. Ученные третьей группы основываются на принципе построения криминалистических методик, при котором в основе обоснования и принятия решений методического и тактического характера лежат средства криминалистического анализа, версий и планирования [3].

Вместе с тем наблюдается стремление исследователей к расширению содержательной основы каждого структурного элемента криминалистических методик новыми направлениями познавательной деятельности субъекта расследования. Таким образом, в структуре криминалистических методик мы находим положения, затрагивающие вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, исследования криминалистически значимых данных, отражаемых в различных информационных системах; предупреждения преступлений криминалистическими средствами и методами и т. д. Такие инициативы можно объяснить динамическими изменениями общественных отношений, их технологическим развитием, переходом к качественно новому уровню разработки мер реагирования на запросы общества в части борьбы с преступностью.

Обращает на себя внимание и тот факт, что формирование научно обоснованных рекомендаций по выбору тактических средств решения криминалистических задач, также обусловлено характером преступного деяния (в его слеодообразующем значении) и необходимости повышения эффективности закрепления доказательств на стадиях расследования преступления. При этом уровень криминалистической методики предопределяет либо формирование системы тактических средств (например, систему поисковых следственных действий, экспериментальных следственных действий или описание тактических операций), либо отдельных (типичных) следственных действий, отражающих характеристики наиболее целесообразных тактических приемов обнаружения и закрепления доказательств.

Однако следует отметить, что в фокусе внимания разработчиков криминалистических методик находятся прежде всего те следственные действия, которые характеризуются выраженной поисково-познавательной направленностью, непосредственно ориентированных на обнаружение, закрепление доказательств. Отдельно в эту систему включаются вопросы использования специальных (криминалистических) знаний.

При всем вышесказанном возникает закономерный на наш взгляд вопрос о том, нуждается ли криминалистическая методика в уточнении ее содержания в части включения в структуру методики положений, связанных с процессом раскрытия и расследования преступления, однако ориентированных не на собирание доказательств, а на обеспечение одной из ключевых целей уголовного судопроизводства в контексте ст. 6 УПК России? В частности, речь идет о таком уголовно-процессуальном действии как наложение ареста на имущество, рассматриваемом в аспекте наполнения его криминалистическим (тактическим) содержанием. Здесь мы полагаем необходимым сместить акценты на такие криминалистически значимые компоненты этого процессуального действия, которые отражают тактические элементы поиска объектов, на которые предполагается наложение ареста, механизма оценки стоимости имущества, подлежащего аресту; непосредственно механизма наложения ареста в его функциональном значении и обеспечение сохранности имущества, на которое наложен арест, и все это в рамках единой криминалистической модели расследования преступления.

Значение исследования вопроса в вышеуказанном аспекте выражено тем, что тактический компонент механизма наложения ареста на имущество, в достаточной мере отражает поисково-познавательную сущность отдельных следственных действий, производство которых в рамках расследования преступления позволяет решить одновременно несколько криминалистических задач: отыскание объектов, подлежащих аресту и выявление следов преступления или получение криминалистически значимой информации. Поэтому очевидно то, что две разные по целенаправленности задачи ориентированы на достижение общей цели

расследования, а значит при поисково-познавательном характере проводимых мероприятий их следует рассматривать как взаимосвязанные структурные элементы криминалистической методики расследования.

Обстоятельства, предопределяющие цель наложения ареста на имущество перечислены в ч. 1 ст. 115 УПК России. К ним отнесены: обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска, взыскание штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. В зависимости от целей, которые преследуются при принятии решения о наложении ареста на имущество, определяются и формы ареста, выраженные в запрете или ограничении распоряжаться имуществом, а в некоторых случаях пользоваться им, либо в изъятии такого имущества и передачи его на хранение. С учетом этого определяются условия наложения ареста на имущество и собственно сама процедура наложения ареста.

Проведенный анализ научной литературы позволил прийти к выводу о том, что вопросам наложения ареста на имущество в структуре криминалистических методик расследования преступлений уделено весьма незначительное внимание. Нельзя не отметить существование ряда монографических работ и диссертационных исследований, связанных с деятельностью следователя по наложению ареста на имущество, розыском подлежащих аресту объектов в рамках расследования преступлений, криминалистического обеспечения наложения ареста на имущество [3], однако все эти вопросы исследовались безотносительно их встраивания в общую систему расследования преступления.

Почему последнее важно? Разработка криминалистической методики расследования преступлений определенного вида или группы отражает присущие ей закономерности механизма преступления и деятельности по собиранию, исследованию и оценке доказательств. Проще говоря, специфика преступления, его видовые особенности, предопределяют специфику криминалистических средств и методов, избираемых для его раскрытия и расследования. Указанная специфика также возникает и в выборе средств и методов наложения ареста на имущество.

Особенно наглядно вышеуказанный аспект проявляется в обстоятельствах расследования преступлений в сфере экономической деятельности, когда для определения объекта, подлежащего аресту, круга лиц, на имущество которого может быть наложен арест, стоимости имущества, мест его нахождения требуется выполнение следователем комплекса процессуальных и непроцессуальных мероприятий, при этом часто опосредованных другими криминалистическими задачами (например, установлением места хранения и сбыта произведенной продукции, установлением контрагентов, обнаружением и исследованием документов финансово-хозяйственной деятельности организации, установлением способов расчетов с различными субъектами экономических отношений и др.).

В связи с этим целесообразно обратить внимание на некоторые обстоятельства, обуславливающие решение задач наложения ареста на имущество и учитываемые следователем в ходе раскрытия и расследования преступлений.

Правовой статус объектов, принадлежащих обвиняемому (подозреваемому), на которые предполагается наложение ареста. К числу типичной можно отнести ситуацию, при которой объектом ареста являются активы, включенные в состав доли юридического лица, в котором обвиняемый состоял в качестве участника или руководителя организации. Однако возможна и ситуация, при которой активы, включенные в уставный капитал юридического лица, де-юре принадлежат третьим лицам, но де-факто бенефициаром является обвиняемый.

Эти две схожих на первый взгляд ситуации предопределяют установление разного круга обстоятельств.

С криминалистических позиций механизм наложения ареста на имущество состоит из взаимосвязанных и последовательных этапов. Прежде всего следует отметить, что имущество как объект отыскания (установления) выступает предметом версионного анализа. Именно версии составляют логическую, процессуальную и тактическую основу планирования расследования. Вместе с тем по тем преступлениям, санкции за которые предусматривают конфискацию имущества, либо те, по которым на стадии предварительного расследования заявлен гражданский иск, планирование работы следователя по определению механизма наложения ареста на имущество должно осуществляться «по умолчанию», в любом случае, наряду с другими задачами, которые разрешает следователь исходя из выдвигаемых им версий [4, с. 227].

Как нами отмечено, установление объектов, подлежащих аресту, имеет поисково-познавательный характер и влечет за собой выполнение определенного комплекса взаимосвязанных действий процессуального и непроцессуального характера. В рамках планирования определяются способы установления имущества лица, на которое

предполагается наложение ареста, а также определяются должностные лица и их конкретные функции в реализации этой задачи.

Следует выделить два основных направления в установлении сведений об имуществе обвиняемого (подозреваемого) и вероятных местах его нахождения (возможного сокрытия): 1) посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий; 2) посредством направления запросов в государственные органы и организации (ГИБДД, ГИМС, Росреестр, ФНС, кредитные организации).

Первое направление поиска приобретает актуальность в ситуациях, когда имущество обвиняемого (подозреваемого) фактически принадлежащее ему и получено преступным путем или использовалось в качестве средства совершения преступления, находится в собственности иных лиц (актуально для преступлений коррупционной направленности, совершаемых должностными лицами органов государственной власти). Второе направление типично для расследования большинства преступлений.

После полученных сведений о имеющемся у обвиняемого (подозреваемого) и иных лиц имуществе, на которое может быть наложен арест, необходимо определение стоимости такого имущества. Вместе с тем правоприменительная практика в данном вопросе не имеет единого выработанного подхода. Здесь выделяются ситуации, при которых следователь в порядке отдельного поручения возлагает на оперативные подразделения разрешения данного вопроса. В таком случае основанием для определения стоимостного выражения материальных активов становятся результаты проведенных оценочных исследований криминалистически значимых объектов. Несмотря на то, что оценочная деятельность в Российской Федерации имеет нормативное закрепление (Федеральный закон от 29.07.1998 №135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»; Федеральным стандартом оценки «Порядок проведения экспертизы, требования к экспертному заключению и порядку его утверждения (ФСО № 5)» – утвержден приказом Минэкономразвития России от 04.07.2011 № 328), тем не менее, таковая реализуется в обстоятельствах разрешения споров между физическими лицами и (или) организациями. Поэтому вопрос о допустимости использования результатов подобных исследований в уголовном судопроизводстве остается открытым.

Важно отметить и то, что суды при постановлении приговоров по уголовным делам как при определении размера причиненного ущерба, так и при удовлетворении заявленного гражданского иска основываются на результатах оценочных исследований, проводимых на стадии досудебного (доследственного) производства.

В контексте оценки стоимости имущества в ходе раскрытия и расследования преступлений следует выделить ряд практических проблем, которые необходимо учитывать следователю в рамках организационно-подготовительных мероприятий. В первую очередь отмечается ошибочный подход субъектов расследования к расчету ущерба, причиненного преступлением, обуславливающий принятие мер по наложению ареста на имущество. Так, в качестве ущерба определяется общая сумма задолженности управляющих компаний перед ресурсобеспечительными организациями, при этом к расчету не принимаются суммы, которые фактически были оплачены потребителями¹. Несвоевременное установление такого круга обстоятельств влечет за собой необходимость проведения дополнительных следственных действий, процессуальных и непроцессуальных мероприятий.

Следует выделить и проблему неправильной оценки стоимости объекта за счет которого осуществляется возмещение причиненного преступлением ущерба. Например, рыночная цена изъятой в ходе следственных действий незаконно заготовленной древесины существенно отличается от величины причиненного ущерба если незаконная вырубка осуществлялась без соблюдения установленной технологии порубки. В последнем случае древесина оценивается как дрова, а не как деловая древесина, что снижает ее фактическую стоимость². Следовательно, сумма денежных средств, вырученная от реализации дров, не может покрыть размер причиненного преступлением ущерба.

Существуют примеры наложения ареста на произведенную продукцию, вещества, сыре и т. п., имеющие сроки хранения. Поскольку реализация подобных объектов за счет наложенных ограничений на стадии предварительного расследования невозможна, по истечении нормативных сроков годности она утрачивает свою потребительскую способность. В таком случае цель наложения ареста на имущество не оправдана, и не позволяет реализовать одну из важных задач расследования. В этой ситуации следует активно использовать возможности восстановления нарушенных прав потерпевших посредством механизмов судебных институтов в рамках гражданских (арбитражных) споров.

¹ Информационно-аналитические материалы о состоянии работы органов предварительного следствия в системе МВД России по возмещению ущерба, причиненного преступлениями, в 2023 году (исх. от 27.04.24 № 17/1-14602).

² Там же.

Существуют проблемы и иного свойства. Все они требуют научного и эмпирического познания, оценки и выработки действенных механизмов установления и наложения ареста на имущество. Вместе с тем проблемы правоприменительной практики в части наложения ареста на имущество обуславливаются в том числе и отсутствием методической базы, содержащей комплексный подход к решению задач расследования преступлений. В специальной и научной литературе процедура наложения ареста на имущество рассматривается в качестве самостоятельного предмета познания и находится за рамками процесса расследования преступлений, как бы опосредована задачами, не связанными с расследованием. Данное обстоятельство предопределяет необходимость включения в систему криминалистических комплексов вопросы тактики наложения ареста на имущество, рассматривая их в качестве неотъемлемого элемента структуры криминалистической методики расследования преступления, одной из ключевых задач, решаемых криминалистической методикой расследования преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кустов А.М. Механизм преступления: теория и практика. М., 2001.
2. Чурилов С.Н. Криминалистическая методика расследования: проблемы, тенденции, перспективы. М., 2011.
3. Журавлев С.Ю. Типология механизма преступной деятельности экономической направленности и базовая методика расследования преступлений. Н. Новгород, 2013.
4. Тагиров А.Н. Уголовно-процессуальная деятельность следователя по розыску и установлению имущества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.
5. Пахомов С.В. Криминалистическая теория и практика расследования преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2023.

REFERENCES

1. Kustov A.M. Crime Mechanism: theory and Practice. Moscow, 2001.
2. Churilov S.N. Forensic Investigation Methodology: Problems, Trends, Prospects. Moscow, 2011.
3. Zhuravlev S.Yu. Typology of the Mechanism of Economic Criminal Activity and Basic Crime Investigation Methodology. Nizhny Novgorod, 2013.
4. Tagirov A.N. Criminal Procedure Activities of the Investigator in the Search and Identification of Property: diss... PhD in Law. Moscow, 2023.
5. Pakhomov S.V. Forensic Theory and Practice of Investigating Crimes Committed in the Agro-Industrial Complex. diss... Grand PhD in Law. Rostov-on-Don, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пахомов Сергей Валерьевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника по научной работе. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Зиновьева Нина Сергеевна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pakhomov Sergey Valeryevich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head in scientific research. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Zinovyeva Nina Sergeevna, PhD in Law, Lecturer of the Department of Criminal Procedure. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.7

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ГРУППЫ ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ» КАК ЮРИДИЧЕСКОГО КРИТЕРИЯ ПРИЗНАНИЯ ГРАБЕЖА ИЛИ РАЗБОЯ КВАЛИФИЦИРОВАННЫМ СОСТАВОМ

Прудникова Лариса Борисовна

Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск,
Российская Федерация
lori_bori@bk.ru

Коваленко Вера Ивановна

Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация
verafem@yandex.ru

Крылов Марк Александрович,

Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Тверь,
Российская Федерация
dmitri-don-55@mail.ru

Введение: актуальность темы обусловлена масштабированием степени общественной опасности данного способа хищения за счет фактора совместности использования адаптированных к преступлению интеллектуальных и физических возможностей каждого участника для аккумуляции усилий и облегчения совершения преступления. Дополнительно требуется установление согласованности действий участников и осознание ими своего вклада в совместный результат.

Материалы и методы: диалектический, логический и системный подходы к познанию грабежа и разбоя как квалифицированных составов, а также сравнительно-правовой метод и метод правового моделирования позволили выявить и изучить влияние признаков группового характера и предварительного сговора на квалификацию грабежа и разбоя, а также влияние правильного определения их элементов при их расследовании и раскрытии.

Результаты исследования: показывают групповой характер грабежа и разбоя с качественной и количественной сторон, а также несогласованность терминологии ч. 1 и ч. 2 ст. 35 УК РФ. Также есть основания разграничивать соисполнительство и групповое хищение по критерию времени ввиду очевидной невозможности присоединиться к окончательному преступлению.

Выводы и заключения: квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору» в грабеже и разбое требует учета понимания «годным» исполнителем «совместности», тогда как «негодность» субъекта приобретает лишь оценочный характер с точки зрения эффективности и своевременности их действия в достижении преступного замысла «годных» участников преступления. Важно при квалификации деяния «присоединившегося» как самостоятельного участника установить, что «сговор» относится к «участию в совершении преступления» и к нему фактически можно присоединиться после его юридического окончания даже без предварительного сговора. Целесообразно уточнение терминологии ч. 2 ст. 35 УК РФ указанием на предварительный сговор с распределением ролей.

Ключевые слова: грабеж, разбой, квалификация преступлений, группа лиц, предварительный сговор, соучастники преступления, исполнитель преступления.

Для цитирования: Прудникова Л. Б., Коваленко В. И. Особенности определения «группы лиц по предварительному сговору» как юридического критерия признания грабежа или разбоя квалифицированным составом / Л. Б. Прудникова, В. И. Коваленко // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 211–216.

Original paper

FEATURES OF THE DEFINITION OF A «GROUP OF PERSONS BY PRIOR AGREEMENT» AS A LEGAL CRITERION FOR THE RECOGNITION OF ROBBERY OR ROBBERY BY QUALIFIED PERSONNEL**Prudnikova Larisa Borisovna**

Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russian Federation

Kovalenko Vera Ivanovna

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

Krylov Mark Alexandrovich

Tver branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Tver, Russian Federation

Introduction: the relevance of the topic is due to the scaling of the degree of public danger of this method of theft due to the factor of teamwork and the use of the intellectual and physical capabilities of each participant adapted to the crime to accumulate efforts and facilitate the commission of a crime. Additionally, it is necessary to establish the coherence of the actions of the participants and their awareness of their contribution to the joint result.

Materials and methods: including dialectical, logical and systematic approaches to the understanding of robbery and robbery as qualified compounds, as well as comparative legal, the method of legal modeling, allowed us to identify and study the influence of signs of a group nature and prior collusion on the qualification of robbery and robbery, as well as the influence of the correct definition of their elements during their investigation and disclosure.

Results of the study: of the study show the group nature of robbery and robbery from the qualitative and quantitative sides, as well as the inconsistency of terminology in Parts 1 and 2 of art. 35 of the Criminal Code of the Russian Federation. There are also reasons to distinguish between co-execution and group theft by the criterion of time due to the obvious impossibility of joining the completed crime.

Findings and conclusions: the qualifying feature of «a group of persons by prior agreement» in robbery and robbery requires taking into account the understanding of «teamwork» by the «fit» performer, and the participation of the «unfit» subject has an evaluative character of the effectiveness and timeliness of their actions in achieving the criminal intent of the «fit» participants in the crime. It is important to establish, when qualifying the act of the «signatory» as an independent participant, that «collusion» refers to «participation in the commission of a crime» and it is actually possible to join it after its legal termination, even without prior collusion. It makes sense to clarify the terminology of Part 2 of Article 35 of the Criminal Code of the Russian Federation by pointing to a preliminary agreement with the distribution of roles.

Keywords: robbery, robbery, qualification of crimes, group of persons, preliminary conspiracy, accomplices of the crime, perpetrator of the crime.

For citation: Prudnikova L. B., Kovalenko V. I., Krylov M. A. Features of the definition of a «group of persons by prior agreement» as a legal criterion for the recognition of robbery or robbery by qualified personnel / L. B. Prudnikova, V. I. Kovalenko // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 211–216.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ) характеризует групповой способ совершения разбоя и грабежа, включая подготовку и сокрытие, посредством таких факторов, как подыскание сообщников и установление устойчивой договоренности о совершении преступления, как с распределением функций (ролей) и инструктажем участников (соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ, если их действия реальны и непосредственно вспомогательны при совершении хищения), так и без такового (без реального содействия во время совершения преступления, что не требует ссылки на ст. 33 УК РФ).

Данное нормоустановление показывает содержательно-смысловое значение фразы «группа лиц по предварительному сговору» как квалифицирующего признака как грабежа (п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ), так и разбоя (ч. 2 ст. 162 УК РФ) в количественном и качественном аспектах. Если количество участников (два и более) не вызывает споров, то их качество обсуждается. Одни правоведы считают, что малолетство и вменяемость участников разбоя не должны иметь значения для его квалификации, другие полагают, что такие участники не могут признаваться исполнителями, а значит, и квалифицированный состав разбоя по признаку объективной стороны может быть исключен [1]. Данное мнение подтверждается базовым разъяснением

п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее – ППВС РФ от 27.12.2002 г. № 29). Это означает квалификацию по части первой соответствующей статьи с описанием той или иной формы совершенного хищения.

Следует иметь в виду, что групповой характер преступления с участием малолетнего или невменяемого лица необходимо оценивать в особом порядке в силу содержания умысла «годного» исполнителя, использующего «совместность», т. е. функционал имеющихся участников преступления, как «годных», так и «негодных» применяется как часть единого процесса, что облегчает его совершение и, возможно, увеличивает размер причиняемого вреда. Действия «негодных» субъектов целесообразно учитывать и с позиции превенции и декриминализации образа жизни. Обозначенное показывает необходимость уточнения качественного критерия участников в ст. 32 УК РФ за счет слов «двух и более лиц, подлежащих уголовной ответственности».

Важно понимать, что действия «сообща» предполагают аккумуляцию усилий всех участников и осознание согласованности действий как части единого механизма хищения, что существенно ускоряет процесс совершения преступления, облегчает роль каждого, а желаемый результат является для них единым и общим.

В основе совместного характера действий участников преступной группы лежит «предварительный сговор». Сговор для объективной стороны разбоя или грабежа может иметь различную внешнюю форму (устную, письменную, конклюдентную), а также иметь место «до», «в момент» и «после» совершения преступления, за исключением так называемого «присоединения» к нему, независимо от этапа совершения преступления. Представляет интерес мнение в современной теории о том, что наличие сговора «до» совершения преступления «презюмирует» соучастие [2]. В силу этого фактор времени выступает критерием разграничения соисполнительства от группового хищения на том основании, что присоединиться к оконченному преступлению невозможно, а разбой, как усеченный состав, считается оконченным с момента нападения. Но при этом важно понимать, что сам сговор касается в целом «участия в совершении преступления», следовательно, лицо может фактически к нему присоединиться после юридического его окончания, в полной мере осознавая этот факт, даже без предварительного сговора.

В рамках характеристики группового характера грабежа или разбоя следует особо обозначить содержание предварительного сговора с распределением ролей или без такового, например, преступление по своему механизму достаточно простое, не требует планирования и подготовки (технической, интеллектуальной, физической и т. п.). «Предварительный сговор» как уголовно-правовой критерий оценки группового характера совершения грабежа или разбоя необходимо характеризовать с учетом положений ст. 35 УК РФ, содержание которой, на первый взгляд, несколько противоречиво. В одном случае оно не имеет значения и не исключает квалификации деяния как совершенного группой лиц, если два и более исполнителя действовали сообща в достижении общего преступного результата. При этом участники преступления именуются «исполнителями». В другом – предварительный сговор образует групповой характер способа совершения грабежа или разбоя в случае, если его совершают «лица, заранее договорившиеся» о совершении преступления именно совместно. Это ставит вопрос о целесообразности применения различной терминологии к однотипным случаям – предварительного сговора, а также избирательного использования понятия «исполнители». Представляется, что именно распределение ролей и имеет в таком подходе законодателя существенное значение, и если роли не обозначены и не возложены на конкретного участника (участников), то и предварительного сговора нет, но есть групповой характер.

Такое толкование УК РФ приводит к несогласованности с п. 8 ППВС РФ от 27.12.2002 г. № 29 ввиду различного описания внешнего поведенческого акта участников группы. В одном случае это «совершение совместно» преступления, во втором случае – это «участие» в реализуемом совместно преступлении на основании предварительного сговора с распределением ролей. Для устранения несогласованности указаний высшей судебной инстанции и УК РФ относительно соисполнительства целесообразно уточнить ч. 2 ст. 35 УК РФ, указав на предварительный сговор с распределением ролей, тогда как для ч. 1 ст. 35 УК РФ такое не имеет значения для квалификации преступления как группового.

Традиционный алгоритм раскрытия грабежей и разбоев включает: выявление и разоблачение лиц, совершивших преступление; установление всех имеющих значение для раскрытия преступления обстоятельств дела; сбор достаточной и качественной свидетельской базы и выявление очевидцев; обнаружение и закрепление в полном соответствии с требованиями закона доказательственной базы; обеспечение в последующем возможности возмещения материального вреда; выявление обстоятельств, способствующих совершению преступления.

Для раскрытия разбоя или насильственного грабежа следует устанавливать такие наиболее характерные черты их совершения, как: внезапность нападения, зачастую произвольный выбор потенциальной жертвы, полное отсутствие возможных очевидцев или их минимальное количество с учетом высокой вероятности их неспособности запомнить какую-либо информацию о нападавших (престарелые, несовершеннолетние), минимальное время с момента начала нападения до его окончания с целью исключить возможность идентификации преступников случайными очевидцами, в редких случаях использование скопления людей (толпы) как способ скрыться («затеряться» в толпе), преимущественно вечернее или ночное время.

Раскрытие разбоя может быть осложнено использованием «легендирования» для беспрепятственного проникновения на объект (сантехник, представитель органа власти или жилищной организации и т. п.), что дополнительно характеризует личность преступников как изворотливых и дерзких, так как их усилия, направленные на облегчение доступа к предмету посягательства, могут минимизировать или исключить затраты времени и иных ресурсов на преодоление физических, механических, технических препятствий.

Принятие во внимание перечисленных обстоятельств способствует формированию особого подхода к сбору доказательств в соответствии со ст. 73 УПК РФ, при котором устанавливаемые обстоятельства могут быть условно разделены на несколько групп:

1. Влияние обстановки (место, время) совершения хищения на выбор его формы (грабеж или разбой). Например, если это общественное и относительно людное место, то используется фактор внезапности с минимальной степенью планирования, а на частной территории потерпевшего (квартира, жилой дом) применяется обманный способ проникновения, используется знакомство с жертвой, внимание жертвы отвлекается (мнимым пожаром, проверкой внутриквартирного оборудования и т. п.).

2. Способ совершения хищения (с насилием или без него, группой лиц или индивидуально, путем нападения или без него, с применением орудий (оружия) при разбое). Именно нападение, как отличительная формализованная в законе черта понятия разбоя, вызывает практические сложности при выявлении и раскрытии преступлений. Проблема, как представляется, кроется в неудачной терминологии УК РФ, которая влечет готовность предполагать, что нападение – это дополнительный фактор к насилию (например, рывок). Решение данной проблемы возможно путем отказа от слова «нападение» в тексте ст. 162 УК РФ на том основании, что суть разбоя не в нападении (это лишь инструмент), а в завладении имуществом насильственным способом, на что указывает размещение данного состава в главе о преступлениях против собственности. Важно при этом собрать достаточные данные, исключающие инсценировку разбоя (чаще всего) или грабежа для сокрытия другого преступления (например, покушения на убийство по найму).

3. Предмет хищения (его ценность, количество и размеры, степень доступности, охраняемость).

4. Личность потерпевшего (пол, возраст, способность быстро оценить характер ситуации и оказать сопротивление или прибегнуть к внешней помощи; потенциальная виктимность; готовность и способность к сотрудничеству с преступниками; субъективная оценка ценности предмета посягательства и причиненного ущерба с вытекающими из этого усилиями по его возвращению (например, незаконность обладания предметом, невысокая его стоимость и легкость его замены другим). Для раскрытия грабежа или разбоя необходимо выявить весь круг причастных лиц с приданием им соответствующего процессуального статуса, ввиду того что поиск жертвы преступниками мог осуществляться либо ими самими, либо так называемыми «наводчиками». Кроме того, на раскрытие преступления может повлиять способность жертвы адекватно оценить произошедшее с ней, возможная ее склонность к преувеличению как морально-нравственной стороны преступления («безумный взгляд» преступника, «нечеловеческая» сила и скорость, гиперболлизированное восприятие размеров преступников), так и материальной составляющей вреда («нигде больше не достать», «последний экземпляр», «ценна как память»).

Личность преступников: пол, возраст (в основном в пределах от молодого до среднего возраста, с тенденцией к снижению нижней планки и росту разбойных нападений несовершеннолетних), склонность к формированию преступной группы с учетом интеллектуальных и физических характеристик ее членов, устойчивый криминальный опыт (рецидивность), склонность к нездоровому образу жизни (алкоголизм, наркомания, лудомания), использование физических преимуществ (спортивные навыки, выносливость). В то же время, не следует исключать фактор профессионализма преступников и применяемых ими технологий при совершении преступлений, даже при совершении банального разбоя или грабежа. Применение оружия при совершении разбоя также дает полноту характеристики личности преступников, уровень их организованности и повод для выявления или исключения признаков банды для правильной квалификации. Для раскрытия будет иметь значение сбор информации об источниках его получения и, возможно, о новых составах преступлений и поводах для оперативно-розыскных мероприятий.

5. Планирование конкретной формы хищения (грабеж в меньшей степени планируем, разбой – в большей) с последующей оценкой внезапности необходимо для формирования выводов о содержании умысла и подготовке совершения преступления именно в составе группы и (или) по предварительному сговору. При выявлении всех лиц, причастных к совершению грабежа или разбоя, следует исключить возможность сокрытия участия в них отдельных лиц для безошибочной квалификации, а также ухода от ответственности всех участников преступления и применения более мягкого наказания. Еще один аспект планирования (в смысле предварительности сговора) – это совершение преступления несовершеннолетними в составе группы, которые менее склонны к планированию ввиду отсутствия качественного криминального опыта. Это так называемая «неорганизованная преступная деятельность молодежи» [3].

Характеризуя процесс выявления и раскрытия преступлений корыстно-насильственной направленности, необходимо обозначить и факторы противодействия им. Выявлению совершенного преступления и изобличению преступников могут препятствовать такие способы противодействия, как маскировка внешности или голоса; маскировка связей, ролей и их распределения при групповом характере совершения преступления (использование форменного обмундирования, зашифрованная переписка); сокрытие своих следов и (или) имитация чужих следов; уничтожение средств наблюдения за территорией (камер видеонаблюдения).

Таким образом, можно утверждать, что камуфлирование, как способ противодействия выявлению и раскрытию грабежа и разбоя, направлено на искажение информации и создание препятствий в сборе доказательств о способе совершения преступления, о личности преступников, об объекте преступления.

Проведенное исследование в рамках задач данной работы позволило сформулировать выводы.

Во-первых, «группа лиц по предварительному сговору» как квалифицирующий признак как грабежа (п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ), так и разбоя (ч. 2 ст. 162 УК РФ), оценивается в количественном и качественном аспектах. Проблематика качественного состава группы (с привлечением малолетних и невменяемых) показывает необходимость учета содержания умысла «годного» исполнителя и его понимания «совместности» как фактора, облегчающего достижение преступного результата. Участие же «негодных» субъектов следует оценивать, как с позиции профилактики противоправного поведения и декриминализации образа жизни, так и для понимания эффективности и своевременности их действий в совместном достижении преступного замысла с «годными» участниками.

Во-вторых, фактор времени разграничивает соисполнительство и групповое хищение ввиду того, что присоединиться к оконченному преступлению невозможно, а разбой, как усеченный состав, считается юридически, но не фактически оконченным с момента нападения. При этом «сговор» касается в целом «участия в совершении преступления», следовательно, лицо может фактически к нему присоединиться после юридического его окончания, в полной мере осознавая этот факт, даже без предварительного сговора. Это создает правовую основу для квалификации деяния «присоединившегося» участника, как самостоятельного совершившего определенное преступление, в том числе в случае эксцесса исполнителя.

В-третьих, необходимо устранение несогласованности терминов ст. 35 УК РФ в ч. 1 («исполнители») и ч. 2 («лица, заранее договорившиеся» о совершении преступления) путем уточнения последней словами «предварительный сговор с распределением ролей».

В-четвертых, следует сформировать комплексное представление о выявлении и раскрытии грабежей и разбоев, основанное на учете таких обстоятельств, как: а) обстановка совершения преступления (место и время) влияет на выбор формы хищения (грабеж или разбой). Например, общественное и относительно людное место провоцирует внезапность и минимизирует планирование, а вечернее или ночное время облегчает сокрытие следов и в целом конспирирует преступные действия; б) неудачная терминология УК РФ (грабеж как «хищение» и разбой как «нападение с целью хищения») позволяет считать целесообразным отказ в тексте ст. 162 УК РФ от слова «нападение» на том основании, что суть разбоя не в нападении (это лишь инструмент), а в завладении имуществом насильственным способом. Важно при этом, исключить инсценировку разбоя (чаще всего) или грабежа для сокрытия другого преступления (покушение на убийство по найму, например); в) связь предмета хищения (его ценность, количество, размеры, степень доступности, охраняемость) с выбором жертвы и ее личностными качествами (пол, возраст, способность быстро и адекватно оценить характер ситуации и оказать сопротивление или прибегнуть к внешней помощи, потенциальная виктимность, готовность и способность к сотрудничеству с преступниками, субъективная оценка ценности предмета посягательства и причиненного ущерба с вытекающими из этого усилиями по его возвращению, например,

незаконность обладания предметом, невысокая его стоимость и легкость его замены другим; г) личность преступников (пол, возраст в пределах от молодого до среднего с тенденцией к снижению нижней планки), склонность к формированию преступной группы с учетом интеллектуальных и физических характеристик членов группы, устойчивый криминальный опыт (рецидивность), склонность к нездоровому образу жизни (алкоголизм, наркомания, лудомания), использование физических преимуществ (спортивные навыки, выносливость), общий и криминальный профессионализм преступников; д) планирование конкретной формы хищения (грабеж в меньшей степени планируем, разбой – в большей степени) с последующей оценкой внезапности для формирования выводов о содержании умысла и подготовке совершения преступления в составе группы и (или) по предварительному сговору, а также исключение возможностей скрыть участие в грабеже или разбое отдельных лиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ситникова А.И., Назаренко Г.В. Предварительный сговор группы лиц при совершении кражи, грабежа и разбоя // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. № 3.
2. Мелешко Д.А. Участие в преступлении после его окончания: прикосновенность или соучастие? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 4 (117).
3. Отакулов Н.А., Фозилов А.И. Неорганизованная преступная деятельность молодежи: анализ и профилактика // EJAR. 2024.

REFERENCES

1. Sitnikova A.I., Nazarenko G.V. Preliminary conspiracy of a group of persons in the commission of theft, robbery and robbery // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 3.
2. Meleshko D.A. Participation in a crime after its completion: touching or complicity? // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2024. № 4(117).
3. Otakulov N.A., Fozilov A.I. Disorganized criminal activity of youth: analysis and prevention // EJAR. 2024. № 4–1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Прудникова Лариса Борисовна, кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин. Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России. 347381, Российская Федерация, г. Волгодонск, ул. Степная, 40.

Коваленко Вера Ивановна, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права. Российский государственный социальный университет. 129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4 стр. 1.

Крылов Марк Александрович, старший преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки. Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 170040, Российская Федерация, г. Тверь, ул. Кривичская, 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Prudnikova Larisa Borisovna, PhD in Law, Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of General Legal Disciplines, Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 40, Stepnaya St., Volgodonsk 347381 Russian Federation.

Kovalenko Vera Ivanovna, Grand PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of International Law at the Russian State Social University. 4, Building 1, Wilhelm Pika St., Moscow 129226 Russian Federation.

Krylov Mark Alexandrovich, senior lecturer at the Department of Tactical, Special, fire and Physical Training. Tver branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. 12, Krivichskaya St., Tver 170040 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.10

ВЫЗОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ПОВЕСТКЕ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Соболев Антон Валентинович

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация
Sobolevanton@mail.ru

Введение: в статье рассмотрено неудовлетворительное нормативное правовое регулирование и неоднородная практика вызова по повестке на стадии предварительного расследования.

Материалы и методы: в работе применялись общенаучные и частные методы изучения правовых явлений, происходящих в сфере уголовного процесса: дедукция и индукция; догматический; логический; статистический.

Результаты исследования: показали, что возможность вызова значительного числа участников уголовного судопроизводства с помощью повестки необоснованно ограничена. Критике подвергнута поддержанная отдельными учеными существующая практика преодоления несовершенства закона путем его применения по аналогии.

Выводы и заключения: сделан вывод о том, что вызов по повестке должен быть обусловлен не определенным статусом участника уголовного процесса, а необходимостью его участия в процессуальных действиях. Сформулировано предложение о создании универсальной правовой нормы, устраняющей недостатки действующего правового регулирования и позволяющей применять ее при модернизации законодательства в будущем.

Ключевые слова: вызов участников уголовного судопроизводства, повестка в уголовном процессе, применение закона по аналогии.

Для цитирования: Соболев А. В. Вызов участников уголовного судопроизводства по повестке на стадии предварительного расследования: вопросы теории и практики / А. В. Соболев // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 217–221.

Original paper

SUMMONING PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS ON A SUMMONS AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

Sobolev Anton Valentinovich

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article examines the unsatisfactory regulatory legal regulation and the heterogeneous practice of summoning at the stage of the preliminary investigation.

Materials and methods: general scientific and private methods of studying legal phenomena occurring in the field of criminal procedure were used in the work: deduction and induction; dogmatic; logical; statistical.

Results of the study: showed that the possibility of summoning a significant number of participants in criminal proceedings by means of a summons is unreasonably limited. The existing practice of overcoming the imperfection of the law by applying it by analogy, supported by individual scientists, has been criticized.

Findings and conclusions: it is concluded that the summons should be conditioned not by the specific status of the participant in the criminal process, but by the need for his participation in the procedural actions. A proposal has been formulated to create a universal legal norm that eliminates the shortcomings of the current legal regulation and allows it to be applied in the modernization of legislation in the future.

Keywords: summoning participants in criminal proceedings; summons in criminal proceedings; application of the law by analogy.

For citation: Sobolev A. V. Summoning participants in criminal proceedings on a summons at the stage of preliminary investigation: issues of theory and practice / A. V. Sobolev // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 217–221.

Современным следователям и дознавателям, особенно только начинающим службу, иногда приходится слышать от своих руководителей изложенное в форме наставления двусмысленное выражение: «Вызывать по повестке нельзя вызывать без нее». Причем в равнозначных правовых ситуациях это выражение порой используется в различном синтаксическом исполнении. Причиной тому является ставшее предметом настоящего исследования неудовлетворительное нормативное правовое регулирование вызова отдельных участников уголовного судопроизводства.

Правоотношения, возникающие в ходе предварительного расследования в связи с вызовом по повестке, урегулированы рядом норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Так, согласно ч. 1 ст. 188 УПК РФ, потерпевший и свидетель вызываются на допрос повесткой. В ней указывается, кто и в каком качестве вызывается, к кому и по какому адресу, дата явки на допрос. В аналогичном порядке осуществляется вызов лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство по причине заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 4 ст. 56.1 УПК РФ), и извещение находящегося на свободе обвиняемого о дне предъявления ему обвинения (ч. 4 ст. 172 УПК РФ).

Анализ УПК РФ показывает, что единственной законной формой вызова участников является повестка. Однако в УПК РФ отсутствуют нормы, которые позволяют осуществить вызов по повестке потерпевшего, свидетеля и обвиняемого для проведения с ними каких-либо иных процессуальных действий помимо допросов и предъявления обвинения. Хотя очевидно, что в действительности их вызов необходим для производства гораздо большего числа мероприятий. Например, для опознания, очной ставки.

Кроме того, нормы УПК РФ не позволяют вызвать по повестке никаких других участников помимо тех, что перечислены выше. Не говоря уже о тех, чей процессуальный статус не определен. Однако в ходе расследования имеется необходимость в вызове множества лиц, вовлеченных в эту деятельность. Например, подозреваемого, находящегося на свободе. Или эксперта. Он не вправе уклоняться от явки (ч. 4 ст. 57 УПК РФ). Но закон не предусматривает возможность его вызова. Прокурор обязан вручить копию обвинительного заключения (ч. 2 ст. 222 УПК РФ). А следователь обязан привлечь к участию в допросе несовершеннолетнего его законного представителя, педагога или психолога (ст. 48 и 425 УПК РФ). Но УПК РФ также не содержит специальных средств для их вызова. Перечисление может быть продолжено.

Таким образом, можно говорить о существовании в УПК РФ ряда пробелов. Во-первых, они выражены в отсутствии норм, позволяющих вызвать с помощью повестки потерпевшего, свидетеля, обвиняемого и лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, для производства с их участием процессуальных действий, отличных от допроса и предъявления обвинения. Во-вторых, в отсутствии норм, позволяющих вызвать иных участников уголовного судопроизводства, кроме тех, что перечислены выше с помощью повестки для производства любых процессуальных действий.

Наличие этих пробелов ограничивает возможность вызова отдельных участников процесса. В результате нарушаются их собственные права. Ведь следствием описанных ограничений является естественное сокращение темпов расследования. Оно влечет за собой нарушение права граждан на судопроизводство в разумный срок. Например, распространены случаи, когда не находящийся в месте предварительного расследования подозреваемый, юридически не уклоняясь от участия в необходимых действиях, отказывается прибыть без получения повестки, направить которую следователь не вправе. Если нельзя произвести эти действия иным путем, например, с помощью видео-конференц-связи, то происходит затягивание судопроизводства.

Так, в 2024–2025 гг. в 6 регионах России нами был произведен опрос 120 следователей и дознавателей органов внутренних дел. Было предложено указать среднее время, которое они посвящают производству различных действий по одному уголовному делу. В результате на вызов и обеспечение явки участников судопроизводства 44 опрошенных (36,67 %) посвящают до 10 % своего времени. На производство тех же мероприятий: 39 опрошенных (32,5 %) тратят от 10 до 20 %; 15 опрошенных (12,5 %) – от 20 до 30 %; 9 опрошенных (7,5 %) – от 30 до 40 %; 7 опрошенных (5,9 %) – от 40 до 50 %; 6 опрошенных (5 %) – более 50 % своего времени.

Особенно важное практическое значение устранение описанных пробелов имеет сегодня. Ведь обращения государственных служащих путем телефонной связи (тоже не предусмотрены УПК) зачастую воспринимаются как преступные посягательства. Вызываемые таким способом лица игнорируют требования о явке. Тогда как законным путем, т. е. по повестке, их вызвать нельзя.

В условиях несовершенства закона, тяготимые процессуальными сроками и устремленные к завершению расследования, следователи и дознаватели вынуждены корректировать свою

работу. В результате обозначенные пробелы, как правило, преодолеваются путем применения закона по аналогии – повестка направляется всем участникам, необходимость вызова которых таким способом возникает, и для проведения с ними любых процессуальных действий. Данный подход нашел поддержку в научной литературе [3]. Причем констатируется, что применение аналогии слабо распространено в органах расследования.

Действительно, на доктринальном уровне существует точка зрения о допустимости преодоления пробелов таким способом. Предлагается использовать его в тех случаях, когда нормы закона не в полной мере регулирует определенную часть правовых отношений. Тогда применению подлежат те законодательные конструкции, которые регулируют сходные правоотношения. Но законность этого приема неоднозначно оценивалась в научном сообществе, как в советское время [5], так и сейчас [8]. Например, С.С. Алексеев обращал внимание на то, что в условиях обеспечения законности применение аналогии подчиняется условиям, которые исключают возможность превращения правоприменительных органов в органы, осуществляющие правотворческие функции [1, с. 646].

Кроме того, не секрет, что сегодня служба следователей и дознавателей проходит в условиях сложившихся на местах судебно-следственных практик, обусловленных нормативным несовершенством неписаных правил судопроизводства. Они не замещают закон, но разрешают содержащиеся в нем коллизии и восполняют имеющиеся пробелы. В том числе и те, которым посвящена данная статья. В силу таких обстоятельств органы расследования не всегда свободны в выборе процессуального инструмента. Тем более, когда он не предписан законом. Недаром ряд ученых считает, что преодоление пробелов путем аналогии это прерогатива суда [6, с. 158], который такие практики и формирует. Хотя и данные авторы не учитывают древнеримский принцип *judicis est jus dicere, non dare* (судье подобает творить суд, а не создавать право). Но, не останавливаясь пока на законности предлагаемой процедуры, отметим, что в анализируемых ситуациях следователи и дознаватели аналогию закона все-таки используют. Пусть и делают это иногда по наитию. Тогда как среди самих ученых нет единого мнения об условиях ее использования. Одни авторы допускают применения мер пресечения по аналогии [6, с. 160], а другие – нет [7, с. 43]. Хотя наука, как известно, должна служить практике.

На наш взгляд, рассмотренные в данной работе пробелы не могут быть преодолены путем применения аналогии по следующим обстоятельствам. Во-первых, такой подход входит в противоречие с преобладающим в уголовно-процессуальном праве разрешительным типом правового регулирования (*запрещено все, что прямо не разрешено*) [10, с. 14]. Во-вторых, возможность применения уголовно-процессуальных норм по аналогии не закреплена в УПК РФ. В таких условиях невозможно единообразное применение. Одна часть правоприменителей будет считать такой выход законным, опираясь на соответствующие доктринальные воззрения. Другая часть будет считать его незаконным, опираясь на закон.

В-третьих, наши оппоненты упускают из виду, что, применяя аналогию к форме вызова, они уравнивают и его цели – различные по степени ограничения прав действия, для производства которых он происходит. Между тем, еще М.С. Строгович указывал, что «предусмотренный процессуальным законом случай должен быть однородным с тем, к которому закон применяется по аналогии» [9, с. 50]. Тогда как в результате использования аналогии вызванные лица будут испытывать различные по своей степени ограничения прав. Их уровень будет зависеть от вида того действия, для производства которого требуется явка. Вызов на допрос и, например, для избрания меры пресечения, имеют различную степень ограничения прав. Значит, они не являются однородными случаями и применение аналогии невозможно. Таким образом, поскольку ст. 188 УПК РФ предусматривает вызов с помощью повестки лишь для допроса, постольку применение аналогии, если и может быть распространено на участников процесса, не являющихся свидетелем или потерпевшим, то только в части их вызов для производства этого следственного действия.

В-четвертых, в своих работах сторонники критикуемого нами подхода не описывают, каким должен быть порядок судопроизводства в случае, если вызванный не явился без уважительных причин. Следуя логике авторов, можно предположить, что если обозначенные в данной работе пробелы будут преодолены путем аналогии, то механизмы, обеспечивающие явку, должны применяться в том же режиме. В противном случае, обеспечение явки будет иметь декларативный характер. В ч. 3 ст. 188 УПК РФ указано, что к лицу, не явившемуся без уважительных причин, может быть применен привод либо иные меры процессуального принуждения. Но, по мнению ряда сторонников аналогии, и здесь с ними сложно не согласиться, в результате использования такого приема недопустимо не только применение мер принуждения [7, с. 43], но и вообще ограничение прав участников [6, с. 160]. Значит, поскольку применение таких мер по аналогии невозможно, постольку рассматриваемый подход не обеспечен процессуальными механизмами его исполнения.

На наш взгляд, следует признать, что анализируемые предписания УПК РФ нуждаются в коррекции. Игнорирование обозначенных в работе проблем, их перекладывание на плечи правоприменителя порождает бесконечную противоречивую практику. Как писал В.В. Лазарев, «никакая разновидность пробелов не ликвидируется правоприменительным путем» [5, с. 90].

В научной литературе имеются предложения о распространении возможности вызова с помощью повестки на все следственные действия [3, с. 25]. Данные предложения представляются обоснованными, но только отчасти. Возможность вызова по повестке следует распространить не только на следственные, но и на все процессуальные действия. Ведь участие в них тех или иных лиц также необходимо, как и участие в следственных действиях. Тем более что соответствующие общественные отношения фактически сложились.

В повестке предлагается отражать вид запланированного действия [4, с. 153]. Такое изменение закона представляется излишним. В этом случае произойдет неоправданное смещение баланса публичных и частных интересов в сторону последнего. Планирование производства многих процессуальных действий происходит в тайне, что обусловлено спецификой той области общественных отношений, которую регулирует УПК РФ. Если использовать предложенный вариант, то в некоторых случаях это поставит под угрозу защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ). Например, информация о том, что обвиняемый вызывается для изменения ему меры пресечения, подтолкнет его к сокрытию. Да, буквальное толкование ст. 188 УПК РФ может позволить прийти к выводу о том, что она предписывает отражать в повестке вид запланированного действия. Но это предположение ошибочное. Лексическая конструкция нормы указывает не на отражение в повестке вида запланированного действия – согласно ч. 1 ст. 188 УПК РФ, он может быть только один – а на отражение в ней даты и времени явки. В поддержку нашего вывода можно сказать, что дата и время явки указаны в ряду других обстоятельств, которые следует отражать в повестке.

Также в научной литературе имеются предложения о распространении возможности вызова по повестке на иных лиц [2; 4, с. 153] или на всех участников, за исключением субъектов, отстаивающих по делу публичный интерес [3, с. 25]. Полагаем, что и данные предложения не свободны от отдельных недостатков. Первое неправомерно расширяет полномочия одних участников взамен искажения процессуального положения других. Ведь тогда повестка может быть адресована даже суду. Что касается второго предложения, то в УПК РФ отсутствует определение этих субъектов. Единого мнения о круге таких участников нет и в теории. Значит, в случае изменения закона по такому варианту, не будет исключена противоречивая и неоднородная практика.

Исходя из содержания анализируемых доктринальных воззрений, можно предположить, что авторы стремились охватить максимальное число участников судопроизводства, правомочных осуществлять вызов. А, с другой стороны, избежать их перечисления в норме закона в целях экономии. Но достижение такого соотношения вряд ли возможно и вряд ли необходимо. Вызов должен быть обусловлен не столько процессуальным положением участника процесса, сколько необходимостью его явки для производства того или иного действия. В случае если вызванное лицо не согласно с вызовом, оно вправе обжаловать отраженное в повестке решение в установленном порядке.

Хотелось бы подчеркнуть, что при разрешении обозначенных пробелов путем законодательной коррекции необходимо руководствоваться тем, что изменения не должны быть ограничены теми участниками судопроизводства и процессуальными действиями, которые закреплены в законе сегодня. Ведь по мере развития УПК РФ может дополняться иными участниками и новыми процедурами. Тогда законодатель будет вновь вынужден корректировать соответствующую норму, на что опять уйдут десятилетия. Поэтому предлагаем часть первую статьи 188 УПК РФ изложить в следующей редакции.

В ходе предварительного расследования участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения, за исключением участников, указанных в статьях 42–45 настоящего Кодекса, в пределах своих полномочий вправе использовать для вызова повестку.

Повестка может быть направлена участникам уголовного судопроизводства, указанным в главах 7, 8 настоящего Кодекса, а также иным лицам, участие которых в процессуальных действиях предусмотрено настоящим Кодексом.

Повестка может быть направлена с целью обеспечения явки вызываемого лица для проведения допроса, а также любого другого процессуального действия, предусмотренного настоящим Кодексом для стадии предварительного расследования.

В повестке указываются, кто и в каком качестве вызывается, к кому и по какому адресу, дата и время явки, а также последствия неявки без уважительных причин».

Надеемся на то, что результаты нашей работы будут полезны для дальнейших теоретических исследований нормативного правового регулирования вызова участников уголовного судопроизводства с помощью повестки, а также станут подспорьем для правоохранительных органов в их борьбе с преступностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 томах. Проблемы теории права: курс лекций. М., 2010. Т. 3.
2. Арзуманян А.А., Матинов С.Г. Особенности вызова участников уголовного судопроизводства посредством повестки. Ростов н/Д, 2018.
3. Асанов Р.Ш. Обеспечение следователем прав и законных интересов лиц при вызове в орган уголовного судопроизводства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 3(74).
4. Кайгародова Ю.В. Уведомление в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.
5. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения: монография. М., 1974.
6. Овчинникова Н.Ф., Францифоров Ю.В. Аналогия закона и аналогия права в российском уголовном процессе как способ преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2016. Т. 15. № 1(30).
7. Павлов А.В. Конкуренция системного толкования и аналогии закона в уголовном процессе. Омск, 2023.
8. Сопнева Е.В. Аналогии в уголовном процессе // Российский следователь. 2006. № 3.
9. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: основные положения науки советского уголовного процесса: монография. М., 1968.
10. Якупов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России: монография. М., 1993.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Collected works. In 10 volumes. Problems of the theory of law: a course of lectures. Moscow, 2010. Vol. 3.
2. Arzumanyan A.A., Matinov S.G. Features of summoning participants in criminal proceedings by means of a summons. Rostov-on-Don, 2018.
3. Asanov R.S. Ensuring the investigator's rights and legitimate interests of persons when summoned to the body of criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3(74).
4. Kaigorodova Yu.V. Notification in the Russian criminal process: dis. ... kand. jurid. sciences'. Omsk, 2005.
5. Lazarev V.V. Gaps in law and ways to eliminate them: a monograph. Moscow, 1974.
6. Ovchinnikova N.F., Franciforov Yu.V. Analogy of law and analogy of law in the Russian criminal process as a way to overcome gaps in criminal procedure law // Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2016. t. 15. № 1(30).
7. Pavlov A.V. Competition of systemic interpretation and analogy of the law in criminal proceedings. Omsk, 2023.
8. Sopneva E.V. Analogies in the criminal process // Russian investigator. 2006. № 3.
9. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal process: basic principles of the science of the Soviet criminal process: monograph. Moscow, 1968.
10. Yakupov R.H. Law enforcement in the criminal process of Russia: monograph. Moscow, 1993.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соболев Антон Валентинович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 117437, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sobolev Anton Valentinovich, PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. 12, Akademika Volgina St., Moscow 117437 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.3/.7

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 282 УК РФ

ТабанакOVA Валерия Ивановна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация
govorina.2011@mail.ru

Введение: современное российское общество характеризуется значительным социальным и этнокультурным разнообразием, что создает потенциал для возникновения межэтнических конфликтов на почве групповой нетерпимости. Уголовный закон, выступая в качестве инструмента защиты конституционных основ и общественной безопасности, предусматривает ответственность за деяния, направленные на возбуждение ненависти или вражды, а равно унижения человеческого достоинства. Теория и практика применения ст. 282 УК РФ сталкивается с рядом дискуссионных вопросов, корнящихся в самой природе криминализируемых явлений. В данной связи составлено научное представление, включающее в себя признаки субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ с целью выявления проблем квалификации и формулирования предложений по их преодолению.

Материалы и методы: материалами исследования послужили разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, положения УК РФ, научные труды исследователей. При подготовке статьи использованы такие методы познания как диалектический метод, формально-логический метод, метод системного подхода и иные научные методы.

Результаты исследования: установлено, что одной из проблем квалификации преступных деяний по ст. 282 УК РФ является терминологическая неопределенность в разграничении понятий «национальный», «расовый» и «этнический». Для доказательства мотива ненависти либо вражды недостаточно установить лишь принадлежность человека к какой-либо определенной группе, мотив должен основываться на реальных и очевидных для преступника признаках. Истинный экстремистский мотив всегда направлен против всей группы в целом.

Выводы и заключения: анализ показал, что существующая конструкция ст. 282 УК РФ создает риски избыточной уголовной репрессии из-за расплывчатости формулировок. Необходима законодательная конкретизация таких понятий как «вражда», «социальная группа», «этническая принадлежность», разработка для целей правоприменения критериев для отграничения экстремистских побуждений от личной неприязни и иных случаев.

Ключевые слова: субъективная сторона, мотив ненависти или вражды, ст. 282 УК РФ, экстремистская направленность, квалификация преступления.

Для цитирования: ТабанакOVA В. И. Субъективные признаки преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ / В. И. ТабанакOVA // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 222–229.

Original paper

SUBJECTIVE FEATURES OF THE OFFENCE UNDER ARTICLE 282 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Tabanakova Valeria Ivanovna

The East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: modern Russian society is characterized by significant social, ethnic, and cultural diversity, which creates a potential for inter-ethnic conflicts based on group intolerance. The criminal law, serving as an instrument for protecting constitutional foundations and public security, establishes liability for acts aimed at inciting hatred or enmity, as well as for humiliating human dignity. However, both the theory and practice of applying Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation face a number of contentious issues, rooted in the very nature

of the criminalized phenomena. In this regard, a scientific framework has been developed that encompasses the elements of the subjective side of the offense under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, with the aim of identifying problems in its qualification and formulating proposals to overcome them.

Materials and methods: the research is based on the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, and scholarly works. The preparation of the article employed such methods of cognition as the dialectical method, formal-logical method, system approach method, and other scientific methods.

Results of the study: it has been established that one of the problems in qualifying criminal acts under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation is the terminological uncertainty in distinguishing between the concepts of «national», «racial» and «ethnic». To prove the motive of hatred or enmity, it is insufficient to merely establish a person's belonging to a particular group; the motive must be based on real and obvious characteristics perceived by the perpetrator. A genuine extremist motive is always directed against the entire group as a whole.

Findings and conclusions: the analysis has demonstrated that the current formulation of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation carries a risk of excessive criminal repression due to the vagueness of its provisions. Legislative clarification of concepts such as «enmity», «social group» and «ethnic affiliation» is necessary, alongside the development of applied criteria to distinguish extremist motives from personal animosity and other scenarios.

Keywords: subjective aspect, motive of hatred or enmity, Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, extremist orientation, qualification of crimes.

For citation: Tabanakova V. I. Subjective features of the offence under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation / V. I. Tabanakova // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 222–229.

В современном уголовном праве проблема точного установления и доказывания субъективной стороны преступлений экстремистской направленности сохраняет свою высокую актуальность. Несмотря на значительное количество научных работ, посвященных экстремизму, вопрос о психическом отношении виновного к совершаемому деянию, и в особенности о содержании специфических мотивов ненависти или вражды, не получил должного доктринального разрешения.

Поскольку способность формировать и реализовывать преступную волю, а также осознавать ее общественную опасность, неразрывно связана с признаками общего субъекта преступления, логично начать анализ именно с характеристики лица, подлежащего уголовной ответственности, с последующим переходом к рассмотрению некоторых элементов субъективной стороны.

«Субъект преступления – это лицо, способное нести уголовную ответственность в случае совершения им общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом» [1]. За способность нести уголовную ответственность отвечают «вменяемость и установленный в законе возраст уголовной ответственности» [2, с. 192]. Это ясно из статьи 19 УК РФ, которая вносит еще одно важное уточнение: «Уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного»¹.

С точки зрения А.В. Щербакова, физическое лицо представляет собой, в первую очередь, особый правовой статус. Этот статус характеризует человека как носителя юридических прав и обязанностей, обладающего правосубъектностью и участвующего в конкретных правоотношениях [3, с. 101].

Так, к категории физических лиц относятся три группы субъектов: граждане государства, иностранные граждане и апатриды, то есть все те, кто в своем юридическом статусе выступают самостоятельно по отношению ко всяким ассоциациям [4].

Следовательно, ни религиозные, ни общественные объединения, ни государство не могут быть субъектами преступлений экстремистской направленности. Поскольку это требование является общим для субъектов всех преступлений, то же можно сказать и о преступной экстремистской деятельности. Поэтому ошибочным является мнение, будто существует «государственный и другие криминальные виды экстремизма» [5, с. 189].

Часть 1 ст. 20 УК РФ устанавливает общее правило возраста, с которого физические лица начинают нести уголовную ответственность: «Уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста»². Для закрытого перечня деяний в ч. 2 той же статьи возраст начала уголовной ответственности перенесен на порог четырнадцатилетия.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: принят Гос. Думой 24 мая 1996 года; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года; послед. ред. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=503695&dst=100001#zzYDTmUdrbk315h2> (дата обращения: 20.09.2025).

² Там же.

Важным аспектом при установлении общего субъекта преступления является не только достижение установленного возраста, но и соответствие психического развития этому возрасту. Как справедливо отмечают Н.А. Ковтун, Д.С. Тороповым возраст, указанный в законе, является условным маркером, поскольку формирование личности и ее социализация проходят индивидуально и могут не соответствовать календарному возрасту. Это обуславливает необходимость учета не только паспортного возраста, но и реального уровня психического и социального развития лица, что соответствует принципу справедливости и индивидуализации ответственности [6, с. 41–42].

Для некоторых составов преступлений законодатель устанавливает повышенный возрастной ценз уголовной ответственности, превышающий 16 лет. Этот специальный возраст может быть непосредственно указан в диспозициях статей Особенной части УК либо логически вытекать из интерпретации правовых норм [7, с. 205].

Пленум Верховного Суда РФ в п. 18 своего постановления от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» разрешил вопрос о том, с какого возраста наступает уголовная ответственность за преступления, имеющие экстремистскую направленность.: «Субъектами преступлений, предусмотренных статьей 282.1 УК РФ, могут быть лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста. Лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие совместно с членами экстремистского сообщества конкретные преступления, подлежат уголовной ответственности лишь за те преступления, ответственность за которые предусмотрена законом с четырнадцатилетнего возраста (ст. 20 УК РФ)»³.

Из этого можно понять, что круг деяний, описываемый ультра широким подходом, включает составы преступлений с разными минимальными пределами возраста ответственности. Правовой статус субъекта преступления экстремистской направленности возникает лишь по достижении лицом возраста уголовной ответственности.

Вменяемость тесно связана с возрастом [7, с. 201]. Как установлено психолого-педагогическими исследованиями, формирование абстрактного мышления у несовершеннолетних происходит не ранее 14 лет [8, с. 73].

Часть 1 ст. 21 УК РФ закрепляет: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, т. е. не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие болезненного состояния психики». Следовательно, категория вменяемости определяет способность лица, совершающего общественно опасное деяние, в полной мере понимать реальную суть и противоправный характер своих действий (или бездействия) и осуществлять контроль над ними [7, с. 205]. В научной литературе подчеркивается, что структура юридического критерия вменяемости включает интеллектуальный и волевой аспекты. Интеллектуальный аспект характеризуется способностью осознавать характер и общественную опасность действий, в то время как волевой аспект проявляется в способности лица осуществлять сознательный контроль над своими поступками при совершении противоправного деяния [2, с. 201].

Следовательно, лица с крайними формами дефектов вменяемости не могут быть субъектами преступлений экстремистской направленности с той оговоркой, что «деяния, совершаемые этими субъектами, могут признаваться виновными» [2, с. 204]. Субъектом преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Для признания физического лица субъектом преступления его возраст и вменяемость оценивается именно на момент совершения им преступления. «Лицо считается достигшим возраста уголовной ответственности с нуля часов суток, следующих за днём его рождения. При установлении возраста несовершеннолетнего лица в ходе экспертизы днём его рождения считается последний день года, определённого экспертами, а при установлении полного количества лет такого лица суду следует исходить из минимального возраста, предлагаемого экспертами» [9, с. 186].

В уголовно-правовой доктрине, помимо общего субъекта преступления, существует категория специального субъекта, который характеризуется дополнительными, законодательно закрепленными признаками [2, с. 204]. Специальный субъект представляет собой лицо, характеризующееся наряду с общими признаками субъекта преступления также дополнительными признаками, имеющими конструктивное (обязательное) значение для квалификации конкретного преступления [7, с. 216].

³ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Рос. газ. 2011. 4 июля.

В рамках диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ специальным признаком субъекта преступления выступает факт привлечения лица к административной ответственности за совершение деяния, предусмотренного ст. 20.3.1. КоАП РФ [10, с. 168]. Иначе говоря, это «предполагает, что одно и то же лицо совершает административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.3.1 КоАП РФ, и, будучи административно наказанным, вновь осуществляет аналогичные действия, которые уже квалифицируются по ч. 1 ст. 282 УК» [11, с. 24].

Одной из правоприменительных проблем является квалификация повторных действий, направленных на возбуждение ненависти, вражды или унижение человеческого достоинства, если они совершены уже после фиксации факта административного правонарушения в протоколе, но до момента вынесения судом постановления.

Субъектом преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ, выступает лицо, находящееся в статусе подвергнутого административному наказанию [12, с. 193]. Следовательно, как подчеркивает В.В. Тростянецкая, повторное деяние, совершенное до обретения законной силы постановлением о привлечении к административной ответственности, не может быть квалифицировано по ч. 1 ст. 282 УК РФ. Правовым основанием для этого является отсутствие у лица на тот момент формального юридического статуса, который является обязательным условием для привлечения к уголовной ответственности по данной норме.

Под субъективной стороной преступления понимается психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления. Содержание субъективной стороны преступления раскрывается с помощью таких юридических признаков, как вина, мотив и цель [7, с. 157].

По разъяснению Пленума Верховного Суда сущность преступлений экстремистской направленности состоит именно в мотиве. Под мотивами преступления понимаются внутренние побуждения, сформированные под влиянием конкретных потребностей и интересов. Эти побуждения формируют у лица решимость осуществить преступный замысел и направляют его действия в процессе совершения преступления.

В примечании 2 ст. 282.1 УК РФ в качестве такового обозначается политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть, или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы.

Охарактеризуем понятия «ненависть» и «вражда». Согласно исследованию Д.С. Гордеева и М.А. Яворского, обращение к словарным источникам по данным категориям позволяет утверждать об их смысловой взаимозаменяемости [13, с. 56]. Кроме того, руководствуясь бытовым словоупотреблением, в правоприменительной деятельности отсутствует разграничение анализируемых категорий, не устанавливается, какие деяния направлены на возбуждение ненависти, а какие – вражды [14, с. 212].

Тем не менее, в научной литературе, в частности у Ю.Е. Пухирь, можно встретить позицию, согласно которой под возбуждением ненависти понимается создание внутреннего отрицательного отношения к социальной группе. Тогда как возбуждение вражды включает в себя также и внешние поведенческие проявления негативного характера, направленные на эту группу [15, с. 92].

Однако поскольку Конституция РФ в ч. 1 ст. 29 гарантирует каждому свободу мысли, «ненависть, определяемая как внутреннее состояние человека, не может быть наказуема» [16, с. 15].

Согласился с мнением Ю.С. Пестеревой, Е.И. Чекмезовой, что «предпочтительнее ограничиться указанием на понятие «вражда», которое, в отличие от понятия «ненависть», обладает деятельностным началом» [13, с. 56]. Однако Я.В. Гармышев аргументирует, что понятие «вражда» отражает не внутренние побуждения виновного, а сложившиеся внешние отношения между группами. Поэтому доказыванию в ходе следствия и суда подлежит именно наличие ненависти как внутреннего импульса к преступлению, а не ее совокупность с враждой, которая является производной от нее и не определяет субъективную составляющую деяния [17, с. 209].

Как поясняет Пленум Верховного Суда в п. 3 своего постановления от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», преступления, совершенные по мотивам ненависти или вражды, следует отграничивать от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений. Следовательно, данный мотив связан с публичной, а не личной враждой. Иначе говоря, связан с признаками, объединяющими людей в социальные группы.

Значит, фактором, порождающим данные мотивы, выступает ксенофобия – устойчивое негативное отношение и неприятие всего, что воспринимается как чужеродное, неизвестное

или отклоняющееся от привычных норм [13, с. 56]. Таким образом, ненависть или вражда, взятые как нечто единое, это побуждающее чувство неудовлетворения и небезопасности от непосредственной близости к другой социальной группе, «уже простая неспособность понять выразительные жесты и ритуалы чужой культуры возбуждает такое недоверие и страх, что это легко может привести к открытой агрессии» [18, с. 131].

Сама законодательно установленная возможность понести наказание за некоторые преступления экстремистской направленности с 14 лет при минимальном возрасте уголовной ответственности в 16 лет за преступления экстремистской направленности указывает на то, что соответствующие мотивы не формируются в человеке в ходе его жизнедеятельности, это то, что сопровождает человека всю жизнь, и проявление которого государство требует сознательно сдерживать в себе, для чего требуется определённый уровень психофизических качеств. Согласно позиции С.С. Восканяна, склонность к экстремизму в той или иной мере присуща человеческой природе как продукт эволюционного развития. [19, с. 9].

В свою очередь из этого следует, что для такого сдерживания требуется также и социализация в мультикультурном гражданском обществе, которое прививает своим членам веру в свою безопасность среди допущенных государством других.

Следовательно, неправильно объяснять существование ненависти или вражды тем, будто каждая группа, демонстрирующая нетерпимость, как правило, разрабатывает систему взглядов, утверждающую ее исключительность и доминирование над другими группами по физическим, психическим, интеллектуальным и культурным параметрам, чтобы обосновать вражду с теми [13, с. 56]. Для отношений ненависти или вражды достаточно уже одного усмотрения значительного отличия при том условии, что отсутствует проявление идеологического воздействия открытого общества, подавляющего естественную реакцию.

Индивидуальная изменчивость поведения людей внутри одной социальной группы не связывает ближних отношениями ненависти или вражды, поскольку эти отличия не покидают рамок норм группы и сохраняют достаточную похожесть. Чтобы вызвать у нас неприязнь и желание осудить, люди, которые кажутся нам «не такими, как все», должны быть для нас абсолютно чужими, непохожими на нас.

Следовательно, представитель некоторой социальной группы не способен быть движимым соответствующим мотивом по отношению к этой группе как к таковой.

Надо заметить, что в своей правоприменительной практике Верховный Суд демонстрирует непоследовательность. Так, в одном процессуальном акте сказано, что виновный «предложил избить сапожника-узбека из мести за его поведение в ходе конфликта, а также по мотиву национальной ненависти и вражды»⁴.

Как представляется, если имеет место вражда или ненависть, для агрессии не нужен никакой повод, а если таковой в деянии обнаруживается, то он является либо незначительным, либо полностью исключает мотив вражды или ненависти [20, с. 108].

Таким образом, подлинный мотив ненависти или вражды является самодостаточным побуждением к преступлению, возникая уже в силу самой групповой принадлежности потерпевшего. Напротив, наличие реального и значительного личного повода для агрессии (например, длительного конфликта) свидетельствует в пользу иной, личной мотивации. В этом случае у лица отсутствует враждебная установка по отношению к иной социальной группе в целом – его неприязнь адресована конкретному лицу, тогда как к остальным ее представителям, не предоставившим ему подобного повода, он может оставаться терпимым.

Проведенный анализ субъекта и субъективной стороны преступлений экстремистской направленности позволяет сформулировать ряд выводов и выявить проблемные зоны, требующие дальнейшего научного осмысления и законодательного совершенствования.

Установлено, что субъект данных преступлений в большинстве своем является общим, то есть характеризуется классическими признаками: физическое лицо, достигшее установленного возраста и находящееся в состоянии вменяемости. Нормативное закрепление в статье 19 УК РФ исключает возможность привлечения к ответственности юридических лиц или государства, что опровергает теоретические конструкции о «государственном экстремизме». Вместе с тем, специфика возраста привлечения к ответственности, которая варьируется в зависимости от конкретного состава в рамках ультра широкого подхода к экстремизму, указывает на сложность данного института и необходимость точной квалификации смежных деяний.

⁴ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 04.02.2010 № 47-009-82: судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/vsrif/doc/2tCOSvdLc6JT/?ysclid=mght3vx3k5506529778> (дата обращения: 20.09.2025).

Особого внимания заслуживает конструкция специального субъекта, предусмотренная ч. 1 ст. 282 УК РФ, где обязательным признаком является статус лица, ранее подвергнутого административному наказанию. Правовая неопределенность в ситуации совершения повторного деяния после составления протокола, но до вступления постановления о наказании в силу, создает коллизию, которая должна быть разрешена в пользу формального отсутствия состава преступления, т. к. необходимый юридический статус на тот момент еще не возник.

Содержание субъективной стороны составляет специфический вид мотива, проявляющийся в форме политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды. Доктринальный и словарный анализ показывает смысловую близость и взаимозаменяемость понятий «ненависть» и «вражда», однако с юридической точки зрения предпочтительнее акцент на понятии «вражда», поскольку оно в большей степени отражает публичное начало, внешнее проявление, а не только внутреннее состояние, которое ненаказуемо в силу конституционных гарантий свободы мысли. Проблемой правоприменения остается отграничение данного публичного мотива от личных неприязненных отношений. Как демонстрирует судебная практика, зачастую происходит смешение этих понятий, когда действия, совершенные из мести на почве бытового конфликта, ошибочно квалифицируются как экстремистские. Настоящий мотив ненависти или вражды носит широкий характер и направлен против социальной группы как таковой, а не против конкретного лица как индивида. Существенной проблемой квалификации данного мотива является терминологическая неопределенность в законодательстве. Кулешов Р.В. и Е.И. Фойгель указывают на хаотичное использование и смешение понятий «национальный», «расовый» и «этнический» в российских нормативных актах. В то время как в международной практике термин «национальный» часто означает государственную принадлежность, в российской правовой системе, унаследовавшей советскую традицию, под ним понимается этническая принадлежность [21, с. 114–115]. Эта терминологическая коллизия создает трудности для правоприменителя при доказывании направленности умысла виновного.

Таким образом, для квалификации необходимо, чтобы доказывание было нацелено не на констатацию различий виновного и потерпевшего, а на установление того, что именно принадлежность потерпевшего к иной группе стала главным, детерминирующим побуждением к совершению преступления. Содержание мотива национальной или расовой ненависти или вражды должно быть конкретным. Как верно замечают Р.В. Кулешов и Е.И. Фойгель, доказывание ненависти к этнической группе требует установления того, что враждебность основывалась на очевидных для преступника признаках внешнего облика, языка, культурных и традиционных различий потерпевшего, а не только на его формальной принадлежности к группе [21, с. 116]. Это согласуется с позицией, что истинный экстремистский мотив направлен на группу как таковую, а не на конкретное лицо в силу личных отношений.

В этой связи требуется дальнейшая разработка как теоретических, так и практических критериев для выявления и доказывания подлинного экстремистского мотива, что будет способствовать соблюдению баланса между противодействием экстремизму и защитой прав граждан от необоснованного уголовного преследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Максименко М.В., Павлова А.С. Субъект преступления в уголовном праве РФ // Экономика и социум. 2017. № 3 (34).
2. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / под ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. Томск, 2016.
3. Щербаков А.В. Проблемы определения субъекта преступления в современном уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2013. № 2.
4. Мальцев Г.А. Соотношение понятий субъект преступления и личность преступника // Форум молодых ученых. 2017. № 5 (9).
5. Гумеров И.А., Сидоров Б.Г. Криминальный экстремизм: понятие, виды и меры уголовно-правового противодействия // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 4.
6. Ковтун Н.А., Торопов Д.С. Вменяемость и ее критерии в теории и практике применения уголовного законодательства // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7. № 2 (14).

7. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2008.
8. Давыдов В.В. цит. по Сутурин М.А. Категория «возраст» в уголовном праве России // Вопросы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии. 2020. №2(89).
9. Горбатенко Г.В. Теоретико-правовые аспекты определения возраста как признака субъекта преступления в отечественной и зарубежных системах права // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 3.
10. Тростянецкая В.В. Особенности субъекта преступления, предусмотренного статьёй 282 уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 2 (38).
11. Андрюхин Н.Г., Борисов С.В. Административная преюдиция как условие для уголовной ответственности за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенные с использованием сети «Интернет» // Криминологический журнал. 2019. № 2.
12. Беларева О.А., Вяткина Ю.В. Повторность правонарушения как признак состава преступления: вопросы юридической техники // Право и государство: теория и практика. 2023. № 2 (218).
13. Пестерева Ю.С., Чекмезова Е.И. Мотивы преступлений экстремистской направленности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1 (60).
14. Гордеев Д.С., Яворский М.А. Некоторые проблемные моменты определения понятий «Возбуждение ненависти либо вражды» и «Унижение достоинства человека» в контексте ст. 282 УК РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3.
15. Пухирь Ю.Е. Проблема соотношения ненависти и вражды в рамках статьи 282 УК РФ через призму публичности и СМИ // Сибирское юридическое обозрение. 2011. № 14.
16. Сысоев А.М. Уголовно-правовая охрана общественных отношений от экстремистских посягательств: проблемы и перспективы // Пенитенциарная наука. 2010. № 9.
17. Гармышев Я.В. Актуальные проблемы противодействия экстремизму в уголовном праве России // III Байкальский юридический форум: материалы международных научно-практических конференций и конкурса молодых ученых. Иркутск, 2023.
18. Лоренц К. Агрессия или Так называемое зло. М., 2018.
19. Восканян С.С. К вопросу о классификации экстремизма // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 9.
20. Абдулганеев Р.Р., Турышев А.А. Экстремистский мотив преступления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 1 (35).
21. Кулешов Р.В., Фойгель Е.И. Межэтнические отношения: организационные и криминалистические аспекты современной уголовной политики // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 1.

REFERENCES

1. Maksimenko M.V., Pavlova A.S. Subject of a crime in the criminal law of the Russian Federation. Economy and Society, 2017. № 3 (34).
2. Criminal Law. General Part: textbook. Ed. by V.A. Utkin, A.V. Shesler. Tomsk, 2016.
3. Shcherbakov A.V. Problems of defining the subject of a crime in modern criminal law. Gaps in Russian Legislation. Legal Journal, 2013, № 2.
4. Maltsev G.A. The correlation of the concepts of the subject of a crime and the personality of the criminal. Forum of Young Scientists, 2017. № 5 (9).
5. Gumerov I.A., Sidorov B.G. Criminal extremism: concept, types and measures of criminal legal counteraction. Bulletin of Economics, Law and Sociology, 2014. № 4.
6. Kovtun N.A., Toropov D.S. Sanity and its criteria in the theory and practice of applying criminal legislation. Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. vol. 7. № 2 (14).
7. Criminal Law of the Russian Federation. General Part: textbook. Ed. by L.V. Inogamova-Khegai, A.I. Rarog, A.I. Chuchaev. Moscow, 2008.
8. Davydov V.V. Quoted from: Sutin M.A. The category of «age» in the criminal law of Russia. Issues of Criminal, Criminal Executive Law and Criminology, 2020. № 2 (89).
9. Gorbatenko G.V. Theoretical and legal aspects of determining age as a sign of the subject of a crime in domestic and foreign legal systems. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. № 3.

10. Trostyanetskaya V.V. Features of the subject of the crime provided for by Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. № 2 (38).
11. Andryukhin N.G., Borisov S.V. Administrative prejudice as a condition for criminal liability for acts aimed at inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity, committed using the Internet. Criminology Journal, 2019. № 2.
12. Belareva O.A., Vyatkina Yu.V. Repeated offense as a sign of a crime: issues of legal technique. Law and State: Theory and Practice, 2023. № 2 (218).
13. Pestereva Yu.S., Chekmezova E.I. Motives for extremist crimes. Psychopedagogy in Law Enforcement, 2015. № 1 (60).
14. Gordeev D.S., Yavorskii M.A. Some problematic aspects of defining the concepts «Incitement of Hatred or Enmity» and «Humiliation of Human Dignity» in the context of Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2019. № 4-3.
15. Pukhyr Yu.E. The problem of the correlation between hatred and enmity within the framework of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation through the prism of publicity and mass media. Siberian Legal Review, 2011. № 14.
16. Sysoev A.M. Criminal legal protection of public relations from extremist encroachments: problems and prospects. Penitentiary Science, 2010. № 9.
17. Garmyshev Ya.V. Topical problems of countering extremism in the criminal law of Russia. III Baikal Legal Forum: Proceedings of international scientific and practical conferences and a competition of young scientists. Irkutsk, 2023.
18. Lorenz K. Aggression, the so-called evil. Moscow, 2018.
19. Voskanyan S.S. On the classification of extremism. Society: Politics, Economics, Law, 2017. № 9.
20. Abdulgareev R.R., Turyshev A.A. Extremist motive of a crime. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, vol. 10. № 1 (35).
21. Kuleshov R.V., Foigel E.I. Interethnic relations: organizational and criminalistic aspects of modern criminal policy. All-Russian Criminology Journal, 2022. № 1. Vol. 16.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Табанакова Валерия Ивановна, адъюнкт адъюнктуры. Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tabanakova Valeria Ivanovna, adjunct. East Siberian Institute of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontova St., Irkutsk 664074 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.985.7

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ОРГАНОВ С БАНКАМИ И ОПЕРАТОРАМИ СОТОВОЙ СВЯЗИ

Халиков Аслям Наилевич

Московская академия Следственного комитета РФ имени А.Я. Сухарева, Москва, Российская Федерация;
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация
han010@yandex.ru

Введение: современный уровень совершаемых преступлений в сфере компьютерной информации, а также дистанционные хищения в банковской среде при активном применении средств сотовой связи показывают существенные затруднения использования действующего оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства в борьбе с такими преступлениями. Необходимо изменение правовых основ и механизма проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий для их эффективного использования при совершении преступлений в цифровой сфере. Одним из условий таких изменений является быстрота их применения с последующим, а не предварительным судебным контролем. Необходимо конструировать и иные оперативно-розыскные и оперативно-технические мероприятия во взаимодействии со следственными органами.

Материалы и методы: анализ правовых норм осуществлен на основе положений Конституции Российской Федерации, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, использованы законодательные нормы, регулирующие банковскую деятельность и деятельность организаций средств связи. В исследовании использован общий диалектический метод научного познания, а также познавательные методы описания, наблюдения, обобщения, сравнения и анализа. Эмпирической базой работы послужили статистические данные о совершении преступлений с использованием информационно-компьютерных технологий в России.

Результаты исследования: проведенное исследование позволило показать существенные недостатки действующего оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства по борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере цифровых технологий. В связи с этим несовершенство соответствующих норм законодательства, регулирующего оперативно-розыскную и следственную деятельность, не позволяет эффективно осуществлять борьбу с дистанционными хищениями и иными преступлениями, совершаемыми в киберпространстве, а требует их значительного изменения, соответствующего современным реалиям совершения киберпреступлений.

Выводы и заключения: предложено внести существенные изменения в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», УПК РФ с направленностью немедленного реагирования на преступления, совершаемые в дистанционном или удаленном режиме, в сфере компьютерной информации. Предварительный судебный контроль за оперативными и следственными действиями, совершаемыми в банковских учреждениях и в организациях сотовой связи, значительно замедляет процесс выявления, раскрытия и пресечения преступлений. Соответственно, эффективность проведения оперативно-розыскных мероприятий, как и ряда следственных действий, будет иметь место при последующем судебном контроле и при осуществлении иных оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: банк, дистанционные хищения, киберпреступления, оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия, сотовая связь, судебный контроль.

Для цитирования: Халиков А. Н. процессуальные и тактические проблемы взаимодействия следственных и оперативно-розыскных органов с банками и операторами сотовой связи / А. Н. Халиков // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 230–236.

Original paper

PROCEDURAL AND TACTICAL ISSUES INTERACTION OF INVESTIGATIVE AND OPERATIONAL SEARCH AGENCIES WITH BANKS AND OPERATORS CELLULAR COMMUNICATIONS

Khalikov Aslam Nailevich

Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Introduction: the current level of crimes committed in the field of computer information, as well as remote theft in the banking environment with the active use of cellular communications, show significant difficulties in using the current operational investigative and criminal procedure legislation in combating such crimes. It is necessary to change the legal framework and mechanism for conducting operational search activities and investigative actions for their effective use in the commission of crimes in the digital environment. One of the conditions for such changes is the speed of their application with subsequent rather than preliminary judicial control. It is necessary to design other operational-investigative and operational-technical measures in cooperation with the investigative authorities.

Materials and methods: the analysis of legal norms is carried out on the basis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure and operational investigative legislation, legislative norms regulating banking and communications activities are used. The study uses the general dialectical method of scientific cognition, as well as cognitive methods of description, observation, generalization, comparison and analysis. The empirical basis of the work was statistical data on the commission of crimes using information and computer technologies in Russia.

Results of the study: the conducted research allowed us to show the significant shortcomings of the current operational investigative and criminal procedure legislation on combating crimes committed in the field of digital technologies. In this regard, the imperfection of the relevant legislation regulating operational search and investigative activities does not allow effective combating of remote theft and other crimes committed in cyberspace, but requires significant changes corresponding to the modern realities of cybercrime.

Findings and conclusions: it is proposed to introduce significant amendments to the Federal Law «On Operational Investigative Activities», the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with a focus on immediate response to crimes committed remotely or remotely in the field of computer information. Preliminary judicial control over operational and investigative actions carried out in banking institutions and cellular communication organizations significantly slows down the process of detecting, uncovering and suppressing crimes. Accordingly, the effectiveness of operational search measures, as well as a number of investigative actions, will take place during subsequent judicial control and during the implementation of other operational search measures.

Keywords: bank, remote theft, cybercrimes, operational search activities, investigative actions, cellular communications, judicial control.

For citation: Khalikov A. N. Procedural and tactical problems of interaction of investigative and operational-search authorities with banks and mobile operators in the investigation of crimes / A. N. Khalikov // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 4(115). – Pp. 230–236.

Совершение большинства преступлений в настоящее время трудно представить без задействования цифровых и компьютерных технологий, применения средств мобильной связи и иных электронно-информационных ресурсов. Особенно это касается хищений чужого имущества дистанционными способами в системе банков при активном использовании функций сотовой связи. Здесь и голосовые мошенничества с целью перевода денег на «безопасные счета», и предоставление «кредитов» с их немедленным снятием преступниками, и проникновение в систему дистанционного банковского обслуживания с целью кражи денег и многое другое. Причем данные виды хищений постоянно совершенствуются при использовании новейших информационно-коммуникационных технологий, манипуляций средствами компьютерной техники и мобильной связи [1, с. 15–20]. Как правило, криминальную среду дистанционных хищений отличает обязательное использование банковских технологий и средств сотовой связи или телефонной сети, а, следовательно, без функционального задействования ресурсов банков и операторов сотовой связи подобные хищения совершаться не могут. Вместе с тем, использование средств дистанционного или удаленного обслуживания и возможности мобильной связи на современном уровне составляют неограниченный потенциал не только для описываемых хищений, но и являются бесконечной основой совершения других преступлений как в области экономики или в сфере компьютерной информации, так и в сфере иных социально-политических отношений. В то же время, раскрываемость преступлений, совершенных с использованием мобильных средств связи, в 2024 г. составила только 12,8 %, а раскрываемость преступлений, совершенных в целом в сети Интернет – 21,6 %¹. Причем, на наш взгляд, это довольно оптимистичные цифры с учетом того, что дистанционные хищения стандартного образца практически не раскрываются.

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 г. // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. М., 2024. С. 28–29.

Однако проблема состоит в том, что при современном правовом обеспечении оперативно-розыскной и следственной деятельности подобные преступления пресечь, раскрыть и расследовать в большинстве случаев просто невозможно. Причиной является отсутствие адекватных правовых механизмов регулирования для своевременного реагирования на совершаемое или совершенное преступление, которое имело место в сфере банковского обслуживания или с активным использованием средств мобильной связи. То есть, в настоящее время законодательство не допускает быстрых механизмов следственного или оперативно-розыскного реагирования на совершаемые преступления с целью немедленного блокирования счетов в банках, приостановки денежных операций либо фиксирования телефонного общения между абонентами и его оперативного прерывания в целях предупреждения мошеннических или иных действий. Для понимания создавшейся ситуации следует выполнить правовой анализ ряда норм, регулирующих возможности взаимодействия банковских учреждений и операторов сотовой связи с правоохранительными органами в целях нахождения оптимальных способов выявления, раскрытия, пресечения и расследования преступлений.

В первую очередь из ст. 23 и 35 Конституции РФ следует, что получение сведений из банков о счетах граждан и юридических лиц, информации о телефонном общении, распоряжения банковскими вкладами может ограничиваться, как правило, судебными решениями. Реализация названных конституционных норм проводится через соответствующее отраслевое законодательство.

В этом ключе, согласно ст. 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности», кредитная организация, Банк России гарантируя тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов, выдает органам предварительного следствия соответствующие сведения по счетам юридических лиц и граждан по делам, находящимся в их производстве, а также на основании судебного решения должностным лицам органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Кроме этого, согласно ст. 27 названного Закона, на денежные средства и иные ценности юридических и физических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в кредитной организации, а также на остаток электронных денежных средств может быть наложен арест не иначе как судом и арбитражным судом, судьей, а также по постановлению органов предварительного следствия в основном при наличии судебного решения.

Аналогичная процедура имеет место при получении сведений от операторов сотовой связи. Согласно ст. 63 ФЗ «О связи», на территории Российской Федерации гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи. В соответствии со ст. 64 названного Закона, операторы связи обязаны предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, информацию о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи и иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач, в случаях, установленных федеральными законами и только при судебном разрешении для раскрытия тайны телефонных переговоров.

Наконец, УПК РФ регламентирует процедуру наложения ареста на банковские вклады, а также получения банковских сведений и информации о телефонных переговорах. Как мы отметили, рассматривая названные законы, все процедуры получения сведений о банковских операциях и информации операторов связи следственные и оперативные работники получают в основном путем выдачи им судебного разрешения. Вместе с тем на сегодня в УПК РФ Федеральным законом № 278 от 31 июля 2025 г. была введена новая статья 115-2 – приостановление операций с денежными средствами, сутью которой является предоставление возможности следователю или дознавателю приостанавливать в банках денежные операции по счетам граждан и организаций до 10 суток без санкции суда. Тем самым, законодатель был вынужден пойти на временное ограничение банковских операций органами следствия без судебного разрешения, что, однако, не влечет немедленного реагирования на совершение дистанционных хищений денежных средств из банков.

В то же время, как известно, согласно ст. 8 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», при неотложности действий, связанных с совершением преступлений, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу безопасности Российской Федерации, допускается проведение соответствующих оперативно-розыскных мероприятий, без санкции суда, с уведомлением суда в течение 24 часов, после чего в течение 48 часов должно быть получено судебное решение о проведении ОРМ. В данном ракурсе необходимо отметить, что в ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД» приведены два действия, которые можно назвать также оперативно-розыскными мероприятиями, но которые не

включены в перечень ОРМ в ст. 6 названного Закона. Это мероприятия как 1) изъятие документов, предметов, материалов и сообщений и 2) прерывание предоставленных услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угроз государственной безопасности Российской Федерации. То есть, данные действия могут исполняться самостоятельно и в срочном порядке вне перечня ОРМ, указанного в ст. 6 Закона, но с одинаковыми условиями и, в случае необходимости, судебными гарантиями, как и все иные мероприятия.

Нельзя не увидеть, что все описываемые режимы взаимодействия следственных и оперативных служб с банками и операторами сотовой связи показывают достаточно большую отдаленность и временной разрыв между совершением преступлений в сфере компьютерно-информационных технологий и реагированием на это банковских учреждений, организаций связи и, как следствие, правоохранительных органов [2, с. 42–46]. Несколько нейтрализуют данное положение нормы ФЗ «О национальной платежной системе», статья 8 которой позволяет банкам блокировать любые операции, соответствующие признакам осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента, т. е. с фактическим подозрением совершения преступления. Однако данная банковская процедура, даже если она будет эффективно применена, не позволит правоохранительным органам своевременно и результативно начать работу по выявлению, раскрытию и расследованию преступления, направленную на привлечение к уголовной ответственности виновных лиц. То есть, данные нормы Закона «О национальной платежной системе» действуют во внутрибанковских структурах, не предоставляя правоохранительным органам эффективные возможности искать и находить лиц для привлечения их к уголовной ответственности. Разумеется, банки активно внедряют и иные формы обеспечения безопасности в условиях цифровизации обслуживания денежных средств клиентов, однако, к сожалению, хищений от этого не становится меньше [3, с. 204–208]. В этом случае необходимы новые правовые и тактические механизмы деятельности следователей и оперативных работников в сфере деятельности банков и операторов сотовой связи с целью установления преступников и их уголовного преследования [4, с. 638–641].

Вместе с тем мы видим, на сегодняшний день, как УПК РФ, так и ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» не содержат эффективных конструкций следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, позволяющих проводить соответствующую оперативную работу для немедленного реагирования, пресечения, раскрытия и начала расследования соответствующих преступлений, использующих цифровые технологии или, в нашем случае при совершении преступлений в банковской сфере, а в целом – в киберпространстве. Более того, такие оперативные мероприятия и следственные действия требуют, как правило, перехода на международный уровень реагирования, когда имеются в достаточной степени подтвержденные сведения, что посягательство на денежные ресурсы организовано из другого государства [5, с. 363]. В частности, переход на масштаб международных действий предусмотрен новой Конвенцией против киберпреступности, предложенной Россией и другими государствами в Организации Объединенных наций 24 декабря 2024 г. и начало ратификации которой началось в октябре 2025 г.² В то же время, чтобы переходить на международный уровень преследования преступников, о чем постоянно говорят представители органов МВД, должна быть соответствующая правовая и оперативно-следственная база на национальном уровне, способная эффективно взаимодействовать с правоохранительными органами других государств по преступлениям в киберпространстве.

Нельзя не отметить и другой негативный фактор. Дело в том, что банки и операторы сотовой связи, как и службы их безопасности, в целом не являются заинтересованными лицами для технологичного обеспечения уголовного преследования лиц, совершающих преступления, даже с учетом причинения материального вреда банку или сотовым операторам. Более того, активная работа по раскрытию и расследованию дистанционных хищений из банков или по установлению переговорных операций сотовыми операторами может задеть интересы самого банка либо организацию сотовой связи в виде нанесения репутационных потерь, выявить недобросовестность или криминальную направленность деятельности отдельных лиц или подразделений названных коммерческих организаций. В результате, даже если банк пресекает хищение в виде незаконной банковской операции, то преступники при этом, как правило, остаются не выявленными, продолжая свою криминальную деятельность с систематическим ее усовершенствованием. В свою очередь, тем же операторам сотовой связи финансово выгодны бесконечные разговоры телефонных мошенников с целью хищения денежных средств или «разводок» социально не защищенных граждан. Возникает ситуация некой игры

² Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности (2025). Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/documents> (дата обращения: 24.09.2025).

в виртуальном пространстве, при которой похищаются миллиарды рублей граждан, однако без риска для преступников быть привлеченными к уголовной ответственности, поскольку нет эффективных оперативных и следственных путей их установления и задержания. То есть, материальная база в виде банковских дистанционных технологий и условия сотовой переговорной среды остаются вне активных мер оперативного и следственного воздействия. Все это ведет к необходимости активизации деятельности оперативных сотрудников и следователей в структуре деятельности банков или операторов сотовой связи при наличии признаков преступления в виде хищений денежных средств у граждан или иных тяжких и особо тяжких преступлений [6, с. 172–175]. Но для такой следственной и оперативно-розыскной деятельности в виде специальных тактических операций, необходима правовая база, основой которой должны быть новые и усовершенствованные оперативные и следственно-процессуальные действия без предварительного судебного разрешения, но с обязательным последующим судебным контролем. Установленные ст. 6 ФЗ «Об ОРД» 15 оперативно-розыскных мероприятий, как и основания и условия их проведения, изложенные в ст. ст. 7 и 8 названного Закона не содержат оснований для вмешательства в банковскую деятельность или работу операторов сотовой связи в немедленном режиме, то есть опережая следственные и судебные решения. Нормы УПК РФ тем более не могут соревноваться со скоростью совершения киберпреступлений и переводом денежных средств в неизвестном направлении либо прямо за рубеж.

Вместе с тем интересы борьбы с дистанционными хищениями, с различными видами посягательств на интересы банков и его клиентов требуют возможностей немедленного, а значит оперативного *прерывания перечисления денежных средств и иных банковских операций в качестве отдельного оперативно-розыскного мероприятия*. В этом отношении реализация данного действия при помощи ранее изложенной новой статьи 115-2 УПК РФ в силу различных причин (доследственная проверка, возбуждение уголовного дела, составление постановления об аресте счета, доставление данного постановления в банк и его исполнение) требует определенного времени, измеряемого часами и сутками, что утрачивает его необходимую эффективность. Поэтому право прерывания банковских операций, допустим, на период от 2 до 10 суток, по аналогии со ст. 8 ФЗ «О национальной платежной системе», возможно передать в ведение оперативно-розыскных органов, причем путем передачи распоряжения банкам на уровне отдельной спецсвязи без составления постановлений и, разумеется, без предварительной санкции суда, хотя и с последующим судебным заключением о законности проводимых оперативных действий.

Однако прерывание услуг связи или прерывание банковских операций – это только часть решения проблем взаимодействия правоохранительных органов с банками и операторами сотовой связи. В связи с абсолютным использованием населением банковских карт, к которым со временем, видимо, будут добавлены операции с цифровым рублем, именно банки становятся концентрированным держателем основных материальных ресурсов человека в виде его денежных средств. В то же время, по результатам дистанционных хищений в России только за 11 месяцев 2024 г. ущерб составил 168 млрд рублей от 701 000 интернет-преступлений, а за пять месяцев 2025 г. ущерб составил 81 млрд рублей от 189 тысяч прямых хищений. Эти стабильные цифры хищений из банков, которые были немыслимы при бумажной банковской деятельности, показывают весьма негативную перспективу продолжения этих преступлений при полном бессилии банков и, к сожалению, на сегодняшний день и правоохранительных органов государства. Причем банки возмещают только не более 10 % ущерба гражданам, да и то после судебных исков, а остановить им удалось хищений только на 16 млрд рублей [7, с. 1,7].

Заметим, что такая ситуация показывает в первую очередь не выполнение банками своих прямых функций по достойному хранению денег и что предусмотрено ст. 1 ФЗ «О банках и банковской деятельности», где указано, что банк – кредитная организация, осуществляющая привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности и платности. Из этого вытекает, что в связи с тем, что банки находятся в эпицентре всех дистанционных хищений и не могут это предотвратить, то государство должно принимать соответствующие меры, возлагая на себя ответственность по борьбе с такими хищениями и осуществляя оперативный контроль за банками в различных оперативно-розыскных формах. В этом отношении необходимо разработать механизм оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, в результате которого будет иметь место немедленное реагирование соответствующих подразделений оперативно-розыскных и следственных органов на дистанционные преступления, совершаемые в банковской и в целом в киберпространстве цифровых технологий. То есть, не умаляя значение антикриминальных действий банков

и операторов сотовой связи в борьбе с дистанционной преступностью, все же функция защиты от преступлений принадлежит правоохранительным органам, что является не частной, а публичной государственной деятельностью, регламентируемой конституционными нормами защиты государства и общества. Во всяком случае без соответствующей реакции государства преступники остаются безнаказанными, продолжая криминальные игры в киберпространстве со всем населением России.

В качестве первоочередных оперативных и следственных мер считаем необходимым при наличии признаков преступлений устанавливать в банках и у операторов сотовой связи оперативный контроль из числа сотрудников правоохранительных органов. Предоставить возможность в качестве оперативно-розыскных мероприятий немедленное блокирование счета от 2 до 10 суток без санкции суда (с получением последующего судебного заключения) при подозрительных банковских операциях. При этом перечень подозрительных операций без добровольного согласия клиента, который изложен в Приказе Центрального банка России от 27 июня 2024 г. № ОД-027 требует значительного расширения и более широкой интерпретации со стороны правоохранительных органов как основания выявления скрытой криминальной картины в банковской среде. Следует конструировать эффективные формы оперативного эксперимента или контролируемой поставки (в данном случае денежных средств), которые могут выходить на источники преступных действий внутреннего и международного уровня с фиксированием механизма совершения преступления в материалах уголовного дела. На сегодня следует разрабатывать и внедрять отдельные оперативно-технические мероприятия в виде отдельных цифровых или компьютерных моделей, которые также должны быть регламентированы законом и способны обнаруживать и фиксировать цифровые следы преступлений [8, с. 262–263]. Но проведение таких оперативно-розыскных мероприятий возможны только при непосредственном оперативном контроле внутри банковских офисов и операторов сотовой связи в условиях предварительного или последующего судебного разрешения подобных оперативно-тактических операций. Используя опыт оперативных подразделений налоговой полиции России, ученые обоснованно предлагают оперативное внедрение в банковские учреждения, что, на наш взгляд, осуществимо также при наличии судебного разрешения, поскольку имеет место правовая коллизия с банковской тайной [9, с. 55–60]. Образно говоря, боевые действия должны быть перенесены непосредственно на места совершения преступлений, а не хождением вокруг и около банков и сотовых операторов.

Завершая суждения, отметим, что, к сожалению, следует констатировать, что ни оперативно-розыскные, ни следственные службы на сегодня не перестроились на информационно-технологичный уровень совершения преступлений в сфере компьютерной информации. И то, что вчера было немыслимо или было как исключение в виде хищения денег из банков, то на сегодня это перешло в повседневную реальность. И это в первую очередь объяснимо с правовых позиций, когда отсутствуют, как мы указали, соответствующие правовые нормы в оперативно-розыском и уголовно-процессуальном законодательстве, способные реально бороться с дистанционными преступлениями в банковской сфере и в иных областях цифровой среды. Предлагаемые нами меры перестройки законодательства, посвященного борьбе с преступностью в киберпространстве, исходят из основного постулата криминалистики, что любое преступление оставляет следы. Тем более, цифровые следы в конечном счете не удалимы и всегда можно добраться до их первоисточников при применении соответствующих тактико-криминалистических средств высокотехнологичного уровня. В обратном случае дистанционные хищения и иные преступления в цифровой среде будут только увеличиваться вне реагирования со стороны правоохранительных органов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ягупова Е.А. Киберпреступления в банковской системе РФ: способы выявления и противодействия // Экономика, управление, право и общество. Симферополь, 2023.
2. Озеров Н.Н., Горбатов Д.А. Кибертерроризм: проблемы взаимодействия следователя с оперативными подразделениями // Вестник Белгородского юридического института имени И.Д. Путилина. 2025. № 2.
3. Селезнева В.В., Гудкова О.В. Обеспечение безопасности и прозрачности в условиях цифровизации банковского сектора // Тенденции и перспективы развития банковской системы в современных экономических условиях. Брянск, 2025.
4. Демин В.Е., Прокопов С.В. Анализ законодательной базы в сфере кибербезопасности России и предложения по ее оптимизации // Развитие финансового рынка и предпринимательских структур в современных условиях. Курск, 2025.

5. Осипенко А.Л. Оперативно-розыскная деятельность в период четвертой промышленной революции // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности: сборник научных трудов / под общ. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. М., 2017.
6. Янишевский А.Б. Правовые основы деятельности правоохранительных органов Российской Федерации по противодействию киберпреступности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3.
7. Куликов В. Обойдемся без обмана // Российская газета. 2024. № 154(9396).
8. Захарцев С.И., Игнашенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. М., 2015.
9. Романовский Г.Б. Банковская тайна и оперативно-розыскная деятельность правоохранительных органов // Электронный журнал «Наука. Общество. Государство. 2016. № 1 (13). Т. 4

REFERENCES

1. Yagupova E.A. Cybercrimes in the banking system of the Russian Federation: ways to identify and counteract // Economics, management, law and society. Simferopol, 2023.
2. Ozerov N.N., Gorbatov D.A. Cyberterrorism: problems of investigator interaction with operational units // Bulletin of the Belgorod Law Institute named after I.D. Putilin. 2025. № 2.
3. Selezneva V.V., Gudkova O.V. Ensuring security and transparency in the context of digitalization of the banking sector // Trends and prospects for the development of the banking system in modern economic conditions. Bryansk, 2025. 4. Demin V.E., Prokopov S.V. Analysis of the legislative framework in the field of cybersecurity in Russia and proposals for its optimization // Development of the financial market and business structures in modern conditions. Kursk, 2025.
5. Osipenko A.L. Operational investigative activities during the Fourth Industrial Revolution // Actual problems of operational investigative activities: a collection of scientific papers / under the general editorship of K.K. Goryanova, V.S. Ovchinsky, M., 2017.
6. Yanishevsky A.B. The legal foundations of the activities of law enforcement agencies of the Russian Federation to combat cybercrime // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3.
7. Kulikov V. Let's do without deception // Rossiyskaya Gazeta. 2024. № 154(9396).
8. Zakhartsev S.I., Ignashenkov Yu.Y., Salnikov V.P. Operational investigative activities in the 21st century. Moscow, 2015.
9. Romanovsky G.B. Banking secrecy and operational investigative activities of law enforcement agencies // Electronic journal "Science. Society. State. 2016. № 1 (13). Vol. 4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халиков Аслям Наилевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики. Московская академия Следственного комитета РФ имени А.Я. Сухарева. 125080, Российская Федерация, г. Москва, ул. Врубеля, 12; профессор кафедры криминалистики. Уфимский университет науки и технологий. 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khalikov Aslam Nailevich, Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Criminology. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Y.Sukharev, 12, Vrubel St., Moscow 125080 Russian Federation; Professor, Department of Criminology. Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology. 131, Dostoevsky St., Ufa 450005 Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.98

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шайдуллин Раиль Рашитович

Председатель Верховного суда Республики Башкортостан, Уфа, Российская Федерация
vs.bkr@sudrf.ru

Введение: в условиях повышения уровня технического вооружения преступности необходимо использовать в борьбе с преступностью цифровые технологии. Анализируется переход от использования искусственного интеллекта как вспомогательного инструмента к формированию принципиально новых методических подходов, интегрирующих алгоритмы в саму методологию экспертного исследования. Особое внимание уделяется перспективным направлениям развития, проблемам валидации и верификации результатов использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности.

Материалы и методы: в качестве эмпирической базы исследования использованы материалы судебно-экспертной практики расследования преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, доклады и публикации судебных экспертов на научных конференциях и семинарах по проблемам применения цифровых технологий в судопроизводстве. Применены следующие методы: эмпирические методы описания и сравнения; теоретические методы формальной и диалектической логики, системно-структурный метод; частнонаучные методы познания (сравнительно-правовой, статистический и др.); метод экспертных оценок.

Результаты исследования: установлены направления по использованию высоких технологий (искусственному интеллекту, нейронным сетям и др.) при производстве судебно-экспертных исследований. Разработаны конкретные предложения и рекомендации по совершенствованию системы обеспечения судебно-экспертной деятельности высокотехнологичными средствами и методами, в том числе технологиями искусственного интеллекта.

Выводы и заключения: доказано, что реализация предложенных в рамках исследования мер будет способствовать повышению качества судебно-экспертных исследований. Наступает время, когда необходимо не просто «компьютеризировать» давно разработанные методы и средства, а следует внедрять технологии искусственного интеллекта, применение которых будет способствовать повышению качества судопроизводства в целом.

Ключевые слова: цифровые технологии, судопроизводство, искусственный интеллект, судебная экспертиза.

Для цитирования: Шайдуллин Р. Р. Актуальные направления развития методических подходов применения искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности / Р. Р. Шайдуллин // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – С. 237–240.

Original paper

PROMISING DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FORENSIC ACTIVITIES

Shaidullin Rail Rashitovich

Chairman of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation

Introduction: with the increasing technological advancement of crime, it is essential to employ digital technologies in the fight against crime. This article analyzes the transition from using artificial intelligence as an auxiliary tool to developing fundamentally new methodological approaches that integrate algorithms into the methodology of expert research. Particular attention is paid to promising areas of development, as well as issues of validating and verifying the results of using artificial intelligence in forensic work.

Materials and methods: the empirical basis of the study is based on forensic practice in investigating crimes in the field of information and telecommunications technology, as well as

reports and publications by forensic experts at scientific conferences and seminars on the use of digital technologies in legal proceedings.

The following methods were used: empirical methods of description and comparison; theoretical methods of formal and dialectical logic; the systemic-structural method; specific scientific methods of cognition (comparative legal, statistical, etc.); and the method of expert assessments.

Results of the study: directions for the use of high technologies (artificial intelligence, neural networks, etc.) in forensic examinations have been identified. Specific proposals and recommendations for improving the system of supporting forensic activities with high-tech tools and methods, including artificial intelligence technologies, have been developed.

Findings and conclusions: it has been proven that the implementation of the measures proposed in the study will contribute to improving the quality of forensic examinations. The time is coming when it is necessary not only to «computerize» long-developed methods and tools, but also to implement artificial intelligence technologies, the use of which will contribute to improving the quality of legal proceedings as a whole.

Keywords: digital technologies, legal proceedings, artificial intelligence, forensic examination.

For citation: Shaidullin R.R. Current directions in the development of methodological approaches to the application of artificial intelligence in forensic activities / R. R. Shaidullin // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4(115). – Pp. 237–240.

Согласно статистическим данным, за январь–сентябрь 2025 г. с использованием информационно-телекоммуникационных технологий совершено 522 017 преступлений, что составляет 38,5 % от общего количества преступлений, зарегистрированных на территории Российской Федерации. Их раскрываемость составила 27,7 % [1]. В связи с высоким уровнем технологического вооружения преступности, вплоть до применения в преступных целях искусственного интеллекта, растет, соответственно, необходимость в повышении уровня научно-технического обеспечения борьбы с ней, в том числе, путем повышения уровня цифровизации судебно-экспертной деятельности. Как правильно отмечено, «нейросетевые технологии с одной стороны открывают новые возможности для таких сфер общественной жизни, как духовная (творчество, образование, искусство) и социальная, а с другой стороны, требуют мер, направленных на минимизацию вреда причиненного данной инновационной разработкой» [2, с. 216].

В последние годы о возможностях цифровизации деятельности правоохранительных органов в раскрытии и расследовании преступлений в указывают в своих трудах Ф.Г. Аминев [3], А.М. Багмет [4], Д.В. Бахтеев [5], С.В. Зуев [6], Е.Р. Россинская [7], и другие ученые.

Анализ судебной и следственной практики показывает, что, если в отношении самого судебного производства, наконец, стали проявляться тенденции к интенсификации процессов использования в нем цифровых технологий, то в одном из направлений обеспечения судопроизводства, а именно, в его судебно-экспертном обеспечении, применение инновационных технологий, в том числе с использованием искусственного интеллекта, пока еще носит недостаточный характер. Так, имеются единичные попытки методических разработок в судебно-экспертной деятельности. Например, учеными установлено, что можно определить с помощью искусственного интеллекта комплекс характеристик неизвестного преступника по оставленным следам с применением ДНК-фенотипирования («системы технологических действий по исследованию генома человека в целях установления внешних и внутренних свойств организма: цвет глаз и волос, пигментация кожи, наличие веснушек» [8, с. 281]), а также другие признаки человека и его деятельности (способ совершения преступления, действия по противодействию расследованию преступлений и т. д.).

Кроме того имеются системы, которые могут сопоставить данные с камер наблюдения (компьютерное зрение), геолокационные сигналы (анализ больших данных) и записи телефонных переговоров (обработка естественного языка) и другие характеристики, выстроив единую, подкрепленную перекрестными проверками картину события.

К сожалению, «судебно-экспертные исследования технологий искусственного интеллекта в системе Минюста России ограничиваются решением вопросов определения стоимости программных продуктов, основанных на нейросетях и искусственном интеллекте» [9, с. 77]. И такие незначительные по глубине методические разработки объяснимы, прежде всего, тем, что экспертное сообщество раньше ограничивалось использованием программного обеспечения для построения диаграмм или сопоставления баз данных. А в настоящее время в производстве судебной экспертизы наблюдается новое для судебных экспертов явление: алгоритмы машинного обучения самостоятельно выявляют скрытые зависимости, аномалии и связи в огромных массивах информации, которые человеческий мозг просто не в состоянии охватить, генерируют гипотезы. При этом меняется роль эксперта: он все больше становится заказчиком запроса и интерпретатором результата, формулирующим задачи для искусственного интеллекта и дающим юридическую и методологическую оценку результатам решенных задач.

Поэтому представляется, что прогресс в разработке методик судебно-экспертного исследования с применением искусственного интеллекта и его производных будет осуществлен в результате решения следующих задач:

1) необходимо разработать судебно-экспертные методики «интегрированного интеллектуального анализа», где функции между экспертом и искусственным интеллектом распределены таким образом: эксперт формирует гипотезу, задает параметры анализа и критически оценивает логику «рассуждений» системы, в то время как искусственный интеллект проводит тщательный поиск и первичную систематизацию данных;

2) необходимо обучить искусственный интеллект корректно работать с экспертными большими данными (Big Data). Алгоритмы компьютерного зрения совершили переворот в таких традиционных криминалистических экспертизах, как дактилоскопическая и трасологическая экспертизы. Система на базе нейронной сети может за секунды сравнить нечеткий, фрагментированный след пальца или след обуви не с десятками, а с миллионами эталонов в базе данных, предложив эксперту не один, а несколько ранжированных по вероятности совпадения вариантов;

3) необходимы разработать методические рекомендации по моделированию с помощью искусственного интеллекта аварийных ситуаций в судебной автотехнической (железнодорожно-технической) экспертизе с учетом тысяч параметров (состояние покрытия, погода, модель поведения водителя). Аналогично в психолого-лингвистической экспертизе – по анализу многочисленных текстов на предмет скрытых маркеров радикализации или суицидальных намерений; в портретной экспертизе – по биометрической корреляции сотен различных признаков (мимика, синхронность речи и движения губ и т. д.) и др.;

4) необходимо разработать методики, регламентирующие формирование репрезентативных выборок, очистку данных от «шума» и, что крайне важно, – процедуру валидации (проверки достоверности) прогнозных моделей, полученных в результате работы искусственного интеллекта. Многие сложные нейросетевые модели не предоставляют понятного человеку объяснения, как они пришли к тому или иному выводу. Они выдают результат, но не ход своих «рассуждений». Для суда такой вывод искусственного интеллекта, как «высокая вероятность Х (объекта, события, процесса и др.)» должен быть расшифрован с указанием степени погрешности и использованных алгоритмов – он должен быть максимально «прозрачным». В своем заключении эксперт, применяющий искусственный интеллект, обязан не просто констатировать результат, а подробно раскрыть использованную методику, степень автоматизации процесса и предоставить критическую оценку надежности вывода системы.

Перспективы применения искусственного интеллекта очевидны и явно положительные: повышение скорости, объективности и точности судебных экспертиз, выход на качественно новый уровень анализа сложных и объемных доказательств. Но для этого следует решить и ряд проблем:

- сформировать соответствующее правовое поле, в котором должно быть регламентировано главное: окончательное формулирование выводов в заключении эксперта и ответственность за него несет судебный эксперт, а не разработчик алгоритма нейронных сетей. Эксперт должен понимать принципы работы системы и быть способным аргументированно отстаивать ее выводы в суде;

- надо сформировать обезличенные экспертные базы данных (почерков, голосов, изображений следов обуви, выстрела и т. д.), которые будут служить для прозрачной обучающей нейронные сети выборки;

- повысить уровень профессиональной подготовки судебных экспертов, в компетенцию которых должны войти и определенные знания, умения и навыки работы с искусственным интеллектом;

- как отмечалось нами ранее, «предстоит кропотливая работа по валидации разрабатываемых высокотехнологичных методов исследования и использования их в практике судебно-экспертной деятельности и расследования преступлений» [10, с. 227] и т. д.

Перспективное развитие методических подходов искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности видится не в полной автоматизации этой деятельности, не в перекладывании решения экспертных задач на обученные нейронные сети, а в интеграции судебно-экспертного опыта, профессиональной интуиции и беспрецедентной вычислительной мощи искусственного интеллекта, который может взять на себя рутинную работу по анализу больших данных, выявлению скрытых паттернов, освободив судебного эксперта для творческой, аналитической работы, а судью – для глубокой оценки всей совокупности доказательств. Достичь этой цели возможно только через формирование строгих, научно обоснованных и процессуально выверенных методических подходов к применению искусственного интеллекта.

Уверены, что правильно организованная и непрерывная работа по разработке и внедрению цифровых методов и судебно-экспертных методик, в том числе, с использованием технологий искусственного интеллекта, с соответствующим правовым, материально-техническим обеспечением позволит значительно повысить качество судопроизводства в Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Состояние преступности в России за январь–сентябрь 2025 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/72174303/> (дата обращения: 24.10.2025).
2. Севостьянова С.О., Кравцов С.С. Технологии создания Deepfake и методы их выявления // Юрист-Правовед: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2(113).
3. Аминев Ф.Г. О современных инновационных методах криминалистического обеспечения расследования преступлений // Теория и практика расследования преступлений: материалы XII Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2024. Краснодар, 2024.
4. Багмет А.М. Цифровые следы преступлений: монография / А.М. Багмет, В.В. Бычков, С.Ю. Скобелин, Н.Н. Ильин. М., 2021.
5. Бахтеев Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022.
6. IT-справочник следователя / под ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева. М., 2019.
7. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: монография / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2022.
8. Аминев Ф.Г., Генетические и этические проблемы ДНК-фенотипирования / Ф.Г. Аминев, А.В. Чемерис, А.Ф. Халиуллина, Р.Р. Галаяутдинов // Актуальные проблемы использования специальных знаний в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях. Уфа, 2024.
9. Руденкова Ю.С., Хазиев Ш.Н., Усов А.И. Искусственный интеллект и судебная компьютерно-техническая экспертиза // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. № 2. Т. 19.
10. Шайдуллин Р.Р. По вопросу внедрения цифровых технологий в судопроизводство России // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. № 1.

REFERENCES

1. The State of Crime in Russia for January–September 2025. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/72174303/> (date of access: 24.10.2025).
2. Sevostyanova S.O., Kravtsov, S. S. Deepfake Creation Technologies and Methods for Their Detection / S. O. Sevostnova, S. S. Kravtsov // Yurist-Pravoved: scientific, theoretical, and informational-methodological journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113).
3. Aminev F.G. On Modern Innovative Methods of Forensic Support for Crime Investigation // Theory and Practice of Crime Investigation: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, May 23, 2024. Krasnodar, 2024.
4. Bagmet A.M. Digital Traces of Crimes: Monograph / A.M. Bagmet, V.V. Bychkov, S.Yu. Skobelin, N.N. Ilyin. Moscow, 2021.
5. Bakhteyev D.V. Conceptual Foundations of the Theory of Forensic Thinking and the Use of Artificial Intelligence Systems in Crime Investigation: Abstract of a Doctor of Law Dissertation. Yekaterinburg, 2022.
6. IT Handbook of the Investigator / edited by Dr. of Law S.V. Zuev. Moscow, 2019.
7. Theory of Information and Computer Support for Forensic Activity: Monograph / edited by E.R. Rossinskaya. Moscow, 2022.
8. Aminev F.G., Genetic and Ethical Problems of DNA Phenotyping / F.G. Aminev, A.V. Chemeris, A.F. Khaliullina, R.R. Galyautdinov // Current Issues of Using Specialized Knowledge in Criminal, Civil, Arbitration Procedure and in Cases of Administrative Offenses. Ufa, 2024.
9. Rudenkova Yu.S., Khaziev Sh.N., Usov A.I. Artificial Intelligence and Forensic Computer-Technical Expertise // Theory and Practice of Forensic Expertise. 2024. № 2. Vol. 19.
10. Shaidullin R.R. On the Issue of Implementing Digital Technologies in Legal Proceedings in Russia // Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. 2025. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шайдуллин Раиль Рашитович, кандидат исторических наук, председатель Верховного суда Республики Башкортостан. 450002, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Пушкина, д. 88/1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shaidullin Rail Rashitovich, PhD in Historical Sciences, Chairman of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan. 88/1, Pushkina St., Ufa 450002 Russian Federation.